

Книга Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера является гораздо лучшим объяснением того, как я работаю, чем я сам мог бы дать.

Милтон Х. Эриксон

Авторы книги — это коллективный Леонардо нашего тысячелетия! Они создали технологию и методы, которые помогают людям обрести совершенство.

*Терри Суонсон,
продюсер, Калифорния*

Эта книга больше, чем любая другая, помогла мне понять, как работает наш мозг и наше мышление для совершения изменений.

*Дэвид Уоллес Флеминг,
преподаватель, Мичиган*

Если вы не знаете, что такое гипноз и НЛП, эта книга может быть лучшей для того, чтобы войти в тему.

*Дмитрий Мороз,
Сыктывкар*

Методы Бэндлера и Гриндера — для тех из нас, кто, даже не обладая природным даром гипнотического воздействия, способен достичь настоящих результатов, применяя описанные паттерны.

*Роберт Янг,
США*

Лучшая книга о практическом наследии Милтона Эриксона! Я несомненно буду перечитывать ее снова и снова — по мере моего роста и становления в профессии гипнотерапевта.

*Светлана Дробышева,
Москва*

Книга имеет неоценимое значение для любого, кто заинтересован в овладении психотерапевтическими методами Милтона Эриксона и в обучение его лингвистическим шаблонам. Просто написанная, легко читаемая, книга «расплетает» гипнотические узоры в путеводную нить.

*Мэни Сэндж,
Калифорния, США*

Драгоценный камень в моей книжной коллекции! Милтон Эриксон никогда не разочаровывает. Как психотерапевт и гипнотерапевт, я всегда вдохновляюсь, перечитывая эту книгу.

*Дэйвид Рансен,
Бельгия*

УДК 159.98
ББК 88.6
Б97

**Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson, M.D., Vol. 1
by R. Bandler, J. Grinder, M. Erickson (Epilogue)**

**Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson, M.D., Vol. 2
by J. Grinder, J. Delozier, R. Bandler**

Бэндлер, Ричард.

Б97 Полный курс гипноза. Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона / Ричард Бэндлер, Джон Гриндер, Джудит Делозье, Милтон Эриксон.
(Психология. Высший курс).
ISBN 978-5-17-092062-4

Милтон Х. Эриксон (1901–1980) – лучший специалист XX века в области гипноза и краткосрочной психотерапии, основатель и президент Американского общества клинического гипноза, основатель и редактор журнала American Journal of Clinical Hypnosis, автор более ста работ по психотерапии. Среди коллег ему не было равных в разнообразии творческого подхода, проницательности, изобретательности и интуиции.

Данная книга представляет собой неповторимый продукт сотрудничества настоящих магов психотерапии и гипноза, основоположников нейро-лингвистического программирования — Ричарда Бэндлера, Джона Гриндера и Джудит Делозье. В ней скрупулезно анализируются гипнотические паттерны Милтона Эриксона, его уникальные терапевтические подходы и формы психотерапевтического вмешательства, его достижения в помощи другим людям обрести счастливую, полноценную и продуктивную жизнь, в результате чего его мастерство становится доступным всем, кто захочет им овладеть.

Книга адресована не только специалистам-психотерапевтам, психологам, гипнотерапевтам, но также и широкому кругу читателей, заинтересованных в развитии своего личностного потенциала.

Оглавление

Том I

Предисловие к русскому изданию	13
Предисловие	18
Благодарности	21
Введение в I том «Паттернов гипнотических техник Милтона Эриксона»	22
ЧАСТЬ I.	
Идентификация паттернов гипнотической работы Эриксона	
Введение: карта — не территория	26
Общий обзор паттернов	34
Гипнотическая техника встраивания при коррекции симптомов и контролировании боли	45
<i>Итоги</i>	67
Базовая индукция транса с комментарием	73
Специальное исследование природы и характера различных состояний	80
Примечания к части I	146

ЧАСТЬ II.

Знакомство с паттернами гипнотической работы Эриксона

Введение	150
Подстройка, отвлечение и использование доминантного полушария.	156
<i>Введение</i>	<i>156</i>
<i>Каузальные процессы лингвистического моделирования</i>	<i>165</i>
<i>Трансдеривационный поиск</i>	<i>170</i>
<i>Введение</i>	<i>156</i>
<i>Опущение — грамматический и неграмматический</i>	<i>177</i>
<i>Номинализация</i>	<i>180</i>
<i>Ограничения на сочетаемость</i>	<i>182</i>
<i>Неопределенность</i>	<i>183</i>
<i>Неопределенные последовательности — заключение</i>	<i>184</i>
<i>Подчиненные встроенные структуры</i>	<i>190</i>
<i>Извлеченный смысл</i>	<i>190</i>
Получение доступа к недоминантному полушарию.	198
<i>Недоминантное полушарие человека</i>	<i>201</i>
<i>Визуальный доступ</i>	<i>204</i>
<i>Получение доступа к недоминантному полушарию с помощью мелодии</i>	<i>210</i>
<i>Получение доступа к недоминантному полушарию через речь</i>	<i>212</i>
<i>Резюме</i>	<i>218</i>
Заключение к II части	220
Примечания к II части	223

ЧАСТЬ III.

Конструирование паттернов гипнотической работы Эриксона

Введение	226
Конструирование и использование лингвистических причинных процессов моделирования.....	227
Трансдеривационные феномены	234
<i>Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс.....</i>	<i>236</i>
<i>Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс с внушенной заменой существительного.....</i>	<i>241</i>
<i>Нарушения ограничений на сочетаемость.....</i>	<i>242</i>
<i>Опущения.....</i>	<i>244</i>
<i>Номинализации.....</i>	<i>246</i>
Неопределенность	249
Подчиненные встроенные структуры.....	254
Извлеченный смысл.....	258
<i>Конструирование пресуппозиций.....</i>	<i>259</i>
<i>Процедура конструирования пресуппозиций.....</i>	<i>260</i>
Резюме III части	264
<i>Наиболее ценимые индукция и внушение.....</i>	<i>265</i>
Примечания к III части	269
Эпилог	271
Приложение	275
<i>Синтаксический контекст для идентификации пресуппозиций естественного языка.....</i>	<i>275</i>
Библиография	280

Том II

Предисловие к русскому изданию	286
--	-----

ЧАСТЬ I

Введение	291
Модель — первичный опыт	300
Язык — вторичный опыт	307
Репрезентативная система — R-оператор для четырехкортежности	310
Общие замечания об использовании R-оператора и четырехкортежности	313
Ведущая система — L-оператор для четырехкортежности	326
Транскрипт	330
Техники доступа	339
Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс	344
C-оператор	357
Паттерны смысловой коммуникации при гипнозе с конгруэнтными клиентами	364
Модель слежения I	373
Модель слежения II для упорядочивания четырекортежностей	375
Модель слежения III — конструирование четырекортежностей	381
Смысловая коммуникация при гипнозе с неконгруэнт- ными клиентами	385

Итоги	392
Примечания	396
ЧАСТЬ II	399
Транскрипт I.....	400
Транскрипт II	444
ЧАСТЬ III.....	495
ОБ АВТОРАХ	502

Tom I

Vol. I

Предисловие к русскому изданию

«**П**аттерны гипнотических техник Милтона Эриксона» — не просто замечательная книга, раскрывающая основы эриксоновского гипноза, но и уникальное издание, являющееся своего рода лучшим доказательством мощности инструментов нейро-лингвистического программирования — в настоящий момент одной из самых популярных практических областей человекознания.

Когда это издание только готовилось к публикации, его авторы еще не знали, каким манифестом моделирования человеческого совершенства оно станет! Только задумайтесь на секунду: в 1970-е годы мало кто верил, что такую область, как гипноз, можно достаточно ясно и структурно описать для сохранения «тайны» его индукции и обучения различного рода специалистов техникам наведения транса. Даже сам автор метода, легендарный Милтон Эриксон, не был в состоянии полно описать все то, чем занимался. Его семинары походили на продолжительные групповые трансовые сессии с огромным числом метафор и историй, по итогам которых участники бессознательно и во многом интуитивно обучались методам индукции терапевтического гипноза и при этом не всегда могли объяснить то, что они делали. Некоторые из них так и не обучились этим волшебным инструментам, а лишь проходили через трансовый опыт психотерапии.

Читателям, ничего не знающим об НЛП, наверное, интересно было бы узнать подробности некоторых событий, предшествовавших написанию «Паттернов».

История событий тех лет скорее проистекала параллельно, чем последовательно. Попробуем обозначить несколько различных сюжетных линий. Конечно, стоит вкратце начать с истории самого Милтона Эриксона, о котором, впрочем, уже очень много написано! Зададимся важным вопросом: как ему удалось стать одним из известнейших гипнотерапевтов того времени и автором целого направления психотерапии? Общеизвестно, что Эриксон жил в городе Финикс, штат Аризона, США. Он переболел несколько раз полиомиелитом, справляясь с параличом и возвращая себя к активной деятельности. По образованию он был врачом, гипнотерапевтом в классической школе директивного гипноза. Его болезнь и величайший жизненный оптимизм развили в нем уникальную наблюдательность, о которой и сейчас рассказывают множество невероятных и забавных историй, — и это качество привело его к экспериментам с собственной физиологией: он наблюдал за тем, *как* учится ходить маленький ребенок, и пытался переносить механизмы этого процесса в собственный опыт, моделируя успешное поведение.

Справляясь с параличом, он всякий раз убеждался в безграничных возможностях человеческой психики и обучения. Именно этим объясняется его вера в силу и возможности бессознательного его клиентов! В отличие от Фрейда, он воспринимал бессознательное как самый важный и неисчерпаемый источник позитивных изменений! Изучая измененные состояния сознания, Милтон Эриксон пришел к выводу, что у человека имеется такая же потребность в трансе, как в еде и воде. Своей многочисленной практикой ему удалось опровергнуть бытующую и до сих пор идею, что гипнозу поддается незначительное число людей, так называемые «гипнабельные» клиенты, составляющие по различным данным от 7% до 10%. Наверное, эти цифры справедливы для использования директивных методов, когда психотерапевт дает прямые команды и установки: вы засыпаете, сейчас вы отключитесь и т. д.

Эриксон достаточно рано понял, что у большинства людей подобные фразы вызывают полное отторжение и сопротивление. Используя концепцию разделения функций левого и правого полушарий, он научился «отвлекать» левое полушарие, отвечающее за анализ всего происходящего и устанавливать контакт с правым, имеющим доступ к интуиции и бессознательным процессам.

Исповедуя простую истину — нет негипнабельных людей, а есть недостаток методов создания транса — он начал экспериментировать с лингвистическими структурами, меняя прямые команды и наблюдая за тем, какой трансовый эффект вызывает изменение. Это со временем привело к открытию современного метода — недирективного гипноза, который носит имя своего создателя.

Теперь, уважаемый читатель, перенесемся на некоторое время в другой город США — Санта-Крус, штат Калифорния, где разворачивались еще две важные сюжетные линии, одна из которых связана с происходящим внутри университета, а другая касается профессионального сотрудничества доктора лингвистики Джона Гриндера и студента старшего курса Ричарда Бэндлера. Примечательна история Санта-Круса тех лет! Это был город хиппи, на улицах которого можно было слышать самые смелые заявления относительно политики США, устройства мира — там все было пропитано свободолюбивыми настроениями. Поэтому и атмосфера университета в 1970-е годы была соответствующей и способствовала зарождению революционных идей, появлению новых концепций, так как именно туда приехали преподавать лучшие умы Америки, среди которых был выдающийся философ и антрополог Грегори Бейтсон. Он-то и познакомил авторов этой книги с Милтоном Эриксоном.

Мы дошли до одного из самых интересных моментов в нашей истории. Ричард Бэндлер, проявляя интерес к практической психологии, по просьбе одного из издателей психологической литературы начал создавать конспекты терапевтических сессий автора гештальт-терапии Фрица Перлза. Увлечение Бэндлера зашло так далеко, что он начал моделировать его методы, проводя тренинговые занятия со студентами в рамках спецкурсов, традиционно организуемых старшекурсниками. Именно на эти занятия в качестве супервизора был приглашен Джон Гриндер как один из лучших преподавателей. Под их руководством группа примерно из 20 человек начала заниматься моделированием успешного опыта великих психотерапевтов. Их занятия посещала сама Вирджиния Сатир — основатель семейной психотерапии!

Первые успехи моделирования привели к двум основным результатам: созданию нейро-лингвистического программирования

как языка описания человеческого опыта и набора различных прикладных техник, которые можно было эффективно использовать в коммуникации и психологическом консультировании. Именно с этим багажом они отправились к Милтону Эриксону, впоследствии изучая его опыт наведения трансов более восьми месяцев и затем практикуясь с группой энтузиастов, куда входили такие известные личности, как Лесли Кэмерон, Джудит Делозье, Дэвид Гордон!

Весь этот «проект» моделирования занял примерно три года, и в конечном итоге вышла в свет книга «Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона» как самый лучший отчет о полученных результатах! Затем началась новая эра в обучении эриксоновскому гипнозу. Появилось множество других книг, изменилась структура семинаров и курсов в этой области.

В этой книге можно проследить не только инструменты наведения транса, но и оригинальный ход мысли авторов, замечая инструменты моделирования.

Я желаю вам, уважаемый читатель, погрузиться в особое состояние сознания, наиболее комфортное для чтения, не быстрее чем вы оцените глубину и возможности тех инструментов, к которым вы прикасаетесь. И пока ваше сознание пытается проанализировать этот текст, ваше бессознательное уже может включать все ресурсы для получения личных открытий и изменений! Не пытайтесь слишком быстро читать главы этой книги, постарайтесь вдумчиво рассмотреть каждый инструмент в отдельности, получая еще большее удовольствие от прочитанного и почувствованного в собственном опыте!

*А. А. Плигин, научный руководитель
«Центра НЛП в Образовании»,
кандидат педагогических наук,
тренер НЛП международной категории,
главный редактор «Вестника НЛП»*

Мы посвящаем эту книгу
с глубочайшим
почтением
Призраку О. Т.,
летнему снежочку

и

«Мазде»

(автомобилю для людей,
которые понимают,
что к чему)

Предисловие

В 1919 году, вскоре после окончания школы, я заболел полиомиелитом и был почти полностью парализован несколько месяцев, однако болезнь не затронула зрение, слух и мыслительные способности. Поскольку я находился на карантине дома, на ферме, развлечений у меня было немного. К счастью, я всегда интересовался поведением людей, а за мной ухаживали родители, восемь братьев и сестер и сиделка. Неспособность передвигаться вынуждала меня следить за общением между теми, кто находился рядом. Хотя я уже немного знал о жестике и других формах невербальной коммуникации, но тем не менее с удивлением обнаруживал, что даже в пределах одного взаимодействия часто возникали противоречия между вербальной и невербальной коммуникациями, иногда меня пугавшие. Это так меня занимало, что я глядел во все глаза при любой возможности.

Обнаружив, что подобные «двусмысленности» объяснялись восприятием на двух различных уровнях понимания, часто основанных на совершенно разных эмпирических ассоциациях, я открыл для себя новую область наблюдения. Затем, обнаружив, что бывают и «трехсмысленности», я начал мысленно повторять словесное выражение той или иной коммуникации, чтобы вызвать разные формы восприятия, иногда даже противоположные по своему характеру, на разных уровнях понимания. Эти попытки привели к осознанию многих других факторов, управляющих коммуникацией, — к ним я отнес интонации, длительность речи, последовательность реплик, близкие и отдаленные ассоциации,

внутренние противоречия, оплошности, искажения, избыточность выражения, чрезмерное и недостаточное подчеркивание, прямоту и уклончивость, неоднозначные высказывания, уместность и неуместность и многое другое. Кроме того, мне стало очевидно, что существует много уровней восприятия и реагирования. Не все они обязательно соответствуют обычному или осознаваемому уровню понимания; некоторые находятся на уровнях понимания, которые «я» не осознает и которые часто описывают как «инстинктивные» или «интуитивные».

В качестве простейшего примера можно привести достижение Фрэнка Бэкона: исполняя главную роль в пьесе «Молния», он, произнося в различных ситуациях одно-единственное слово «нет», передавал по меньшей мере 16 разных смысловых оттенков. Эти оттенки включали подчеркнутое «нет», замаскированное «да», многообещающее «пока нет», изумленное «не смешите меня» и полное отрицание «ни за что на свете!». Перемены интонации, подобно жестам и мимике, могут составить настоящий словарь трансформации вербальной коммуникации.

Затем я познакомился с экспериментальным гипнозом благодаря Кларку Л. Халлу и узнал о возможности как уменьшать количество фокусов внимания, так и выделять специфические фокусы внимания и манипулировать ими. В результате осознание сложностей коммуникации дополнилось пониманием идеи гипноза, проводимого в экспериментальных и психотерапевтических целях.

Хотя настоящая книга Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера, которую я предвещаю этим предисловием, является далеко не полным описанием моей методологии — они и сами об этом ясно говорят, — она представляет собой намного лучшее объяснение моей работы, чем то, которое я сам могу дать. Я знаю, что делаю, но объяснить, как именно я это делаю, мне гораздо сложнее. Простейшим примером этого может быть случай, который произошел с моей дочерью Кристиной во время ее учебы на медицинском факультете. Ей попалась на глаза статья о двойной связи, которую написали мы с Эрнестом Росси, и, прочитав ее, она с удивлением заметила: «Именно так я это и делаю!» Доктор Росси, который находился рядом, тотчас спросил: «Делаешь что?» Она пояснила: «Каждый пациент имеет право отказаться от того, чтобы обследовали его прямую кишку, и многие из пациентов этим пользуются. Но когда я дохожу до этой части осмотра, то

сочувственно говорю своим пациентам, что знаю, как они устали от того, что я всматриваюсь им в глаза, лезу им в уши и нос, тыкаю и стукаю их тут и там, но как только я закончу обследование прямой кишки, они смогут со мной попрощаться. И они всегда терпеливо дожидаются того, чтобы сказать “до свидания”».

Наряду с моим желанием глубже проанализировать сложности коммуникации в гипнотических целях, что потребовало бы намного большего объема, чем тот, который может позволить себе эта книга, я хотел бы также проанализировать то, как и почему тщательно структурированные коммуникации могут вызывать подобные экстенсивные и эффективные реакции пациентов, о которых часто и не просят. Без сомнения, подобные дополнительные исследования будут в конце концов проведены. Я с нетерпением жду выхода второго тома серии Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера.

Писать предисловие к этой книге было для меня удовольствием и честью. Я говорю это не потому, что книга повествует о моих гипнотических техниках, а потому, что уже давно пора признать — наполненная смыслом коммуникация должна заменить бессодержательное многословие, прямые внушения и авторитарные приказы.

Милтон Х. Эриксон, доктор медицины
1201 Ист-Хейуорд-авеню
Финикс, Аризона 85020

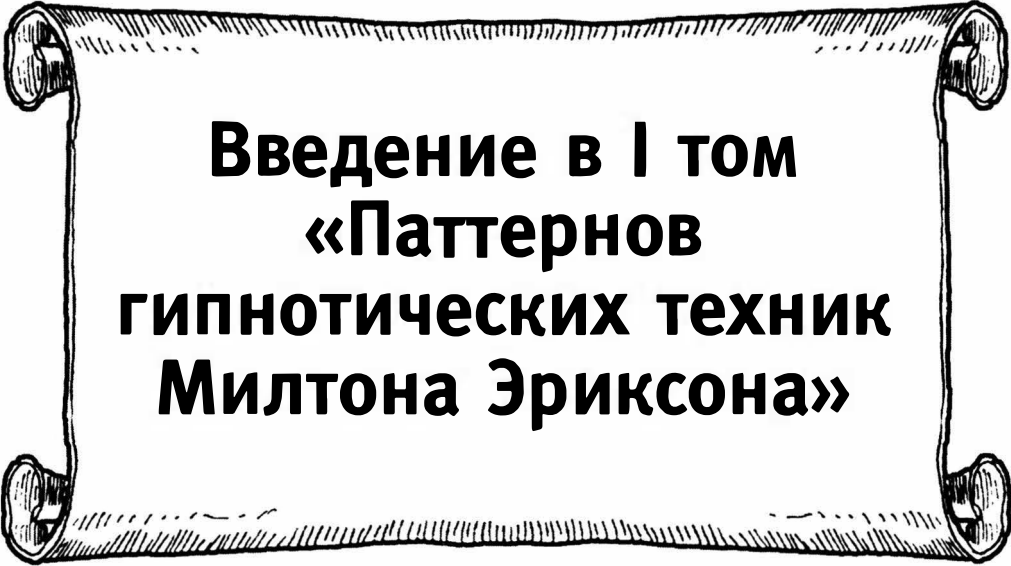

Благодарности

Мы благодарим доктора медицины Милтона Х. Эриксона за разрешение процитировать в этом томе его статьи и Американское общество клинического гипноза, которое является правообладателем большей части процитированного материала.

Мы также многим обязаны Джинн Никсон и *The Penguin People, Artists and Typographers* из Санта-Клара, Калифорния, за оформление и прекрасное полиграфическое исполнение этой книги.

Мы также хотим поблагодарить Эрнеста Росси за предоставленные магнитофонные записи и рукописный материал.

Введение в I том «Паттернов гипнотических техник Милтона Эриксона»

Милтон Эриксон — признанный во всем мире специалист по медицинскому гипнозу. Он написал более сотни научных статей на тему гипноза, обучая ему и практикуя его с 1920-х годов. Эриксону больше, чем кому бы то ни было, удалось исследовать и продемонстрировать те огромные возможности, которые гипноз может предложить человечеству. Его способности ставят в тупик научную мысль, а достижения обычно либо рассматриваются как чудеса, либо отвергаются как нечто невозможное, хотя непосредственный опыт показывает, что они являются неоспоримой реальностью, резко контрастирующей с тем, что большинство людей считают пределом возможного для человеческой психики. Кроме того, лишь немногие из его последователей научились применять на практике гипнотические навыки, которые Милтон Эриксон использует с такой легкостью. Работа, которую демонстрирует Милтон Эриксон, когда вызывает и одновременно использует в своих целях гипнотические состояния сознания, крайне сложна. Однако в своих действиях он весьма последователен; то есть его работе присущи характерные паттерны.

Наша задача — создать эксплицитные модели сложного человеческого поведения. Это означает, что мы создаем карты этих сложных паттернов поведения, а затем эти карты позволяют дру-

гим людям усваивать и использовать эти паттерны поведения. Прочитируем замечание Ноама Хомского¹, касающиеся его первоначальной формулировки модели современной трансформационной лингвистики.

...она относится к попытке сконструировать формализованную общую теорию лингвистической структуры и исследовать основания подобной теории. Поиск строгой формулировки в лингвистике имеет намного более серьезную мотивацию, чем одно лишь беспокойство о логических тонкостях или желание улучшить хорошо обоснованные методы лингвистического анализа. Точно сконструированные модели лингвистической структуры могут сыграть важную роль, как негативную, так и позитивную, в самом процессе открытия. Давая точную, но неадекватную формулировку неприемлемому выводу, часто можно выявить точный источник этой неадекватности и тем самым добиться более глубокого понимания лингвистических данных. Еще лучше то, что формализованная теория может автоматически обеспечить решения многих задач, а не только тех, для которых она была специально разработана.

Эта книга — наша попытка проделать аналогичную работу для такой области, как гипноз.

Когда Эриксон понял, чего мы хотим, он выразил надежду, что данный том будет составлен таким образом, чтобы другие люди, практикующие гипноз, могли воспользоваться его эффективными методами и техниками. В настоящем, первом томе мы хотим познакомить вас с некоторыми из паттернов гипнотической работы Эриксона. Мы намерены в легко усваиваемой, пошаговой манере дать вам подробную модель, с помощью которой вы овладеете этими навыками и сможете применять их в своей работе. Эта книга содержит три стадии, или уровня, моделирования, каждому из которых посвящена отдельная часть.

Часть I охватывает несколько статей Эриксона, в которых описаны впечатляющие примеры его работы. Мы дадим параллельный комментарий, который идентифицирует паттерны его работы. Паттерны, которые мы идентифицируем, ни в коей мере не исчерпывают содержание работы Эриксона. Этот том призван лишь начать данный процесс и одновременно представить наиболее существенные элементы языковых паттернов Эриксона.

В части II мы естественным образом разобьем эти паттерны на группы. Мы надеемся, что это даст вам возможность лучше понять работу Эриксона, а также упорядочить собственную практику

гипноза. Наша цель — познакомить вас с этими паттернами и дать примеры, в которых они проявляются в работе Эриксона. Это будет достигнуто посредством извлечения небольших отрывков из различных опубликованных статей о его работе, большая часть которых — расшифровки стенограмм.

Часть III этого тома представляет собой пошаговое, подробное описание паттернов, идентифицированных в I и II частях. Эта часть должна дать вам навыки, необходимые для конструирования каждого паттерна благодаря пониманию его формальных характеристик. Мы рассчитываем, что тем самым паттерны работы Эриксона станут доступными для вас в вашей собственной работе.

Мы настоятельно рекомендуем, чтобы вы прочитали этот том внимательно и посвятили какое-то время экспериментированию с каждым паттерном. Настоящая книга задумана прежде всего как учебное пособие; это не роман. Внимательное прочтение и повторение усвоенного принесут вам наилучшие плоды.

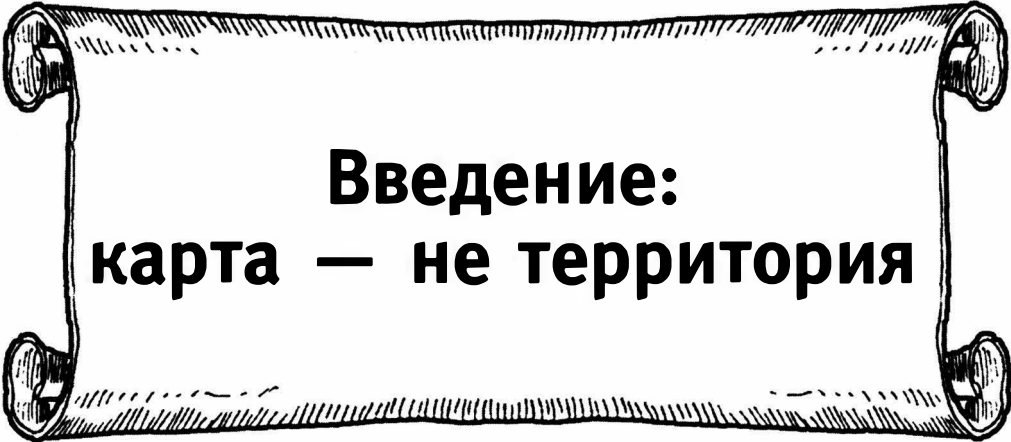
Примечание

1. *Syntactic Structures*, Mouton & Co., The Hague, 1957, p. 5.

ЧАСТЬ I

Идентификация паттернов гипнотической работы Эриксона

Введение: карта — не территория

Согласно наблюдениям авторов, люди, использующие гипноз в медицинских, стоматологических или психотерапевтических целях, по-видимому, лучше, чем любая другая отдельно взятая группа, понимают, что мы как человеческие существа в своем поведении не воздействуем *непосредственно* на мир, а скорее действуем с помощью некоторой карты или модели (созданной нами репрезентации) того, каким мы *представляем себе* мир. Доскональное понимание того, как люди в целом и каждый клиент в частности создают репрезентацию мира, в котором они живут, даст человеку, практикующему гипноз, множество преимуществ — среди них быстрое наведение транса, успешная работа с большим числом субъектов и более глубокие трансы. Для дополнительного изучения процессов, посредством которых люди создают модели мира, мы рекомендуем книги «Структура магии», тома I и II¹. Исходя из наших целей, здесь мы дадим вам только базовую модель процессов, посредством которых люди создают модели мира.

Во-первых, модели, которые мы, как люди, создаем, будут отличаться от реального мира в трех основных отношениях. Некоторые части нашего опыта будут **опущены** из нашей модели, не представлены в ней. Это необходимый аспект наших процессов моделирования, который иногда обедняет модели. Если бы мы попытались воспроизвести все элементы входной сенсорной информации, то утонули бы в данных. Однако если мы не способны воспроизвести какой-то значимый или жизненно важный

аспект, результаты могут быть плачевными. В любом случае, когда мы создаем модели мира, приходится опускать отдельные части нашего опыта. Эти опущения и все процессы моделирования продолжаются все время и по большей части без нашего сознательного участия.

Второй аспект, в котором наша модель мира будет отличаться от самого мира, обусловлен **искажениями**. Искажение — это процесс моделирования, который позволяет нам вносить изменения в восприятие сенсорных данных. Например, мы можем представить себе зеленую корову, хотя никогда не воспринимали таковую своими органами чувств. Мы можем исказить свое восприятие и планировать будущее, воображая, что оно уже наступило. Этот процесс моделирования может быть и достоинством, и недостатком, в зависимости от того, как он используется.

Третьим процессом моделирования является **обобщение**. Это процесс, посредством которого один элемент нашей модели мира становится репрезентацией всей категории, оставаясь всего лишь одним из ее примеров. Благодаря этому мы знаем, что, читая книгу и перемещая свой взгляд слева направо, сумеем извлечь содержание. Наткнувшись на дверь, напоминающую любую другую дверь, пусть даже мы никогда ранее не видели эту конкретную дверь, мы делаем допущение, что откроем ее с помощью того же самого процесса, который использовали раньше. Обобщения в нашей модели мира позволяют нам при переходе от контекста к контексту действовать более продуктивно. Обобщение также позволяет нам раз за разом перекодировать наш опыт в паттернах более высокого уровня. Это делает возможным прогресс в области знаний и технологии — во всех сферах человеческой жизни.

На данный момент наиболее тщательно изученной и лучше всего понимаемой из репрезентативных систем (моделей) человека является естественный язык. Подробной, формальной и наиболее полной моделью языковых систем человека является трансформационная грамматика. Трансформационные грамматисты выделили ряд паттернов этой репрезентативной системы, которые присущи всем языкам. Таким образом, трансформационная грамматика — это метамодель, то есть модель модели или модель языка. Специалисты по трансформационной грамматике создали подробную репрезентацию интуиции, которую люди демонстрируют, когда общаются и понимают родной язык. Например, любое предложение каждого естественного языка имеет две характерные

репрезентации: репрезентацию того, как оно звучит в реальности (или, если оно написано, того, как оно выглядит в реальности), называемую **поверхностной структурой**, и репрезентацию его значения или смысла, которую называют **глубинной структурой**. Когда человек произносит предложение

«Окно было разбито»,

поверхностной структурой является репрезентация реальных звуков, издаваемых говорящим человеком, или, в случае письменной репрезентации, написанных выше слов. Кроме этой репрезентации данное предложение связано с другой репрезентацией, которая передает содержащийся в нем смысл — с глубинной структурой. В данном случае глубинную структуру можно представить как:

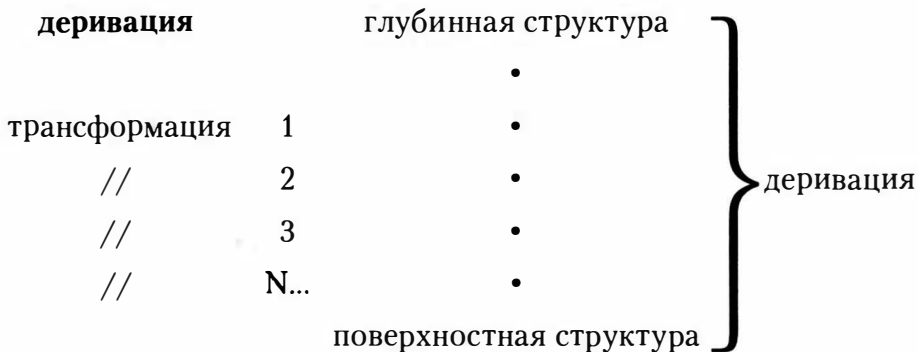
ПРОШЛОЕ (РАЗБИТЬ [кто-то, окно, чем-то])

Эта репрезентация глубинной структуры призвана выразить интуитивное представление, которым все мы обладаем как носители родного языка, когда воспринимаем поверхностную структуру, приведенную выше. Мы понимаем, что:

- а) Произошло некоторое событие в прошлом.
- б) Это событие было сложным событием.
- с) Оно состояло из следующих компонентов:
 - 1) Действия, выраженного глаголом *разбить*, которое имело место между:
 - а. агентом — неким человеком или предметом, который произвел разбивание и представлен здесь словом *кто-то*;
 - б. объектом — неким человеком или предметом, который был разбит и представлен здесь словом *окно*, и
 - с. инструментом — предметом, использованным для разбивания и представленным здесь словом *чем-то*.

Отметьте, что хотя в поверхностной структуре отражены не все представленные части глубинной структуры (в данном случае в поверхностной структуре не представлены агент и инструмент), эта информация доступна носителю языка при понимании им предложения. Предложение «Окно было разбито» указывает носителям языка не только на то, что окно было разбито, но что *кто-то* или *что-то* должны были разбить окно *чем-то*.

Аспекты, в которых поверхностные структуры могут отличаться от связанных с ними значений глубинной структуры, являются предметом исследования трансформационных лингвистов. Они постулировали ряд формальных операций картирования, называемых трансформациями, которые в точности определяют, в чем глубинная и поверхностная структуры могут отличаться друг от друга. Весь процесс, связывающий глубинную структуру с ее поверхностной структурой(ами), называют **деривацией**.

На базе вышеприведенной модели можно выстроить подробные формальные модели любой связи между поверхностной и глубинной структурами. (Следует сделать это важное разграничение, чтобы понять неосознаваемую обработку языка, которая имеет место при гипнозе.) Таким образом, трансформационные лингвисты выбрали невероятно сложную область человеческого поведения и создали ее формальную модель, подробно воспроизводящую правила поведения, которые интуитивно демонстрируются, хотя и не осознаются, носителями данного языка.

Авторы (Бэндлер и Гриндер) использовали подход формализации интуиции для построения подробной, формальной модели языкового обмена в психотерапии. Мы создали формальную репрезентацию интуитивного представления, которое эффективные психотерапевты из каждой психотерапевтической школы используют в своей работе, хотя и необязательно ее осознают. (Эта метамодель психотерапии исчерпывающе объяснена в I томе «Структуры магии».)

Мы воспользовались нашими приемами формализации для изучения и понимания других репрезентативных систем, используемых людьми при организации и создании моделей своего опыта. Эти карты кинестетического, визуального, аудиального, обонятельного, вкусового опыта послужили затем основой для расши-

рения нашей модели психотерапии. Результаты оказались и интересными, и полезными.

Прежде всего мы обнаружили, что у большинства людей имеется какая-то одна наиболее ценимая репрезентативная система, которой они пользуются при организации своего опыта чаще, чем любой другой, и что эту наиболее ценимую систему можно быстро отождествить, если прислушаться к предикатам (прилагательным, наречиям, глаголам), которые человек употребляет в своей речи. Например, человек, который более всего ценит визуальную репрезентативную систему, опишет свой опыт с помощью предикатов, которые предполагают визуальную систему, например: *я вижу, что вы имеете в виду; взглянув на эту работу, вы поймете, как улучшить свою; представьте себе, насколько скучной покажется эта писанина.*

Люди, которые более всего ценят кинестетическую репрезентативную систему, воспользуются предикатами, которые предполагают кинестетические репрезентации. К примеру: *я хочу, чтобы вы твердо усвоили это понятие; я чувствую, что вы можете справиться с трудными задачами; не можете ли вы коснуться этого вопроса, а потом охватить всю проблему.*

Человек, который отдает предпочтение аудиальной репрезентативной системе, воспользуется предикатами, предполагающими аудиальные репрезентации. Например, он скажет: *это звучит заманчиво; я поговорю с вами позже; скоро мы услышим о нем; иначе говоря, мы все соберемся вместе и станем рупором для этих идей.*

Мы также обнаружили, что лучшие психотерапевты и гипнотизеры способны систематически, хотя и не всегда осознанно, задействовать репрезентативную систему, наиболее ценимую клиентом. Понимание того, как клиент организует свой опыт с точки зрения этих репрезентативных систем, дает большие преимущества как психотерапевту, так и гипнотизеру. В своей формализации этих паттернов поведения мы проводим грань между входными каналами, репрезентативными системами и выходными каналами. Человек может слышать слова (ввод данных), создавать мысленную картину (репрезентативная система) и выражать ее, стуча кулаком (выходной канал). (Формальная модель этого аспекта поведения является основной темой II тома «Структуры магии», который вы непременно должны прочитать, если стремитесь к дальнейшему изучению НЛП.)

На данном этапе достаточно сказать, что каждый из нас, людей, создает модель мира, которая отличается от реального мира. Каждый из нас создает модель мира, отличающуюся от модели мира любого другого человека. Кроме того, можно сконструировать формальные модели — метамоделі, — воспроизводящие паттерны моделирования, которые работают, когда мы, как люди, создаем эти карты. Можно сконструировать метамоделі, которые воспроизводят правила, будь то осознаваемые или неосознаваемые, определяющие то, как психотерапевты и гипнотизеры работают с этими принципами моделирования.

Работа Милтона Эриксона с гипнозом относится к одной из подобных областей сложного человеческого поведения. Его способность как индуцировать гипнотическое состояние, так и использовать его, невероятно сильна. К сожалению, лишь немногие его последователи сумели овладеть этим навыком. Еще печальнее то обстоятельство, что отсутствие правильного понимания гипноза и его индукции вызвало снижение интереса к этому широко используемому терапевтическому средству, к его исследованию и применению. Способность авторов понять и воспроизвести паттерны мастерства Эриксона дала нам возможность освоить и применять эти паттерны. Познакомившись со специфическими навыками, обладание которыми позволяет нам создавать формальные репрезентации сложного человеческого поведения, он предоставил нам свои черновики, а также видео- и аудиозаписи в надежде, что формальная модель его работы, описанная далее в этой книге, позволит большему числу людей освоить его навыки и тем самым пробудит больший интерес к исследованию и клиническому применению гипноза.

Стратегия, к которой мы прибегли в этой книге, состоит в том, чтобы рассмотреть каждый из приемов Эриксона в отдельности, элемент за элементом. Сначала мы выделили малые компоненты. Например, его техника встраивания содержит ряд специальных применений языковых средств; когда эти компоненты, которые включают использование пресуппозиции, вложенных команд и фрагментов предложений, объединяются со специальным использованием темпа речи и интонации голоса, получается более крупный паттерн, называемый **встраиванием** (*interspersal*). Мы выбрали несколько статей, которые отражают широкий круг работы Эриксона с гипнозом. Мы надеемся, что результат будет и поучительным, и полезным для вас в вашей специфической

сфере деятельности. Основная задача I тома этой книги — дать вам языковые навыки для паттернов первого уровня, столь эффективно используемых Эриксоном.

Наша стратегия состоит из трех шагов. Во-первых, мы выделяем эти паттерны в контексте работы Эриксона. Во-вторых, познакомим вас с каждым паттерном, его формой и использованием. И, в-третьих, научим вас формальным приемам, которые позволят вам конструировать и применять эти паттерны в собственной работе.

В последние три десятилетия удалось узнать много нового о том, как люди действуют с точки зрения языка, поведения и сознания. Лингвистика и неврология добились существенного прогресса в понимании человеческого поведения. Однако многое еще предстоит узнать; процессы, которые протекают в организме, называемом человеком, образуют пока еще неисследованную и сложную вселенную. В этом томе мы намерены воспользоваться тем, что известно об этих областях, и приложить эти сведения к изучению гипноза таким образом, который поможет вам лучше понять работу Милтона Эриксона и феномен гипноза. Одним из важных достижений неврологии, которое помогает нам понять гипнотическое поведение, является исследование пациентов с расщепленным мозгом². Различия, наблюдаемые в работе полушарий головного мозга у пациентов с расщепленным мозгом и повреждениями мозга (Гарднер), показывают, что два полушария большого мозга выполняют у людей разные функции. Повидимому, действия Эриксона при гипнотизировании демонстрируют интуитивное понимание этих различий.

Область лингвистики дает нам огромный ресурс для понимания того, как люди обрабатывают сложные сегменты языка на неосознаваемых уровнях³. Исследования в этих двух областях ставят давно назревший вопрос: что же такое подсознание? Пока у нас нет исчерпывающего ответа на этот вопрос; однако мы убеждены, что, когда Эриксон использует термин *неосознаваемое*, он имеет в виду нечто большее, чем всего лишь одно из понятий, оставшихся от фрейдистских основ психологии. Мы полагаем, что он частично намекает на функционирование доминантного полушария мозга, которое осуществляется ниже уровня осознания, а также на функционирование недоминантного полушария мозга. Вероятно, он имеет в виду нечто большее, чем эти два аспекта психической деятельности, но мы уверены, что использо-

вание им данного термина включает эти две функции. Его общей стратегии при введении клиента в состояние транса, предположительно, присущи следующие три параметра.

1. Подстройка к доминантному (языковому) полушарию и отвлечение его.
2. Использование обработки языка доминантным полушарием, которая осуществляется ниже уровня осознания.
3. Получение доступа к недоминантному полушарию.

Дополнительная литература по этим темам для заинтересованного читателя представлена в библиографическом разделе.

Далее в I части мы поможем вам понять, как Эриксону удастся использовать эти три стратегии для индукции транса. Более детальный анализ будет предложен во II части.

Общий обзор паттернов

В I части этого тома мы приведем примеры работы Эриксона при наведении транса и внушении. Как уже говорилось, мы ограничимся простой идентификацией паттернов его работы. Дальнейшие разделы этого тома будут посвящены формализации и конструированию этих паттернов, что сделает их доступными для работы. Если мы сначала дадим общий обзор паттернов, это облегчит вам понимание того сложного контекста, в котором Эриксон их использует.

В любой работе, связанной с наведением транса, гипнотизер должен быть восприимчивым к тому, как клиент организует свой опыт, то есть к его модели мира и процессам моделирования, которые он использует при конструировании этой модели. Способность гипнотизера идентифицировать и утилизировать модель клиента и его процессы моделирования в значительной степени определяет его способность успешно *подстраиваться* к клиенту. Понятие подстройки является основным для обсуждения любого наведения транса и его внушения. Здесь мы ограничимся вербальной подстройкой. Гипнотизер успешно подстраивается к клиенту вербально, когда его вербализации принимаются клиентом в качестве точного описания его текущего опыта.

При вербальной подстройке выделяют две общие категории эффективного описания.

1. Описания текущего наблюдаемого опыта клиента.
2. Описания текущего ненаблюдаемого опыта клиента.

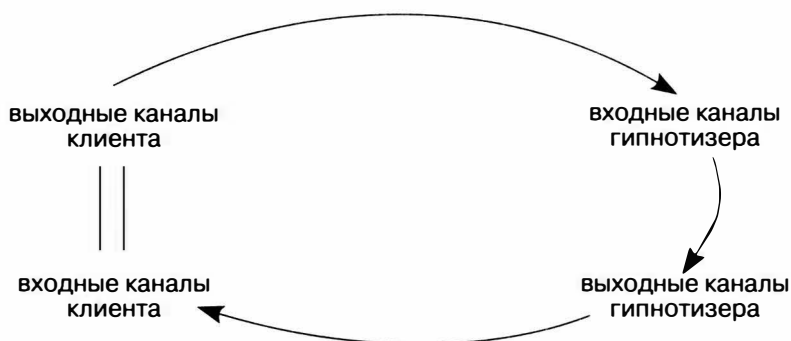
Первая категория вербального описания зависит прежде всего от способности гипнотизера улавливать тонкие визуальные и аудиальные признаки, когда он наблюдает за клиентом и слушает его, и включать эти признаки в свое текущее описание поведения клиента. Как отмечается в комментарии к статье, посвященной Хаксли, в конце I части, при обычной индукции гипнотизер часто использует, например, такие описания:

...вдыхаете и выдыхаете...

...рука поднимается, поднимается...

Эти описания оказываются синхронизированы таким образом, что становятся точными описаниями опыта клиента, — то есть произносятся в тот момент, когда клиент действительно делает вдох и выдох, когда его рука действительно поднимается. При подобной подстройке способность гипнотизера улавливать мельчайшие визуальные и аудиальные признаки становится незаменимой. Мы говорим здесь, что хотя способность Эриксона улавливать эти мельчайшие визуальные и аудиальные признаки феноменальна и он умело включает их в свои текущие описания, это не единственное использование им этих признаков. В процессе подстройки гипнотизер превращается в самый сложный механизм биологической обратной связи. Делать это можно прежде всего вербально. Однако, помимо этого, гипнотизер может использовать в качестве механизмов подстройки собственную позу и движения, собственную интонацию и темп речи, что оказывается весьма действенным, и это подтверждают наши наблюдения за Эриксоном и наша собственная работа. Еще важнее то, что Эриксон часто принимает во внимание интонацию, синтаксис и темп речи клиента, подстраивая положение своего тела, частоту дыхания и жесты к аналогичным действиям клиента. Таким образом, клиент ощущает собственное дыхание, подъем и опускание своей грудной клетки и одновременно видит, как тело Эриксона совершает те же самые ритмичные движения. Эриксон переносит эти принципы буквально на все. Он не только соотносит свое дыхание с дыханием клиента, но также согласует темп своей речи с дыханием или частотой пульса клиента, следя за расширением и сужением его вен. Он подбирает слова и фразы, которые слышал в речи клиента, и голосовые модуляции, которые для того характерны. В сущности, он превращает все свои выходные каналы в механизм обратной связи, который соответствует субъек-

тивному опыту его клиента на сознательном и подсознательном уровнях. Клиенты редко замечают те сложные приемы, с помощью которых Эриксон к ним подстраивается. Это отсутствие осознания со стороны клиента, по-видимому, является важной составляющей быстрого, эффективного наведения транса. Результатом этого сложного вида подстройки становится обеспечение клиента петлей биологической обратной связи. Выходные сигналы клиента и соответствующее восприятие им своего тела и своих аудиальных выходных сигналов согласуются с выходными сигналами Эриксона:

Мы подробно рассмотрим этот сложный вид подстройки во II томе «Паттернов»; а пока сосредоточимся на вербальных параметрах работы Эриксона.

Таким образом, первый вид подстройки предполагает способность гипнотизера добиваться вербального соответствия с текущим опытом клиента. Он включает как очевидные приемы подстройки к наблюдаемому поведению

...и вот вы сидите, прислушиваясь к звуку моего голоса...

так и менее очевидные. Как, например, это происходит в нижеследующем обсуждении поднятия руки с Джем Хейли (Х) и Джоном Уиклендом (У):

У: *...Я не уверен, приняли ли вы отсутствие реакции за реакцию или за едва заметную реакцию, сказав: «Она поднимается». Вы несколько раз произнесли эти слова, когда я не мог точно оп-*

Здесь Эриксон дает наставления относительно того, как можно заставить клиента поднять руки. Он добивается этого в тот момент, когда клиент делает вдох. Если ваши руки лежат у вас на

ределить, происходит что-либо или нет.

Э: *Кое-что все-таки происходило. Положите руку себе на бедро и сделайте глубокий вдох. Что происходит с вашей рукой?*

У: *Она поднимается!*

Э: *Вы улавливаете момент вдоха. И у клиентов нет возможности это отрицать... Потом я решил подчеркнуть это действие, сопровождая каждый второй вдох словом «поднимается»*

бедрах и вы делаете вдох, у вас появляется ощущение, что ваши руки поднимаются. Его указания вербально соответствуют тому, что, как ему известно, является текущим опытом клиента. Это еще один пример подстройки.

Во время подстройки к текущему опыту клиента цель гипнотизера — подстроиться настолько успешно, чтобы он начал направлять опыт клиента. Иначе говоря, как только клиент принимает (обычно неосознанно) описание гипнотизера за точную характеристику своего текущего опыта, грань между описанием гипнотизером фактического поведения клиента и тем, что клиент ощутит в дальнейшем, становится размытой. Как правило, Эриксон делает ряд утверждений, направленных на подстройку (которые тотчас же клиент подтверждает), и связывает их с утверждением, описывающим поведение, которого он хочет добиться от клиента. Сила этих связей варьирует. Слабейшей связью является **простая конъюнкция** — использование союза *и*, например⁴:

...вот вы сидите, прислушиваясь к звуку моего голоса и расслабляясь все больше и больше...

Несколько более сильной связью является та, которую мы называем **подразумеваемым каузативом**⁵, присутствующим в предложениях наподобие следующего:

...когда вы сидите тут, прислушиваясь к звуку моего голоса, вы расслабляетесь все больше и больше...

Сильнейшая форма связи имеет место в случае того, что мы называем **причиной-следствием** (семантически неправильная форма; см. «Структура магии, том I», главы 3 и 4):

...благодаря тому что вы сидите тут и прислушиваетесь к звуку моего голоса, вы расслабляетесь все больше и больше...

Важной особенностью этих типов связи является не то, обоснована ли логика утверждения, а всего лишь то, удастся ли им успешно связать текущее поведение клиента с его последующим опытом. То, как Эриксон использует эти типы связи, представляет собой прекрасный пример его способности задействовать собственные принципы моделирования клиента при подстройке к клиенту и его ведении в новых направлениях, благотворных с медицинской, стоматологической или психотерапевтической точек зрения. Особенно в случае более сильных форм связи, подразумеваемых каузативов и причинно-следственных утверждений важным моментом становится не логика, а принципы моделирования, посредством которых клиент организует свой опыт. В частности, поскольку клиенты принимают подразумеваемые каузативы и причину-следствие в качестве принципов при организации своего опыта, Эриксон достигает целей транса за счет простого использования этих принципов моделирования.

Вторым типом утверждений подстройки являются описания текущего ненаблюдаемого опыта клиента. Поначалу читателю это может показаться парадоксальным. Возможно ли точно описать чей-то опыт, если этот опыт не поддается наблюдению? Здесь мы имеем дело с присущим Эриксону тончайшим чувством языка. Он широко использует принципы лингвистического моделирования, чтобы предложить клиенту ряд утверждений, которые, будучи расплывчатыми и двусмысленными, нетренированному уху кажутся вполне определенными. Например, Эриксон говорит:

...и у вас может возникнуть определенное ощущение...

Клиент, сидящий и прислушивающийся к звуку голоса Эриксона, определенно испытывает какое-то ощущение, и когда он слышит, как Эриксон произносит слова *определенное ощущение*, то начинает думать, что они относятся к одному из его настоящих ощущений, в результате чего это утверждение становится точным описанием текущего ненаблюдаемого опыта клиента. Слова *определенное ощущение* не указывают на какое-то конкретное ощущение, поэтому клиент волен соотнести их с любым элементом своего текущего опыта. Принято говорить, что фразы, которые не указывают на конкретные элементы опыта слушателя, лишены **референтного индекса**. Тем самым, используя фразы, которые не имеют референтных индексов, Эриксон может успешно

подстраиваться к клиенту. Существует ряд принципов лингвистического моделирования, которые Эриксон систематически использует в своей работе, что позволяет ему подстраиваться к ненаблюдаемому поведению и вести его. Ниже дается краткий обзор некоторых из них.

Эриксон часто использует прием, который тесно связан с приемом отсутствия референтного индекса. К примеру, он говорит:

...помидорный куст может испытывать приятные чувства...

Многие сочтут это предложение бессмысленным. Обычно людям трудно принять утверждение, что растения могут что-либо ощущать. В их модели мира ощущения присущи только животным и человеку; утверждать, что помидор может что-то ощущать, значит нарушать то, что лингвисты называют **ограничением на сочетаемость*** (*selectional restriction*). Когда клиент слышит предложение с подобным нарушением ограничения на сочетаемость, ему приходится подыскивать для этого сообщения какой-то иной смысл. Чаще всего в результате усилий придать смысл подобному предложению получается, что клиент начинает понимать предложение (неосознанно) следующим образом:

...вы (клиент) можете испытывать приятные чувства...

Одним из наиболее эффективных приемов подобного лингвистического моделирования является **опущение** — случай, когда какой-то смысловой элемент предложения (глубинной структуры) не отражен в поверхностной структуре. То есть в реальном предложении, предлагаемом клиенту, Эриксон, к примеру, говорит:

...и продолжать удивляться... и действительно...

Предикат *удивляться* предполагает и того, кто удивляется, и то, что служит причиной этого удивления. Однако в данной поверхностной структуре или предложении не оговаривается, кто удивляется и чему удивляется этот неназванный человек. Это приводит к тому, что отсутствующую информации добавляет слушатель⁶.

С отсутствием референтного индекса и пропуском связан и лингвистический процесс **номинализации**. Номинализация — это представление слова, обозначающего процесс, — предиката, — посредством слова, обозначающего событие, — существительного.

Например, Эриксон говорит:

...определенное ощущение...

Слово *ощущение* является в этой фразе существительным, однако оно образовано от предиката, который содержит больше информации, ассоциируемой с ним, а именно:

ОЩУЩАТЬ (кто-то *ощущает*, кто-то/что-то *ощущается*)

То есть существительное *ощущение* является результатом лингвистического процесса номинализации — превращения предиката *ощущать* в существительное. В ходе этого превращения исчезла информация о том, кто ощущает и кто или что ощущается. Следовательно, оказались опущенными такие референтные индексы, как ощущающий и человек/предмет, который ощущается, и слушатель может интерпретировать итоговую номинализацию в максимально широких пределах, как предложение, приложимое к его текущему опыту.

Предикаты систем естественного языка сильно разнятся по своей конкретности. Например, предикаты:

коснуться... поцеловать

расположены в порядке увеличения конкретизации. Предикат *коснуться* просто указывает, что между какими-то людьми/объектами произошел физический контакт, тогда как предикат *поцеловать* привносит дополнительный элемент информации, а именно: что человек, иницирующий контакт, произвел контакт губами. Однако предикат *поцеловать* по-прежнему не конкретизирует, имел ли место контакт (поцелуй) с человеком или объектом. Эриксон применяет свои лингвистические навыки при подстройке к ненаблюдаемому опыту клиента, подбирая глаголы, которые относительно не конкретизированы, тем самым максимально увеличивая вероятность того, что утверждение, которое он делает, будет соответствовать текущему опыту клиента. В его утверждениях, направленных на подстройку и ведение, часто встречаются следующие предикаты:

удивляться, думать, чувствовать, ощущать, знать, испытывать, понимать, осознавать, помнить

Это относительно неконкретизированные предикаты. Кроме того, многие из этих предикатов привлекают внимание клиента к некоторому элементу его опыта просто потому, что их произносят, тем самым успешно подстраиваясь к его текущему опыту и

направляя его, как это имеет место в случае приведенного выше словосочетания *определенное ощущение*.

Эриксон часто использует этот класс неконкретизированных предикатов, когда прибегает к приему **чтения мыслей**. Чтение мыслей — это утверждения, в которых один человек заявляет, что знает мысли и чувства другого человека, не уточняя процесс, за счет которого он получил эту информацию. В некотором смысле все это обсуждение того, как Эриксон подстраивается к ненаблюдаемому поведению клиента и ведет его, является обсуждением его способности читать мысли. Вот пример этого приема:

...Я знаю, что вам интересно...

Здесь Эриксон утверждает, что ему известен внутренний, ненаблюдаемый опыт клиента, не указывая процесс, посредством которого он получил эту информацию.

По мере продолжения наведения транса количество направленных на подстройку действий в сравнении с направляющими, к которым прибегает гипнотизер, заметно меняется. Как правило, наведение транса и внушение клиенту в трансе служат объединением подстройки и ведения. Мы даем краткий обзор используемых Эриксоном приемов, которые обычно чаще применяются в качестве утверждений, направленных на ведение, а не на подстройку. При ведении клиента Эриксон характерным образом не дает клиенту прямых указаний, а скорее умело использует ряд принципов моделирования естественного языка. Например, вместо того чтобы попросить клиента сесть в кресло, он говорит:

...да, и интересно, заметили ли вы кресло, в котором вы скоро удобно расположитесь...

Здесь он использует принцип **пресуппозиции**. В системах естественного языка, когда относительная клауза — *в котором вы скоро удобно расположитесь* — присоединяется к существительному — *кресло*, — чтобы предложение, в котором оно появляется, приобрело определенный смысл, слушатель должен признать точным описание, данное в относительной клаузе. Пресуппозиция — это лингвистический эквивалент того, что чаще называют предположением, базовые организующие принципы, без которых представленная информация лишена смысла. Вот другой пример типичного использования Эриксоном пресуппозиции:

...Интересно, сознаете ли вы, что находитесь в глубоком трансе...

Здесь Эриксон использует предикат *сознавать*. Это фактивный предикат, то есть предикат, предполагающий истинность предложения, которое за ним следует. Чтобы коммуникация Эриксона обрела смысл, клиент должен принять за истинное предложение, которое следует за предикатом *сознавать*, а именно: *что вы находитесь в глубоком трансе*. Кроме того, сама относительная клауза *что вы находитесь в глубоком трансе* содержит еще одно пресуппозиционное средство — прилагательное *глубокий*. Благодаря использованию этого прилагательного (предиката *глубинной структуры*) внутри относительной клаузы, остальная ее часть пресуппонируется. Если Эриксон говорит клиенту:

...Находитесь ли вы в глубоком трансе?..

вопрос в том, находится ли клиент в *глубоком трансе*, а не в том, находится ли он в трансе, — что уже пресуппонируется. Естественные языки содержат большое количество средств для передачи пресуппозиции. Так, в нашем первом примере

...Интересно, сознаете ли вы, что находитесь в глубоком трансе...

Эриксон объединяет пресуппозиции, в результате чего клиенту становится очень трудно подвергнуть сомнению истинность утверждения *вы в трансе*.

Еще один распространенный паттерн в работе Эриксона — использование **разговорных постулатов**. Вместо того чтобы дать клиенту прямое указание положить руки на бедра, Эриксон обычно говорит:

Можете ли вы положить руки на бедра?

Это сообщение имеет форму вопроса, адекватным ответом на который будет либо *да*, либо *нет*. Однако эта форма вопросов *да/нет*, как правило, несет в себе скрытое повеление, тесно с ним связанное, а именно: *положите руки на бедра*. Используя это косвенное сообщение, Эриксон полностью обходит проблему сопротивления и контроля, предоставляя клиенту возможность прореагировать, как он хочет.

Эриксон широко использует очень эффективную форму языковых паттернов, которая тесно связана с этой последней, — паттерн **подчиненных встроенных структур**. Например, Эриксон говорит клиенту:

*...Некогда я знал человека, который действительно понимал, как можно **получить удовольствие** от...*

Заметьте, что элемент сообщения Эриксона, выделенный жирным шрифтом, идентичен повелению *получите удовольствие*. В другом, немного видоизмененном примере Эриксон говорит:

...Интересно, вполне ли вам удобно...

Здесь подчиненной встроенной структурой является косвенный вопрос: *вполне ли вам удобно*. Однако поскольку этот вопрос составляет подчиненную часть предложения, в сообщении Эриксона отсутствует прямое требование ответа. Характерно, что клиент все-таки дает ответ, скрыто реагируя на сообщение как на вопрос. Подчиненные встроенные структуры — очень эффективный способ направления опыта клиента и увеличения вероятности ответов. Этот прием становится еще более действенным, когда он сочетается с таким приемом, как **аналоговое маркирование**.

Аналоговое маркирование — это использование нелингвистических видов коммуникации для идентификации лингвистической коммуникации и разбиения ее на отдельные единицы сообщения. К примеру, Эриксон меняет интонацию своего голоса (аналоговый маркер) при произнесении элементов предложения, выделенных жирным шрифтом:

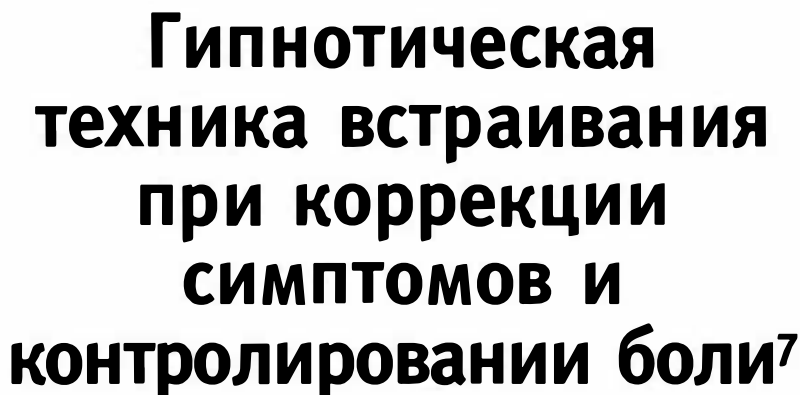
*...знал человека, который действительно понимал, как можно **получить удовольствие** от...*

Поскольку клиенты редко осознают подобные аналоговые изменения (а если и осознают, то маловероятно, что они свяжут их с одновременно предлагаемым вербальным материалом), результатом коммуникации Эриксона становится двойная коммуникация — информация, которую Эриксон сообщает сознанию, и повеление *получить удовольствие*, адресованное подсознанию. Эриксон использует как визуальные, так и аудиальные сигналы для аналогового маркирования своей вербальной коммуникации, фрагментируя их на отдельные единицы сообщения.

Мы дали краткий и схематичный обзор некоторых из паттернов, используемых Эриксоном в его работе. Этот тип коммуникации дает ряд дополнительных эффектов, важных для понимания того сильного воздействия, которого Эриксон добивается в своей работе. Посредством косвенной коммуникации он в значительной мере избегает проблемы сопротивления. Кроме того,

он предоставляет клиенту максимальную свободу выбора (на подсознательном уровне) того, на какие элементы коммуникации ему прореагировать. Подобная коммуникация также заставляет клиента функционировать на подсознательном уровне коммуникации, одновременно воздействуя на его сознательный ум таким способом, который не позволяет последнему вмешиваться нежелательным образом в процесс наведения транса и внушения. Наконец, клиент способен участвовать более активно и творчески (опять же на подсознательном уровне поведения) в процессе гипнотической работы.

На этом мы заканчиваем краткий обзор паттернов, к которым Эриксон часто прибегает при работе с трансом. Теперь мы предлагаем вашему вниманию статью Эриксона, в которой, в частности, описана и работа с трансом. Сначала мы приведем статью полностью; затем остановимся на описаниях индукции и внушения, иллюстрирующих каждый из паттернов, которые мы представили. Стоит подчеркнуть, что в статье приведено множество примеров этих паттернов; мы же остановимся только на тех, которые позволяют читателю признать эти паттерны за эриксоновские. Кроме того, мы сознаем, что Эриксон описывает в статье и другие паттерны своей работы с трансом, но мы их пока проигнорируем; наш анализ не является исчерпывающим.

Гипнотическая техника встраивания при коррекции симптомов и контролировании боли⁷

Бесчисленное количество раз автора этой статьи просили опубликовать детальное описание гипнотической техники, которую он использует для снятия невыносимой боли или коррекции многих других проблем. Вербальные ответы на эти многочисленные просьбы, по-видимому, никогда не были адекватными, поскольку они неизменно предварялись заверением, что техника сама по себе служит лишь одной цели — овладению вниманием пациента и его фиксации с целью вызвать у клиента чувствительное и восприимчивое психическое состояние и тем самым позволить ему извлечь пользу из неосознаваемой или лишь частично осознаваемой потенциальной способности демонстрировать различные модели поведения. Когда этого удастся добиться с помощью гипнотической техники, появляется возможность сделать внушения и наставления, призванные направить пациента и помочь ему достичь желаемой цели или целей. Иначе говоря, гипнотическая техника призвана лишь создать благоприятную обстановку, в которой пациенту подсказывают, как ему лучше использовать собственный поведенческий потенциал.

Гипнотическая техника является прежде всего средством достижения какой-то цели, тогда как психотерапия — это результат управления поведенческими способностями пациента,

отсюда следует, что в определенных пределах одну и ту же гипнотическую технику можно применять к пациентам с широким диапазоном проблем. В качестве иллюстрации будут приведены два примера, в которых один и тот же метод был применен в одном случае к пациенту с серьезным неврозом, а в другом — к пациенту, страдавшему от невыносимой боли на последней стадии рака. Эту технику автор применял и к неграмотным людям, и к выпускникам колледжа, в экспериментальных ситуациях и в клинических целях. Часто она использовалась для того, чтобы овладеть вниманием трудного пациента, зафиксировать его и удержать, а также не позволить пациенту создать трудности, которые помешают психотерапии. Эта техника использует идеи, которые ясны и понятны, но в силу своего явного несоответствия отношениям «пациент — врач» и ситуации в целом отвлекают пациента. Тем самым пациенту не позволяют вмешиваться нежелательным образом в ситуацию, которую он не может понять и в которой он просит помощи. В то же время добиваются того, чтобы у пациента появилась готовность к пониманию и восприятию. Создается обстановка, благоприятствующая проявлению необходимого и полезного поведенческого потенциала, ранее не использовавшегося пациентом или использовавшегося им не полностью, либо, возможно, неправильно.

Первый из приведенных примеров будет представлен без какого-либо описания использованной гипнотической техники. Вместо него будут даны полезные наставления, внушения и руководящие идеи, которые позволили пациенту достичь цели психотерапии и которые были встроены в идеи, составляющие основу гипнотической техники. Эти психотерапевтические идеи будут процитированы без многочисленных повторений, в которых они вербализировались в работе с пациентом, потому что в напечатанном виде их понять легче, чем когда они произносятся как часть потока речи. Однако даже повторенные всего лишь несколько раз, в гипнотической ситуации внушения адекватно удовлетворили потребности пациента.

Моим пациентом был шестидесятидвухлетний бывший фермер, имевший лишь восемь классов образования, но очень сообразительный и начитанный. В сущности, это был веселый, обаятельный, общительный человек, но он был очень

несчастлив, его переполняли негодование, горечь, враждебность, подозрения и отчаяние. Примерно за два года до психотерапии по какой-то неизвестной или забытой причине (рассматриваемой автором как незначимая или как не оказавшая влияния на задачи психотерапии) у него начались частые позывы к мочеиспусканию, которые его очень угнетали. Приблизительно каждые полчаса он испытывал непреодолимый позыв помочиться, — позыв, который сопровождался болью, который мужчина не мог контролировать, и который приводил к тому, что он мочил брюки, если не уступал ему. Позыв возникал в любое время — днем и ночью. Эта проблема мешала пациенту спать, есть, вести социальную жизнь, заставляла его держаться поближе к туалету и носить с собой портфель с несколькими парами брюк, чтобы переодеться, если позыв «застанет его врасплох». Пациент сказал, что принес с собой в кабинет портфель с тремя парами брюк, что он посетил туалет непосредственно перед тем, как отправиться на прием к автору, еще раз — по дороге и в третий раз перед тем, как войти в кабинет, и что ему, вероятно, придется прервать беседу с автором по крайней мере для еще одного подобного посещения.

Пациент сообщил, что консультировался более чем у сотни врачей и в известных клиниках. Более сорока раз ему делали цистоскопию, несметное множество раз — флюорографию, а также подвергали бесчисленным обследованиям, в число которых входили электроэнцефалограммы и электрокардиограммы. Каждый раз пациента заверяли, что его мочевой пузырь в полном порядке, ему многократно предлагали вернуться спустя пару месяцев для дальнейшего исследования и «тысячу раз» заявляли, что бедняга «все это выдумывает», что у него нет никакой проблемы, что он «должен найти себе занятие, а не бездельничать на пенсии, и перестать надоедать докторам, превращаясь в старую клячу». Все это привело к тому, что мужчина стал подумывать о самоубийстве.

Он описал свою проблему ряду журналистов, пишущих для медицинских разделов газет, некоторые из них вложили в присланный конверт с обратным адресом банальную отписку по его проблеме, видя в ней болезнь неизвестного органического происхождения. Во время всех этих изысканий ему ни разу не посоветовали обратиться за помощью к психиатру.

По своей собственной инициативе, прочтя две книги по аутогипнозу — дезинформирующие и, в сущности, шарлатанские, — наш пациент обратился за помощью к трем эстрадным гипнотизерам. Каждый предложил ему обычные увещевания, заверения и обещания, свойственные подобной сомнительной медицинской практике, и каждый потерпел полное фиаско во время неоднократных попыток вызвать гипнотический транс. Все они запросили непомерную плату (если сравнивать ее со стандартной оплатой медицинских услуг, особенно с учетом нулевого результата).

В итоге всего этого псевдолечения, с медицинской точки зрения ничем не лучшего, чем у шарлатанов, что еще более непростительно для специалистов, моего пациента охватили горечь, разочарование, негодование и открытая враждебность, и он стал всерьез размышлять о самоубийстве. Один служащий бензозаправочной станции посоветовал ему обратиться к психиатру и порекомендовал автора этой статьи на основании материала в воскресной газете. Это и побудило его прийти.

Завершив свой рассказ, пациент откинулся назад в кресле, скрестил на груди руки и сказал с вызовом: «Так подвергните меня психиатрии и гипнозу и вылечите мой долбанный мочевой пузырь».

В то время как пациент рассказывал эту историю, автор всем своим видом показывал, что внимательно слушает, если не считать того, что его руки совершали бесцельные движения, «перебирая предметы на столе». В частности, автор то и дело отворачивал от пациента циферблат настольных часов. Когда автор слышал горестное повествование пациента о его переживаниях, он был поглощен размышлениями о возможных психотерапевтических подходах к пациенту, такому несчастному, исполненному негодования на медицинскую помощь и врачей и сохранявшему такую вызывающую установку. Было вполне очевидно, что он не проявит чуткости и восприимчивости к каким бы то ни было действиям или словам автора. Размышляя над этой проблемой, автор вспомнил о проблеме контролирования боли при работе с пациентом, испытывавшем сильные страдания в терминальной стадии рака. Этот пациент являл собой сопоставимый случай, в котором гипнотерапевтический подход был крайне затруд-

нен, но несмотря на это удалось достичь успеха. Общим для этих пациентов было то, что оба зарабатывали себе на жизнь овощеводством, были настроены враждебно и негодуяще и в целом скептически относились к гипнозу. Поэтому когда пациент произнес вызывающие слова «так подвергните меня психиатрии и гипнозу», автор без долгих разговоров приступил к тем самым действиям, которые помогли другому пациенту достичь гипнотического состояния и, таким образом, позволили предложить благотворные внушения, наставления и указания с обоснованной надеждой на то, что они будут приняты и вызовут реакцию, согласующуюся с фактическими потребностями и поведенческим потенциалом пациента.

Единственное различие между двумя пациентами состояло в том, что у одного из них инкорпорированный психотерапевтический материал относился к функции мочевого пузыря. У другого пациента инкорпорированные психотерапевтические наставления относились к телесному комфорту, сну, аппетиту, наслаждению семейными радостями, отсутствию необходимости в лекарствах и тому, чтобы продолжать радоваться жизни, не беспокоясь о завтрашнем дне.

Предложенная вербальная психотерапия, встроенная в идеи самой техники, в реальности была следующей (встроенные элементы отмечены точками).

Можно представить себе, что ваш мочевой пузырь требует опорожнения каждые 15 минут, а не каждые полчаса... Нетрудно представить, что... часы могут идти медленно... или быстро... могут отставать или спешить на минуту... на две минуты, пять минут... или можно думать о мочевом пузыре каждые полчаса... как вы это делаете... возможно, иногда это происходило через 35, 40 минут... можно довести этот промежуток до часа... какая разница... 35, 36 минут, 41, 42, 45 минут... разница небольшая... нет особой разницы... 45, 46, 47 минут... то же самое... вам неоднократно, возможно, приходилось ждать секунду-другую... которые казались часом или двумя... у вас это получалось... и может получиться еще раз... 47 минут, 50 минут, какая разница... перестаньте думать, разница небольшая, ничего особенного... что 50 минут, что 60 минут, это всего лишь минуты... любой, кто может прождать полчаса, прождет и час... мне это известно... вы начинаете это осознать... осознать что-то неплохо... даже хорошо... подумайте об этом, вам приходилось ждать, когда кто-то стоял в очереди впереди вас... у вас это получалось... и может получиться еще раз... и еще раз... все, что вам требуется... час и пять минут... час и пять

с половиной минут... какая разница... или даже шесть с половиной минут... пусть это будет 10 с половиной, час и 10 с половиной минут... одна минута, две минуты, один час, два часа, какая разница... за вашими плечами полувековая, а то и больше, практика ожидания... вы можете использовать ее сполна... почему бы не воспользоваться ею... у вас это получится... вероятно, это будет для вас сюрпризом... вы даже этому не поверите... почему бы не сделать себе сюрприз дома... хорошая мысль... нет ничего лучше сюрприза... неожиданного сюрприза... сколько вы можете продержаться... это будет сюрпризом... дольше, чем вы предполагали... намного дольше... можно также начать... всегда приятно начинать... продолжать... Послушайте, может быть, вам просто взять и забыть мои слова, поместив их в запасник своей памяти. Подходящее для них место — не потеряете. Не беспокойтесь о помидорном кусте — о том, что было важно для вашего мочевого пузыря — все хорошо, почувствуйте себе раскованно, приятный сюрприз — послушайте, почему бы вам не почувствовать себя отдохнувшим, освеженным прямо сейчас, более бодрым, чем вы были сегодня утром (это последнее предложение является для пациента косвенным, эмфатическим, определенным указанием выйти из транса). Теперь (в качестве предложения уйти, которое пациент не осознает как таковое) почему бы вам не совершить приятную, беззаботную прогулку домой, ни о чем не думая (указание пациенту забыть как транс, так и свою проблему, а также средство, призванное завуалировать тот факт, что он провел в кабинете уже полтора часа)? Мы сможем увидеться в 10 часов утра через неделю (подкрепление его сознательной иллюзии, являющейся следствием его амнезии, что пока еще не было ничего сделано, если не считать назначения его на прием).

Пациент появился неделю спустя и начал возбужденно рассказывать о том, как пришел домой и включил телевизор с безотлагательным твердым намерением не посещать туалет как можно дольше. Он посмотрел двухчасовой фильм и выпил два стакана воды во время рекламы. Он решил растянуть это время еще на час и внезапно обнаружил, что мочевой пузырь у него настолько переполнен, что ему надо сходить в туалет. Он взглянул на часы и увидел, что продержался четыре часа. Пациент откинулся в своем кресле, одарив автора счастливой улыбкой и явно ожидая похвалы. Почти тотчас же он наклонился вперед с испуганным выражением лица и изумленно объявил: «Теперь до меня, кажется, все это доходит. Я об этом до сих пор не задумывался. Я начисто все забыл. Знаете, вы наверняка загипнотизировали меня. Вы много говорили о выращивании помидоров, и я пытался

понять смысл ваших слов, но все, что я помню, — это то, как я иду обратно домой. Если подумать, я, должно быть, провел у вас кабинете более часа, и у меня ушел еще час на то, чтобы добраться домой. Я продержался не четыре часа, а никак не меньше шести. Если подумать, то это еще не все. Это произошло неделю назад. Теперь я вспоминаю, что всю неделю не испытывал ни малейших проблем и прекрасно спал не вставая. Забавно, как это человек может встать утром, отлично помня, что ему нужно сказать что-то кому-то, и забыть, что прошла целая неделя. Послушайте, когда я попросил вас подвергнуть меня психиатрии и гипнозу, вы, несомненно, отнеслись к этому серьезно. Я очень вам благодарен. Сколько я вам должен?»

В сущности, лечение было завершено, и оставшаяся часть часа прошла в беззаботной беседе, которая должна была выявить возможные сомнения или колебания у пациента. Их не оказалось, как и не появились они в последующие месяцы.

Вышеприведенный случай позволяет читателю частично понять то, как во внушения, призванные вызвать и сохранить транс, можно встроить гипнотерапевтические внушения, преследующие определенную цель. По опыту автора, подобное включение психотерапевтических внушений во внушения, помогающие сохранить транс, может часто сделать психотерапевтические внушения намного более действенными. Пациент слышит их, понимает, но прежде чем он сможет усомниться в них каким-либо образом, его внимание оказывается в плену внушений, сохраняющих транс. А они, в свою очередь, являются лишь продолжением внушений, вызывающих транс. Тем самым, у психотерапевтического внушения появляется ореол значимости и действенности, являющихся следствием уже подействовавших внушений с целью индукции и сохранения. Затем те же самые психотерапевтические внушения можно повторить в этой же встроенной манере, возможно, множество раз, пока психотерапевт не будет уверен, что пациент адекватно усвоил психотерапевтические внушения. После чего психотерапевт может перейти к другому аспекту психотерапии, используя тот же прием встраивания.

В приведенном выше отчете не указано количество повторений для каждого из психотерапевтических внушений по

той причине, что это количество должно варьировать для каждого набора проводимых идей и понятий, а также для каждого пациента и каждой психотерапевтической проблемы. Вдобавок подобное встраивание внушений амнезии и постгипнотических внушений во внушения, сохраняющие транс, может обеспечить наибольший эффект. Вот иллюстрация из повседневной жизни. Поручение двойного задания обычно более действенно, чем изолированное поручение тех же двух заданий. Например, мать говорит: «Джонни, будешь убирать свой велосипед — закрой дверь гаража». Это похоже на одиночное задание, один аспект которого благоприятствует выполнению другого аспекта, и тем самым задание начинает казаться более легким. Просьба убрать велосипед с последующей просьбой закрыть дверь гаража имеет все характеристики двух обособленных, не предполагающих объединения заданий. В случае обособленных заданий можно легко отказаться от выполнения одного или другого задания либо обоих сразу. А что означает отказ в том случае, когда задания объединены в одно? Что Джонни не уберет велосипед? Что он не подойдет к гаражу? Что он не закроет дверь гаража?

Препятствием к отказу является уже одна степень усилий, необходимых для идентификации того, от чего человек отказывается. Кроме того, отказаться от «всего сразу» может быть просто неудобно. Поэтому Джонни, вероятно, выполнит комбинированное задание неохотно, но предпочтет сделать это вместо того, чтобы анализировать ситуацию. В случае одиночных заданий он может с легкостью на каждое ответить: «Потом». В случае же комбинированного задания он этого не говорит, поскольку если он уберет велосипед «потом», то должен «немедленно» подойти к гаражу и «немедленно» закрыть дверь. Это мотивировка обманчивая, но одновременно «эмоциональная», и такие мотивировки распространены в повседневной жизни, а повседневная жизнь — это не упражнение в логике. Автор часто говорит пациентам: «Когда вы усядетесь в кресло, войдите в транс». Пациент, сам собой, собирается сесть в кресло. Но вхождение в транс становится зависимым от усаживания, поэтому состояние транса возникает из того, что пациент, скорее всего, собирался сделать. Объединение психотерапевтических, амнестических и постгипнотических внушений с внушениями, использованными

сначала для наведения транса, а затем для сохранения этого транса, представляет собой эффективное средство достижения желаемых результатов. Использование зависимости крайне эффективно. Вот дополнительная иллюстрация. Неоднократно пациенты, которые входили в транс, просто сев в кресло, говорили автору: «Я не собирался входить в транс сегодня». В ответ автор говорил: «Тогда, возможно, вы хотели бы выйти из транса, и, следовательно, поскольку *вы понимаете*, что можете снова войти в транс, когда вам это понадобится, *вы выйдете из него*». Тем самым, «выход» становится зависимым от «понимания», гарантируя новые трансы через ассоциацию за счет зависимости.

С учетом этого объяснения логической посылки проблема второго пациента будет предложена после нескольких предварительных замечаний. Они сводятся к тому, что автор был воспитан на ферме, наслаждался и до сих пор наслаждается разведением растений и с интересом читает сообщения о процессах высадки семян и выращивании растений.

Первым пациентом был удалившийся от дел фермер. Вторым, которого мы ради удобства назовем Джо, — цветовод. Он начал свою карьеру с юных лет, торгуя цветами, откладывая деньги, покупая новые цветы для продажи, и т. д. Вскоре он сумел приобрести небольшой участок земли, на котором стал с любовью и заботой выращивать еще больше цветов, наслаждаясь их красотой, которой он хотел одаривать других людей, чтобы, в свою очередь, приобрести еще больше земли и выращивать больше цветов, и т. д. В конце концов он стал ведущим цветоводом в большом городе. Джо любил буквально каждую деталь своего дела, был бесконечно предан ему, будучи при этом хорошим мужем, отцом и другом, а также уважаемым и ценным членом общества.

Затем, в один роковой сентябрьский день, хирург удалил опухоль, появившуюся на щеке Джо, стараясь не слишком обезобразить его лицо. Анализы показали, что опухоль злокачественная. После чего была начата радикальная терапия, но ее быстро признали «запоздалой».

Джо сообщили, что ему осталось жить примерно месяц. Это привело его, мягко говоря, в горестное и подавленное

состояние. Кроме того, он испытывал сильную, практически непереносимую боль.

На исходе второй недели октября один из родственников Джо настоятельно попросил автора подвергнуть Джо гипнозу, чтобы снять боль, поскольку наркотики оказывались малоэффективными. Учитывая диагноз, который был поставлен Джо, автор с неохотой согласился его посетить, оговорив, чтобы в назначенный день прием всех лекарств был прекращен в 4 часа утра. На что врач, опекавший Джо в больнице, дал согласие.

Незадолго до того как автора представили Джо, он был проинформирован, что Джо не хочет слышать даже упоминания о словесном гипнозе. Кроме того, сын Джо, врач-ординатор, служивший в известной психиатрической клинике, не верил в гипноз, и его недоверие, очевидно, подкреплялось работниками клиники, ни один из которых не имел о гипнозе информации из первых рук. Этот ординатор должен был присутствовать при наших встречах, и можно было предположить, что Джо знал о его недоверии.

Автора представили Джо, который встретил его любезно и по-дружески. Было сомнительно, что Джо знает о цели посещения автора. Осмотрев Джо, автор увидел, что значительная часть стороны его лица и шеи отсутствовала в результате операции, изъязвления и некроза. Джо подвергли трахеотомии, и он не мог говорить. Он общался с помощью карандаша и бумаги, которые были у него под рукой. Было сообщено, что каждые четыре часа Джо дают наркотики ($\frac{1}{4}$ грана морфия или 100 миллиграммов демерола) и сильное успокоительное в виде барбитуратов. Спал он мало. При нем неотлучно находились медсестры. Однако Джо все время вставал с кровати, писал бесчисленные записки, одни из которых относились к его делам, другие — к его семье, но во многих из них выражались жалобы и просьбы о дополнительной помощи. Его преследовала мучительная боль, и он не мог понять, почему врачи не способны выполнить свою работу так же эффективно и умело, как он справлялся со своим цветочным бизнесом. Ситуация приводила его в ярость, поскольку в его глазах она выглядела поражением. Основным принципом его жизни было достижение полностью заслуженного успеха. Когда дела в бизнесе шли плохо, он старался их ис-

править. Почему же врачи не поступали так же? У них были лекарства от боли, так почему же его заставляли испытывать нестерпимые мучения?

После того как нас познакомили, Джо написал: «Чего вы хотите?» Это было превосходным началом, и автор перешел к своей технике наведения транса и снятия боли. Эта техника не могла быть использована полностью, поскольку большой процент высказываний приходилось повторять, необязательно последовательно, но часто возвращаясь к предыдущему замечанию, а затем повторяя один-два пункта.

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание: автор сильно сомневался в возможности достичь какого бы то ни было успеха с Джо, поскольку помимо его физического состояния имелись определенные свидетельства о токсических реакциях на избыточные дозы лекарств. Несмотря на неблагоприятный взгляд автора на свои возможности, в одном он был уверен. Автор должен был держать свои сомнения при себе и мог манерой речи, интонациями, сутью высказываний дать Джо понять, что искренне интересуется его судьбой, искренне хочет помочь ему. Если можно было предложить Джо хотя бы эту малость, она могла стать некоторым, пусть небольшим, утешением для него, членов его семьи и медсестер, которые находились в соседней комнате.

Автор начал:

Джо, я хотел бы поговорить с вами. Я знаю, что вы — цветовод, что вы разводите цветы, а я вырос на ферме в Висконсине и тоже любил разводить цветы. Я по-прежнему этим занимаюсь. Поэтому я хотел бы, чтобы вы сели в это мягкое кресло, пока я буду с вами беседовать. Я хочу сообщить вам массу вещей, но это не будет касаться цветов, поскольку вы знаете о цветах больше, чем я. *Это не то, чего вы хотите.*

(Читатель заметит, что курсив используется для обозначения встроенных гипнотических внушений, которыми могут быть слоги, слова, фразы или предложения, произносимые с несколько иной интонацией.)

Сейчас, когда я говорю и могу сделать это *в комфортной манере*, я хочу поговорить о помидорном кусте, и вы *спокойно выслушаете меня*, когда я буду говорить о нем. Это странная

тема для обсуждения. Она вызывает *любопытство*. *Зачем говорить о помидоре?* Человек сажает в землю помидорное семечко. Он *надеется*, что из него вырастет растение, которое *принесет ему удовлетворение* своими плодами. Семя впитывает воду, которую *не слишком трудно* обеспечить ввиду дождей, *приносящих умиротворение и комфорт*, а также радость от превращения семени в цветы и помидоры. Это семечко, Джо, медленно набухает, пускает корешок с ресничками. Может быть, вы не знаете, что такое реснички; реснички — это *органы, которые стремятся* помочь помидорному семени прорасти, высунуться из земли в виде ростка, и *вы можете слушать меня, Джо*, поэтому я буду и дальше говорить, а *вы можете продолжать слушать, удивляясь, просто удивляясь тому, что вы на самом деле узнаете*, а вот ваш карандаш и ваш блокнот, но если говорить о помидорном кусте, он растет так медленно. *Вы не видите*, как он растет, *вы не слышите*, как он растет, но он растет — появляются первые подобия листьев на стебле, тоненькие волоски на черешке, такие же волоски на листьях, напоминающие реснички на корнях; они должны вызвать у помидора *очень приятное, очень комфортное чувство*, если вы можете представить себе, что растение способно чувствовать, и хотя *вы не видите*, как оно растет, *не чувствуете*, как оно растет, но на стебельке помидора появляется еще один лист, а затем еще один. И пусть это напоминает детский разговор, но вдруг помидор все-таки *чувствует комфорт и умиротворение*, когда растет. Каждый день он растет и растет; ведь *так приятно*, Джо, наблюдать, как растение развивается, *не видя* его роста, *не чувствуя* этого, но зная, что *все идет к лучшему* у этого маленького помидорного кустика, у которого появляется еще один лист и еще один, и побег, и что он *комфортно растет* во всех направлениях.

(К этому моменту значительная часть вышеприведенного — иногда лишь отдельные фразы, иногда предложения — была повторена множество раз. Автор не забывал варьировать словесные формулировки, а также повторять гипнотические внушения. Спустя продолжительное время после того, как автор начал говорить, в палату вошла на цыпочках жена Джо с листом бумаги в руках, на котором был написан вопрос: «Когда вы собираетесь начать гипноз?» Автор не понял ее намерения и не взглянул на бумагу, и поэтому ей пришлось приблизить лист вплотную к автору и, следовательно, к Джо. Автор продолжал, не прерываясь, свое описание помидора, и жена Джо, посмотрев на мужа, увидела, что он не замечает ее и не сознает ее присутствия, что он находится в сомнамбулическом трансе. Она сразу же удалилась.)

И вскоре у помидора появляется бутон, на том или другом побеге, не имеет значения, на каком, поскольку красивые маленькие бутоны вскоре появятся на всех побегах, на всем растении — интересно, Джо, может ли помидор *и вправду чувствовать себя комфортно*. Знаете, Джо, растение — это удивительное создание, и *так приятно, так славно* относиться к растению, как к человеку. Думать, что подобное растение *испытывает приятные ощущения, чувство комфорта*, когда крохотные помидорчики начинают обретать форму, такие крохотные, однако *столь твердо обещающие вам удовлетворить ваше желание съесть сочный помидор*, вызревший на солнце, так приятно чувствовать пищу у себя в животе; удивительное чувство, которое испытывает ребенок, жаждущий ребенок, когда он в состоянии *пожелать напиться, Джо*, — то же самое, которое ощущает помидорный кустик, когда идет дождь, омывая все вокруг, так что *всем становится хорошо* (пауза). Знаете, Джо, каждый день помидор становится краше, *день за днем*. Мне хочется думать, что помидор может *каждый день ощущать полный комфорт*. Знаете, Джо, жизнь помидора течет *день за днем*. Так происходит со всеми помидорными кустами.

(Джо внезапно вышел из транса, вид у него дезориентированный, он запрыгнул на постель, замахал руками, и его поведение напомнило внезапные приступы интоксикации, которые наблюдаются у пациентов, плохо реагирующих на барбитураты. По-видимому, он не слышал или не видел автора, пока не спрыгнул с кровати и не подошел к нему. Автор крепко схватил Джо за руку, затем сразу же ее отпустил. Вызвали медсестру. Она вытерла пот со лба Джо, поменяла повязки и дала ему через трубочку немного холодной воды. После чего Джо позволил автору отвести его назад к креслу. После того как автор сделал вид, что его интересует предплечье Джо, тот схватил карандаш и бумагу и написал: «Говорите, говорите».)

Да, Джо, я вырос на ферме, я думаю, что помидорное семя — удивительная вещь, *подумайте, Джо, подумайте*, в этом семечке *дремлет так безмятежно, так умиротворенно* прекрасное, еще не развившееся растение, на котором появятся такие интересные листья и побеги. Листья, побеги выглядят так красиво, у них прекрасный, насыщенный цвет, *вы чувствуете себя по-настоящему счастливым*, глядя на семечко помидора, размышляя об удивительном растении, которое оно содержит в себе *дремлющим, отдыхающим, умиротворенным, Джо*. Я скоро уйду пообедать, но вернусь и расскажу вам кое-что еще.

Выше приведена выборка, показывающая, насколько легко гипнотерапевтические внушения можно включить во внушения, вызывающие и сохраняющие транс, которые являются важным дополнением в качестве средства проведения психотерапия. Особое значение имеет просьба самого Джо, чтобы автор «говорил». Несмотря на периодически проявлявшееся состояние интоксикации, Джо был досягаем для общения. Кроме того, он быстро научался, несмотря на абсурдную любительскую рапсодию о помидорном семени и кусте, которую предложил ему автор. У Джо не было подлинного интереса к бессмысленным, бесконечным замечаниям о помидоре. Он хотел избавиться от боли, он хотел покоя, отдыха, сна. Именно это более всего занимало его ум, более всего присутствовало в его эмоциональных желаниях, и он испытывал непреодолимую потребность попытаться найти нечто ценное в ворковании автора. Эта желанная ценность была рядом, настолько отчетливая, что Джо мог стать ее обладателем, не осознавая этого. Выход Джо из транса произошел лишь несколько минут спустя после того, как автор внешне безобидно сказал: «пожелать напиться, Джо». Также было несложно вызвать повторный транс, достигнутый двумя короткими фразами — «подумайте, Джо, подумайте» и «дремлет так безмятежно, так умиротворенно», — включенными в довольно бессмысленный ряд мыслей. Но Джо нуждался в этом бессмысленном повествовании и быстро принял его.

Во время перерыва на обед Джо впервые был спокоен, а затем стал постепенно возбуждаться, и произошел еще один эпизод интоксикации, о котором сообщила медсестра. К тому времени, когда автор вернулся, Джо ожидал его с нетерпением. Джо хотел общаться с помощью записок. Некоторые были неразборчивыми из-за того, что он писал их очень поспешно. Джо раздраженно их переписывал. Один из родственников помог автору их прочитать. Записки касались ситуации, в которой оказался Джо, его прошлой жизни, его бизнеса, его семьи и «отвратительной прошлой недели», «отвратительного вчерашнего дня». Не было никаких жалоб, никаких требований, но имелись просьбы о сообщении информации об авторе. Состоялся вполне удовлетворительный разговор, как можно было судить по тому, что Джо стал вести себя более

спокойно. Когда ему предложили прекратить расхаживать и сесть в кресло, которое использовали ранее, он с готовностью это сделал и стал с ожиданием смотреть на автора.

Знаете, Джо, я мог бы поговорить с вами чуть дольше о помидоре, и если бы я это сделал, вы, вероятно, погрузились бы в сон, в крепкий, здоровый сон.

(Это начальное утверждение обладает всеми признаками брошенного невзначай высказывания. Если пациент реагирует гипнотически, как быстро прореагировал Джо, значит, все хорошо. Если пациент не реагирует, все, что вы сказали, было лишь банальностью, не стоящей никакого внимания. Если бы Джо не вошел немедленно в транс, могли бы последовать следующие вариации: «Но давайте лучше поговорим о цветке помидора. Вы ведь видели фильмы, в которых цветы *медленно-медленно* раскрываются, вызывая у человека *чувство умиротворения, чувство комфорта*, когда он наблюдает за этим процессом. Наблюдение так приятно, оно приносит *такой покой*. Смотря подобный фильм, можно *ощутить такой бесконечный комфорт*»).

Автор считает, что нет необходимости говорить что-то еще о технике наведения и сохранения транса и встраивании психотерапевтических внушений. Еще одна иллюстрация будет приведена далее в этой статье.

Реакция Джо в тот день была превосходной, несмотря на несколько эпизодов реакции на интоксикацию и несколько периодов, когда автор сознательно прерывал работу, чтобы более точно оценить то, в какой степени и каком объеме Джо усваивает материал.

При прощании в тот вечер Джо, чье состояние заметно улучшилось, сердечно пожал автору руку. У Джо не было жалоб, по-видимому, он не испытывал мучительной боли и был удовлетворен и счастлив.

Родственники спрашивали о постгипнотических внушениях, и их заверили, что таковые были даны. Это было сделано очень аккуратно при описании, столь подробно приведенном выше, и повторении слов о росте помидора с последующей осторожной эмфазой: «*Знаете, Джо*», «*Каждый день ощущать полный комфорт*» и «*Знаете, Джо, день за днем*».

Примерно месяц спустя, в середине ноября, автора попросили снова навестить Джо. Когда он пришел к Джо домой, ему рассказали довольно печальную, но в сущности, не такую уж плохую историю. После того как автор ушел в первый день, Джо продолжал демонстрировать превосходные реакции, но в больнице пошли слухи о гипнотизировании Джо, и врачи-стажеры, ординаторы и мужской персонал стали приходить в палату к Джо, чтобы воспользоваться его способностью быть хорошим пациентом. Они совершили все мыслимые ошибки, которые только могут сделать невежественные дилетанты с суеверными, неправильными представлениями о гипнозе. Их поведение раздражало Джо, который знал, что автор не совершил ни одного из тех предосудительных действий, к которым они стали прибегать. Что было очень кстати, поскольку это позволяло Джо сохранить все то полезное, что он получил от автора, не давая при этом проявиться никакой враждебности по отношению к гипнозу. После нескольких неприятных дней Джо покинул больницу и вернулся домой; одна медсестра постоянно его навещала, но ее обязанности были незначительными.

За месяц, проведенный дома, Джо прибавил в весе и окреп. Приступы боли случались редко, а когда они все-таки происходили, их можно было проконтролировать с помощью либо аспирина, либо 25 миллиграммов демерола. Джо был очень рад возможности побыть с семьей, и с его стороны имела место активная плодотворная деятельность, о которой автор плохо информирован.

Во время второго визита Джо приветствовал автора с явным удовольствием. Однако автор заметил, что Джо внимательно за ним следит, поэтому старался вести себя очень непосредственно и избегать каких-либо движений руками, которые могли бы быть приняты по ошибке за «гипнотические пассы» вроде тех, к каким прибегал персонал больницы.

Автору с гордостью продемонстрировали картины в рамках, выполненные очень талантливым родственником Джо. Между ними шел непринужденный разговор об улучшении состояния Джо и его прибавке в весе, и автору несколько раз приходилось подыскивать простые ответы, чтобы замаскировать адекватные внушения. Джо добровольно присел и

включился в разговор. Хотя автор держался совершенно непосредственно, ситуация оказалась весьма трудной и могла возбудить у Джо подозрения. Возможно, причин беспокоиться не было, но автор решил проявить максимальную осторожность. Наконец, он прибег к такой мере, как напоминание о своем «визите в минувшем октябре». Джо не осознавал, насколько легко можно было оживить этот визит в его памяти, просто сказав:

Я тогда рассказывал о кусте помидора, и у меня такое впечатление, что я мог бы поговорить о кусте помидора прямо сейчас. Так приятно говорить о семени, о растении.

В результате, выражаясь клиническим языком, имело место воспроизведение всех благоприятных аспектов той первоначальной беседы.

Джо настоял на том, чтобы автор пообедал вместе со всеми членами семьи. За обедом подавали бифштекс, приготовленный под бдительным присмотром Джо во дворе рядом с бассейном. За столом сидели четыре человека, которые наслаждались общением друг с другом, причем Джо выглядел самым счастливым.

После обеда Джо с гордостью показал бесчисленные растения, многие из которых были очень редкие и выращены лично им на большом участке при доме. Жена Джо привела латинские и обычные названия растений, и Джо было особенно приятно, когда автор узнал несколько редких цветов и кое-что о них рассказал. Этот интерес не был притворным, поскольку автор до сих пор занимается разведением растений. Джо воспринял это проявление общего интереса как закрепление дружбы.

В тот день Джо сел в кресло добровольно, и все его поведение свидетельствовало о том, что автор волен делать все что хочет. Последовал длинный монолог, в который были включены психотерапевтические внушения постоянной легкости, комфорта, избавления от боли, наслаждения семейными радостями, хорошего аппетита и вызывающего удовольствие интереса ко всему окружающему. Все эти и другие аналогичные внушения были незаметно встроены в многочисленные замечания автора. Они охватывали множества тем, чтобы не

позволить Джо проанализировать или узнать встроенные внушения. Кроме того, с целью адекватной маскировки автору потребовались самые разные темы. Была необходима подобная предосторожность при наличии хорошего раппорта или нет — вопрос спорный, но автор предпочел не рисковать.

С медицинской точки зрения рак продолжал прогрессировать, но несмотря на это Джо находился в намного лучшем физическом состоянии, чем месяц назад. Когда автор собрался уходить, Джо пригласил его прийти снова.

Джо знал, что в конце ноября и начале декабря автор будет в лекционной поездке. Незадолго до поездки автору совершенно неожиданно позвонили по междугороднему телефону. Звонок был от жены Джо, которая объявила: «Джо находится у соседнего аппарата и хочет вас поприветствовать». Раздались два коротких вздоха. Джо поднес микрофон аппарата к своей трахеотомической трубке и два раза выдохнул, чтобы произнести «алло». Его жена сказала, что и она, и Джо желают автору удачной поездки, затем последовал непринужденный дружеский разговор с женой Джо, которая читала записки, написанные мужем.

В Рождество от Джо и его семьи пришла поздравительная открытка. В отдельном письме жена Джо сообщила, что «гипноз действует хорошо, но состояние Джо ухудшается». В начале января Джо был слаб, но не испытывал волнений. Наконец, говоря словами жены: «Джо мирно скончался 21 января».

Автор прекрасно сознает, что прогноз в отношении продолжительности жизни в случае пациента, страдающего от неизлечимой болезни, очень спорен. Физическое состояние Джо в октябре не обещало многого. Улучшение, ослабление и фактическое снятие симптомов, вызванные гипнозом, а также избавление организма Джо от сильнодействующих лекарств, способствующих лишь потере психической адекватности, без сомнения, продлили ему жизнь, в то же время обеспечив кратковременное улучшение физического состояния в целом. Об этом ясно свидетельствовали улучшение его настроения и прибавка в весе. То, что Джо прожил до конца января несмотря на рост злокачественной опухоли, бесспорно указывает на энергию, с которой Джо решил прожить оста-

ток своей жизни как можно более радостно, — энергию, выражающую то, как он прожил свою жизнь и создал свое дело.

Чтобы еще больше прояснить суть приема встраивания психотерапевтических внушений во внушения, вызывающие и сохраняющие транс, необходимо сообщить об оригинальной экспериментальной работе автора, сделанной им, когда он занимался исследовательской деятельностью в больнице штата Массачусетс в Вустере в начале 1930-х годов.

Исследовательская деятельность касалась изучения различных проблем шизофрении и возможности разрешения некоторых из них. Для автора психологические манифестации представляли особый интерес. Например, что означал поток бессвязных, быстро произносимых фраз? Определенно, в некотором отношении подобный поток высказываний должен быть для пациента весьма значимым. Компетентные помощники-секретарши время от времени дословно записывали различные примеры подобной бессвязной речи, чтобы автор мог их досконально изучить. Автор сам сумел адекватно записать аналогичные «произведения» пациентов, которые говорили медленно. Он полагал, что тщательное изучение этой вербальной продукции может привести к разнообразным идеям, которые, в свою очередь, могут оказаться ценными для понимания аспектов шизофрении.

Вопрос стоял следующим образом: может ли значительная часть повторяемых слов маскировать скрытый смысл, фрагментированный и рассеянный среди общих высказываний. Это привело к вопросу, как мог бы сам автор произнести ряд бессвязных фраз, в которых можно спрятать фрагментированную форму смыслового послания. Или мог бы он воспользоваться бессвязными фразами пациента и встроить в них упорядоченным образом фрагментированную значимую коммуникацию, которую было бы трудно распознать? Эти размышления привели к долгим часам интенсивной работы, посвященной включению в буквальные бессмысленные высказывания пациента смыслового сообщения, которое не могли обнаружить коллеги автора, когда им не давался какой-то ключ. Предшествующие попытки автора воспроизвести оригинальные бессвязные фразы выявляли определенный и

узнаваемый личный паттерн, показывавший, что автор не был психически неуравновешен в достаточной степени, чтобы создать аутентичный поток бессвязных выражений.

Когда смысл успешно встраивался в речевой поток пациента, автор обнаруживал, что его прошлые эксперименты с гипнотическими приемами сильно влияли на вид сообщения, которое он чаще всего включал в бессодержательную речь пациента. Из этих усилий родилась нижеследующая экспериментальная и психотерапевтическая работа.

Одна недавно нанятая секретарша сильно сопротивлялась тому, чтобы ее гипнотизировали. При наступлении менструации она каждый раз страдала от сильной мигрени, продолжавшейся три-четыре часа или даже более. Ее неоднократно осматривали врачи, но без видимых результатов. Обычно женщина уходила в комнату отдыха и «спала, чтобы избавиться от головной боли», — процесс, обычно продолжавшийся три часа или больше. В один из таких периодов автор настойчиво попросил ее написать кое-что под диктовку, вместо того чтобы удалиться в комнату отдыха. Довольно неохотно она начала выполнять задание, но через 15 минут прервала автора и объяснила, что голова у нее прошла. Она приписала это своему негодованию на то, что ее заставляют писать под диктовку. В другой раз она добровольно взялась писать под диктовку определенный материал, которого все секретарши старались избежать, потому что он был очень трудный. Головная боль у девушки усилилась, и она решила, что случай с автором был всего лишь счастливым исключением. Позже у нее снова сильно заболела голова. Автор опять настойчиво попросил ее написать под диктовку несколько фраз. Удачного результата удалось добиться через десять минут. При наступлении очередной мигрени девушка добровольно согласилась написать диктант. И снова головную боль удалось снять. Затем секретарша ради эксперимента проверила, поможет ли ей этот способ на приеме у других врачей. По какой-то неизвестной причине головная боль только усиливалась. После одной из этих бесполезных попыток девушка вернулась к автору и попросила его поддиктовать. Автор сказал ей, что у него нет ничего под рукой для диктовки, но что он может еще раз продиктовать ранее зачитанный материал. Мигрень про-

шла в течение восьми минут. Позже просьба написать что-то под диктовку для снятия головной боли была удовлетворена посредством обычной диктовки. Это не дало никаких результатов.

Девушка пришла снова, не слишком надеясь на удачу, поскольку решила, что «исцеление посредством диктантов себя исчерпало». Ей снова дали диктовку, в результате чего ее недомогание было снято примерно через девять минут. Она пришла в такой восторг, что сохранила копию текста, чтобы иметь возможность попросить других продиктовать «эту удачную диктовку» и снять свою головную боль. К несчастью, никто, по-видимому, не обладал «нужным голосом», в отличие от автора. Всегда незаметно давалось постгипнотическое внушение, чтобы не было засыпания во время записи.

Девушка, как и все прочие, не подозревала, что происходило в действительности. Автор сделал исчерпывающую запись бессвязной речи одного психотического пациента. Он также попросил разных секретарш сделать дословные записи бессвязных высказываний пациента. Затем он систематически включал психотерапевтические внушения в бессвязные фразы, мысленно представляя себе ту секретаршу. Когда было установлено, что это помогает, аналогичным образом были использованы бессвязные высказывания другого пациента. Эта попытка также оказалась успешной. В качестве контрольной меры были опробованы обычная диктовка и диктовка «необработанных бессвязностей». Это не повлияло на головную боль секретарши. Как не повлияло на нее и использование другими «обработанного» материала, поскольку, чтобы оказать воздействие, его приходилось читать с определенной степенью выраженного осознания.

Возникает вопрос, почему пациенты в описанных случаях прореагировали терапевтически? На это может быть дан следующий простой ответ: они прекрасно знали, зачем добиваются психотерапии; они хотели извлечь из нее пользу; они приходили в восприимчивое состояние, готовые прореагировать при первой возможности, — кроме той пациентки, на которой ставился эксперимент с диктантами. Но она очень хотела избавиться от мигрени и желала, чтобы время, проведенное за написанием диктовки, можно было употребить

для преодоления головной боли. В сущности, все пациенты находились в состоянии сознания, подходящего для рецепции психотерапии. Сколько раз нужно пациенту высказать свою жалобу? Лишь такое количество раз, которое требуется психотерапевту для понимания ситуации. В случае всех этих пациентов потребовалось только однократное выражение жалобы, после чего они знали, что психотерапевт все понял. Сильное желание подвергнуться психотерапии было у них не только сознательным, но также и подсознательным, как можно судить по клиническим оценкам и, что важнее, как показывают полученные результаты.

Клиент также должен признать готовность, с которой его подсознание находит ключи и информацию. Например, человеку кто-то с первого взгляда не нравится, и он не осознает явные и видимые причины подобной нелюбви на протяжении недель, месяцев, а то даже года и более. Однако в конце концов сознанию причины этой нелюбви станут очевидны. Распространенным примером этого является откровенная враждебность, часто демонстрируемая здоровым гетеросексуальным человеком по отношению к гомосексуальной личности без какого-либо осознанного понимания причины.

Уважительное понимание способности подсознания пациента воспринимать смысловое содержание собственного неосознаваемого поведения психотерапевта является ведущим принципом в психотерапии. Кроме того, должно проявляться решительное и полное уважение к тому факту, что подсознание пациента полностью воспринимает предлагаемые ему намеренно затемненные смысловые психотерапевтические наставления. Процитированный выше клинический и экспериментальный материал основан на признании автором того, что подсознание пациента слушает и понимает намного лучше, чем это в состоянии делать сознание.

Автор собирался опубликовать эту экспериментальную работу, о которой знал только он. Но трезвое размышление и понимание небезопасного характера гипноза вкупе с тем, что секретарша резко возражала против гипнотизирования, но не была против избавления от головных болей посредством «письма под диктовку», указывало на нежелательность публикации.

Вторая секретарша, нанятая администрацией больницы, когда эта экспериментальная работа близилась к завершению, постоянно страдала от мучительной дисменореи. Секретарша «с головной болью» посоветовала этой девушке записать материал, диктуемый автором, в качестве возможного средства облегчения. Автор очень охотно согласился, используя «обработанную» бессвязную речь пациента. Это помогло.

Автор, обеспокоенный тем, что, если его руководство узнает о происходящем, это может отразиться на гипнотических исследованиях, при работе со второй секретаршей предусмотрительно получил негативный результат, а затем опять добился успеха. Девушка добровольно согласилась стать объектом гипноза, и затем для удовлетворения ее персональных потребностей был использован именно гипноз, а не «диктовка». Она также несколько раз выступила в роли испытуемой в различных признанных и «одобренных» гипнотических экспериментах, и автор советовался с ней в ряде других экспериментальных исследований.

Теперь, когда гипноз превратился в приемлемую научную форму исследовательской и терапевтической работы и имеет место значительно большее осознание семантики, этот материал, столь долго пролежавший на полке, может быть безбоязненно опубликован.

Итоги

В статье детально представлены две истории случаев и краткое описание экспериментальной работы, чтобы продемонстрировать эффективную процедуру встраивания психотерапевтических внушений во внушения, используемые для наведения и сохранения гипнотического транса. Пациенты страдали соответственно от невротических приступов и боли, вызванной неизлечимым раковым заболеванием.

Теперь мы более подробно рассмотрим, как Эриксон конструирует свою технику встраивания, а также приведем другие его языковые паттерны индукции гипноза и внушений. Базовая индукция будет представлена позже, поскольку сейчас мы рас-

смотрим то, как Эриксон описывал свою работу с Джо с точки зрения такой ее уникальной особенности, как малое участие со стороны клиента, сводящееся лишь к попытке понять, что Эриксон ему говорил. Мы посмотрим, как рассказ о кусте помидора может превратиться в эффективную и крайне необходимую серию внушений для снятия боли.

Эриксон начинает с подстройки к опыту клиента. Описывая то, что, как ему известно, верно в отношении клиента, он также выбирает тему, которая интересует клиента, чтобы завладеть его вниманием. Это помогает не только заставить человека прислушаться; но и составляет часть его опыта, который сам Эриксон во многом обусловил. Он хочет, чтобы клиент смог взять содержание рассказа и перенести референтный индекс на себя. В один из моментов он даже сказал Джо:

Так приятно просто думать о растении, как будто оно — человек.

Любовь Джо к растениям облегчила ему выбор своего собственного референтного индекса в качестве релевантной замены *помидорного куста*.

Здесь Эриксон начинает с ряда направленных на подстройку утверждений:

Я знаю, что вы — цветовод	= А
Что вы любите выращивать растения	= В
Я вырос на ферме в Висконсине	= С
Я любил выращивать цветы	= D
Я по-прежнему этим занимаюсь	= E

Каждое из этих пяти утверждений является для клиента точным без всяких вопросов. Теперь Эриксон связывает эти утверждения с поведением, которого он хочет добиться от клиента, используя в предложении соединительное слово подразумеваемого каузатива *поэтому*:

Поэтому я хотел бы, чтобы вы сели в это мягкое кресло, пока я буду с вами беседовать.

Тогда общая форма этого ряда будет следующей:

А, В, С, D, E,	$\xrightarrow{\text{поэтому}}$	Я хотел бы, чтобы вы сели в это мягкое кресло, пока я буду с вами беседовать.
----------------	--------------------------------	---

Отметьте, что само последнее предложение включает подразумеваемый каузатив, связывающий незамедлительно верифицируемое предложение с элементом поведения, которого Эриксон хочет добиться от Джо:

Я говорю с вами,	поэтому →	Я хотел бы, чтобы вы сели
так как		в это мягкое кресло

Также отметьте, что просьба о поведении, которого Эриксон хочет добиться от Джо, не высказывается прямо; скорее, Эриксон использует диалоговый постулат, тем самым избегая прямого повеления *сядьте в это мягкое кресло*:

...Я хотел бы, чтобы вы сели в это мягкое кресло...
Я хочу сообщить вам массу вещей, но это не будет касаться цветов, поскольку вы знаете о цветах больше, чем я. *Это не то, чего вы хотите.*

Здесь Эриксон использует ряд паттернов:

...Множество вещей...	Нет референтного индекса для <i>вещей</i>
...но это не будет касаться цветов	Нет референтного индекса для <i>это</i>
Поскольку вы знаете о цветах больше, чем я	Чтение мыслей (<i>вы знаете</i>), причина-следствие (<i>поскольку</i>)
Это не то, чего вы хотите	Чтение мыслей (<i>это не то, чего вы хотите</i>). Эриксон повторяет слова Джо (ранее написанные): <i>чего вы хотите</i>

Вдобавок Эриксон использует прием метакоммуникации (коммуникации по поводу коммуникации), тесно связанный с ранее упомянутым приемом нарушения ограничения на сочетаемость. Здесь Эриксон дает непосредственный комментарий, относящийся к его предполагаемой коммуникации с Джо. Он говорит, что собирается поговорить с Джо, но не о цветах. Однако по мере развития коммуникации Эриксон невзначай заговаривает о помидорном кусте — фактически используя прием нарушения ограничения на сочетаемость. Здесь Эриксон прямо предупреждает Джо, что он хочет, чтобы тот нашел какой-то другой референтный индекс для коммуникации, относящейся к помидорным кустам.

Сейчас, когда я говорю и могу сделать это *в комфортной манере*, я хочу, и вы *спокойно* *выслушаете* *меня*, когда я буду говорить о помидорном кусте.

...когда... когда...

Подразумеваемые каузативы

в спокойной манере... спокойно выслушать меня...

Аналоговое маркирование, подчиненная встроенная структура

...я хочу и вы...

Использование грамматически неправильной структуры предложения, предупреждающей Джо об особом сообщении *...хочу и вы...* вместо *...хочу, чтобы вы...*

Это странная тема для обсуждения. Она вызывает *любопытство*. *Зачем говорить о помидоре?* Человек сажает в землю семя помидора. Он *надеется*, что из него вырастет помидорный куст, который *принесет ему удовлетворение* своими плодами.

...странная тема... для обсуждения

Опущение (странная для кого? обсуждения с кем?)

...вызывает...

Причина-следствие

...человек... он...

Отсутствие референтного индекса

...надеется... принесет удовлетворение

Аналоговое маркирование подчиненных встроенных структур

...удовлетворение...

Номинализация с сопутствующими опущениями и отсутствие референтных индексов

Семя впитывает воду, которую *не слишком трудно* обеспечить ввиду дождей, *приносящих умиротворение и комфорт*, а также радость от превращения в цветы и помидоры.

...трудно... умиротворение... комфорт... радость...

Номинализация с сопутствующими опущениями и отсутствие референтного индекса

обеспечить... приносящих...

Неконкретизированные глаголы

...ввиду...

Причинно-следственная связь

умиротворение... комфорт... Нарушение ограничения на со-
радость... в цветы и помидоры четаемость.

Здесь релевантна и предшествующая метакоммуникация Эриксона *...это не будет касаться цветов*, поскольку ранее он предупредил Джо, что не будет говорить о цветах, а здесь он говорит именно о них, и бремя конструирования смысла этой коммуникации ложится на Джо.

Это семечко, Джо, медленно набухает, пускает корешок с ресничками. Может быть, вы не знаете, что такое реснички; реснички — это *органы, которые стремятся* помочь помидорному семени прорасти, высунуться из земли в виде ростка, и *вы можете слушать меня, Джо*, поэтому я буду и дальше говорить, а *вы можете продолжать слушать, удивляясь, просто удивляясь тому, что вы на самом деле узнаете*.

...семечко... корешок...
ресничками... помидорному
семени... ростка...

Одни существительные, референтный индекс которых был уже аннулирован более ранней метакоммуникацией Эриксона

...продолжать слушать...

Пресуппозиция, что Джо слушал ранее

...знать... удивляться... узна-
вать...

Неконкретизированные глаголы

...удивляясь тому, что вы на
самом деле узнаете...

Подчиненная встроенная структура (косвенный вопрос: что вы на самом деле узнаете?)

...и... и... поэтому...

...органы, которые стремят-
ся...

Связи — простые конъюнкции, подразумеваемые каузативы.

...вы можете слушать... вы
на самом деле узнаете...

Отсутствие референтного индекса

Разговорные постулаты

...а вот ваш карандаш и ваш блокнот, но если говорить о помидорном кусте, он растет так медленно. *Вы не видите*, как он растет, *вы не слышите*, как он растет, но он растет — появляются первые подобия листьев на стебле, тоненькие волоски на черешке, такие же волоски на листьях, напоминающие реснички на корнях; они должны вызвать у помидора *очень приятное, очень комфортное чувство*...

...а вот ваш карандаш и ваш блокнот...	Утверждение, направленное на подстройку
...но если говорить о помидорном кусте...	Опущение (кто говорит кому?)
...они должны вызвать у помидора <i>очень приятное, очень комфортное чувство...</i>	Нарушение ограничения на сочетаемость

Базовая индукция транса с комментарием

Эта глава должна дать вам представление об уровне сложности языка, который Эриксон использует при наведении транса или произнесении внушений. Способность Эриксона использовать язык столь сложным способом является следствием опыта и творческого подхода, а также непоколебимой веры в способность людей усваивать то, что им необходимо знать. Однако хотя сам Эриксон и создает спонтанно подобные языковые паттерны, их формальные характеристики ему неизвестны. Он указывает:

Первый том «Структуры магии» Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера — отрадное упрощение беспредельных сложностей языка, которым я пользуюсь в работе со своими пациентами. Прочитав эту книгу, я узнал очень много о том, что я делал, сам того не понимая.

Представленная ниже индукция была записана на магнитофон в присутствии автора (Гриндера) и представлена дословно с комментариями (справа).

(1) *Не снимете ли вы ногу с ноги?*

(2) *Продол...*

Эриксон начинает индукцию с разговорного постулата

Не снимете ли вы ногу с ноги (разговорный постулат), как было описано выше, является вопросительной формой одной из пресуппозиций команды:

«Снимите ногу с ноги». Это движение начинает процесс, заставляющий клиентку выполнить паттерны, которые обычно не осознаются, в то же время приводя ее в позицию, необходимую для наведения транса, так как она уже начала реагировать на внушение Эриксона на уровне бодрствования

(3) *И положите руки вот так*

И связывает этот разговорный постулат со своей следующей командой, которая также не выражена в виде команды, а является продолжением предыдущего паттерна разговорных постулатов. Здесь заложена дополнительная двусмысленность (свобода) в отношении того, имеется ли в виду, *не положите ли вы...* или просто *положите...*

(4) *И посмотрите на любой объект перед вами*

Продолжение того же процесса использования разговорных постулатов.

(5) *Не касаясь его*

(6) *И продолжайте смотреть на этот объект*

Продолжайте смотреть предполагает, что от клиентки не требуется ничего иного. В то же время «и» незаметно связывает это высказывание со всеми предшествующими. Кроме того, предикат *продолжайте* во фразе *продолжайте смотреть* предполагает, что клиентка уже смотрит

(7) *Нет надобности разговаривать*

Разговорный постулат, являющийся потенциальной командой «не разговаривайте», в дополнение к пропуску (кто разговаривает с кем?) и номинализации

- надобность* с сопровождающими ее пропусками и отсутствием референтных индексов
- (8) *Надобности двигаться* Грамматически неправильный порядок слов, опущения (кто движется куда?) и номинализация *надобность*
- (9) *В сущности, вам не нужно обращать на меня внимания, поскольку...* Пресуппозиция остальной части предложения, когда произносится *в сущности*, номинализация *внимание* и начало причинно-следственного предложения (*поскольку*), *не нужно обращать на меня внимания* содержит разговорный постулат «не обращайтесь внимания»
- (10) *Ваше подсознание сможет услышать меня* Предполагает, что подсознание клиентки существует и может слышать слова Эриксона; подчиненная встроенная структура *услышать меня*
- (11) *И он сможет понять* Опущение (понять что?), подчиненная встроенная структура (*понять*), не конкретизированный глагол (*понять*)
- (12) *В сущности, даже нет никакой надобности обращать на меня внимания* Использование слов *даже* и *в сущности*, остальная часть коммуникации подразумевается. Грамматически неправильное предложение, разговорный постулат, подчиненная встроенная структура (*обращать внимание*), номинализация *надобность*
- (13) *И пока вы сидели тут* Направленное на подстройку утверждение, связанное с предыдущими высказываниями посредством *и*, а также подразумеваемым каузативом *пока*

- (14) *Вы делали то же* Отсутствие референтного индекса (*то*), опущение (такую же, как что и для кого?), неконкретизированный предикат *делали*
- (15) *Что делали, когда впервые пошли в школу* Пропуск (делали что именно?), подразумеваемый каузатив *когда*, внушение возрастной регрессии, упоминание более раннего периода жизни клиентки и одновременно утверждение, что клиентка делает нечто аналогичное сейчас
- (16) *Когда вы впервые увидели задание на навыки письма* Номинализации *задание* и *письмо* с сопутствующими пропусками и отсутствием референтных индексов, внушение возрастной регрессии посредством *когда*, а также подразумеваемый каузатив
- (17) *Буквы алфавита* Предикат *увидели* в (16) плюс упоминание о буквах алфавита — действенный прием, обеспечивающий доступ в недоминантное полушарие
- (18) *Это задание показалось невыполнимым* Опущения (показалось кому, невыполнимым для кого?), номинализация *задание*
- (19) *И как вам различить «b»* Подчиненная встроенная структура (различить «b», вопрос, заданный без паузы, позволяет клиентке прореагировать явным образом)
- (20) *Чем она отличается от «d»* Опущение (отличается в глазах кого?), дети сталкиваются именно с этой трудностью — то есть внушение возрастной регрессии

(21) *И цифры*

Также хранятся в недоминантном полушарии; грамматически неправильный фрагмент

(22) *Является ли 6
перевернутой 9
...9 перевернутой 6*

Грамматически неправильные фрагменты, проникновение в недоминантное полушарие, внушение возрастной регрессии, опущение (для кого?)

(23) *И решая эти задачи,
вы формировали ментальные
образы, которые останутся
с вами всю оставшуюся жизнь*

Проникновение в недоминантное полушарие, чтение мыслей, номинализация *задачи* с сопутствующими опущениями и отсутствием референтных индексов

(24) *Но вы тогда их не понимали*

Внушает амнезию

(25) *И пока вы сидели тут*

Направленное на подстройку высказывание, подразумеваемый каузатив (*пока*)

(26) *С вами сейчас происходило
то же самое, что происходило
с вами тогда*

В данный момент задействованы все вышеприведенные внушения: регрессия, амнезия, формирование ментальных образов, усвоение; *то же самое* лишено референтного индекса и может быть всем, чем угодно, — это дает возможность клиентке сделать выбор. Скорее являясь в той или иной степени ответом на все вышеприведенное, фразы Эриксона в этом предложении также превращают его во встроенную команду: *с вами СЕЙЧАССССССССС происходит то же самое — что происходило с вами тогда*. Маркирование таким способом, который интонационно подразумевает «сделайте это»

(27) *У вас изменилась частота дыхания*

(28) *У вас изменилось кровяное давление*

(29) *У вас изменилось сердцебиение*

(30) *У вас изменился глазной рефлекс*

(31) *И у вас появился ментальный образ этого объекта, и сейчас вы можете закрыть глаза СЕЙЧАСССС*

(32) *И сейчас вы можете насладиться все более глубоким погружением в транс*

(33) *И я хочу, чтобы вы насладились **каждым** его мгновением*

(34) *...И мне не нужно говорить с вами*

(35) *Вы можете получить массу удовольствий*

Это подстройка. Эриксон внимательно наблюдал за своей клиенткой и описывает изменения, которые он увидел, подкрепляя их обратной связью, а также предполагая, что они уже произошли

Чтение мыслей, союз *и*, связывающий телепатическое направленное на подстройку высказывание и желательное поведение, грамматическая неправильность (*сейчас* использовано два раза), разговорный постулат, подчиненная встроенная структура, неконкретизированный глагол (*появился*), аналоговое маркирование *Сейчасссс*

Связующий союз *и*, подчиненная встроенная структура, разговорный постулат, пресуппозиция, номинализации

Отсутствие референтного индекса (*его*), пресуппозиция (*каждое мгновение*), подчиненная встроенная структура, аналоговое маркирование

Опущение (говорить с вами о чем?)

Подчиненная встроенная структура, разговорный постулат, номинализация (*удовольствия*) с

(36) **Осознав** *те приятные чувства*

сопутствующими опущениями и отсутствием референтных индексов, пресуппозиция (*масса*)

Пресуппозиция (*осознав* — фактитативный предикат), номинализация *чувства*, не конкретизированный предикат, аналоговое маркирование

(37) *Которые возникают у вас внутри*

Подчиненная встроенная структура, неконкретизированный глагол, разговорный постулат

(38) *И одним из проявлений этого служит понимание того, что вы можете вернуться назад*

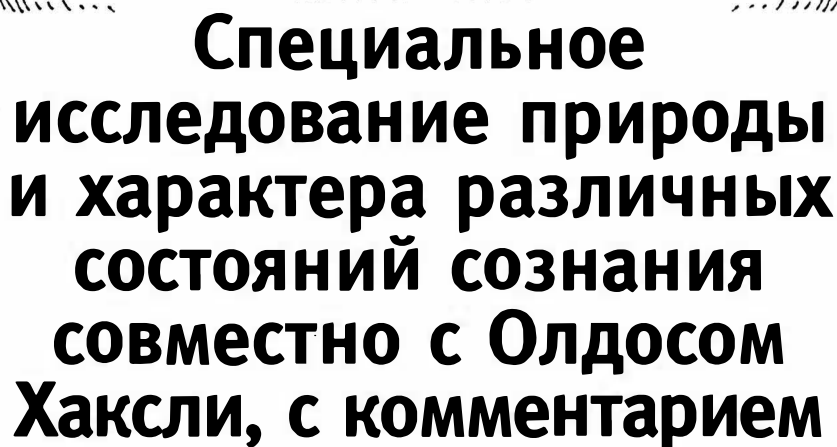
Отсутствие референтного индекса (*этого*), пресуппозиция (*одним*), номинализация (*понимание*), подчиненная встроенная структура, разговорный постулат

(39) *Тогда, возможно, вы приобретете опыт*

Подразумеваемый каузатив *тогда*, подчиненная встроенная структура, аналоговое маркирование, номинализация (*опыт*)

(40) *...состоящий в незнании того, какая из ваших рук поднимется первой*

Подчиненная встроенная структура (вопрос, *какая из ваших рук...*), пресуппозиция *какая из ваших рук...* предполагает, что одна из ваших рук... пресуппозиция *первой* предполагает, что одна рука непременно поднимется, и ставит вопрос, *какая* делает это *первой*

Специальное исследование природы и характера различных состояний сознания совместно с Олдосом Хаксли, с комментарием

Поведение пациента является частью проблемы, с которой он пришел в кабинет; оно образует личную среду, внутри которой должна быть эффективной психотерапия; она может составлять доминирующий фактор в локальных отношениях пациент—врач. Поскольку все, с чем пациент приходит в кабинет, является в определенной степени частью как его самого, так и его проблемы, на него следует смотреть с сочувствием, оценивая всю совокупность данных, с которыми сталкивается психотерапевт.

*Милтон Х. Эриксон. Использование симптомов
как неотъемлемая часть гипнотерапии*

Милтона Эриксона признают ведущим специалистом по медицинскому гипнозу и его использованию в психотерапевтическом контексте. За годы непрерывных исследований природы гипноза и функционирования человеческой психики в измененных состояниях сознания он раз за разом призывал к тому, чтобы гипнотизеры, психотерапевты, врачи и стоматологи развивали и совершенствовали способность идентифицировать и удовлетворять особые потребности и требования, которые их клиенты приносят в специфический контекст. Эриксон понимает, что полноценная коммуникация между двумя людьми одновременно на сознательном и подсознательном уровнях может иметь место только если один из них восприимчив к модели мира другого. К примеру, в психотерапевтическом контексте пси-

хотерапевт принимает на себя ответственность как за установление контакта с клиентом, так и за оказание ему помощи в усвоении навыков коммуникации, необходимых для обеспечения любого изменения в его поведении, в котором тот нуждается. Часто это может потребовать того, чтобы психотерапевт был способен обучить клиента выработке нового способа репрезентации своего опыта — то есть на самом деле обучить его выбору новых поведенческих альтернатив (либо на сознательном уровне, либо на подсознательном, либо на обоих), относящихся к его способу репрезентации мира. При использовании гипноза в медицинском или стоматологическом контекстах врач должен помочь каждому клиенту достичь измененного состояния сознания, позволяющего ему воспринимать мир в манере, радикально отличающейся от той, которая характерна для его нормального состояния сознания, чтобы можно было осуществлять хирургические процедуры, в противном случае сопряженные с трудностями, и должным образом позаботиться о пациенте. Общей для каждого из этих контекстов является возросшая способность клиента контролировать составляющие своего опыта, которые он в норме считает находящимися вне его контроля (например, способность припоминать события из далекого прошлого, забывать о мучительной боли и т. д.). Клиент с помощью гипнотизера начинает практически управлять составляющими своей нервной системы, которые обычно считают не поддающимися сознательному контролю, — он может добиться феноменальной власти над текущим процессом своего непосредственного восприятия мира, своего процесса моделирования.

В западноевропейской культуре одним из наиболее высоко ценимых навыков является опыт, который мы называем *творчеством* или *творческим актом*. Хотя существуют серьезные разногласия относительно природы этого опыта, исследователи творчества обычно характеризуют его как состояние измененного сознания. Например, в ходе исследования творчества знаменитых математиков и комментаторы, и сами математики отмечали, что открытия часто приходят к ним в форме сновидений, внезапно подсказывающих решение задачи, над которой они в данный момент не работают сознательно⁸.

В этой первой статье Эриксон работает совместно с Олдосом Хаксли, исследуя «различные состояния психологического осознания». Хаксли признают одной из самых творческих личностей

в современной западноевропейской истории. В этом контексте мы и рассмотрим системное поведение Эриксона, помогающее Хаксли достичь измененных состояний сознания и характеризующее восприимчивостью к огромным творческим ресурсам Хаксли. Принципы коммуникации, которые позволяют Эриксону действовать столь эффективно при психотерапевтических контактах, проявляются со всей отчетливостью в этой особой ситуации, где впечатляющие ресурсы творчески одаренной личности исследуются совместно с ней самой. Возможно, именно в этой статье наиболее ярко виден тот потенциал, который предлагает гипноз как средство исследования особо ценных измененных состояний сознания, а также изучения возможностей расширить пределы человеческого опыта. Эффективные приемы Эриксона не только помогают изменить составляющие нормальной модели мира индивида способом, имеющем узко психотерапевтическое, медицинское или стоматологическое применение, но также обеспечивают полноценное картирование составляющих человеческого потенциала, в норме не воспринимаемых, — тех составляющих человеческого потенциала, которые мы можем назвать *творческими актами*.

***Специальное исследование природы
и характера различных состояний сознания
совместно с Олдосом Хаксли,
с комментарием⁹***

Вступление

Больше года и Олдос Хаксли, и автор независимо друг от друга посвящали много времени планированию совместного исследования различных состояний психологического осознания. Мы писали в блокнотиках длинные перечни специальных изысканий, разрабатывали возможные методы экспериментального подхода и поисков и учитывали различные вопросы, которые следует рассмотреть. Целью было подготовить общую основу для предполагаемого совместного исследования таким образом, чтобы эта общая основа отражала мышление каждого из нас, не испытывающего влияния со стороны другого. Тем самым мы надеялись добиться максимально широкого охвата идей за счет независимых планов, составленных исходя из различных базовых установок, которые были присущи каждому из нас.

В начале 1950-х годов мы встретились в доме Хаксли в Лос-Анджелесе, чтобы провести там насыщенный день, оценить

идеи, которые мы записали в блокнотах независимо друг от друга, и устроить всевозможные экспериментальные проверки. Меня особенно интересовали подход Хаксли к психологическим проблемам, его метод мышления и уникальное использование им его подсознания — вопросы, которые нам уже приходилось обсуждать, но лишь кратко. Хаксли живо интересовался гипнозом, и предшествующая очень непродолжительная работа с ним продемонстрировала его прекрасные возможности как глубоко гипнабельного человека.

Мы понимали, что эта встреча будет предварительным, пилотным исследованием, и специально это оговорили. Поэтому мы решили сделать исследование максимально широким и всеохватывающим, не придавая излишнего внимания выполнению какого-либо конкретного пункта. Как только была оценена работа в течение дня, появилась возможность составить планы будущих встреч и специальных исследований. Кроме того, у каждого из нас были свои индивидуальные цели. Олдос помышлял о будущей литературной работе, а мой интерес был связан с планированием психологических экспериментов в области гипноза.

Работа в тот день началась в восемь утра и не прерывалась до шести вечера, причем на следующий день немало времени ушло на изучение содержания наших блокнотов, чтобы прийти к общему согласию, устранить любые недостатки ясности и смысла, обусловленные сокращенными пометками, которые мы делали в блокнотах во время работы накануне, и исправить всевозможные оплошности. В целом мы обнаружили, что содержание наших блокнотов неплохо согласуется друг с другом, однако определенное количество пометок, само собой, отражало наши особые интересы и тот факт, что каждый из нас в силу самой ситуации делал самостоятельные записи, вытекающие одна из другой.

Мы решили оставить эти блокноты у Хаксли, поскольку он обладал феноменальной памятью, часто казавшейся абсолютной, и превосходным литературным дарованием и, следовательно, лучше мог написать совместную статью, основанную на наших разговорах и экспериментах в тот день. Однако я все-таки извлек из своего блокнота несколько листов, на которых описывалось поведение Хаксли в те моменты, когда он как испытуемый не был в состоянии составить исчерпывающие записи о самом себе, хотя после эксперимента он и сам мог их сделать и действительно делал, пусть и в менее полной форме, чем я. Было предложено, чтобы на основании этих нескольких листов я попытался подготовить статью, а ее мы собирались позже включить в более обширную исследовательскую работу, которую должен был написать Хаксли. Соответственно, я вырвал несколько листов, намереваясь получить при следующей встрече еще и другие. Эти страницы, которые я вырвал, Хаксли быстро скопировал в свой блокнот, чтобы быть уверенным в полноте собственных данных.

К несчастью, калифорнийский пожар уничтожил дом Хаксли, его обширную библиотеку, содержащую множество редких томов и рукописей, и массу других ценных вещей, а также рукописи, над которыми Хаксли в то время работал, и те самые блокноты, в которых мы вели записи в ходе нашего совместного исследования. В результате предмет нашего проекта был полностью забыт, превратившись в тему, слишком мучительную для обсуждения. Но недавняя смерть Хаксли привела к тому, что я внимательно прочитал эти относительно многочисленные листы, которые извлек из своего блокнота. Изучение их показало, что можно познакомить читателя с небольшой, но информативной частью работы, проделанной в тот день. При этом читатель должен помнить, что цитаты, приписываемые Хаксли, необязательно приведены дословно, поскольку его более многословные высказывания были записаны в сокращенной форме. Однако по своей сути они верны и точно характеризуют Хаксли, каким я его знал. Также следует помнить, что Хаксли во время нашего совместного исследования прочитал мои записи и одобрил их.

Начало работы

Мы начали с того, что Хаксли дал оценку понятиям и определениям сознательного восприятия, преимущественно собственным и частично тем, которые он почерпнул от других людей, после чего последовало обсуждение со мной того, как он понимает гипнотические состояния сознания. Цель состояла в том, чтобы убедиться, что мы оба одинаково оцениваем или сознаем наши расхождения в понимании и тем самым делаем возможным более надежное изучение предмета нашего интереса.

Затем последовал подробный анализ многочисленных психоделических экспериментов Хаксли с мескалином, которые позже были описаны в его книге¹⁰.

После чего Хаксли дал детальную характеристику своей весьма специфической практики, которую он ввиду отсутствия лучшего и менее неуклюжего термина назвал «глубокой рефлексией». Он описал состояние глубокой рефлексии (описание автора не отличается полнотой, поскольку, как казалось, для полной фиксации тогда не было достаточного основания, кроме любопытства) и отметил, что этому состоянию присущи физическое расслабление — голова опущена, а глаза закрыты, — глубокое нарастающее психологическое отстранение от внешнего мира, но без какой-либо подлинной утраты контакта с физической реальностью, а также без какой-либо амнезии или потери ориентации, «отбрасывание» всего, не относящегося к делу, и последующее состояние полного ментального погружения в занимающий Хаксли предмет. Однако Хаксли указал, что в этом состоянии полного отстранения и ментального погружения он мог, например, взять новый карандаш, чтобы заменить притупившийся, и «автоматически» сделать записи

своих мыслей, совершенно не сознавая при этом своих физических действий, как если бы физическое действие «не являлось составной частью моего мышления». Но подобные физические действия, по-видимому, никак не сказывались на «потоке мысли, столь исчерпывающим образом занимавшем мое внимание», не замедляли его и не препятствовали ему. «Эти действия были ассоциированными, но полностью периферийными... Я мог бы сказать, что они едва касались периферии». В качестве дальнейшей иллюстрации Хаксли привел пример другого вида физической активности. Он вспомнил, как однажды находился в состоянии глубокой рефлексии, когда его жена ходила по магазинам. Он не вспомнил, какие мысли или идеи рассматривал, но вспомнил, что когда его жена вернулась в тот день, то спросила его, записал ли он информацию, которую она сообщила ему по телефону. Ее вопрос удивил Хаксли, он не смог вспомнить ничего, связанного с разговором по телефону, о котором говорила его жена, но вместе они обнаружили информацию, записанную в блокноте возле телефона, который находился на расстоянии вытянутой руки от кресла, где он любил погружаться в глубокую рефлексию. Они с женой пришли к выводу, что в момент телефонного звонка он находился в состоянии глубокой рефлексии, поднял трубку и сказал как обычно: «Да, я слушаю», — выслушал сообщение, записал его, после чего у него не осталось никаких воспоминаний об этих событиях. Он припомнил только то, что работал в тот день над рукописью, которая и поглотила все его внимание. Он объяснил, что для него было вполне обычно начинать ежедневную работу с погружения в состояние глубокой рефлексии в качестве предварительного процесса направления и приведения в порядок мыслей, которые позже в тот день находили отражение в его работе.

В качестве еще одного иллюстративного примера Хаксли привел случай, когда его жена вернулась домой после кратковременного отсутствия, нашла дверь закрытой, как обычно, вошла в дом и обнаружила заказное письмо, лежавшее на видном месте на столе в прихожей, предназначенном для почты, специальных посланий и т. д. Она обнаружила Хаксли тихо сидящим в его кресле, очевидно, в состоянии глубокой рефлексии. Позже в тот день она спросила о времени доставки заказного письма и узнала, что он ничего не помнит о получении писем. Однако они оба поняли, что почтальон, определенно, звонил в дверь, что Хаксли услышал звонок, прервал свои занятия, подошел к двери, открыл ее, принял письмо, закрыл дверь, положил письмо на положенное место и вернулся в кресло, в котором она его и нашла.

Оба этих примечательных события произошли сравнительно недавно. Хаксли припомнил их только как случаи, о которых ему рассказала жена, но не считал, что эти сообщения являются реальным описанием значимого физического поведения с его стороны. Он мог лишь вывести на этом основании, что,

должно быть, находился в состоянии глубокой рефлексии, когда они произошли.

Впоследствии его жена подтвердила предположение, что его поведение было полностью «автоматическим, подобным машине, движущейся выверенно и точно. Настоящее удовольствие видеть, как он достает книгу из книжного шкафа, снова садится, медленно открывает книгу, берет очки для чтения, немного читает, а затем откладывает книгу и очки в сторону. Позднее, даже через несколько дней, он замечает книгу и спрашивает про нее. Муж никогда не помнит, что он делает или о чем он думает, когда сидит в том кресле. Просто вдруг оказывается, что он сидит в своем кабинете, погруженный в работу».

Другими словами, когда Хаксли находился в состоянии глубокой рефлексии и, как кажется, полной отчужденности от внешней реальности, целостность задачи, выполняемой в этом ментальном состоянии, затрагивалась внешними стимулами, и тогда какая-то периферийная часть сознания позволяла писателю воспринимать эти стимулы, осмысленно реагировать на них, но без какой-либо фиксации в памяти, как стимула, так и его собственной осмысленной и адекватной реакции. Расспросы его жены впоследствии показали, что, когда она была дома, Олдос в состоянии глубокой рефлексии не обращал никакого внимания ни на телефон, даже если он звонил совсем рядом, ни на звонок в дверь. «Он полностью зависит от меня, но если я крикну ему, что ухожу, он обязательно услышит телефон или звонок в дверь».

Хаксли объяснил: он полагает, что может вызвать у себя состояние глубокой рефлексии в течение примерно пяти минут, но при этом «просто отбрасывает все якоря» любого осознания. Однако он не мог описать, что именно он имеет в виду и что он ощущает. «Это весьма субъективный опыт», в котором он, очевидно, достигал состояния «упорядоченной ментальной организации», обеспечивавшей упорядоченное свободное течение мыслей, когда он писал. Таково было его окончательное объяснение. Он никогда не думал как-либо проанализировать то, что именно представляла собой его «глубокая рефлексия», и не считал, что способен ее проанализировать, но предложил попытаться это сделать в качестве экспериментального исследования в день нашей совместной работы. Вскоре стало ясно, что, когда Хаксли начинал погружаться в свои мысли для достижения состояния глубокой рефлексии, он действительно «отбрасывал все якоря» и, по всей видимости, полностью отключался от всего вокруг. Во время попытки пережить свой субъективный опыт и припомнить процессы вхождения в глубокую рефлексия он достиг нужного состояния через пять минут и вышел из него через две, насколько точно я мог это определить. Его комментарий был следующим: «Послушайте, мне чертовски жаль. Внезапно я почувствовал себя полностью готовым к работе, но мне было нечем себя занять, и я понял, что мне лучше выйти из этого состояния». Это была вся информа-

ция, которую он мог предоставить. Во время следующей попытки я должен был дать знак, который, как мы условились, послужит ему сигналом для «выхода из его состояния». Вторая попытка была проделана с той же легкостью, что и первая. Хаксли тихо сидел в течение нескольких минут, после чего был дан условленный сигнал. Хаксли сообщил следующее: «Я почувствовал, что просто ожидаю чего-то. Я не знал, чего именно. Это было всего лишь “нечто”, что, как мне казалось, появится в лишенной времени и пространства пустоте. Послушайте, я заметил это чувство в первый раз. У меня всегда была какая-то пища для размышлений. Но в этот раз у меня не было под рукой никакой работы. Я был ничем не заинтересован, безразличен, просто ждал чего-то, а затем почувствовал потребность выйти из своего состояния. Послушайте, вы дали мне этот сигнал?»

Расспросы показали, что у него отсутствуют четкие воспоминания о стимуле, который был дан. У него появилось лишь «чувство», что пора «выходить из состояния».

Несколько дополнительных попыток принесли схожие плоды. Как было определено, имели место лишь ощущение лишенной времени и пространства пустоты, безмятежное, комфортное ожидание «чего-то» неопределенного и приятная потребность вернуться к обычному сознательному восприятию. Хаксли коротко подытожил свои данные как «полное отсутствие чего бы то ни было на пути туда и обратно, и ожидаемое бессмысленное нечто, предвкушаемое человеком в состоянии нирваны, поскольку ему больше нечем себя занять». Он подтвердил свое намерение провести позднее интенсивное исследование этой практики, которую он находил столь полезной в своей литературной работе.

Были проведены дальнейшие эксперименты, после того как Хаксли объяснил, что он может входить в состояние глубокой рефлексии всего лишь благодаря неопределенному пониманию того, что он прореагирует на любой «значимый стимул». Не информируя его о своих намерениях, я попросил его «пробудиться» (этот термин — мое собственное изобретение), когда я постучу по столу карандашом три раза подряд. Он легко вошел в состояние рефлексии, и после короткой паузы я начал стучать по столу карандашом в разном ритме, соблюдая характерные, но неравномерные интервалы. Так, я стукнул один раз, сделал паузу, затем постучал два раза подряд, сделал паузу, стукнул один раз, сделал паузу, простучал четыре раза подряд, сделал паузу, затем постучал пять раз подряд. Были испробованы различные варианты, но так, чтобы избежать условленного сигнала. Когда были произведены четыре удара, я специально с грохотом уронил кресло. Но он прореагировал лишь тогда, когда были сделаны указанные три удара. Его пробуждение происходило неторопливо, но после почти незамедлительной реакции на сигнал. Я спросил Хаксли о его субъективных ощущениях. Он объяснил, что они были такими же, как и

ранее, за одним исключением: несколько раз у него появлялось смутное чувство, что «наступает нечто», но он не знал, что именно. Он не осознавал, что происходило вокруг.

Хаксли уже приобрел немалый опыт вхождения в измененные состояния сознания и выхода из них. Отметим, что в обсуждении состояния, которое Хаксли называет глубокой рефлексией, и он, и Эриксон отличают его нормальное состояние сознания от этого особого состояния с помощью следующих формулировок:

Как если бы *физическое* действие *не* являлось составной частью моего мышления...

Но подобные физические действия, по-видимому, никак не сказывались...

Припомнил их только как случаи, о которых ему рассказала жена, но *не считал*...

Автоматическим, подобным машине, движущейся выверенно и точно...

Просто *отбрасывает все якоря*...

Полностью отключался от всего вокруг...

Одним из паттернов, который объединяет все эти описания, является то, что в каждом из них нормальное состояние сознания и опыт Хаксли с измененным состоянием сознания разграничиваются посредством редукции или полного отсутствия кинестетических ощущений. Если вы посмотрите, как Хаксли описывает на протяжении всей статьи свое восприятие мира в нормальном состоянии, то обнаружите, что он отдает определенное предпочтение кинестетическим предикатам — то есть глаголам, прилагательным и наречиям, которые основаны на кинестетической репрезентативной системе или предполагают ее. Другими словами, наиболее ценимой репрезентативной системой Хаксли является кинестетическая. Поэтому измененное состояние сознания — глубокая рефлексия — характеризуется у него тем, что оно отличается от первичного состояния редукцией или отсутствием телесных ощущений.

Можно выделить два дополнительных паттерна, которые повторяются в работе Эриксона, а также присутствуют в этой части его статьи. Сначала жена Хаксли заявляет: «Муж никогда не помнит... когда сидит в том кресле». Один из оперативных способов помощи человеку, который достиг измененного состояния

сознания, будь это гипноз, глубокая рефлексия или иные состояния, при повторном вхождении в это состояние, — посредством истощающего припоминания их опыта в тот момент, когда они достигли этого измененного состояния сознания. Например, стандартным приемом Эриксона является подведение клиента, который хочет снова войти в состояние транса, к тому, чтобы он воссоздал переживания, испытанные им в одном из предшествующих случаев. Хаксли, который самостоятельно научился быстро погружаться в глубокую рефлексию, использует один из самых эффективных техник припоминания — кинестетическое припоминание. Иными словами, усаживаясь в «то кресло», он ускоряет процесс своего вхождения в измененное состояние сознания, так как в том кресле он неоднократно входил в это состояние, и физический акт усаживания в «то кресло» позволяет ему вызвать знакомые кинестетические ощущения сидения в «том кресле» — эффективный набор кинестетических ключей, связанных с измененным состоянием. Воспроизведение кинестетических ощущений, связанных с прежними измененными состояниями сознания, входит в число техник, которые Эриксон характерным образом использует для обеспечения удовлетворительных трансов в будущем.

Процедура состоит в том, чтобы заставить испытуемого вспомнить с самого начала во вполне упорядоченной, подробной манере события предшествующего успешного гипнотического транса. Когда испытуемый это делает, предлагаются повторения его утверждений и задаются полезные вопросы. Когда испытуемый погружается в это задание, он оживляет предшествующее состояние транса, обычно субъективно регрессируя к той предшествующей ситуации и устанавливая особый раппорт с гипнотизером.

Милтон Эриксон. «Техники утилизации», р. 36.

В точности такой же формальный паттерн присущ тому, что психотерапевты называют *методом отыгрывания*. При отыгрывании клиента просят вспомнить во всей полноте кинестетические, визуальные, аудиальные и другие ощущения, связанные с некоторым опытом, лежащим в основе препятствия к желательному росту и изменению в его поведении. Тем самым прошлое становится настоящим, и клиент, снова переживая это событие, открывает для себя новые возможности в своем поведении (подробное обсуждение метода отыгрывания см. в: «Структура магии», том I, глава 6, и том II, часть I).

Отметьте, что выбор Хаксли конкретного физического места («того кресла») и сопутствующее кинестетическое ощущение, связанное с ним, согласуются с тем фактом, что наиболее ценимой репрезентативной системой у Хаксли является кинестетическая. Эриксон систематически извлекает ключи или сигналы из репрезентативной системы, наиболее ценимой клиентом, чтобы помочь ему впервые или повторно войти в состояние транса. Таким образом, хотя кинестетические ключи весьма эффективны в случае Хаксли, при работе с клиентом с развитой визуальной системой более подходящей будет созданная в воображении картина какого-то опыта.

Еще один вариант метода повторений заключается в том, чтобы побудить испытуемого представить себя выполняющим какое-то гипнотическое задание, с последующим добавлением к визуализации других форм представления, например аудиального, кинестетического и т. д.

Милтон Эриксон. «Глубокий гипноз и его индукция», р. 29

То есть Эриксон использует наиболее развитую репрезентативную систему человека, чтобы помочь ему получить доступ к другим репрезентативным системам.

Во-вторых, Эриксон задействует с Хаксли сигнал «пробуждения», не информируя его о своих намерениях полностью. Здесь Эриксон демонстрирует несколько важных методов. Он выбирает сигнал, который относится к модальности (аудиальной), отличной от репрезентативной системы, наиболее ценимой Хаксли (кинестетической). Эриксон обычно подбирает для постгипнотического поведения сигналы или ключи в модальностях, отличающихся от репрезентативной системы, наиболее высоко ценимой другим человеком. Это позволяет ему обойти модальность и репрезентативную систему, чаще всего связанную с активностью сознания, и установить более непосредственный контакт с неосознаваемыми частями психики человека. Затем Эриксон переходит к проверке эффективности ключа, подавая ряд сигналов в той же модальности (аудиальной — серии постукиваний карандашом, отличающиеся от условленного сигнала, грохот от падения кресла, которое Эриксон роняет, и т. д.). Неспособность Хаксли прореагировать на эти звуковые сигналы демонстрирует степень глубокой рефлексии. Подбирая ключ для пробуждения Хаксли, Эриксон не дает ему специальных указаний *не* реаги-

вать на аудиальную стимуляцию, отличающуюся от условленного ключа. Вместо этого он делает позитивное утверждение, что Хаксли пробудится при подаче специфического сигнала. То, как Хаксли прореагирует или не прореагирует на другие аудиальные сигналы, остается неопределенным, тем самым позволяя Хаксли использовать собственные огромные ресурсы при определении своего поведения. Это превосходный пример последовательного паттерна Эриксона, состоящего в минимальном ограничении человека, с которым он работает, в согласии с требованиями контекста. Делая позитивное внушение относительно специфического сигнала, Эриксон оставляет Хаксли максимальную свободу прореагировать или нет, как тот решит.

При наведении транса неопытный гипнотизер часто пытается направить или подчинить себе поведение испытуемого, чтобы оно соответствовало его представлению о том, как испытуемый «должен» себя вести. Должны иметь место постоянная минимизация роли гипнотизера и постоянная максимизация роли испытуемого.

Милтон Эриксон. «Глубокий гипноз и его индукция», р. 18

Тем самым Эриксон использует все ресурсы, доступные человеку, с которым он работает.

Были проведены дальнейшие эксперименты, в ходе которых я предлагал Хаксли погрузиться в глубокую рефлексии и ощутить цвет, при этом заранее условленным сигналом к пробуждению было пожатие его правой руки. Он охотно согласился, и когда я увидел, что он полностью погружен в состояние рефлексии, то сильно потряс его левую руку, а затем сильно ущипнул тыльные стороны обеих его рук, после чего на них остались глубокие следы от моих ногтей. Хаксли никак не прореагировал на эту физическую стимуляцию, хотя я наблюдал за его глазами, стараясь увидеть возможные движения глазных яблок под веками, и проверял частоту его дыхания и пульса на предмет любых изменений. Однако спустя примерно минуту он медленно вытянул руки вдоль ручек кресла, где они находились до начала его состояния рефлексии. Они медленно продвинулись примерно на расстояние трехсантиметров, а затем все движения прекратились.

При подаче условленного сигнала он пробудился легко и спокойно.

Его субъективное сообщение свелось лишь к тому, что он «растворился» в «море цвета», «ощущал», «чувствовал» цвет, «слился» с ним, «почти полностью погрузился в это с утратой

собственной идентичности». Затем он внезапно почувствовал, как этот цвет растворяется в «бессмысленной пустоте», после чего тотчас же открыл глаза и понял, что «вышел из своего состояния».

Хаксли помнил условленный стимул, но не припомнил, был ли он подан. «Я могу заключить, что он был подан, только на основании того, что я вышел из своего состояния». Косвенные вопросы не выявили никаких воспоминаний о других физических стимулах, примененных к нему. Я также не заметил, чтобы он рассеянно рассматривал тыльные стороны своих рук или растирал их.

Та же самая процедура, связанная с цветом, была повторена еще раз, но к ней были добавлены — когда он, как казалось, достиг состояния глубокой рефлексии — повторные настойчивые призывы, чтобы после пробуждения он обсудил определенную книгу, которая была специально положена у него на виду. Результаты были сравнимы с предшествующими. Он «забылся», «...почти полностью погрузился в это», «мог ощутить, но не описать это», «...совершенно изумительное, чарующее состояние восприятия себя частью приятной бесконечной аллеи цвета, мягкого, нежного, податливого и всепоглощающего», «...весьма необычное состояние». Он ничего не помнил ни о моих вербальных призывах, ни о других физических стимулах. Он помнил об условленном сигнале, но не знал, был ли он подан. Хаксли лишь предположил, что сигнал был подан, поскольку снова находился в состоянии обычного осознания. Присутствие книги ничего для него не означало. Одно дополнительное замечание свелось к тому, что вхождение в состояние глубокой рефлексии путем погружения себя в ощущение цвета было определенным образом сопоставимо с его психоделическими переживаниями, но не идентично им.

В этой части статьи Эриксон дает важное описание того, как он помогает Хаксли перейти к иной репрезентативной системе, отличной от той, которая была изначально связана с его нормальным состоянием сознания, — в данном случае к визуальной. Восприятие цвета, которое Эриксон просит Хаксли «ощутить», когда тот снова погружается в глубокую рефлексия, это опыт, который обычно опирается на визуальную репрезентативную систему. То, как Эриксон подбирает здесь слова, показывает его тонкое чувство языка и его принцип предоставления человеку, с которым он работает, максимальной свободы реагирования. Эриксон указывает: «...Его просили погрузиться в глубокую рефлексия и *ощутить* цвет». Отметьте: не увидеть цвет, а ощутить его. В результате Хаксли реагирует созидательно, испытывая следующие переживания:

...Растворение в «море цвета»...

Ощущение, чувство цвета, слияние с ним...

Бесконечная аллея цвета, мягкого, нежного, податливого...

То, как Хаксли в этих описаниях выбирает предикаты, показывает, что он находится в состоянии перехода от своей первичной репрезентативной системы — кинестетической (*растворение, чувство, мягкий, нежный, податливый*) — к визуальной (например, *цвет, аллея, цвет*). Опять же, предоставляя Хаксли максимум свободы в переживании этого ощущения, Эриксон использует ресурсы Хаксли полнее, чем это было бы возможно, если бы он (Эриксон) проявлял бóльшую авторитарность. Используя смешанные предикаты, Хаксли демонстрирует здесь феномен, часто связываемый с творческой деятельностью, — синестезию, кросс-модальное восприятие. Установлено (см. «Структура магии», том II, часть III, и работу Бах-и-Рита (Bach-y-Rita), указанную в библиографии), что эти нервные контуры фактически оказываются доступными в качестве базиса такого поведения.

В качестве последнего эксперимента я попросил Хаксли погрузиться в состояние рефлексии, чтобы припомнить случаи с телефонным звонком и заказным письмом. Его комментарий свелся к тому, что подобный план должен быть «весьма плодотворным». Несмотря на неоднократные попытки, «выходя из своего состояния», он объяснял: «Я не знал, чем себя там занять, поэтому и вышел оттуда». Его воспоминания ограничивались сообщениями, данными ему женой, и все детали были связаны с ней, а не с какими-либо внутренними ощущениями события, пережитыми им самим.

Последняя попытка была предпринята с целью выяснить, может ли Хаксли включить в свое состояние глубокой рефлексии другого человека. Эта идея сразу же его заинтересовала, и было предложено, чтобы он вошел в состояние рефлексии и произвел обзор некоторых из своих психоделических опытов. Он проделал это весьма интересным образом. Когда состояние рефлексии было достигнуто, Хаксли, в совершенно отрешенной, диссоциированной манере начал делать фрагментарные замечания, преимущественно в форме комментариев, адресованных самому себе. Так, он сказал, делая фрагментарные пометки с помощью карандаша и бумаги, которые были быстро ему предоставлены: «весьма необычно... я не заметил этого... как?... странно, что я забыл об этом (делая запись)... удивительно, насколько иначе это выглядит... надо посмотреть...»

По пробуждении у него были смутные воспоминания о том, что он производил обзор предшествующего психоделического

опыта, но он не смог припомнить, что именно он ощущал тогда или в этой непосредственной ситуации. Как и не вспомнил он о том, что разговаривал вслух и делал записи. Когда ему их показали, он обнаружил, что они сделаны столь неразборчиво, что их нельзя прочесть. Я зачитал ему свои, но это не оживило в нем никаких воспоминаний.

Предикаты, выбранные Хаксли в состоянии глубокой рефлексии, указывают на полный переход к визуальной репрезентативной системе:

Я не заметил этого

*...насколько иным это **выглядит***

*Надо **посмотреть**...*

В индукциях Эриксона, а также в нашей собственной работе с наведением транса мы обнаруживаем последовательный паттерн проявления визуальной репрезентативной системы, которая становится все более значимой по мере того, как клиент все глубже погружается в состояние гипноза. Одно из красивых объяснений этого паттерна сводится к тому, что при гипнотической индукции гипнотизер пытается установить контакт с подсознанием клиента. Одно из различий между двумя полушариями человеческого мозга обусловлено их языковой и визуальной функциями. В целом полушарие, которое ведает языком, хуже приспособлено к выявлению визуальных отличий:

Каждое полушарие головного мозга способно и предпочитает выполнять определенный ряд когнитивных задач, которые другая сторона находит затруднительными, нежелательными или и теми и другими одновременно. При рассмотрении природы этих двух рядов функций создается впечатление, что они могут быть логически несовместимыми. Правое (у большинства людей неязыковое) полушарие осуществляет синтез в пространстве. Левое (у большинства людей языковое) полушарие производит анализ во времени. Правое полушарие подмечает визуальное сходство, за исключением концептуальных подобий. Левое полушарие ведет себя противоположным образом. Правое полушарие воспринимает форму, левое — детали. Правое полушарие кодирует поступающую сенсорную информацию в образах, левое — в лингвистических описаниях... Эта характеристика функционирования полушарий предполагает, что гештальт-законы перцептивной организации относятся только к пассивному полушарию.

Джерр Леви, «Психологическое значение двусторонней асимметрии функций больших полушарий головного мозга человека», р. 167.

В более свежей работе по церебральной асимметрии Гардинер (Gardiner, 1975) замечает:

...Каждая половина головного мозга контролирует движения противоположной части тела. Когда совершают движение левая нога, левая рука или пальцы левой руки, импульсы посылаются из правой половины мозга; когда человек смотрит налево, импульсы (или связи) опять же направляются в правую половину мозга; а импульсы, передающие информацию от левого уха, как правило, направляются в правую половину мозга, или «предпочитают» ее. Этот принцип *контрлатеральной* («противоположно-сторонней») репрезентации в равной степени приложим и к правым конечностям тела: действия правой руки или ноги, а также других органов этой стороны контролируются левой половиной мозга.

Гардинер. «Раздробленное сознание», р. 351.

Если Эриксон, ссылаясь на «подсознательную часть психики», имеет в виду пассивное или недоминантное полушарие, то паттерн проявления визуальной репрезентативной системы, который мы подметили в работе Эриксона, а также в нашей собственной, понятен. Имеется несколько других паттернов, которые мы выделили в нашей работе и которые подтверждают эту интерпретацию.

Во-первых, при проведении двойной индукции (наведении транса, при котором оба автора разговаривают с клиентом одновременно) стиль речи каждого из нас, меняется в зависимости от уха, в которое мы говорим. В частности, если Джон говорит в ухо, передающее информацию в языковое полушарие, он прибегнет к сложному синтаксису, используя, к примеру, двусмысленности в качестве ключевого элемента, тогда как Ричард обращается к безмолвному полушарию посредством максимально упрощенного синтаксиса — синтаксиса, который представляет собой не грамматически правильный английский, но не *взрослый*, а *детский*. (Далее мы поговорим об этом поподробнее.) Двойное наведение транса происходит быстрее и обеспечивает более глубокий транс, когда мы делаем это разграничение для полушарий, чем когда мы его не делаем.

Во-вторых, одним из наиболее надежных показателей того, что клиент входит в удовлетворительное состояние транса, служит появление скоординированных движений той стороны тела, которая контролируется недоминантным полушарием.

В-третьих, в ходе психотерапевтической работы мы разработали ряд техник, которые помогают клиентам быстро включить репрезентативные системы, отличающиеся от наиболее ценимой ими системы. Много раз в ходе обучения клиента, у которого наиболее ценимой репрезентативной системой была не визуальная, а какая-то иная, мы замечали, что клиент делает разграничение между «мысленным созданием картины» и «созерцанием картины». В первом случае клиент обычно сообщает о смутных, относительно не сфокусированных, схематичных и неустойчивых визуальных образах, тогда как во втором случае образы обладают сфокусированными, устойчивыми, полноценными, содержательными, яркими свойствами непосредственного ввода визуальной информации. Во всех случаях на данный момент времени опыт «мысленного создания картины» был связан с вербальным, внутренним диалогом, тогда как яркая визуализация не находилась в связи с каким-либо внутренним вербальным диалогом. Очевидно, в первом случае клиент конструирует картину, используя свою языковую систему в качестве ведущей, в то время как во втором случае имеет место прямой доступ к картинам, хранящимся в недоминантном полушарии. Таким образом, одной из техник, которую мы разработали для того, чтобы помочь клиенту задействовать свою способность яркой визуализации, было обучение его прекращению внутреннего вербального диалога. Очень часто его первые опыты с прекращением внутреннего диалога ведут к тому, что представляется нам поведением в состоянии транса.

В-четвертых, на различных отрезках своей работы Эриксон очень эффективно использует в качестве составной части индукции мелодии. Мелодии хранятся в недоминантном полушарии.

В-пятых, в контексте психотерапии одним из наиболее эффективных приемов, помогающих клиенту при изменении его модели мира, является направляемая фантазия (Guided Fantasy) (подробное обсуждение см. в «Структура магии», том I, глава 6, и том II, часть I), при которой клиента обычно просят закрыть глаза и представить себе определенную ситуацию, которая затем поможет ему при изменении. Наш первоначальный интерес к гипнозу возник после того, как мы поняли, что поведение наших клиентов при направляемой фантазии неотличимо от описаний пациентов в состояниях среднего и глубокого транса. Далее, опять же в психотерапевтическом контексте, в частности при работе с

полярностями (полярностями называют проявление двух конфликтующих моделей поведения, наблюдаемых у клиента см. «Структура магии», том II, часть III), мы заметили, что одним из наиболее непосредственных и эффективных способов помощи клиенту при полной экспрессии и интеграции его полярностей является обеспечение того, чтобы одна из полярностей использовала визуальную репрезентативную систему, а другая — либо кинестетическую, либо аудиальную репрезентативную систему¹¹.

Наконец, мы обнаружили, что клиенты, выполняющие постгипнотические внушения, часто переходят от предикатов, которые они используют в норме, к визуальным предикатам, когда они снова входят в состояние транса, чтобы выполнить постгипнотические внушения.

Повторение принесло схожие плоды за одним исключением. Этим исключением было поразительное проявление полного недоумения, когда Хаксли внезапно объявил: «Послушайте, Милтон, это просто невероятно, весьма и весьма необычно. Я использую глубокую рефлексия для пробуждения своих воспоминаний, для приведения в порядок всех своих мыслей, для исследования диапазона, степени своей ментальной жизни, но делаю это исключительно для того, чтобы позволить этому осознанию, мышлению, пониманию, воспоминаниям внедриться в работу, которую я планирую выполнить без осознанного восприятия их. Изумительно... никогда не задумывался, что моя глубокая рефлексия неизменно предшествовала периоду интенсивной работы, в которую я полностью погружался... тогда неудивительно, что у меня амнезия».

Позже, когда мы изучали блокноты друг друга, Хаксли был сильно удивлен и озадачен тем, что я записал в отношении физических стимулов и чего он совершенно не помнил. Он знал, что несколько раз входил в состояние глубокой рефлексии по моей просьбе, был приятно удивлен своими субъективными чувствами растворения во всепоглощающем море цвета, ощутил определенную потерю чувства времени и пространства, испытал приятное предчувствие того, что должно произойти нечто важное. Он перечитал мои записи несколько раз, пытаясь вызвать у себя хотя бы смутное воспоминание о субъективном осознании различных физических стимулов, воздействию которых я его подвергал. Он также обследовал тыльные стороны своих рук в поиске следов от щипков, но они исчезли. Его заключительный комментарий был таким: «...Странно, весьма странно, я бы сказал, просто изумительно».

Когда мы согласились, что дальнейшее изучение глубокой рефлексии лучше отложить, по крайней мере на время, Хаксли снова объявил, что внезапное осознание того, насколько часто

он прежде использовал глубокую рефлексию и как мало он о ней знал, побуждает его провести намного более серьезное ее исследование. Способ и средства, какими он ее достигал, то, как она превращалась у него в разновидность подготовки к погружению в работу, и каким образом она заставляла его терять ненужный контакт с реальностью, — все эти проблемы вызывали у него большой интерес.

Затем Хаксли предложил провести исследование гипнотических состояний осознания, в которых он выступит в качестве испытуемого. Он попросил, чтобы ему позволили прерывать свои состояния транса по его желанию с целью их обсуждения. Это полностью согласовывалось с моими собственными намерениями.

Хаксли попросил, чтобы сначала был индуцирован легкий транс, возможно, несколько раз, чтобы у него появилась возможность исследовать свой субъективный опыт. Поскольку ранее он проявил себя как гипнабельный человек, его заверили, что этот факт поможет ему почувствовать уверенность в том, что он способен прервать свои состояния транса на любой желательной для него стадии. Он не понял, что эти слова были обычным, непосредственным гипнотическим внушением. Читая позже записи в своем блокноте, я был сильно удивлен тем, насколько легко он поддался явному внушению, не распознав в тот момент его сути.

Несколько повторений легкого транса показались ему интересными, но «поддающимися слишком простой концептуализации». Он объяснял, что это «обычное переключение интереса с внешнего мира на внутренний». То есть когда человек обращает все меньше и меньше внимания на внешние обстоятельства и направляет его на внутренние субъективные ощущения. Внешние обстоятельства становятся все более блеклыми и расплывчатыми, а внутренние субъективные чувства — более приятными, пока не наступает состояние равновесия. В этом состоянии равновесия он чувствовал, что при наличии мотивации может «сделать усилие и охватить реальность», что имеет место определенное сохранение охвата внешней реальности, но отсутствует мотивация к контакту с ней. При этом он не испытывал желания углубить транс. Какие-либо изменения в этом состоянии равновесия казались ненужными, и он заметил, что оно сопровождалось чувством удовлетворения и релаксации. Он поинтересовался, испытывают ли другие испытуемые подобные субъективные реакции.

Хаксли попросил, чтобы легкий транс был наведен с помощью разнообразных техник и чтобы некоторые из них были невербальными. Результаты в каждом случае, как отчетливо казалось Хаксли, полностью зависели от его психического состояния. Он обнаружил, что готов «дрейфовать» (мое выражение) в легком трансе, воспринимая внушения, предполагавшие прежде всего реакции только на субъективном уровне. Он обнаружил, что попытка действовать в непосредственном контак-

те с физическим окружением отнимает у него много сил и вызывает желание либо выйти из транса, либо погрузиться в него еще глубже. Он также, по собственной инициативе, ставил перед собой определенные задачи, чтобы проверить свои состояния транса. Так, прежде чем погрузиться в легкий транс, он принимал про себя решение обсудить со мной определенную тему, релевантную или нет, как можно скорее или, наоборот, выждав достаточно долгое время. В подобных случаях Хаксли обнаруживал, что такие невыраженные желания препятствуют сохранению транса. Аналогичным образом, любая попытка включить в транс аспект реальности, не относящийся к его ощущению субъективного удовлетворения, ослабляла транс.

Во всех случаях сохранялось «нечеткое, но быстрое» понимание того, что можно произвольно изменить состояние осознания. Хаксли, подобно другим, с кем я проводил аналогичные исследования, испытывал сильное желание изучить свое ощущение субъективного комфорта и удовлетворения, но тотчас же понимал, что это приведет к состоянию более глубокого транса.

Когда Хаксли попросили сформулировать то, как он понимает средства, которые он мог использовать для того, чтобы избежать погружения в более глубокий транс, он заявил, что делал это, устанавливая определенный промежуток времени, в течение которого он останется в легком трансе. Это помогало ему лучше осознавать, что он в любой момент может «сделать усилие и охватить внешнюю реальность» и что его ощущение субъективного комфорта и легкости ослабевало. Обсуждение этого и повторные эксперименты показали, что тщательно формулируемые внушения, акцентирующие доступность внешней реальности и усиливающие ощущение субъективного комфорта, могли углубить транс, даже если Хаксли полностью осознавал то, что говорилось, и почему. Схожие результаты были получены с другими хорошо информированными испытуемыми.

При экспериментировании с трансами средней глубины Хаксли, подобно другим испытуемым, с которыми я работал, испытывал намного большие трудности с достижением и сохранением относительно постоянного уровня транса. Он обнаружил, что испытывает субъективную потребность глубже войти в транс и интеллектуальную потребность оставаться на среднем уровне. В результате оказывалось, что он раз за разом «стремился осознать» то, что его окружало, и это инициировало легкий транс. Затем он направлял свое внимание на субъективный комфорт и обнаруживал, что погружается в глубокий транс. Наконец, после повторных экспериментов ему было дано одновременно постгипнотическое и прямое гипнотическое внушение, чтобы он оставался в трансе средней глубины. Тогда он обнаружил, что может делать это без особых трудностей. Он описал средний транс как характеризующийся преимущественно очень приятным субъективным ощущением

комфорта и смутным, нечетким, искаженным осознанием того, что существует внешняя реальность, для изучения которой ему требовалась значительная мотивация. Однако если он пытался изучить хотя бы какой-то одиночный аспект реальности на предмет его подлинной ценности, транс тотчас же становился все более легким. С другой стороны, когда он изучал какой-то аспект внешней реальности на предмет субъективных ценностей, к примеру, сравнивал приятную мягкость подушек кресла с подлинной тишиной в комнате, транс становился глубже. Но и легкий, и глубокий транс характеризовался потребностью каким-то образом ощутить внешнюю реальность, не обязательно явно, но тем не менее сохранить некоторое распознаваемое ее восприятие.

В обоих типах транса проводились эксперименты по выявлению того, какие гипнотические феномены можно вызвать в легком и среднем трансах. Этот же самый эксперимент проводился с другими хорошими испытуемыми, а также с испытуемыми, которые систематически погружались только в легкий транс, и с теми, кто, как казалось, был совершенно не способен продвинуться дальше среднего транса. Во всех подобных исследованиях результаты были одинаковыми, и наиболее значимым из них, по-видимому, была потребность испытуемых, погружавшихся в легкий и средний трансы, сохранять по меньшей мере некоторое осознание внешней реальности и воспринимать свое состояние транса как состояние, отличное от внешней реальности, но с ориентацией на нее; какой бы призрачной она ни была, испытуемому было комфортно ощущать, что она доступна для него в любой момент.

Еще один аспект, который Хаксли обнаружил за счет собственных усилий, не направляемых мной, и о котором я прекрасно знал благодаря работе с другими испытуемыми, заключался в том, что феномены глубокого гипноза можно было вызвать и в легком, и в среднем трансе. Хаксли, после исследования глубокого гипноза, заинтересовался возможностью получения галлюцинаторных феноменов в легком трансе. Он попытался добиться этого, наслаждаясь своим субъективным состоянием физического комфорта и расширяя его дополнительным субъективным качеством, а именно приятным вкусовым ощущением. Он обнаружил, что может очень легко вызвать яркие галлюцинации различных вкусовых ощущений, задаваясь при этом ненавязчивым вопросом, что бы я подумал, если бы знал о том, что он делает. Он не осознавал, что, когда он это делал, у него учащался глотательный рефлекс. От вкусовых ощущений Хаксли перешел к обонятельным галлюцинациям, как приятным, так и неприятным. Он не замечал, что выдает свои действия расширением ноздрей. В этот момент, как он впоследствии объяснил, он «почувствовал», что галлюцинации полностью «внутреннего процесса», то есть такого, который происходит внутри самого тела, достижимы легче, чем те, при которых галлюцинация, по-видимому, возникает снаружи тела.

От обонятельных галлюцинаций Хаксли перешел к кинестетическим, проприоцептивным и, наконец, тактильным ощущениям. При восприятии кинестетической галлюцинации ему казалось, что он совершает долгую прогулку, но при этом сохранялось постоянное осознание того, что в некой смутно ощущаемой комнате присутствую я. На мгновение он забывал обо мне, и его галлюцинаторная прогулка становилась очень яркой. Хаксли расценивал это как признак мгновенного погружения в состояние более глубокого транса, которое он чувствовал себя обязанным запомнить, чтобы сообщить о нем мне во время обсуждения после его пробуждения. Во время этой галлюцинаторной прогулки он не осознавал изменений дыхания и пульса.

Когда Хаксли впервые попытался вызвать визуальные и аудиальные галлюцинации, он обнаружил, что это куда труднее и что подобные попытки, как правило, ослабляли и прекращали его состояние транса. Наконец он решил, что если сможет вызвать галлюцинации ритмических движений своего тела, то сумеет «присоединить» аудиальную галлюцинацию к этому галлюцинаторному телесному ощущению. Эта мера оказалась весьма успешной, и Хаксли опять поймал себя на том, что задается вопросом, может ли он услышать музыку. Частота его дыхания изменилась, также были заметны легкие движения головы. От простой музыки он перешел к галлюцинации оперного пения и даже к бормотанию слов, которые в итоге как будто бы превратились в мой голос, спрашивавший его о глубокой рефлексии. Я не мог определить, что именно происходило.

После этого Хаксли перешел к визуальным галлюцинациям. Попытка открыть глаза едва не вывела его из состояния транса. После этого он держал глаза зажмуренными во время действий, происходивших как в легком, так и в среднем трансе. Его первой визуальной галлюцинацией было яркое заполнение сознания интенсивным ощущением пастельных цветов с меняющимися оттенками и сопровождаемых волнообразным движением. Хаксли связал это ощущение со своими опытами глубокой рефлексии вместе со мной, а также со своими прежними психоделическими опытами. Он не считал этот опыт достаточно валидным для его целей в данный момент, поскольку ему казалось, что яркие воспоминания играют слишком большую роль. Поэтому он сознательно решил визуализировать какой-нибудь цветок, но тут ему пришло в голову, что поскольку ощущение движения играло роль в аудиальных галлюцинациях, можно прибегнуть к подобному средству для продуцирования визуальной галлюцинации. После выхода из транса и в ходе обсуждения своего опыта Хаксли вспомнил, что именно в тот момент он задумался над тем, вызывал ли я когда-либо галлюцинации у своих испытуемых, комбинируя различные области сенсорного опыта. Я сказал ему, что эта процедура у меня стандартная.

Он продолжил опыт с этой визуальной галлюцинацией, «чувствуя», что его голова поворачивается из стороны в сторону, а также движется вверх и вниз, следуя за каким-то едва видимым или вовсе невидимым ритмично движущимся объектом. Очень скоро объект начал становиться все более отчетливым, пока Хаксли не увидел гигантскую розу, диаметр которой составлял около метра. Хаксли этого не ожидал, и поэтому у него сразу же появилась уверенность, что это было не оживленное воспоминание, а настоящая галлюцинация. Вместе с пониманием этого пришло осознание того, что он вполне может добавить к этой галлюцинации обонятельные галлюцинации интенсивного приторно-сладкого запаха, не свойственного розе. Эта попытка также оказалась весьма успешной. После экспериментирования с различными галлюцинациями Хаксли вышел из своего транса и подробно рассказал о том, чего он сумел добиться. Ему было приятно узнать, что его экспериментальные результаты без каких-либо инструкций или внушений с моей стороны хорошо согласовывались с запланированными экспериментальными результатами, полученными с другими испытуемыми.

Здесь Эриксон приводит очень яркий пример системного понимания и использования репрезентативных систем. Хаксли хочет определить, может ли он ощутить галлюцинаторные феномены и в легком, и в среднем трансе. Сам Хаксли ведет себя в согласии с принципами, названными выше. Во-первых, когда он находится в легком или среднем трансе, его первоначальное поведение остается в значительной степени сознательным — он соответствующим образом использует свою наиболее ценимую репрезентативную систему (кинестетическую) в качестве ведущей, а она помогает ему вызвать галлюцинации в других репрезентативных системах.

...Наслаждаясь своим субъективным состоянием физического комфорта и расширяя его...

...дополнительным субъективным качеством, а именно приятным вкусовым ощущением.

...От вкусовых ощущений он перешел к обонятельным галлюцинациям...

От обонятельных галлюцинаций он перешел к кинестетическим, проприоцептивным и, наконец, тактильным ощущениям.

Далее Хаксли спонтанно прибегает к технике, которую мы формализовали, когда говорили о том, как помочь людям задействовать дополнительные карты или репрезентативные системы

для организации своего опыта — в частности, используя ведущую репрезентативную систему для включения другой репрезентативной системы посредством нахождения точки, общей для обеих.

Мэри-Лу, женщина примерно 45 лет, участвовала в работе группы психотерапевтического тренинга. Когда она рассказывала о своих проблемах, психотерапевт заметил, что всякий раз, когда Мэри-Лу делала какое-то критическое замечание в отношении собственного поведения, характеристика ее голоса (интонация) менялась. Она начинала говорить буквально другим голосом. Тогда психотерапевт попросил Мэри-Лу повторить несколько критических замечаний. Когда она это делала, психотерапевт попросил ее последить за своим голосом. Когда женщина закончила повторение критических замечаний, психотерапевт подался вперед и спросил ее, чей это был голос. Она сразу же ответила, что это был голос ее отца. Тогда психотерапевт попросил ее закрыть глаза и послушать тот же самый голос, звучащий внутри ее головы. Мэри-Лу с легкостью это проделала. Затем психотерапевт дал ей задание, слушая голос своего отца, увидеть движущийся рот и губы отца, с которых слетают слова. Когда она это сделала, ее попросили увидеть остальную часть отцовского лица. Психотерапевт продолжал работать с Мэри-Лу, используя голос отца в качестве подспорья, помогающего ей создать полную визуальную репрезентацию, соответствующую голосу, который она продолжала слышать внутри своей головы. Как только визуальная и аудиальная репрезентации были скоординированы, психотерапевт использовал этот материал как основу отыгрывания, при котором Мэри-Лу играла и себя, и своего отца. В результате на этой финальной стадии были приведены в действие все три репрезентативные системы — аудиальная, визуальная и кинестетическая. Прием отыгрывания, основанный на первичном использовании аудиальной репрезентации и последующем добавлении к ней других репрезентативных систем (визуальной и кинестетической) — то есть метатактика III, — позволил Мэри-Лу увидеть и преодолеть некоторые помехи ее дальнейшему росту, которые раньше представляли для нее серьезные трудности.

Опыт с Мэри-Лу демонстрирует использование метатактики III. Психотерапевт замечает внезапную перемену в поведении клиента. Используя репрезентативную систему, в которой происходит эта внезапная перемена, в качестве основы построения

более полной референтной структуры (см. «Структура магии», том I, главу 6), психотерапевт находит точку соприкосновения репрезентативной системы, в которой происходит перемена, и репрезентативной системы, которую психотерапевт хочет добавить. В данном случае, поскольку первичной репрезентативной системой была визуальная (а именно голос другого человека), психотерапевт попросил клиентку создать визуальный образ рта, из которого исходил этот голос. Когда часть новой репрезентативной системы привязана к первичной репрезентативной системе, психотерапевт может работать с клиентом, добиваясь полного участия новой репрезентативной системы. Следствием этой метатактики становится резкое расширение репрезентации опыта, который является причиной трудности клиента. Эта расширенная репрезентация позволяет клиенту получить расширенную модель мира, из которой он черпает дополнительные возможности для преодоления трудностей в своей жизни.

Хаксли систематически использует метатактику III, которая помогает ему вызвать галлюцинации в репрезентативной системе, отличающейся от его основных систем, о чем и свидетельствует данное описание:

...он решил, что если сможет вызвать галлюцинации ритмических движений своего тела, то сумеет «присоединить» аудиальную галлюцинацию к этому галлюцинаторному телесному ощущению... поскольку ощущение движения играло роль в аудиальных галлюцинациях, он может прибегнуть к подобному средству для продуцирования визуальной галлюцинации.

На наш взгляд, в равной степени примечательна отточенная способность Эриксона делать визуальные разграничения и с помощью минимального количества подсказок понимать, что переживает Хаксли:

...вызвать яркие галлюцинации различных вкусовых ощущений, задаваясь при этом ненавязчивым вопросом, что бы я подумал, если бы знал о том, что он делает. Он не осознавал, что, когда он это делал, у него учащался глотательный рефлекс... он перешел к обонятельным галлюцинациям... Он не замечал, что выдает свои действия расширением ноздрей.

Способность Эриксона идентифицировать и понимать смысл едва заметных движений тела Хаксли не оставляет сомнений в отношении его (Эриксона) исчерпывающего понимания исполь-

зования возможностей репрезентативных систем в качестве организующего принципа человеческого опыта. Он указывает:

...он (Хаксли) задумался над тем, вызывал ли я когда-либо галлюцинации у своих испытуемых, комбинируя различные области сенсорного опыта. Я сказал ему, что это у меня стандартная процедура.

Это обсуждение подняло вопрос анестезии, амнезии, диссоциации, деперсонализации, регресса, искаженного восприятия времени, гипермнезии (феномена, который было трудно проверить на Хаксли из-за его феноменальной памяти) и исследования прошлых вытесненных событий.

Хаксли определил, что из вышеперечисленного в легком трансе возможны анестезия, амнезия, искаженное восприятие времени и гипермнезия. Другие феномены способствовали погружению в глубокий транс, когда делалась сколько-нибудь серьезная попытка их вызвать.

Анестезия, которую он вызывал у себя в легком трансе, была наиболее эффективна в отдельных частях тела. Когда он попытался распространить анестезию от области шеи вниз, то обнаружил, что «соскальзывает» в глубокий транс.

Амнезия, как и анестезия, была эффективна, когда носила выборочный характер. Любая попытка добиться общей амнезии приводила к переходу в глубокий транс.

Искаженное восприятие времени было легко достижимым, и Хаксли заявил, что он не уверен, но сильно подозревает, что уже давно сталкивается с искажением времени в глубокой рефлексии, хотя и услышал впервые об этом понятии от меня.

Гипермнезия, столь трудно поддающаяся проверке ввиду его великолепной способности припоминать прошлые события, была проверена по моему настоянию, когда я попросил его в состоянии легкого транса быстро указать по моей просьбе, на какой странице той или иной из множества его книг находятся определенные абзацы. При первой просьбе Хаксли вышел из легкого транса и объяснил: «Нет, Милтон, я не могу это сделать. Приложив усилие, я могу повторить большую часть этой книги, но вспомнить номер страницы, на которой находится абзац, — это уж слишком». Тем не менее он снова погрузился в легкий транс, и ему было дано название книги, были зачитаны вслух несколько строк из абзаца, после чего он должен был назвать номер страницы, на которой находился абзац. Он продемонстрировал точность определенно больше 65 процентов, ответив на удивление быстро. Когда Хаксли пробудился от легкого транса, я попросил его остаться в состоянии осознанного восприятия и выполнить то же задание. К своему огромному удивлению, он обнаружил, что, хотя в состоянии легкого транса он чувствовал, как номер страницы «мелькал» в его сознании, в пробужденном состоянии ему приходилось методически выполнять процедуру мысленного

завершения абзаца, перехода к следующему, а затем мысленного возвращения к предыдущему абзацу, чтобы потом «попробовать угадать». Когда я ограничил его тем же промежутком времени, который он использовал в легком трансе, он каждый раз терпел неудачу. Когда же я позволил ему тратить на ответ столько времени, сколько он пожелает, он смог добиться точности, равной примерно 40 процентам, но эти книги он читал позже, чем те, которые использовались в состоянии легкого транса.

Здесь мы опять видим действия, которые подтверждают обсуждавшийся ранее паттерн. В состоянии легкого транса Хаксли имеет доступ к функциям, которые локализованы в недоминантном полушарии:

...Номер страницы «мелькал» (визуальный предикат) в его сознании в состоянии легкого транса.

Однако когда при попытке выполнить то же самое задание в пробужденном состоянии или нормальном состоянии сознания — в случае Хаксли в состоянии, в котором доминирует кинестетическая репрезентативная система, — визуальные образы оказываются недоступными:

...в пробужденном состоянии ему приходилось методически выполнять процедуру мысленного завершения абзаца, перехода к следующему, а затем...

Отметьте, что в целом Хаксли в пробужденном состоянии не способен повторить результат, достигнутый им в состоянии легкого транса. Разумеется, дается задание на визуальное припоминание — функцию недоминантного полушария.

Затем Хаксли перешел к повторению в среднем трансе всего того, что он делал в легком трансе. Он выполнил схожие задания с намного большей легкостью, но постоянно испытывал чувство «соскальзывания» в более глубокий транс.

Мы с Хаксли очень подробно обсудили это его гипнотическое поведение, причем большую часть записей делал Хаксли, поскольку только он мог зарегистрировать собственный субъективный опыт в связи с обсуждаемой темой. По этой причине обсуждение здесь ограничено.

Затем мы обратились к вопросу глубокого гипноза. Хаксли легко вошел в глубокий сомнамбулический транс, в котором был полностью дезориентирован спонтанно в отношении времени и места. Он смог открыть глаза, но описал свое поле зрения как «туннель света», который включал меня, кресло, в ко-

тором я сидел, его самого и его кресло. Он сразу же сделал замечание в отношении примечательного спонтанного сужения его зрения и пояснил, что по какой-то неизвестной для него причине он чувствует себя обязанным «объяснять происходящее» мне. Настойчивые вопросы выявили у него амнезию того, что он делал ранее, как и полное отсутствие представления о нашем совместном предприятии. Его чувство, что он должен объяснять происходящее, превратилось в непроизвольную готовность, как только он вербализировал его. Одним из его первых замечаний было: «Знаете, я не могу понять мою ситуацию или почему вы находитесь в этом месте, где бы оно ни было, но я должен объяснять вам происходящее». Я заверил его, что понимаю ситуацию и заинтересован в получении любого объяснения, которое он пожелает мне дать, и сказал, что, возможно, буду обращаться к нему с просьбами. Он очень небрежно, безразлично согласился, но было очевидно, что он наслаждается состоянием физического комфорта в принужденной, пассивной манере.

Он отвечал на вопросы просто и коротко, педантично реагируя лишь на буквальное значение подразумеваемого вопроса. Другими словами, он продемонстрировал ту же самую педантичную буквальность, которая обнаруживалась у других испытуемых, возможно даже в большей степени ввиду его знания семантики.

Я спросил: «Что находится справа от меня?» Его ответ был простым: «Не знаю». — «Почему?» — «Я не посмотрел». — «А вы не сделаете этого?» — «Хорошо». — «Ну же!» «А как далеко должен простираться мой взгляд?» Этот вопрос не был неожиданным, я слышал его до этого множество раз. Хаксли всего лишь демонстрировал характерный феномен глубокого сомнамбулического транса, в котором визуальное восприятие ограничено по какой-то необъяснимой причине объектами, относящимися к ситуации транса. Для каждого кресла, кушетки, скамеечки для ног, которые он должен был увидеть по моей просьбе, требовались специальные инструкции. Позже Хаксли объяснил: «Мне приходилось смотреть по сторонам, пока постепенно он [указанный объект] не появлялся медленно в поле зрения, не весь сразу, а медленно, как будто он материализовался. Мне кажется, что я чувствовал себя совершенно естественно, не испытывая ни малейшего удивления, когда наблюдал, как предметы материализуются. Я принимал все как само собой разумеющееся». Аналогичные объяснения были получены от сотен испытуемых. Однако опыт показал мне важность принятия на себя роли исключительно пассивного дознавателя, такого, который задает вопрос только для того, чтобы получить ответ, независимо от его содержания. Интонация, показывающая заинтересованность в содержании ответа, скорее всего, побудит испытуемого отвечать так, как будто ему были даны инструкции в отношении того, какой ответ следует дать. В психотерапевтической работе я использую различные

интонации, чтобы добиться более адекватных персональных реакций от пациента.

В случае с Хаксли я проверил этот прием, спросив приподнятым тоном: «А теперь скажите мне, что находится примерно в пяти метрах перед вами?» Правильным ответом должен был быть «стол». Вместо этого я получил ответ: «Стол, а на нем книга и ваза». На столе действительно были книга и ваза, но они были на его дальней стороне и, значит, дальше, чем в пяти метрах от Хаксли. Позже тот же вопрос был задан в небрежной, безразличной манере: «А скажите-ка мне, что находится примерно в пяти метрах перед вами?» Он ответил, вопреки своему предыдущему ответу: «Стол». — «Что-нибудь еще?» — «Да». — «Что же?» — «Книга». (Она была ближе к нему, чем ваза.) «Еще что-нибудь?» — «Да». — «Скажите, что». — «Вазу». — «Еще что-нибудь?» — «Да». — «Скажите, что». — «Пятно». — «Еще что-нибудь?» — «Нет».

Теперь Хаксли полностью погрузился в состояние глубокого транса. Здесь отмечается одно из наиболее интересных отличий в лингвистическом поведении испытуемых в глубоких сомнамбулических трансах, противопоставляемых либо нормальным состояниям сознания, либо поведению во время наведения транса в состояниях легкого и среднего транса. В связанных с гипнозом состояниях сознания, отличающихся от глубокого сомнамбулического транса, и в нормальных состояниях осознания люди реагируют на определенные высказывания, которым придана форма вопросов, как на приказания. Например, обычно взрослый носитель английского языка на вопросы наподобие

Можете ли вы положить руки себе на бедра?

Лежат ли ваши руки на бедрах?

отвечает так, как будто ему было дано приказание

Положите руки себе на бедра!

В частности, типичная реакция человека, которому адресованы такие вопросы, сводится к тому, что он кладет руки себе на бедра. В рамках трансформационно-лингвистической модели языка эти феномены известны как разговорные постулаты (Lakoff & Gordon, 1973). В сущности, этот процесс протекает следующим образом: если я хочу заставить вас совершить какое-то действие, но не хочу давать вам прямого приказания совершить его, я могу избрать любую из пресуппозиций команды, которую вы должны выполнить, и представить эту пресуппозицию в форме вопроса «да или нет». (Описание формального понятия пресуппозиции

см. в «Структура магии», том I, главы 3, 4 и приложение В, а также в приложении к этой книге.) В частности, одна из пресуппозиций приказа

Положите руки себе на бедра

состоит в том, что вы способны положить руки себе на бедра, вы в состоянии это сделать. Поскольку это пресуппозиция команды, получается, что просто спрашивая вас, можете ли вы сделать это, я «вежливо» довожу до вас команду в форме вопроса.

Команда

Положите руки себе
на бедра!

Пресуппозиция

Вы можете положить руки
себе на бедра.

в силу принципа
разговорных постулатов

Можете ли вы положить
руки себе на бедра?

Положите руки себе
на бедра!

Продолжая следовать лингвистической терминологии, мы имеем понятия поверхностной структуры — фактической формы, которая присуща произнесенному утверждению, и глубинной структуры — репрезентации смысла, содержащегося в поверхностной структуре. Примечательная особенность этих видов высказываний состоит в том, что они вызывают эффект, отличный от эффекта, который дает смысл глубинной структуры. Другими словами, извлечение буквальной глубинной структуры из поверхностной структуры — это нормальный процесс, посредством которого мы понимаем коммуникацию другого человека. Однако в этих конкретных случаях мы делаем дополнительный шаг при извлечении смысла. Так, если буквальным глубинно-структурным смыслом является пресуппозиция команды в форме вопроса «да или нет», то мы воспринимаем коммуникацию как подобную команду, а не как буквальное вопросительное содержание глубинной структуры.

Точно так же, когда один человек задает другому вопрос: «Что находится справа от меня?», типичной реакцией будет незамедлительное перечисление предметов, расположенных справа от спрашивающего, если отвечающий человек знает, что там находится, или если он посмотрит в указанном направлении. Тем не менее существуют два определенных нами условия, в которых

носитель языка демонстрирует систематическую неспособность прореагировать в этой манере: либо когда он находится в глубоком сомнамбулическом трансе, либо когда носитель языка — ребенок. Эриксон спрашивает Хаксли, который пребывает в глубоком сомнамбулическом трансе:

Что находится справа от меня?

и Хаксли, реагируя, не начинает перечислять предметы, находящиеся в указанном направлении, и не пытается разглядеть, что там находится; а вместо этого говорит:

Не знаю.

Согласно комментарию Эриксона, эта способность испытуемого в глубоком сомнамбулическом трансе реагировать на буквальный глубинно-структурный смысл высказывания служит прекрасным свидетельством того, что испытуемый находится в глубоком трансе. Таким образом, одной из отменных проверок глубины транса у многих испытуемых будет их способность *не* реагировать на дополнительный смысл, который дают разговорные постулаты. Изучение эриксоновских приемов индукции указывает на систематическое использование разговорных постулатов во время наведения транса. Это согласуется со свойственным ему акцентом скорее на снисходительный, чем на авторитарный подход к индукции. Используя вопросительные формы «да-нет» для коммуникации команд, он обходит проблему контроля и сопротивления, не давая клиенту никаких прямых указаний. Кроме того, согласуясь с его акцентом на значимость разграничения между наведением транса и поведением в состоянии транса, это лингвистическое различие полезно при определении того, на какой стадии процесса клиент находится в данный момент времени. Отметим также, что поведение испытуемого, выражающееся в игнорировании разговорного постулата в состоянии глубокого транса, полностью соответствует его опыту на предшествующем этапе его жизни, а именно в период детства. То есть этот прием подкрепляет тенденцию испытуемых, которые погружаются в глубокий транс, переживать возрастную регрессию.

Обратите внимание, что, когда Хаксли погружается в глубокий транс, он обретает способность делать визуальные разграничения, над которыми в нормальном состоянии не властен. Эриксон указывает, что это «характерный феномен глубокого сомнам-

булического транса». Это становится понятно в контексте сделанных ранее замечаний относительно асимметрии головного мозга.

Буквальность и необычное сужение сознания, ограничивающее его теми объектами реальности, которые составляют конкретную гипнотическую ситуацию, весьма показательны для удовлетворительного сомнамбулического гипнотического транса. Наряду с визуальным ограничением наблюдается и аудиальное ограничение, выражающееся в том, что звуки, даже те, которые раздаются между гипнотизером и испытуемым, по-видимому, оказываются полностью за пределами гипнотической ситуации. Поскольку рядом не было ассистентов, это аудиальное ограничение было невозможно проверить. Однако я проделал следующий опыт: при помощи черной нитки, невидимой глазу, я сбросил книгу со стола, находившегося сразу за спиной Хаксли. Медленно, словно бы ощущая зуд, Хаксли поднял руку и почесал свое плечо. Не было никакой реакции испуга. Это также характерно для реакции в ответ на различные неожиданные физические стимулы. Они интерпретируются посредством прошлого телесного опыта. Довольно часто в качестве составной части погружения в глубокий сомнамбулический транс у испытуемых одновременно возникает селективная общая анестезия к физическим стимулам, не составляющим часть гипнотической ситуации, в особенности к физическим стимулам, которые невозможно интерпретировать посредством прошлого опыта. Это нельзя было проверить в ситуации с Хаксли, поскольку для проведения адекватных проверок, не искажающих гипнотическую ситуацию, необходим ассистент. Одна из показательных мер, которыми я пользуюсь, состоит в продевании нитки с иглой через рукав пиджака, когда я фиксирую положение рук клиента, после чего прошу ассистента поводить нитку взад-вперед с места, невидимого клиенту. Часто спонтанная анестезия не позволяет клиенту осознать этот стимул. Различные простые меры придумать очень легко.

Затем Хаксли был аккуратно непрямым способом выведен из транса посредством простого внушения, чтобы он принял в кресле положение, позволяющее ему снова прийти в то самое физическое и психическое состояние, в котором он находился, когда решил прервать на время какое бы то ни было дальнейшее экспериментальное исследование глубокой рефлексии.

Реакцией Хаксли было немедленное пробуждение, и он сразу же объявил, что полностью готов погрузиться в глубокий гипноз. Хотя это заявление само по себе свидетельствовало о глубокой постгипнотической амнезии, была использована тактика затягивания времени под видом обсуждения того, что можно сделать. Тем самым стало возможно упомянуть о различных

аспектах его поведения в глубоком трансе. Подобные упоминания не пробудили никаких воспоминаний, а обсуждение Хаксли поднятых вопросов не продемонстрировало никакой искушенности, которая могла бы быть следствием его поведения в глубоком трансе. Он был не информирован о деталях своего поведения в глубоком трансе в той же степени, что и до наведения глубокого транса.

После этого Хаксли погружался в более глубокие трансы, в которых — избегая упоминаний о том, что это будет иметь для него какое-то значение, — его просили добиться частичной, выборочной и полной постгипнотической амнезии (под частичной понимается амнезия какой-то части суммарного опыта, под выборочной — амнезия выборочных, возможно, взаимосвязанных аспектов опыта), восстановления забытого материала и утраты восстановленного материала. Кроме того, он достиг каталепсии, проверенной посредством «приведения» его в удобное положение в кресле, а затем созданием ситуации, содержавшей непосредственную команду встать с кресла («возьмите книгу с этого стола и положите ее на тот секретер, и сделайте это тотчас же»). Благодаря этому Хаксли обнаружил, что он необъяснимым образом не может встать с кресла, а также не способен понять, почему это происходит. Приведение тела в «удобное положение» привело к состоянию, которое было необходимо скорректировать, прежде чем он смог бы встать с кресла, а в данных ему инструкциях нельзя было обнаружить каких-либо скрытых внушений подобной коррекции. Поэтому он беспомощно сидел, неспособный встать и понять, почему так происходит. Та же самая мера использовалась для демонстрации пояснично-крестцовой анестезии перед группами медиков. Испытуемого в глубоком трансе аккуратно усаживают, затем ведется разговор на посторонние темы, после чего испытуемого приводят в состояние раппорта с другим испытуемым, которого просят поменяться местами с первым испытуемым. Второй испытуемый делает лишь несколько шагов, после чего беспомощно останавливается, а первый испытуемый обнаруживает, что он 1) не способен двигаться и 2) что вскоре утрата способности стоять приводит к потере ориентации относительно нижней части тела и последующей полной анестезии, причем анестезия даже не упоминалась в предварительном обсуждении гипноза. Это незаметное использование каталепсии, не распознаваемое испытуемым, является наиболее эффективным мерилем углубления состояний транса.

Хаксли был удивлен утратой мобильности, удивился еще больше, когда обнаружил потерю ориентации относительно нижней части тела, и пришел в полное изумление, когда я продемонстрировал ему наличие глубокой анестезии. Ему было трудно понять всю последовательность событий. Он не связывал удобное положение своего тела с ненавязчиво вызванной каталепсией и последовавшей за ней анестезией.

Хаксли вышел из состояния транса с устойчивой каталепсией, анестезией и полной амнезией всех своих переживаний в глубоком трансе. Он спонтанно расширил рамки инструкции, включив в нее все переживания в трансе, возможно потому, что слышал мои инструкции недостаточно отчетливо. Хаксли тотчас же переориентировал себя на тот период времени, когда мы работали с глубокой рефлексией. Ему было трудно объяснить свое обездвиженное состояние, и он выразил любопытство и удивление в отношении того, что он делал в состоянии глубокой рефлексии, из которого, как он полагал, он только что вышел, и того, что привело к подобным необъяснимым явлениям в первый раз за весь его долгий опыт. Хаксли очень заинтересовался этим, продолжая бормотать нечто наподобие «весьма необычно», когда исследовал нижнюю часть своего тела с помощью рук и взгляда. Он заметил, что может определить положение своих ног только с помощью взгляда, что ниже пояса его тело почти полностью обездвижено, а попытавшись (тщетно вследствие каталепсии) переместить свои ноги руками, он обнаружил, что состояние анестезии сохраняется. Хаксли проверил его разными способами, попросив меня снабдить его теми или иными предметами для проведения проверки. Например, он попросил, чтобы к его голой лодыжке был приложен лед, поскольку не мог нагнуться, чтобы сделать это самостоятельно. Наконец, после долгих исследований он, повернувшись ко мне, заметил: «Послушайте, вид у вас невозмутимый и очень довольный, в то время как я нахожусь в очень необычном и неприятном положении. Я делаю вывод, что вы каким-то незаметным способом отвлекли меня и нарушили мое восприятие собственного тела. Послушайте, это состояние имеет что-то общее с гипнозом?»

Возвращение памяти обрадовало Хаксли, но он остался в полном недоумении относительно того, как у него возникли каталепсия и анестезия. Он понял, что была использована какая-то коммуникативная техника, которая повлияла на полученные результаты, однако так и не сумел при этом связать положение своего тела с конечными результатами.

Здесь Эриксон проводит с Хаксли опыт, который в кинестетической репрезентативной системе является формальным эквивалентом неспособности испытуемого в глубоком трансе прореагировать на разговорные постулаты в лингвистической системе. Приведя тело Хаксли в положение, из которого он не мог прореагировать непосредственным образом на команду выполнить специфическое движение, а затем давая Хаксли эту команду, Эриксон демонстрирует в кинестетической системе тот же самый формальный феномен, состоящий в неспособности испытуемого прореагировать, если каждый элемент последовательности действий

не делается совершенно прозрачным. В случае разговорных постулатов наблюдается реакция только на буквальный смысл глубинной структуры, а не на силу утверждения, придаваемую буквальным глубинно-структурным смыслом, а также смыслом, извлекаемым из него механизмом разговорных постулатов. Формально аналогичным образом, поскольку не все элементы последовательности кинестетических шагов в выполнении команды даются в явной форме, Хаксли оказывается парализованным. Хаксли недоступны механизмы нормальных состояний сознания, которые позволяют человеку осуществить кинестетические шаги, представленные не явно, а подразумеваемые командой. Эта область поведения в глубоком трансе требует более тщательного изучения, прежде чем быть формализованной.

Дальнейшее экспериментирование в глубоком трансе исследовало визуальный, аудиальный и другие виды идеосенсорных галлюцинаций. Одна из использованных мер состояла в следующем: я показал жестами, что слышу, как открывается дверь, затем сделал вид, что вижу, как кто-то входит в комнату, учтиво поднялся и указал на кресло, после чего обратился к Хаксли с выражением надежды, что ему удобно. Хаксли ответил, что ему удобно, и выразил удивление неожиданным возвращением своей жены, поскольку ожидал, что она будет отсутствовать весь день. (Я знал, что в кресле, на которое я указал, любила сидеть жена Хаксли.) Хаксли заговорил с женой, очевидно галлюцинируя ее ответы. Я прервал его, спросив, как он узнал, что это его жена, а не гипнотическая галлюцинация. Он внимательно обдумал вопрос, а затем объяснил, что я не давал ему никакого внушения относительно галлюцинации его жены, что я был удивлен ее приходом не меньше, чем он, и что на ней была та же одежда, что и перед самым ее уходом, а не та, в какой я видел ее ранее. Поэтому было логично предположить, что это была действительно она. После коротких раздумий он вернулся к своему «разговору» с ней, очевидно продолжая галлюцинировать ответы. Наконец, я привлек его внимание и сделал жест, внушающий исчезновение, в сторону кресла, в котором он «видел» свою жену. К своему полному изумлению, Хаксли увидел, как его супруга медленно исчезает. Тогда он повернулся ко мне и попросил, чтобы я пробудил его и чтобы он при этом полностью запомнил происшедшее. Я сделал это, и Хаксли обсудил происшедшее довольно подробно, сделав множество специальных записей в своем блокноте, уточняя их при получении ответов на вопросы, которые он мне задавал. Он с удивлением обнаружил, что, когда я попросил [его] пробудиться с сохранением обездвиженности и анестезии, он *подумал*, что уже пробудился, но что состояние транса продолжается незаметно для него.

Затем Хаксли настоял на дальнейшей работе с гипнотическими галлюцинаторными переживаниями, и было исследовано большое их количество (позитивных и негативных визуальных, аудиальных, обонятельных, вкусовых, тактильных, кинестетических, температурных, связанных с чувством голода, насыщением, усталостью, слабостью, ожиданием в состоянии сильного возбуждения и т. д.). Он показал себя очень компетентным во всех отношениях, и было зафиксировано, что частота его пульса изменилась на целых двадцать единиц, когда его просили вызвать у себя галлюцинацию восхождения на гору в состоянии сильной усталости. Во время обсуждения этих разнородных опытов Хаксли по собственной инициативе сообщил, что хотя негативную галлюцинацию можно легко вызвать в глубоком трансе, в легком и среднем трансе добиться этого очень сложно, поскольку негативные галлюцинации наиболее деструктивно влияют на ценности реальности и даже на ценности гипнотической ситуации. То есть в случае индуцированных негативных галлюцинаций он обнаруживал, что контуры моей фигуры становятся расплывчатыми, несмотря на то, что он мог достичь глубокого транса с негативной галлюцинацией, неотъемлемой от этого глубокого транса и относящейся ко всем внешним реалиям, кроме реалий гипнотической ситуации, которые оставались четкими и точно определенными, если только не давались внушения обратного характера. Последующая работа с другими испытуемыми подтвердила это сообщение Хаксли. Прежде я не исследовал этот вопрос негативных галлюцинаций в легких и средних трансах.

В этот момент Хаксли вспомнил о том, как называл номера страниц в состояниях легкого транса во время проверки гипермнезии, и попросил, чтобы его подвергли аналогичным проверкам в глубоком гипнозе. Вместе мы стали изучать книжные полки, выбрав, наконец, несколько книг, которые Хаксли, как он был уверен, много лет назад читал, но не открывал на протяжении двадцати или более лет. (Одну он, очевидно, не читал никогда, остальные пять он определенно читал.)

В глубоком трансе, с закрытыми глазами Хаксли внимательно слушал, как я открываю наугад книгу и зачитываю полдюжины строк из выбранного абзаца. В некоторых случаях он почти сразу же называл номер страницы, а затем вызывал у себя образ страницы и «читал» ее с того места, где я остановился. Более того, он вспоминал ситуацию, при которой он читал книгу. Он вспомнил, что обращался к двум книгам за справочной информацией пятнадцать лет назад. В случае двух других книг ему было трудно дать правильный номер страницы, и он указал его только приблизительно. Он не смог вызвать у себя образ текста и сумел указать только его общее содержание; но оно, в сущности, было дано правильно. Он не смог определить, когда он читал эти книги, но он был уверен, что это было более 25 лет назад.

При обсуждении, состоявшемся после транса, Хаксли был очень удивлен возможностями своей памяти, но охарактеризовал этот опыт как преимущественно интеллектуальный с восстановленными воспоминаниями, которые не имели для него как для человека какой-либо эмоциональной значимости. Это повлекло за собой общее обсуждение гипноза и глубокой рефлексии, которое вызвало у Хаксли общее чувство неадекватности в отношении должной концептуализации своего опыта для сравнения ценностей. Хотя Хаксли был весьма обрадован своими гипнотическими переживаниями, поскольку они представляли для него интерес и питали его новыми идеями, он также пребывал в определенной растерянности. Ему казалось, что он извлекал определенные неидентифицируемые субъективные ценности из глубокой рефлексии, как исключительно личного опыта, которые фактически было невозможно извлечь из гипноза, предлагавшего лишь обилие новых точек зрения. Он заявил, что глубокая рефлексия вызвала у него определенные внутренние долговременные чувства, которые, по-видимому, играли значимую роль в его жизненных паттернах. Во время этого обсуждения он внезапно спросил, нельзя ли использовать гипноз так, чтобы он помог ему исследовать его психоделические переживания. Его просьба была удовлетворена, но при выходе из транса он высказал мнение, что гипнотический опыт совсем иной и его трудно сравнивать со «сквозным чувством», достигаемым с помощью глубокой рефлексии. Он объяснил, что гипнотическое исследование не вызвало у него внутреннего чувства (то есть длительного субъективного чувства) того, что он находится в процессе своего психоделического опыта, что «чувственное содержание» сопровождается упорядоченным интеллектуальным содержанием, тогда как глубокая рефлексия создавала глубокую эмоциональную основу устойчивого характера, на которой он мог «сознательно и без усилий произвести интеллектуальную демонстрацию идей», вызывавшую у учителя полноценный отклик. Хаксли завершил это обсуждение вдумчивым замечанием, что его короткий интенсивный опыт с гипнозом еще не начал усваиваться, и что он не может дать толкового комментария, пока не осмыслит этот опыт намного глубже.

Поразительное проявление способности Хаксли получать доступ к визуально закодированной информации, относящейся к далекому прошлому, служит убедительным примером того рода воспоминаний, которые становятся доступными испытуемому в глубоком трансе. Особенно показательным для нас то, что чем глубже транс, то есть чем больше он отличался от нормального состояния сознания Хаксли, тем более доступным становится визуально закодированный материал недоминантного полушария. То, как Хаксли характеризует различия между своим опытом глубокой

рефлексии и глубоким трансом, также указывает на схожую тенденцию:

Описание глубокой рефлексии

...вызывала у него определенные внутренние чувства...

...сквозное чувство, достигаемое с помощью глубокой рефлексии...

Описание глубокого транса

...предлагал лишь обилие новых точек зрения...

...не вызывал у него внутреннего чувства...

Эта характеристика предполагает, что одним из различий между глубокой рефлексией и глубоким трансом для Хаксли является то, в какой степени в этих измененных состояниях сознания оказывается доступным недоминантное полушарие.

Хаксли настоятельно попросил, чтобы его снова подвергли глубокому гипнозу, в котором надо было индуцировать более сложные феномены, чтобы позволить ему исследовать себя как личность более адекватно. Мысленно окинув взглядом то, что было сделано и что можно еще сделать, я решил, что желательно состояние глубокого транса с возможностью регрессии за счет диссоциации двух состояний; то есть инициирование у него регрессии посредством отстранения его от какой-то недавней области его жизненного опыта, так чтобы он мог рассматривать ее как сторонний наблюдатель с позиции другой относительно недавней области жизненного опыта. Лучшим способом достижения этого, как мне казалось, была техника смешения (*confusion technique*)¹². На это решение воспользоваться техникой смешения в значительной степени повлияло знание автора о безграничной интеллектуальной способности и любопытстве Хаксли, которые должны были оказать весомую помощь, побуждая Хаксли добавлять к вербализациям техники смешения другие возможные продуманные значения и ассоциации, тем самым, по сути, дополняя мои собственные усилия. К сожалению, рядом не было магнитофона, чтобы записать детали реальных внушений, которые вводили Хаксли в транс все глубже и глубже, пока «глубина не оказалась отделенной отчасти и от части» него, и перед ним не предстало «со всей отчетливостью, как живая реальность, как невозможная действительность то, что некогда было, но что теперь в глубинах транса будет в озадачивающем противостоянии бросать вызов всем вашим воспоминаниям и представлениям». Это было намеренно расплывчатое, но нестрогое развернутое внушение, и я положился лишь на то, что интеллект Хаксли придаст ему широкий смысл, который я даже не старался предугадать. Разумеется, были и другие внушения, но они на самом деле группировались вокруг внушения, заключенного в выше-

приведенной цитате. Я намеревался создать не какую-то определенную ситуацию, а только декорации, чтобы побудить Хаксли самого определить задачу. Я даже не пытался осмыслить то, что мои внушения могли означать для Хаксли.

Теперь Эриксон описывает то, что он называет *техникой смешения*¹³. Термин *техника смешения* охватывает широкий круг явлений. Здесь мы остановимся только на некоторых паттернах, поскольку будем возвращаться к этому приему снова и снова, каждый раз выделяя дополнительные паттерны. На первом месте в материале, цитируемом Эриксоном, — состоящее из шести слов предложение:

Глубина оказалась отделенной отчасти и от части...

Во-первых, существительное *глубина* является тем, что в метамоде, созданной в «Структуре магии», том I, называется номинализацией. То есть в своей глубинно-структурной репрезентации это существительное было предикатом — словом, первоначально отражавшем некоторую связь или процесс. Вследствие трансформационных процессов, доступных в системах естественного языка, этот предикат предстает как наименование объекта в поверхностной структуре, которую использует Эриксон. Возможно, здесь будет полезно привести негипнотический пример. Рассмотрите два предложения:

В доме было кресло.

В доме царило разочарование.

В «Структуре магии», том I, мы проводим несколько проверок, помогая психотерапевтам обострить свою интуицию при идентификации номинализации. К примеру, если из репрезентативных систем вы наиболее всего цените визуальную, вы можете определить, является ли каждое из существительных в предложении номинализацией, представив серебристо-зеленую тачку и попытавшись мысленно поместить каждый из объектов, к которым относятся существительные в предложении, в эту тачку. Если вы способны сделать это, то данное существительное — номинализация; в противном случае — нет. Используя вышеприведенные предложения в качестве примера, каждый из вас сможет мысленно поместить в тачку кресло, но не разочарование. Это показывает, что слово *кресло* является истинным существительным, а слово *разочарование* — номинализацией, существительным, которое образовано от предиката.

Одна из характеристик номинализаций состоит в том, что они передают меньше информации, чем возможно. Прочитайте следующие предложения, обращая внимание на информацию, связанную с предикатом *разочаровывать* в каждом из его форм:

Было очевидно, что Бетти разочаровала Макса.

Было очевидно, что Макс разочарован.

Разочарование было очевидным.

В первом предложении слово *разочаровывать* предстает в своей вербальной форме и указывает, что имеется человек (по имени *Бетти*), который разочаровывает другого человека (по имени *Макс*). Во втором предложении отсутствует один из элементов информации, связанный с предикатом *разочаровывать*, — в лингвистической модели это называется опущением, процессом, когда из полной лингвистической репрезентации предложения изымаются отдельные части. В третьем предложении отсутствуют оба элемента информации, связанной с предикатом *разочаровывать*, а предикативная форма превращена в существительное. На основании одного третьего предложения невозможно определить, кто кого разочаровывает, — эта информация полностью опущена. Когда информация, в норме передаваемая предикатом, опускается подобным образом, а предикативная форма превращается в существительное, говорят, что конечному результату недостает референтного индекса, — то есть слово *разочарование* в своей именной форме не указывает на какой-либо элемент нашего опыта. Поскольку подобная именная форма лишена референтного индекса, она подталкивает слушателя к проекциям или галлюцинациям. В примере, являющемся точным аналогом номинализации *разочарование*, пропущена информация, связанная со словом *глубина*, и, следовательно, это слово лишено референтного индекса. А поскольку оно не имеет референтного индекса, то подталкивает слушателя к интерпретации, проекции и галлюцинации.

Одно из требований, предъявляемых к высказываниям, которые гипнотизер адресует клиенту, состоит в том, что эти высказывания должны находиться в согласии с текущим опытом клиента. Мы называем это *подстройкой*. Гипнотизер может достичь ее несколькими способами. Можно ограничить себя вербальными описаниями тех явлений и объектов, которые он в состоянии непосредственно наблюдать. Например, гипнотизер при индукции часто использует такие высказывания:

...вдох... и выдох

Чтение слева направо

в которых он старается синхронизировать произносимые им слова *вдох* и *выдох* с реальными вдохами и выдохами клиента. Или, в случае стандартной левитации руки, гипнотизер обычно включает высказывания наподобие

...подъем, внезапная дрожь... еще выше...

когда эти описательные слова произносятся гипнотизером в тот самый момент, когда рука клиента на самом деле поднимается, дрожит и т. д.

Еще один превосходный прием подстройки состоит в использовании гипнотизером вербальных описаний, которые позволяют клиенту галлюцинировать или проецировать свой текущий опыт на используемые описания. Умелый гипнотизер, используя этот прием подстройки, полностью задействует универсальные процессы человеческого моделирования — опущение, искажение и обобщение. Как мы подробно описываем в «Структуре магии», том I, главы 2, 3 и 4, внутри языковой системы, которую каждый из нас использует при коммуникации, имеется ряд искажающих механизмов. Возможно, самым серьезным из них в лингвистическом плане является процесс номинализации — лингвистический процесс репрезентации процесса как события. Как было показано в примерах с *разочарованием* и *глубиной*, процесс номинализации обычно сопровождается двумя другими процессами моделирования. Предикат *разочаровывать* используется в предложении

Разочарование было очевидным

в номинализированной форме. В глубинной структуре предложения, в состав которого входило существительное *разочарование*, содержалась дополнительная информация относительно того, кто или что разочаровали кого (на деле в референтной структуре требуется дополнительное разграничение). В поверхностной структуре оба эти элемента не представлены. Аналогичен случай с номинализацией *глубина*: поверхностная структура не содержит информации, касающейся того, что за глубина или глубина чего. Иначе говоря, имел место лингвистический процесс опущения, вызвавший удаление части информации. Когда информация опускается, а значит, не появляется во фразах, произносимых гипно-

тизером в реальности, высказывание как таковое не содержит какого бы то ни было референтного индекса, который указывает на специфические переживания. Итоговое слово *глубина* становится для слушателя возможным описанием широкого круга переживаний. Тем самым у клиента появляется множество возможностей для интерпретации, галлюцинации или проекции. Посредством этого клиент активнее вовлекается в процесс наведения транса или работы в глубоком трансе. Кроме того, гипнотизер, конечно же, успешно подстраивается к переживаниям клиента. Умело используя три процесса человеческого моделирования (а в данном случае специфические лингвистические механизмы этих трех процессов: номинализацию, трансформационное опущение и отсутствие референтного индекса), гипнотизер может успешно подстроиться к переживаниям клиента, не зная, что они собой представляют. Благодаря этому у гипнотизера в его вербализациях появляется бесконечное количество возможностей. Эриксон говорит:

...техники смещения... должны были оказать весомую помощь, побуждая Хаксли добавлять к вербализациям техники смещения другие возможные продуманные значения и ассоциации, тем самым фактически дополняя в итоге мои собственные усилия... Это было намеренно расплывчатое, но нестрогое развернутое внушение, и я положился лишь на то, что интеллект Хаксли придаст ему широкий смысл, который я даже не старался предугадать... Я даже не пытался осмыслить то, что мои внушения могли означать для Хаксли.

Тем самым первый элемент первого предложения, которое цитирует Эриксон — *глубина*, — прекрасно отвечает как его собственным целям, так и целям Хаксли.

Второй паттерн, который мы хотим выделить в отрывке, состоящем из шести слов, выражен словами *отчасти и от части*:

Глубина оказалась отделенной отчасти и от части...

Во-первых, отметьте, что когда эта фраза представлена в письменной форме, в ней нет никакой неопределенности: первым элементом является слово *отчасти*, а вторым — словосочетание *от части*. Однако когда эта фраза воспринимается на слух, она становится полностью неопределенной. Одна из интуитивных способностей, которые могут выработаться у людей в отношении языка, на котором они говорят, это способность выявлять неопределенно-

сти. Отдельные виды неопределенности зависят от репрезентативной системы, в которой они возникают, например та неопределенность, с какой мы сталкиваемся при восприятии фразы на слух. Другие виды лингвистической неопределенности сохраняются, даже когда репрезентативная система меняется; к примеру¹⁴:

Гипноз гипнотизеров требует сноровки.

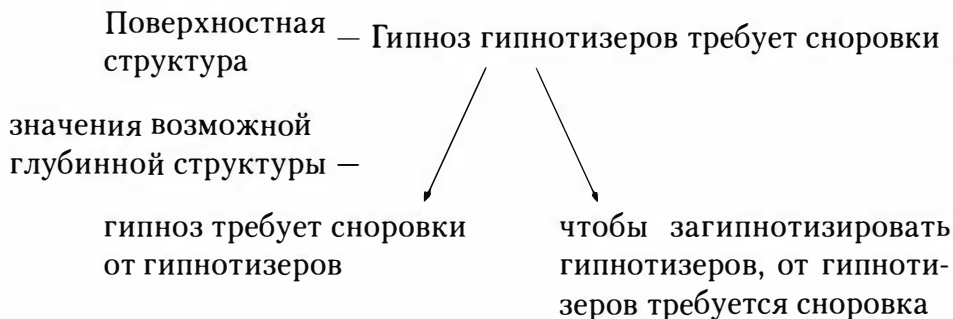
Неопределенность этого предложения заключается в том, какие из представленных ниже высказываний оно подразумевает:

Гипноз требует сноровки от гипнотизеров.

или

Чтобы загипнотизировать гипнотизеров, требуется сноровка.

Отметьте, что независимо от того, читаете ли вы исходное предложение вслух и слушаете его (аудиальная репрезентация) или читаете его про себя без внутреннего аудиального представления (внутренний диалог), возможны оба значения. Трансформационные лингвисты формализовали этот вид неопределенности, назвав его *синтаксической неопределенностью*. В терминах, которые мы ввели ранее, предложение, или поверхностная структура, называется неопределенным, если оно является лингвистической репрезентацией более чем одного независимого переживания, или, в лингвистических терминах, если оно является лингвистической репрезентацией более чем одной глубинной структуры¹⁵.

А вот пример *фонологической*, или *звуковой*, *неопределенности*, аналогичной той, которую использовал Эриксон:

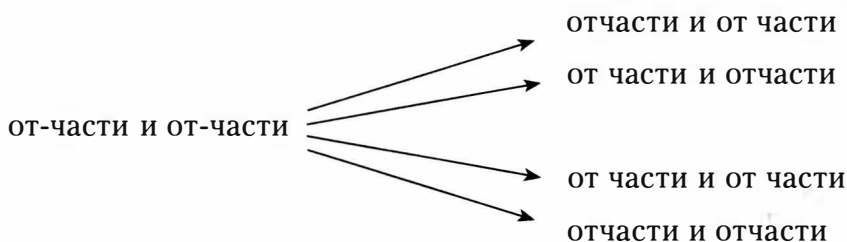
Мы нашли { плот }
 { плод } .

Произнесите это предложение вслух. Если сделать это обычным голосом, большинство слушателей не сумеют уловить разницу между двумя вариантами, представленными визуально. Фонологическое представление является полностью неопределенным. Объяснение будет тем же, что и выше: поверхностная структура является репрезентацией более чем одной глубинной структуры. Теперь рассмотрим еще раз предложение Эриксона:

Глубина оказалась отделенной отчасти и от части.

Одна и та же звуковая последовательность — мы представим ее визуально как *от-части* — может быть разбита на две независимые глубинно-структурные последовательности. Отметим, что Эриксон усиливает неопределенность, когда повторяет звуковую последовательность дважды, соединяя ее элементы союзом *и*. Тем самым, глубинную структуру можно разбить на составные части не двумя, а четырьмя различными способами.

Иначе говоря, слушатель, в данном случае Хаксли, может выбрать любую из четырех возможных интерпретаций глубинной структуры для одной поверхностно-структурной фразы.

Помня о лингвистических различиях, объясненных выше, мы обращаемся к исследованию остальной части процитированного материала, представленного Эриксоном в его указаниях, облегчающих Хаксли погружение в глубокий транс:

...со всей *отчетливостью*, как живая *реальность*, как невозможная *действительность*, то, что некогда было, но что теперь в *глубинах транса* будет в озадачивающем *противостоянии* бросать вызов всем вашим *воспоминаниям* и *представлениям*...

Возможно, вам будет проще всего оценить структуру утверждений Эриксона, если вы займете удобное положение, приведете себя в состояние полной релаксации и с помощью мыслей/чувств/

картин/звуков, которые вы некогда осознавали, предположите: то, что вы вот-вот услышите, является крайне важным и повлияет на всю вашу дальнейшую жизнь. Затем попросите друга зачитывать вам слова Эриксона низким, серьезным, заинтересованным голосом в медленном темпе с разными фразировками (интонационными паттернами) и обратите внимание на все интерпретации, которые вы способны им придать. С формальной точки зрения, количество возможных интерпретаций выражается в астрономических цифрах. Например, из 30 слов 16 являются глубинно-структурными предикатами. Из этих 16 только два выступают в качестве поверхностно-структурных глаголов (как правило, наименее искаженная форма, которую может принимать глубинно-структурный предикат). Большинство остальных из этих глубинно-структурных предикатов подверглись процессу номинализации, описанному выше. Разумеется, каждый из них может иметь множество интерпретаций — тем самым успешно подстраиваясь к переживаниям Хаксли и одновременно предоставляя ему максимальную свободу в выборе интерпретации, которая ему подходит, причем все эти действия не осознаются Хаксли. Вот пример:

...в озадачивающем противостоянии...

Слово *противостояние* является существительным поверхностной структуры, которое получено в результате процесса номинализации — оно происходит от предиката глубинной структуры *противостоять*. Следовательно, в глубинной структуре предикат *противостоять* является лингвистической репрезентацией процесса, в котором кто-то противостоит кому-то из-за чего-то. Посредством лингвистического процесса номинализации весь материал, связанный с глубинно-структурным предикатом, был опущен, и поэтому в итоговом выражении полностью отсутствует референтный индекс, тем самым предоставляя Хаксли максимальные возможности для интерпретации и включения ее в свои текущие переживания в глубоком трансе. Предикат глубинной структуры *озадачивать* выступает во фразе в форме причастия (*озадачивающее*), которое описывает переживание человека, связанное с номинализацией *противостояние*. Оно описывает то, каким образом воспринимается противостояние. Вопрос здесь сводится к тому, **кем** противостояние воспринимается подобным образом: человеком, осуществляющим противостояние, челове-

ком, которому противостоят, или кем-то, наблюдающим противостояние. Опять же этот предикат глубинной структуры в лингвистическом процессе превращения в причастие поверхностной структуры лишился информации, связанной с ним в полной лингвистической репрезентации, в глубинной структуре. Результатом снова является поверхностная структура, которая максимально расплывчата и, следовательно, максимально соответствует текущим и будущим переживаниям Хаксли. Усложняя ситуацию еще больше, два предиката *озадачивать* и *противостоять* связаны синтаксически. То есть когда Хаксли выбирает интерпретацию для отсутствующей информации, связанную с предикатом *противостоять*, он по-прежнему волен приложить предикат *озадачивать* к любому из элементов информации, которую он выбрал для предиката *противостоять* (озадаченным можно считать противостоящего человека, или человека, которому противостоят, или некоторого наблюдателя). Ниже дан перечень предикатов глубинной структуры, которые были номинализваны в высказывании Эриксона:

<i>отчетливость</i>	<i>реальность</i>
<i>действительность</i>	<i>глубина</i>
<i>транс</i>	<i>противостояние</i>
<i>воспоминания</i>	<i>представления</i>

Пассажу Хаксли присущи две дополнительные характеристики, которые в вербальной работе Эриксона повторяются снова и снова. В нескольких случаях Эриксон сводит вместе предикаты, один из которых модифицирует другой, таким способом, который нарушает то, что лингвисты называют ограничениями на сочетаемость (см. Grinder & Elgin, 1973; Chomsky, 1965). Когда человек произносит, например, фразу

Мальчик чувствует себя глупо,

любой слушатель, являющийся носителем данного языка, расценит это предложение как правильно построенное. Однако если произнести фразу

Скала чувствует себя глупо,

типичной реакцией со стороны слушателя будет недоумение — чувство, что он почему-то не смог понять то, что пытался сообщить говорящий. Трансформационные лингвисты объясняют этот феномен следующим образом. Каждый предикат в системе языка

является наименованием (именем) какого-то процесса или отношения. В мире человеческого опыта определенные процессы или отношения ограничены в том, что они могут происходить только с определенными классами людей или объектов. Например, беременными могут быть только представительницы женского пола. И наоборот, отцовство — прерогатива исключительно мужчин. Следовательно, предложение

Мой отец снова забеременел

выглядит очень странно. Еще один способ репрезентации этих фактов — указание, что множество объектов/людей, к которым мы прилагаем термин *отец*, и множество людей/объектов, к которым мы прилагаем термин *беременный*, не пересекаются; они не имеют общих членов. Никто не может быть одновременно отцом и беременным. Лингвисты говорят, что предикату *беременный* присуще ограничение на сочетаемость, требующее, чтобы все, к чему он прилагался, было женского пола. Другие ограничения на сочетаемость определены менее четко. К примеру, некоторые из вас, читателей, сочтут следующие предложения полностью приемлемыми, другие — полностью неприемлемыми, а третьи найдут одни предложения приемлемыми, другие неприемлемыми, а в отношении каких-то у них не будет определенного мнения.

Мой кот Трехлапый чувствует себя глупо.

Мой кот чувствует себя глупо.

Моя аквариумная рыбка чувствует себя глупо.

Моя ящерица чувствует себя глупо.

Мой червяк чувствует себя глупо.

Мои розы чувствуют себя глупо.

Мои сорняки чувствуют себя глупо.

Моя печь чувствует себя глупо.

Эриксон использует эту категорию лингвистических паттернов, когда произносит, к примеру, фразу *невозможная реальность*. Многие носители языка прореагируют на эту фразу как на нарушение ограничения на сочетаемость; как может быть невозможным нечто реальное, или как может быть реальным нечто невозможное?

Последним мы хотим выделить в этой вербализации Эриксона паттерн, который предполагает использование предикатов *некогда*, *было*, *теперь* и *будет*. Общая особенность, присущая этим

предикатам, состоит в том, что все они относятся к фактору времени; это так называемые временные предикаты. В частности, они обладают следующими свойствами:

<i>было</i>	относится к прошлому
<i>теперь</i>	относится к настоящему
<i>будет</i>	относится к будущему
<i>некогда</i>	неопределенная референция

То есть в одном-единственном высказывании Эриксона представлены все основные логические возможности, относящиеся ко времени¹⁶. И снова это позволяет Хаксли выбрать интерпретацию, которая максимально соответствует его текущим и будущим переживаниям. Как мы указали в обсуждении последовательностей предикат-предикат, скажем, *озадачивающее противостояние*, эти три общие категории номинализации/причастных производных, нарушений ограничения на сочетаемость и временных предикатов взаимодействуют друг с другом, снабжая клиента астрономическим количеством возможных интерпретаций, из которых он может выбрать любую, тем самым обеспечивая успешную подстройку к гипнотизеру.

Стало очевидно, что Хаксли демонстрирует интенсивную гипнотическую реакцию во время продолжительных неоднократных внушений, которые я производил, когда он внезапно поднял руку и сказал довольно громко и очень решительно: «Послушайте, Милтон, помолчите, а? Здесь, внизу, необычайно интересно, а ваша болтовня ужасно отвлекает и раздражает».

На протяжении более двух часов Хаксли сидел с открытыми глазами, пристально глядя вперед. Выражение его лица очень быстро менялось и озадачивало. Частота пульса и дыхания изменялись внезапно, необъяснимо и неоднократно через нерегулярные промежутки времени. Каждый раз, когда автор пытался с ним заговорить, Хаксли поднимал руку, иногда приподнимал голову и начинал говорить так, будто автор находился на некотором расстоянии над ним, и часто раздраженно требовал тишины.

После того как прошло более двух часов, он внезапно посмотрел на потолок и заметил с недоуменной эмфазой: «Послушайте, Милтон, имеется одно необычное осложнение. Мы вас не знаем. Вам здесь не место. Вы сидите на краю пропасти, наблюдая за нами обоими, и ни один из нас не знает, кто именно говорит с вами; и мы находимся в вестибюле, рассматривая друг друга с необычайным интересом. Мы знаем, что вы — человек, который может определить нашу идентичность, и, что весьма необычно, мы оба уверены, что знаем это, и что

другой, в сущности, нереален, а всего лишь мысленный образ прошлого или будущего. Но вы должны разрешить этот вопрос, невзирая на время и расстояние и несмотря на то, что мы вас не знаем. Послушайте, это необычайно любопытное затруднение, являюсь ли я им или он мной? Давайте же, Милтон, кем бы вы ни были». Было сделано два других замечания со схожим смыслом, которые было невозможно записать, причем голос Хаксли стал внезапно очень настойчивым. Вся ситуация вызывала у меня сильное замешательство, но в ней определенно присутствовали временная и иные виды диссоциации.

Удивленный, но внешне невозмутимый, я решил вывести Хаксли из состояния транса, учитывая частичные подсказки, данным им, и сказав, в сущности, следующее:

Где бы вы ни были, что бы вы ни делали, внимательно выслушайте то, что говорится, и медленно, постепенно, спокойно начинайте действовать в соответствии с услышанным. Вы чувствуете себя отдохнувшим и довольным, чувствуете потребность установить все более тесный контакт с моим голосом, со мной, с ситуацией, которую я представляю, потребность вернуться к насущным делам, которые были у вас со мной не так давно, к не столь давнему общению со мной, и сделайте так, чтобы *осталось позади, но было* ДОСТУПНЫМ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ, *практически все значимое*, ЗНАЯ И НЕ ЗНАЯ, что оно ДОСТУПНО ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ. А теперь давайте убедимся, что все в порядке, что вы сидите тут, бодрый, отдохнувший, довольный и *готовый к осуждению того немногого, что произошло*.

В статье Эриксона было использовано три вида шрифта, поскольку попытка представить читателю прием, который он использует с Хаксли, при помощи одной системы (в данном случае визуальной — шрифт), накладывала бы слишком много ограничений. Таким образом, Эриксон старается показать на примере один из своих наиболее эффективных методов. Мы начинаем с разбиения части всей коммуникации на три категории, представленные в статье различными типами шрифта:

Оригинал

Разбиение посредством аналогового сигнала

...к не столь давнему общению со мной, и сделайте так, чтобы *осталось позади, но было* ДОСТУПНЫМ ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ, *практически*

А

...к не столь давнему общению со мной... а теперь давайте убедимся, что вы сидите тут, бодрый, отдохнувший, довольный и...

все значимое, ЗНАЯ И НЕ ЗНАЯ, что оно ДОСТУПНО ПО ПЕРВОМУ ТРЕБОВАНИЮ. А теперь давайте убедимся, что все в порядке, что вы сидите тут, бодрый, отдохнувший, довольный и готовый к обсуждению того немногого, что произошло

В

...доступным по первому требованию... зная и не зная... доступно по первому требованию...

С

...и сделаете так, чтобы осталось позади... практически все значимое... что оно... готовый к обсуждению того немногого, что произошло...

Каждый из типов шрифта в оригинальной статье отражает характерную часть всей коммуникации Эриксона, которую он маркировал аналоговым сигналом определенного рода. Здесь нам неважно, какие именно аналоговые сигналы использовал Эриксон в тот момент для каждой из категорий, представленных различными типами шрифта. На основании наших личных наблюдений и записей Эриксона, а также помня о том, что во время глубокого транса глаза Хаксли, как правило, были закрыты, мы предполагаем, что для маркирования с целью разграничения трех видов сообщений Эриксон использовал интонацию и изменения темпа речи. Эриксон прекрасно контролирует аналоговые качества своего голоса (интонацию и темп речи). Одно из полезных обобщений, которые можно сделать на основании этой части работы Эриксона, — доведенная до совершенства способность использовать взаимодействие дигитальных и аналоговых систем. В сущности, Эриксон произносит длинную последовательность слов и фраз, которые, когда их слышишь вместе, образуют грамматически правильную коммуникацию. К этой коммуникации прилагаются (в данном конкретном случае) две совокупности аналоговых сигналов, которые выделяют из общего сообщения последовательности слов и фраз, каждая из которых сама по себе образует связную коммуникацию. В частности, совокупность **А** призвана помочь Хаксли вернуться к относительно нормальному состоянию осознания; функция совокупности **В** заключается в определении ключа, который Эриксон позже использует для того, чтобы помочь Хаксли восстановить в памяти этот опыт; совокупность **С** — это инструкции, которые Эриксон дает Хаксли, чтобы вызвать у него амнезию, относящуюся к его действиям в глубоком трансе. Трудно переоценить полезность и воздействие этого

аналогового маркирования дигитального материала, которое разбивает его на отдельные коммуникативные блоки. Эта техника оказывала незамедлительное воздействие почти на каждого, с кем мы его использовали. Попробуем отчасти объяснить эффективность этой техники.

1. За исключением некоторых гипнотизеров и психотерапевтов, чьи навыки требуют, чтобы они осознавали сообразность или несообразность сообщений, исходящих от человека, кому они уделяют внимание, никто систематически и сознательно не воспроизводит все сообщения, предлагаемые человеком, когда тот осуществляет коммуникацию. В каждый момент времени, когда человек обращается к нам, он использует свою позу (например, напряженная, расслабленная, замкнутая), жесты (например, движения рук, паттерны фиксации взгляда), интонацию голоса (например, пронзительная, резонирующая), темп речи (например, быстрый, отрывистый), язык (например, выбор слов, синтаксис) и т. д., чтобы передать ряд сообщений. Эти сообщения могут согласовываться друг с другом (конгруэнтная коммуникация) или конфликтовать (неконгруэнтная коммуникация). В психотерапевтическом контексте эти различия образуют базис для оказания клиенту помощи при изменении (см. «Структура магии», том I, глава 6; том II, часть II). Все сообщение, предлагаемое Эриксоном, представляет собой грамматически правильную коммуникацию. К этому структурному уровню приложимы механизмы нормальной лингвистической обработки, обеспечивающие восстановление смысла, и нам удастся понять смысл всего сообщения. Эти лингвистические процессы как таковые в норме являются подсознательными или предсознательными, а их результаты — смысл высказывания — сознательными. Поскольку в норме мы не воспроизводим по отдельности сообщения, передаваемые аналоговыми сигналами другого человека, мы не осознаем связи между дигитальным языковым материалом и этими сигналами. Таким образом, когда Эриксон использует аналоговые сигналы для маркирования всего сообщения, чтобы разбить его на отдельные коммуникативные блоки, мы не осознаем, что используется этот уровень паттернов, и, следовательно, принимаем сообщение, которое совершенно не осознаем. В результате этого процесса то, что Эриксон называет нашим подсознанием, принимает и реагирует на ряд сообщений, которые мы совершенно не осознаем. А без осознания мы не ставим эти сообщения под сомнение, а просто на них реагируем.

2. В возрасте от двух до пяти лет каждый из нас приобрел богатый опыт научения, когда мы учились говорить на родном языке и понимать его. Начинали мы с того, что учились воспринимать и произносить последовательности слов родного языка, которые проще по своей структуре, чем речь взрослых; эти более простые паттерны называют *детской грамматикой*. Детская грамматика совершенно не похожа на грамматику взрослых, но ее паттерны полностью упорядочены.

Умственные способности ребенка во многих отношениях, видимо, ограничены, и тем не менее он овладевает исключительно сложной структурой родного языка за какие-нибудь три-четыре года. Более того, каждый ребенок, сталкиваясь с новым для него явлением родного языка, довольно скоро «подводит» его под одну и ту же грамматику, практически без сознательной помощи родителей или с очень незначительной их помощью. Это значит, что ребенок быстро становится полноправным членом своего языкового общества, способным производить и понимать бесконечное число новых для него, но тем не менее значимых предложений на языке, которым он овладел... До недавнего времени в бихевиористской психологии речь, а также процесс овладения первым языком рассматривались просто как одна из форм человеческого поведения, которую можно свести к закономерностям образования условных реакций. Картина, которая начинает вырисовываться перед нами теперь, иная, — ребенок сам творчески создает свой язык в соответствии с внутренними и врожденными способностями, сам создает все новые теории структуры языка, модифицируя и отбрасывая старые теории по мере продвижения вперед.

Теперь нам очевидно, что ребенок создает какие-то собственные категории слов, основанные на функциях слов в языковой системе ребенка, и что слова следует рассматривать в рамках всей языковой системы ребенка, а не системы взрослого, которой ребенок еще не овладел... Когда ребенок начинает соединять вместе два слова, можно начинать исследовать его активную грамматику. Приведенные ниже примеры показывают, что с этого момента язык ребенка становится структурированным и скоро в нем можно будет выявить *иерархические структуры*, что этот язык стремится к *регулярности*, что структуры меняются с возрастом и что они не всегда соответствуют структурам речи взрослого.

Dan Slobin, *Psycholinguistics*, p. 40–41.

Scott, Foreman & Co., 1971. (Русский перевод см. в кн.: Д. Словин, Дж. Грин. Психолингвистика. — М.: Прогресс, 1976. Пер. Е. И. Негневицкой. Стр. 85–87. — *Прим. ред.*)

Отдельные коммуникативные блоки (например, совокупность **В**), которые Эриксон создает с помощью своего аналогового

маркирования всего сообщения, не являются правильно выстроенными последовательностями взрослой грамматики; однако если посмотреть на них критически, они сильно напоминают паттерны, которые каждый из нас использовал во время своего научения в возрасте от двух до пяти лет. Тем самым, для понимания сообщения, переданного последовательностью слов и фраз в коммуникативных блоках, которые Эриксон обособляет с помощью аналогового маркирования, нам, вероятно, придется задействовать грамматические механизмы, которые мы использовали в детстве. Это помогает объяснить почти неизбежный феномен возрастной регрессии, который «спонтанно» возникает при использовании этого приема.

3. Одним из наиболее интригующих открытий, которые в своей работе сделали психолингвисты и лингвисты, является то, что различные стадии в детской грамматике, когда ребенок на глазах переходит от полной некомпетентности в отношении языковых структур к полной компетентности, обычно содержат на каждой стадии одни и те же упрощенные паттерны, *не зависящие от ребенка и от языка, которым он овладевает*. Этот факт, наряду с другими соображениями, привел исследователей к гипотезе универсальной грамматики (см. Chomsky, 1965; Grinder & Elgin, 1973, глава 13). В сущности, гипотеза универсальной грамматики постулирует, что мы начинаем жизнь с уже заложенного в нас ряда особенностей, который используем в качестве строительного фундамента, когда учимся понимать и изъясняться на удивительно сложной системе родного языка, с которой мы сталкиваемся в возрасте от двух до пяти лет. Из обширной литературы, посвященной случаям повреждения мозга и неврологическому картированию локализованных мозговых функций (Gazzinga, Eccles), мы узнаем, что каждое из церебральных полушарий, по-видимому, способно превращаться в так называемое доминантное полушарие — местонахождение языковой системы. К примеру, дети, получившие повреждение мозга в области доминантного церебрального полушария уже после того, как начали или даже в целом завершили научение пониманию языка и изъяснению на нем, сначала утрачивают свои лингвистические навыки, но быстро их восстанавливают. В процессе этого они демонстрируют тот же набор паттернов детской грамматики, который был у них в первичные периоды научения. В сумме эти два открытия позволяют нам заключить, что каждое из церебральных полушарий содер-

жит схемы, отвечающие за универсальную грамматику. Когда Эриксон расчленяет свое полное сообщение, производя аналоговое маркирование отдельных коммуникативных блоков, некоторые из совокупностей (опять же совокупность **В** в примере) состоят из паттернов, приближающиеся по своей упрощенной форме к паттернам, характерным для универсальной грамматики¹⁷. Когда доминантное полушарие занято нормальной обработкой грамматически правильного полного сообщения, для недоминантного полушария оказываются доступными отдельные коммуникативные блоки с их более простыми паттернами. Тем самым у нас появляется возможность принять сообщения, полученные в недоминантном полушарии, и прореагировать на них, не осознавая этого.

Эти три соображения, разумеется, не исчерпывают возможности аналогового маркирования Эриксоном языкового материала, но обеспечивают исходный базис для анализа необычного воздействия и эффективности этого приема.

Хаксли пробудился, потер глаза и заметил: «У меня необычайное чувство, что я находился в глубоком трансе, но это был совершенно бесплодный опыт. Я припоминаю, как вы предложили мне глубже погрузиться в транс, и я почувствовал, что полностью готов подчиниться, и хотя мне кажется, что большая часть времени пролетела незаметно, я почти уверен, что состояние глубокой рефлексии было бы более плодотворным».

Поскольку он не поинтересовался тем, который час, состоялся бессвязный разговор, в котором Хаксли сравнил определенное, но расплывчатое восприятие внешних реалий в легком трансе с определенно худшим осознанием внешнего мира в среднем трансе, которое сопровождается странным ощущением легкого удовольствия от того, что эти внешние реалии могут стать в любой момент устойчивой действительностью.

Затем я спросил Хаксли о реалиях в глубоком трансе, из которого он только что вышел. Он задумчиво ответил, что припоминает, как смутно почувствовал, что погружается в глубокий транс, но что ему на ум не приходят какие бы то ни было воспоминания, связанные с трансом. После короткого обсуждения гипнотической амнезии, когда было высказано предположение, что у него, быть может, проявляется подобный феномен, он засмеялся от удивления и заявил, что обсуждение подобной темы было бы весьма интригующим. Затем был продолжен бессвязный разговор, после которого я ни с того ни с сего задал Хаксли вопрос: «В каком вестибюле вы поставили бы это кресло?» (с указанием на соседнее кресло). Его ответ был примечательным. «В самом деле, Милтон, это весьма

необычный вопрос. Просто поразительный! Он полностью лишен смысла, но слово “вестибюль” вызывает странное ощущение безграничного, волнующего тепла. Весьма необычно и любопытно!» Хаксли на несколько минут погрузился в недоуменные размышления и, наконец, заявил, что если и имеется какое-то значение, это, без сомнений, какая-то мимолетная эзотерическая ассоциация. После того как мы снова поговорили о разном, я заметил: «А что касается края, на котором я сидел, то мне интересно, какова была глубина пропасти». На это Хаксли ответил: «В самом деле, Милтон, вы иногда бываете ужасно загадочным. Слова “вестибюль”, “край”, “пропасть” оказывают на меня необычное воздействие. Это совершенно неопишимо. Дайте мне посмотреть, не могу ли я придать им какой-то смысл». Почти 15 минут Хаксли тщетно старался подобрать какие-то смысловые ассоциации к этим словам, время от времени заявляя, что мое явно намеренное, но таинственное их использование является гарантией того, что они имеют некую смысловую значимость, которая должна быть ему очевидна. Наконец, он восторженно объявил: «Теперь я понял. Очень странно, что я упустил это из виду. Я полностью сознаю, что вы ввели меня в транс, и нет сомнений, что эти слова имеют определенное отношение к глубокому трансу, который оказался для меня таким бесплодным. Интересно, смогу ли я восстановить свои ассоциации».

После почти 20 минут безмолвных и, по всей видимости, интенсивных раздумий Хаксли заметил: «Если эти слова действительно имеют какое-то значение, я могу искренне заявить, что у меня очень сильная гипнотическая амнезия. Я пытался прибегнуть к глубокой рефлексии, но обнаружил, что мои мысли вращаются вокруг опытов с мескалином. Мне было крайне трудно отрешиться от этих мыслей. У меня такое чувство, будто я использовал их для сохранения своей амнезии. Давайте побеседуем полчаса о других вещах и посмотрим, не удастся ли мне спонтанно вспомнить что-либо связанное с “вестибюлем”, “краем” и “пропастью»?»

Мы обсудили разные темы, пока, наконец, Хаксли не сказал: «Эти слова вызывают у меня весьма необычное значимое ощущение тепла, но я совершенно, я бы сказал ужасно, беспомощен. Я предполагаю, мне придется положиться на ваше объяснение, каково бы оно ни было. Необычно, весьма необычно».

Этот комментарий я намеренно оставил без ответа, но во время последующего разговора я обратил внимание на очень задумчивое, недоуменное выражение лица Хаксли, хотя он и не предпринял никаких попыток добиться от меня помощи. Спустя некоторое время я заметил с легкой эмфазой: «Ну, возможно, теперь искомое *станет доступным*». Хаксли, сидевший в своем кресле в расслабленной, удобной позе, выпрямился с испуганным, изумленным видом, а затем излил поток слов,

слишком стремительный, чтобы можно было записать что-то, кроме отдельных замечаний.

В сущности, его объяснение состояло в том, что слово «доступно» произвело эффект поднятия амнестического занавеса, обнажив поразительные субъективные переживания, которые были загадочным образом «стерты» словами «осталось позади» и полностью восстановлены благодаря наводящим словам «станет доступным».

Здесь Эриксон еще раз демонстрирует свою отточенную способность подстраиваться к модели мира, предложенной ему клиентом, и действовать в ней. Приняв без возражений замечание Хаксли, что его опыт в глубоком трансе был «весьма бесплодным», Эриксон вызывает у Хаксли переживание, которое позволяет тому прийти к пониманию возможностей феномена глубокого транса. В частности, Эриксон старается создать ситуацию, в которой Хаксли продемонстрирует амнезию и одновременно будет частично осознавать, что происходит нечто необычное. Благодаря своей восприимчивости к лингвистической репрезентации, которую Хаксли произнес в глубоком трансе, Эриксон отбирает несколько слов из тех, что Хаксли фактически использовал в период, выпавший из его памяти. Эриксон начинает расспрашивать Хаксли. Хаксли реагирует примечательным образом; в частности, когда Эриксон произносит слова, использованные Хаксли во время отрезка его глубокого транса, который выпал из его памяти, Хаксли реагирует, делая следующие утверждения:

...слово «вестибюль» вызывает странное ощущение безграничного, волнующего тепла...

...у меня такое чувство, будто я...

...значимое ощущение тепла...

Здесь одним из интересных параметров переживаний Хаксли является то, что определенные слова приобретают, как представляется, непреодолимую силу воздействия. В частности, когда Хаксли слышит слова *вестибюль*, *край* или *пропасть*, у него возникает кинестетическое ощущение. И он испытывает это телесное ощущение, явно не имея в данном случае никакой возможности выбора. Этот процесс тесно связан с несколькими элементами нашего опыта в психотерапевтическом контексте. В нашей работе и с определенными типами психосоматических проблем (например, с астмой, заиканием), и с определенными часто

встречающимися паттернами неспособности эффективно преодолевать трудности в межличностных отношениях мы сталкивались с тем, что называли *нечеткими функциями*. Нечеткая функция (подробное обсуждение см. в «Структура магии», том II, часть III) — это ситуация, в которой человек получает сообщение по какому-то входному каналу (например, визуальному, аудиальному), но вместо того чтобы принять и сохранить эту информацию или сообщение в соответствующей репрезентативной системе, он воспроизводит его в какой-то другой репрезентативной системе. К примеру, у одного нашего клиента, который страдал астмой, случались приступы всякий раз, когда он слышал слово *убить* и другие слова, связанные с межличностным насилием. Другая наша клиентка впадала в неконтролируемую ярость, когда слышала слово *Долли*. Клиенты, чья модель мира диктует, что они будут вести себя так, будто у них нет выбора в отношении своих кинестетических ощущений, когда они слышат определенную последовательность звуков, демонстрируют нечеткую функцию, которую мы называем *слышу-чувствую*. Принятие модели мира, в которой человек не способен контролировать определенные нечеткие функции, ограничивает возможности, которые имеются у клиентов в их арсенале преодоления трудностей. Так, если каждый раз, когда клиент слышит определенное слово, он «автоматически» испытывает определенное чувство, тогда он лишается способности к творческому отклику; он может только реагировать. Он не несет ответственности за свой опыт, то есть за чувства, которые он испытывает, и утверждения вроде

Он пробуждает во мне чувство гнева

Она меня чертовски расстраивает

являются, к сожалению, точными репрезентациями переживаний клиента. Формально идентичные паттерны имеют место и в других возможных сочетаниях «входной канал — репрезентативные системы». Например, одна из наших клиенток испытывала сильное чувство страха всякий раз, когда видела, как на внутренней полосе четырехрядной дороги останавливается автомобиль. Это пример нечеткой функции, которую мы называем *«вижу-чувствую»*. В каждом из этих случаев авторы прибегали к приемам отыгрывания и родственным навыкам, предполагающим систематическое использование репрезентативных систем, чтобы помочь клиентке измениться, предоставив ей возможность выбора

в отношении чувств, вызываемых звуками или картинами, которые она воспринимала или хранила в соответствующей репрезентативной системе. (Эти приемы подробно описаны в «Структуре магии», том II, части I, II и III.) Суть здесь в том, что нечеткие функции не являются плохими или ненормальными; они закладывают основу для многих удовольствий и творчества в нашей жизни. Однако в определенных контекстах они ограничивают выбор, имеющийся у человека в отношении того, какие элементы мира ему доступны (например, фобии). Поэтому разработанные нами психотерапевтические техники призваны не устранить или искоренить эти нечеткие функциональные процессы, а помочь клиентам обрести контроль над этими схемами и возможность выбирать ту или иную из них. Мы также заметили, что те же самые паттерны характерны для культурного или социального уровня. Отдельные категории опыта определяются как негативная нечеткая функция и идентифицируются как табу — например, в США порнография культурно идентифицируется как негативная функция «вижу—чувствую»; аналогичным образом, культура запрещает употреблять слова, которые описывают определенные ощущения и действия «телесного низа», то есть их идентифицировали как негативную функцию «слышу—чувствую». Напротив, культурные стандарты физической красоты, изящества и т. д., а также мелодия, ритм и т. д. — всего лишь культурно идентифицированные, позитивно оцениваемые нечеткие функции «вижу—чувствую» и «слышу—чувствую» соответственно. Кроме того, культурные различия, демонстрируемые многочисленными национальными и этническими группами, можно легко представить в аспекте нечетких функций, принимаемых за позитивные и негативные, например различия между требованиями, которые отвечают культурным стандартам и предъявляются к мужчинам и женщинам как внутри культурной или этнической группы, так и среди разных групп. Значение взаимодействия «Эриксон — Хаксли» в этой части статьи заключается в следующем: оно показывает, что схемы нечетких функций являются благоприобретенными, и что более важно, демонстрирует значимость гипноза как исследовательского инструмента, позволяющего начать изучение того, как у людей работают подобные схемы. Эриксон на протяжении всей своей жизни демонстрирует восприимчивость к этой поразительной и волнующей возможности. Еще в самом начале своей карьеры он исследовал различные феномены гипнотически индуцированной глухоты и цветовой слепоты.

Наконец, отметьте, что Эриксон проявляет обычную для него чуткость к человеку, с которым он работает. Он позволяет Хаксли исследовать различные способы восстановления материала, связанного с выявленными схемами «слышу—чувствую». Хаксли проявляет изобретательность в своих попытках преодолеть амнезию, лежащую в основе схем «слышу—чувствую», которые он использует. После того как Хаксли затратил на эту попытку немало времени, Эриксон просто называет одну из фраз-ключей, которую он ранее с помощью аналогового маркирования определил как принадлежащую к совокупности **В** — совокупности слов и фраз-ключей, которые позволяют Хаксли восстановить его воспоминания. Результаты просто поражают. Эта последовательность, опять же, показывает значимость гипнотически индуцированных нечетких функций как инструмента изучения неврологического потенциала человека — измененных состояний сознания.

Хаксли объяснил, что теперь он понял, что погрузился в «глубокий транс», — психологическое состояние, которое сильно отличалось от его состояния глубокой рефлексии, — что в глубокой рефлексии присутствовало ослабленное, но беззаботное и незначимое осознание внешней реальности, чувство, что ты находишься в известном, понятном состоянии субъективного осознания, чувство контроля и желание использовать возможности и при этом прошлые воспоминания, знания и переживания проносились в свободном и легком потоке. Наряду с этим потоком сохранялось внутреннее ощущение, что эти воспоминания, знания, переживания и представления, несмотря на свою яркость, были не более чем осмысленным упорядочением психологического опыта, позволяющим создать основу для глубокого, приятного, субъективного эмоционального состояния, дававшего начало исчерпывающему пониманию, которое можно было использовать немедленно и с незначительными сознательными усилиями.

Состояние глубокого транса, как он теперь понял, согласно его утверждению, — иная и совершенно непохожая категория опыта. Внешняя реальность могла осознаваться, но она становилась новым видом субъективной реальности, особой реальностью, имевшей новое и совершенно другое значение. Например, в его состоянии глубокого транса был частично включен и я, но не как конкретный человек с конкретной идентичностью. Я воспринимался лишь как некто, кого он (Хаксли) знал по смутным, незначимым и совершенно неидентифицируемым отношениям.

Помимо моей «реальности» отмечалась разновидность реальности, с которой человек сталкивается в ярких сновидениях, реальность, которую человек не подвергает сомнению.

Подобную реальность человек принимает целиком без интеллектуальных вопросов, и нет никаких конфликтующих противоположностей, никаких рассудочных сравнений, никаких противоречий, так что все субъективно ощущаемое принимается, безусловно, как субъективно и одновременно объективно истинное и в согласии со всем остальным.

Находясь в глубоком трансе, Хаксли обнаружил, что стоит на дне глубокой и широкой пропасти, на вершине крутого склона которой, на самом краю, сидел я, и известно обо мне было только имя и еще, — что я раздражающе болтлив.

Перед ним на широкой полосе мягкого, сухого песка лежал на животе голенький младенец. Покорно, не сомневаясь в его реальности, Хаксли разглядывал младенца, проявляя сильное любопытство в отношении его поведения, пытаясь из всех сил понять, что означают молящие движения его рук и крадущиеся движения его ног. К своему изумлению, он заметил, что испытывает смутное любопытство и удивление, как будто он сам был этим младенцем, смотрел на мягкий песок и пытался понять, что это такое.

Во время своего наблюдения Хаксли почувствовал, что доволен мной, поскольку я явно пытался с ним заговорить; его охватило нетерпение, и он потребовал, чтобы я замолчал. Он обернулся и заметил, что младенец растет на его глазах, ползет, садится, встает, учится ходить, идет, играет, разговаривает. В полном изумлении Хаксли наблюдал за этим растущим ребенком, ощущал его субъективный опыт научения, проявления желаний, чувств. Он следовал за ним в искаженном времени через множество ситуаций, когда тот переходил в своем развитии от младенчества к детству, от школьной поры к ранней юности. Он наблюдал за физическим развитием ребенка, ощущал его физический и субъективный ментальный опыт, сочувствовал ему, сопереживал ему, радовался вместе с ним, размышлял, удивлялся и учился вместе с ним. Он чувствовал свою общность с ним, как будто это был он сам, и он продолжал наблюдать за ним, пока, наконец, не понял, что за время его наблюдений ребенок превратился в зрелого двадцатитрехлетнего человека. Хаксли шагнул ближе, чтобы понять, на что смотрит молодой человек, и внезапно осознал, что молодой человек — это сам Олдос Хаксли, и что этот Олдос Хаксли смотрит на другого Олдоса Хаксли, очевидно, в возрасте чуть за пятьдесят, через вестибюль, в котором они оба стоят; и что он, пятидесятидвухлетний, смотрит на себя, Олдоса, двадцатитрехлетнего. Затем Олдос двадцати трех лет и Олдос пятидесяти двух лет, по-видимому, одновременно поняли, что смотрят друг на друга, и в уме каждого из них тотчас родились вопросы. Один подумал: «Это мое представление о том, каким я буду, когда мне исполнится 52?», а второй: «Это я так выглядел, когда мне было 23?» Каждый знал о вопросе, возникшем в уме другого. Каждый счел вопрос «необычайно любопытным

и интересным» и каждый попытался определить, кто из них был «подлинной реальностью», а кто — «лишь субъективным ощущением, спроецированным вовне в галлюцинаторной форме».

Для каждого прошлые 23 года были открытой книгой, все воспоминания и события были как на ладони, и они поняли, что эти воспоминания у них общие, но объяснение тому или иному году в промежутке от 23 до 52 лет каждый из них мог дать только в форме спекулятивного предположения.

Они смотрели через вестибюль (этот «вестибюль» не имел определенных очертаний) и вверх на край пропасти, где сидел я. Оба знали, что сидящий там человек имеет для них некое неопределенное значение, его зовут Милтон и они оба могут с ним разговаривать. У них обоих возникла мысль, слышит ли он то, что они говорят, но проверить это не удалось, поскольку они обнаружили, что говорят одновременно и не могут говорить порознь.

Медленно, задумчиво они изучали друг друга. Один наверняка реален. Другой наверняка всего лишь образ из прошлого или проекция собственного воображаемого образа. Не должен ли 52-летний Олдос хранить все воспоминания о годах в промежутке от 23 до 52 лет? Но если он их хранил, как мог он тогда видеть 23-летнего Олдоса без оттенков и красок тех лет, что минули с этого юного возраста? Если бы он хотел хорошенько рассмотреть 23-летнего Олдоса, ему пришлось бы стереть все последующие воспоминания, чтобы ясно увидеть юного Олдоса таким, каким он был. Но если он действительно был 23-летним Олдосом, почему он не мог мысленно воссоздать воспоминания о годах в интервале от 23 до 52 лет, вместо того чтобы видеть лишь Олдоса в возрасте 52 лет и ничего более? Какая психологическая блокировка могла влиять на это странное положение дел? Каждый полностью сознавал мысли и рассуждения «другого». Каждый сомневался в «реальности другого», и каждый находил разумные объяснения подобным контрастирующим субъективным переживаниям. Снова и снова возникали вопросы, каким образом можно установить истину, и как этот неидентифицируемый человек, обладающий только именем и сидящий у края пропасти на другой стороне вестибюля, согласуется с общей ситуацией? Мог ли этот едва различимый человек знать ответ? Почему бы ни обратиться к нему и не узнать?

С большим удовольствием и интересом Хаксли детализировал весь свой субъективный опыт, размышляя о годах, воспринимавшихся в искаженном времени, и блокировке памяти, превращавшей фактическую идентификацию в неразрешимую проблему.

Наконец, в порядке эксперимента, автор заметил вскользь: «Конечно, все это можно *оставить позади, чтобы оно стало ДОСТУПНЫМ* через какое-то время».

Тотчас же вернулась первоначальная постгипнотическая амнезия. Были предприняты попытки снять эту повторно ин-

дуцированную гипнотическую амнезию с помощью завуалированных замечаний, откровенных утверждений, с помощью рассказа о том, что произошло. Хаксли считал мои повествовательные утверждения о младенце на песке, глубокой пропасти, вестибюле «любопытными и интересными», всего лишь загадочными комментариями, которые, как решил Хаксли, я делал с определенной целью. Но они не пробуждали в нем нечто большее. В действительности каждое сделанное мной утверждение само по себе было информативным и было призвано лишь вызвать ассоциации. Однако никаких результатов не последовало, пока слово «**ДОСТУПНЫЙ**» опять не произвело тот же эффект, что и ранее. Хаксли повторил свой рассказ целиком во второй раз, не сознавая, что он его повторяет. Соответствующие внушения, когда он окончил свое второе повествование, помогли ему полностью восстановить в памяти его первый рассказ. Его реакция, после первоначального изумления, выразилась в намерении сравнить два рассказа пункт за пунктом. Он был поражен их идентичностью, заметив только незначительные отличия в порядке повествования и подборе слов.

Здесь нас интересуют два паттерна. Во-первых, если читатель исследует то, как Хаксли описывает свой опыт глубокого транса, он заметит постоянный выбор визуальных предикатов — паттерн, который мы обсудили ранее в нашем комментарии. Во-вторых, множественная повторная индукция амнезии и последующее снятие амнезии на первоначальные переживания в глубоком трансе, а также на припоминание этих переживаний снова в нормальном состоянии сознания подтверждают возможности и эффективность групп сообщений, выделяемых Эриксоном с помощью его приема аналогового маркирования.

Снова, как и прежде, была индуцирована постгипнотическая амнезия, а затем было вызвано третье припоминание, за которым последовало индуцированное осознание Хаксли того, что это третье припоминание.

Были сделаны подробные записи о всей последовательности событий и произведено сравнение индивидуальных записей с дополнительными комментариями, касающимися значимости. Многие моменты систематически обсуждались на предмет их смысла, были индуцированы кратковременные трансы с целью оживления различных воспоминаний. Однако я сделал относительно немного записей, касающихся содержания переживаний Хаксли, поскольку подробно описать их должен был он сам. Мои записи относились прежде всего к последовательности событий и были вполне приемлемым рефератом всего происшедшего.

Это обсуждение продолжалось до тех пор, пока его не прервала необходимость подготовиться к назначенным на тот вечер

мероприятиям, но прежде мы договорились о последующей подготовке материала к публикации. Хаксли планировал использовать и глубокую рефлексю, и дополнительные самостоятельно индуцированные трансы в качестве подспорья при написании статьи, но этому помешал злосчастный пожар.

Заключительные замечания

К сожалению, приведенный выше рассказ — это лишь фрагмент экстенсивного изучения природы различных состояний сознания. Представляется, что состояние глубокой рефлексии у Хаксли не являлось по своему характеру гипнотическим. Повидимому это было состояние очень интенсивной концентрации со значительной отрешенностью от внешних реалий, но с полновесной способностью реагировать на них с той или иной степенью готовности. Это был исключительно личный опыт, очевидно, служивший нераспознанной основой для сознательной трудовой деятельности и позволявший Хаксли свободно использовать все те мысли, которые посещали его в глубокой рефлексии.

Его гипнотическое поведение полностью согласовывалось с гипнотическим поведением, вызванным у других испытуемых. Он был способен продемонстрировать все феномены глубокого транса и мог живо реагировать на постгипнотические внушения и на самые минимальные подсказки. Он настойчиво указывал, что гипнотическое состояние сильно отличалось от состояния глубокой рефлексии.

Хотя можно провести определенное сравнение с активностью во сне, и нет сомнений, что естественное включение «вестибуля» и «пропасти» в ту же самую субъективную ситуацию указывает на состояние, напоминающее сон, подобные странные включения довольно часто определяются как спонтанное продолжение глубокой гипнотической идеосенсорной активности у испытуемых с развитым интеллектом. Сомнамбулическое поведение Хаксли, его открытые глаза, чувствительность к моим действиям, экстенсивное постгипнотическое поведение — все это показывает, что гипноз, без сомнений, играл определяющую роль во всем, что происходило в этой конкретной ситуации.

Примечательное появление у Хаксли состояния диссоциации (даже принимая во внимание его первоначальную просьбу о разрешительном подходе), в котором он наблюдал под гипнозом собственные рост и развитие в искаженных временных отношениях, хотя и свидетельствуя о всеохватывающем интеллектуальной любопытстве Хаксли, указывает на очень интересные и информативные исследовательские возможности. Заданные после окончания эксперимента вопросы показали, что у Хаксли не было сознательных мыслей или планов произвести обзор своего жизненного опыта, как и не интерпретировал он подобным образом данные ему внушения во время наведения транса. Это было верифицировано наведением транса и

проведением этого специального распроса. Его объяснение заключалось в том, что, почувствовав себя «глубоко в трансе», он начал думать, чем бы ему заняться, и «внезапно обнаружил там себя, что было весьма необычно».

Хотя этот опыт с Хаксли был весьма примечательным, я не в первый раз встречался с подобными проявлениями регрессии у испытуемых с развитым интеллектом. Один из подобных экспериментальных испытуемых попросил, чтобы его загипнотизировали, и выразил желание, чтобы во время транса у него проявился один интересный вид регрессии. Это было сделано прежде всего ради него самого, поскольку он должен был ждать, когда я закончу определенную работу. Его просьба была удовлетворена, и он был предоставлен самому себе, сидя в удобном кресле в другом конце лаборатории. Примерно через два часа он попросил, чтобы я его пробудил. Он рассказал, что внезапно обнаружил себя на склоне незнакомого холма и, глядя по сторонам, увидел маленького мальчика, которому, как он тотчас же «определил», было шесть лет. Удивляясь своей уверенности в отношении возраста незнакомого маленького мальчика, Хаксли подошел к нему, чтобы увидеть лишь то, что ребенок — это он сам. Он сразу же узнал склон холма и попытался понять, как это он может быть самим собой в 26-летнем возрасте и наблюдать себя в возрасте шести лет. Вскоре он выяснил, что может не только видеть, слышать и ощущать свое детское «я», но и знать его самые потаенные мысли и чувства. В момент осознания этого он почувствовал, что ребенок испытывает чувство голода и хочет «коричневое печенье». Это вызвало поток воспоминаний у его 26-летнего «я», но он заметил, что мысли мальчика все еще вращаются вокруг печенья и что мальчик по-прежнему совершенно не сознает его присутствия. Он был человеком-невидимкой, некоторым образом регрессировавшим во времени, так что мог видеть и полностью ощущать свое детское «я». Мой испытуемый сообщил, что он «прожил» с этим мальчиком несколько лет, наблюдал за его успехами и неудачами, знал все о его внутренней жизни, вместе с ребенком задавался вопросом о том, что произойдет на следующий день, и, подобно ребенку, он обнаружил к своему изумлению, что, несмотря на то что ему было 26 лет, имела место полная амнезия на все события, которые являлись последующими по отношению к непосредственному возрасту ребенка в данный момент, что он мог предвидеть будущее не в большей степени, чем ребенок. Он ходил вместе с ребенком в школу, отдыхал с ним на каникулах, постоянно наблюдая за продолжающимся физическим ростом и развитием мальчика. С наступлением каждого нового дня он обнаруживал, что его переполняет множество ассоциаций, относящихся к фактическим событиям прошлого до непосредственного момента жизни «я»-ребенка.

Он прошел начальную школу, среднюю школу, а затем длительный процесс принятия решения, поступать или нет в кол-

ледж, и какой курс наук ему следует изучать. Его мучили те же самые приступы неуверенности, что и его тогдашнее «я». Он ощутил радость и облегчение другого «я», когда решение было, наконец, принято, и его собственное чувство радости и облегчения было идентично чувству его другого «я».

Мой испытуемый объяснил, что его опыт был буквальным повторением его жизни мгновение за мгновением с тем же самым осознанием, которым он обладал тогда, и что сильно ограниченное осознание себя в 26-летнем возрасте было осознанием человека-невидимки, наблюдавшим за собственным ростом и развитием, начиная с детства и далее, и знавшим о будущем ребенка не больше, чем сам ребенок.

Он наслаждался каждым законченным событием, созерцая широкую и яркую панораму прошлых воспоминаний, когда каждое событие подходило к завершению. В момент его поступления в колледж переживания прекратились. Затем он понял, что находится в глубоком трансе, хочет пробудиться и взять с собой в сознательное состояние воспоминание о том, что он субъективно пережил.

Аналогичный вид переживаний отмечался у других испытуемых, мужчин и женщин, но рассказ каждого из них варьировал в том, как достигался этот опыт. Например, девушка, у которой были сестры, идентичные близнецы, на три года младше ее, обнаружила, что она — это «пара идентичных близнецов, растущих вместе, но всегда знающих все о другом». В ее рассказе не содержалось никаких сведений о ее реальных сестрах-близнецах; все подобные воспоминания и ассоциации были исключены.

Другой испытуемый, увлекавшийся техникой, сконструировал робота, которого он наделил жизнью, неожиданно для себя обнаружив, что наделил его собственной жизнью. Затем он наблюдал за этим роботом на протяжении многих лет, наполненных эмпирическими событиями и учебой, всегда добиваясь результатов сам, потому что у него также возникла амнезия на прошлое.

Повторные попытки провести надлежащий эксперимент оказывались на данный момент неудачными. Обычно испытуемый возражает или отказывается по какой-то не вполне понятной причине. Во всех случаях, когда я сталкивался с подобным развитием событий в гипнотических трансах, этот вид «повторного проживания» человеком своей жизни всегда происходил спонтанно и у хорошо адаптированных экспериментальных испытуемых с развитым интеллектом.

Переживания Хаксли были зафиксированы наиболее адекватно, и очень жаль, что большее количество деталей, которые остались у него, были уничтожены, прежде чем у него появилась возможность изложить их полностью. Замечательная память Хаксли, его способность использовать глубокую рефлексию, его умение погружаться в глубокое гипнотическое состояние, чтобы добиться конкретных целей и пробудить себя по

собственному желанию с полным осознанием того, чего он достиг (на следующий день Хаксли потребовалось очень немного наставлений, чтобы приобрести навыки аутогипноза), предвещали исключительно информативное исследование. К сожалению, уничтожение обоих блокнотов не позволило ему предпринять хоть какую-то попытку воссоздать их по памяти, поскольку мой блокнот содержал очень много записей, касавшихся процедурных вопросов и наблюдений, которые он не запомнил и которые были крайне важны для любого удовлетворительного продолжения работы. Однако есть надежда, что приведенное здесь сообщение может послужить, несмотря на свои недостатки, в качестве первичного пилотного исследования для разработки более адекватного и обширного исследования различных состояний сознания.

Таким образом, в заключение мы укажем, что в своих комментариях Эриксон обобщает представление о том, что он в других контекстах называл искажением времени. В данном случае он говорит о продемонстрированной разными испытуемыми способности благодаря достигаемому в глубоком трансе субъективному ощущению времени выполнять задания, которые в реальном времени были бы невыполнимы, например обзор всей их жизни без какого-либо ощущения ускорения или спешки. Здесь мы просто упоминаем об этом феномене, а позже еще вернемся к этой теме.

Эта статья Эриксона о совместном проекте, осуществленном им и одной из наиболее талантливых и творческих личностей XX века, является бесценным свидетельством, указывающим на ряд очень конкретных способов, какими мы, люди, можем начать процесс изучения наших собственных возможностей восприятия — в сущности, продуцирования — измененных состояний сознания. В заключение этого комментария мы просто повторим завершающее высказывание Эриксона:

...есть надежда, что приведенное здесь сообщение может послужить, несмотря на свои недостатки, в качестве первичного пилотного исследования для разработки более адекватного и обширного исследования различных состояний сознания.

Примечания к части I

1. Для дополнительного изучения процессов, посредством которых люди создают модели мира, мы рекомендуем книги «Структура магии», т. I и II. (Русский перевод: Р. Бэндлер, Дж. Гриндер. Структура магии. В 2 т. — СПб.: прайм-Еврознак, 2004. — Т. I; Дж. Гриндер, Р. Бэндлер. Структура магии. — СПб.: прайм-Еврознак, 2004. — Т. II.)

2. В этом первом томе мы выделяем только три уровня связей:

- а) простую конъюнкцию;
- б) скрытые каузативы;
- в) причину—следствие.

Нам известны и другие градации связи, существующие в естественном языке, но мы ограничиваемся этими тремя. Более детальный анализ будет предложен в последующих томах. Эти паттерны представляют собой отправную точку того, что мы называем естественной логикой. Другие паттерны естественной логики или человеческого моделирования см. в: Polya (*Patterns of Plausible Interference*, 1954) и Lakoff (*Linguistics and Natural Logic*, 1970).

3. См. «Структура магии», том I, главы 3 и 4.

4. При некоторых формах опущения конечная поверхностная структура остается хорошо сформулированной, то есть является грамматически правильным предложением. Другие опущения приводят к грамматически неправильным предложениям. Эрикссон использует в своей работе и то и другое. Мы обсудим контекст, адекватный для их использования, и различия в опыте клиента в II и III частях этого тома. В I части мы не делаем данного разграничения.

5. Amer. J. Clin. Hypn., 1966, 3, 198–209.

6. Многие комментаторы истории математики указывали, что важные открытия, сделанные «одаренными» математиками, часто включают «внезапное озарение» или ситуацию, когда, по словам математика, «решение проносится перед его глазами». Вот что сообщает Гардинер (Gardiner, 1975, p. 375), один из современных комментаторов:

...когда человек использует речевую способность, его взгляд должен сместиться вправо. Напротив, когда человек использует пространственное воображение, как это происходит при выборе маршрута или решении геометрической задачи, должно активизироваться правое полушарие, а взгляд должен соответственно сместиться влево... Стивен Харнад проинтервьюировал аспирантов и преподавателей математики в Принстонском университете, классифицируя их согласно тому, в каком направлении перемещался их взгляд, когда им задавали серию вопросов. Было установлено (на основании мнения их коллег), что те, чьи глаза смещались вправо, были менее творчески одарены как математики, проявляли меньший интерес к искусству и реже пользовались визуальными образами при решении задач, чем сопоставимая группа математиков, у которых глаза смещались влево, отражая активность в их недоминантном полушарии...

7. Amer. J. Clin. Hypn., 1965, 8, 14–33.

8. *Huxley, A.* The Doors of Perception. New York: Harper and Brothers, 1954.

9. Мы приводим более детальное описание подобных свидетельств в «Структуре магии», том II, части II и III.

10. *Erickson, M. H.* The confusion technique in hypnosis, 1964, 6, 269–271. Amer. J. Clin. Hypn.

11. Шерлок Холмс демонстрирует несколько превосходных примеров техники смещения Эриксона — Sir Arthur Conan Doyle, *The Annotated Sherlock Holmes* (Volume I, p. 423); edited by William A. Baring-Gould (Clarkson N. Potter. Inc., New York).

12. Этот конкретный пример был предметом обсуждения, когда мы [Бэндлер и Гриндер] посетили автора статьи, которую мы комментируем [Эриксона].

13. Трансформационные лингвисты разработали метод проверки различия между неопределенностью и расплывчатостью; предложения с номинализациями, как правило, расплывчаты, но не неопределенны.

14. Мы описываем паттерны временных предикатов в другом томе с сопроводительным обсуждением искаженного восприятия времени при гипнозе. Однако читатели могут легко придумать собственные примеры, сочетая временные предикаты, использованные Эриксоном, с любыми из временных предикатов, которые обычно выступают в качестве наречий, например: *вскоре, после,*

недавно, ранее, сейчас, тогда, впоследствии, первоначально, наконец, последовательно...

15. Кроме того, некоторые факты свидетельствуют о том, что в недоминантном полушарии хранятся часто встречающиеся целые слова и фразы с их значениями.

ЧАСТЬ II

Знакомство с паттернами гипнотической работы Эриксона

Введение

В I части этого тома мы преследовали двоякую цель: мы хотели показать вам, во-первых, что в работе Милтона Эриксона с гипнозом систематически используются определенные паттерны поведения, и, во-вторых, что эти паттерны можно идентифицировать и выделить таким способом, который будет полезен для вас в вашей собственной гипнотической работе. Мы надеялись, что вы сможете начать процесс ознакомления с этими паттернами таким способом, который позволит вам идентифицировать их и представить, каким образом они могут быть полезны в вашей области деятельности. Вторая часть книги посвящена более систематическому знакомству с данными паттернами. Она призвана представить вам характеристики каждого из этих паттернов таким образом, который позволит вам понять не только сущность каждого паттерна, но и пользу и значение каждого из них. В I томе мы сосредоточились прежде всего на лингвистических понятиях и на том, как они служат целям индукции и внушения. Мы хотим указать, что они ни в коем случае не исчерпывают все паттерны поведения, используемые Милтоном Эриксоном в его работе с гипнозом, а являются, на наш взгляд, базовыми и самыми легкими для изучения и применения. Каждый из лингвистических паттернов, представленных в этой части I тома, можно перенести на другие формы аналоговой коммуникации, используемой людьми (интонация голоса, движения тела и т. д.), которые даны в последующих томах. Так, мы кратко упомянули о лингвистическом понятии неопределенности, поверх-

ностной структуре естественного языка, которая, в силу своей конструкции, может иметь более одного значения, например:

Гипноз гипнотизеров требует сноровки.

Этому предложению можно дать одну из следующих интерпретаций:

1. Гипнотизер в процессе гипноза использует сноровку, чтобы добиться своей цели.
2. Гипнотизирование людей, являющихся профессиональными гипнотизерами, требует сноровки, поскольку эта задача может быть трудной или привести к каким-то непредвиденным результатам.

Подразумеваемый смысл неясен и не может быть определен одной лишь поверхностной структурой. Это пример синтаксической неопределенности.

Приведенный ниже отрывок из другой статьи Эриксона содержит пример того, как Эриксон использовал кинестетическую неопределенность. Кинестетические неопределенности выделены для ясности курсивом. Общие паттерны затрудненной интерпретации и многозначности — с формальной точки зрения те же самые и являются примерами того, как одни и те же формальные паттерны можно использовать в любой из сенсорных систем.

Тогда ее ввели через боковую дверь, и она оказалась прямо передо мной. Мы молча посмотрели друг на друга, а затем (как я уже делал много раз с участниками семинаров, стараясь выявить тех, кого я считаю с клинической точки зрения «хорошими, восприимчивыми» испытуемыми, перед началом семинара и, следовательно, до того, как они меня узнавали) я быстро подошел к ней с улыбкой и протянул правую руку, а она протянула свою. Я медленно потряс ей руку, глядя ей прямо в глаза, даже когда она смотрела на меня, и перестал улыбаться. *Когда я отпустил ее руку, то сделал это в неопределенной, неравномерной манере, начав медленно убирать руку, затем слегка увеличив нажим своим большим пальцем, потом мизинцем, потом средним пальцем, делая это каждый раз в неопределенной, неравномерной, нерешительной манере, и, наконец, очень аккуратно высвободил свою руку, чтобы испытуемая не смогла точно определить, когда я отпустил ее руку или какой части ее руки я коснулся в последний момент.* Одновременно я медленно изменил фокусировку своих глаз, поменяв угол их схождения и тем самым дав испытуемой минимальную, но ощутимую подсказку, что я смотрю не ей в глаза, а сквозь них,

вдаль. Зрачки ее глаз медленно расширились, и в этот момент я аккуратно отпустил ее руку, оставив ее в воздухе в каталептическом положении. Легкий восходящий нажим на тыльную сторону кисти заставил руку слегка подняться.

Вторая неожиданная... индукция была осуществлена в январе 1961 года во время визита в Каракас, столицу Венесуэлы. Я был приглашен осмотреть больницу «Консепсьон Паласиос», во время посещения которой меня попросили рассказать персоналу на импровизированном собрании в конференц-зале об использовании гипноза в акушерстве. Один из присутствующих предложил, чтобы я провел демонстрацию при обсуждении феноменов гипноза. Помня о своем опыте в Мехико, я спросил, не могу ли я поработать с какой-нибудь молодой женщиной, которая не знает о цели моего визита, не понимает английского и никогда прежде не имела дела с гипнозом. Привели трех молодых женщин, я оглядел их и отобрал одну, которая, на мой взгляд клинициста, обладала тем, что я называю «восприимчивой внимательностью». Я попросил, чтобы других отпустили, а ей сказали, что мне требуется ее помощь во время лекции. Мой переводчик очень осторожно информировал ее об этом, не дав ей никакой дополнительной информации, и она утвердительно кивнула.

Подойдя к ней, так что мы оказались лицом к лицу, я объяснил по-английски для тех, кто его понимал, что сейчас они увидят мою технику. Мой переводчик хранил молчание, а молодая дама глядела на меня внимательно и удивленно.

Я показал девушке свои руки, в которых ничего не было, а затем протянул правую руку и аккуратно обхватил пальцами ее правое запястье, едва касаясь его, если не считать неравномерного, неопределенного, меняющегося паттерна тактильной стимуляции кончиками пальцев. Целью этого было вызвать у нее всепоглощающее, внимательное, выжидающее, удивленное любопытство к тому, что я делаю. Большим пальцем правой руки я легко надавил на латеральную ладонно-локтевую часть ее запястья, как бы поворачивая его вверх; в то же мгновение в области радиальной выпуклости я произвел легкое направленное вниз тактильное давление на дорсально-латеральную часть ее запястья своим средним пальцем; одновременно я также производил разнообразные аккуратные прикосновения другими пальцами, примерно такой же интенсивности, но лишенные направленности. Она автоматически отреагировала на направляющие касания, не отделяя их сознательно от других касаний и, очевидно, обращая внимание сначала на одно касание, а затем на другое. Когда она начала реагировать, я стал постепенно усиливать направляющие касания, не уменьшая количество и вариации других отвлекающих тактильных стимулов. В результате я придал ее предплечью и кисти латеральное и восходящее движение, меняя тактильные сти-

мулы, которые чередовались с уменьшающимся количеством не направляющих прикосновений. Эти чуткие, автоматические движения, источник которых ей удалось определить, испугали ее, и когда ее зрачки расширились, я коснулся ее запястья, придавая ему восходящее движение и... ее предплечье начало подниматься, прерывая прикосновение настолько осторожно, что она не заметила, как тактильный контакт прекратился, а восходящее движение продолжилось. Быстро поднеся кончики своих пальцев к ее пальцам, я стал варьировать прикосновения, чтобы заставить ее ладонь незаметно совершить полный восходящий поворот, после чего другие прикосновения к кончикам ее пальцев вызвали выпрямление одних и изгиб других, а соответствующее прикосновение к выпрямленным кончикам пальцев привело к постепенному сгибанию ее локтя. После этого она стала медленно перемещать руку в сторону своих глаз. Когда она начала это делать, я привлек ее визуальное внимание своими пальцами и направил ее внимание на свои глаза. Я сфокусировал свои глаза на отдаленной точке, делая вид, что смотрю сквозь нее, поднес пальцы вплотную к глазам, медленно закрыл глаза, сделал глубокий, тяжелый вздох и расслабленно опустил плечи, а затем показал на ее пальцы, которые приближались к ее глазам.

Она последовала моим пантомимическим инструкциям и погрузилась в транс, из которого не вышла, даже когда персонал попытался привлечь ее внимание (1967, р. 93–96).

Предшествующий отрывок был приведен в качестве примера того, как каждый из лингвистических паттернов, представленных нами, может быть перенесен на системы аналоговой коммуникации. В этом томе мы намерены сосредоточиться прежде всего на паттернах языка, которые Милтон Эриксон использует в своей работе. Наша стратегия будет состоять в том, чтобы перегруппировать уже представленные паттерны, объединив их в естественные совокупности, в основе которых лежат их применение и формальные характеристики. Паттерны были разбиты на техники:

- 1) подстройки, чтобы отвлечь и использовать доминантное полушарие;
- 2) получения доступа к недоминантному полушарию.

Внимательное прочтение II части снабдит вас не только множеством лингвистических приемов индукции и внушения, но также последовательной стратегией их использования в гипнотической работе.

В заключение мы приведем ряд выдержек из книги известного современного писателя Карлоса Кастанеды (C. Castaneda.

Tales of Power, 1974; р. 231–233, 245, 247–248, 265; русский перевод: К. Кастанеда. Сказки о силе. Киев: София, 1992).

...Первым действием учителя является внушение идеи, что знакомый нам мир — это только видимость, описание мира. Каждое усилие учителя направлено на то, чтобы доказать эту мысль своему ученику. Но принять ее, по-видимому, одна из самых трудных вещей на свете. Мы довольствуемся своим частным взглядом на мир, и это заставляет нас чувствовать и действовать так, как будто мы знаем о мире все. Учитель с самого первого своего действия стремится к тому, чтобы положить конец этому взгляду. Маги называют это остановкой внутреннего диалога и убеждены, что это важнейший прием, которым должен овладеть ученик...

«Остановка внутреннего диалога является ключом к миру магов, — сказал он. — Вся остальная деятельность — только подпорки. Они лишь ускоряют эффект остановки внутреннего диалога».

...Учитель перестраивает картину мира. Я назвал эту картину островом *тональ*. Я сказал, что все, чем мы являемся, находится на этом острове. Согласно объяснению магов, остров *тональ* создан нашим восприятием, которое приучено фокусироваться на определенных элементах. Каждый из этих элементов и все они вместе образуют нашу картину мира. Работа учителя, применительно к восприятию ученика, состоит в перенесении всех элементов острова на одну половину пузыря. Теперь ты, должно быть, уже понял, что чистка и перестройка острова *тональ* означает перегруппировку всех его элементов на стороне *разума*. Моей задачей было расстроить твою обычную картину мира; не разрушить ее, а заставить ее переместиться на сторону *разума*...

...Он нарисовал воображаемый круг на камне и разделил его пополам вдоль вертикального диаметра. Он сказал, что искусство учителя заключается в том, чтобы заставить ученика сгруппировать свою картину мира на правой стороне пузыря.

«Почему на правой половине?» — спросил я.

«Это сторона *тоналя*, — сказал он. — Учитель всегда обращается к ней и, с одной стороны, знакомя своего ученика с путем воина, он заставляет его быть разумным, рассудительным и сильным душой и телом. А с другой — помещая его в немыслимые, но реальные ситуации, с которыми ученик не может справиться, он заставляет его понять, что его *разум*, хотя он и является чудеснейшей вещью, может охватить лишь очень немногое...

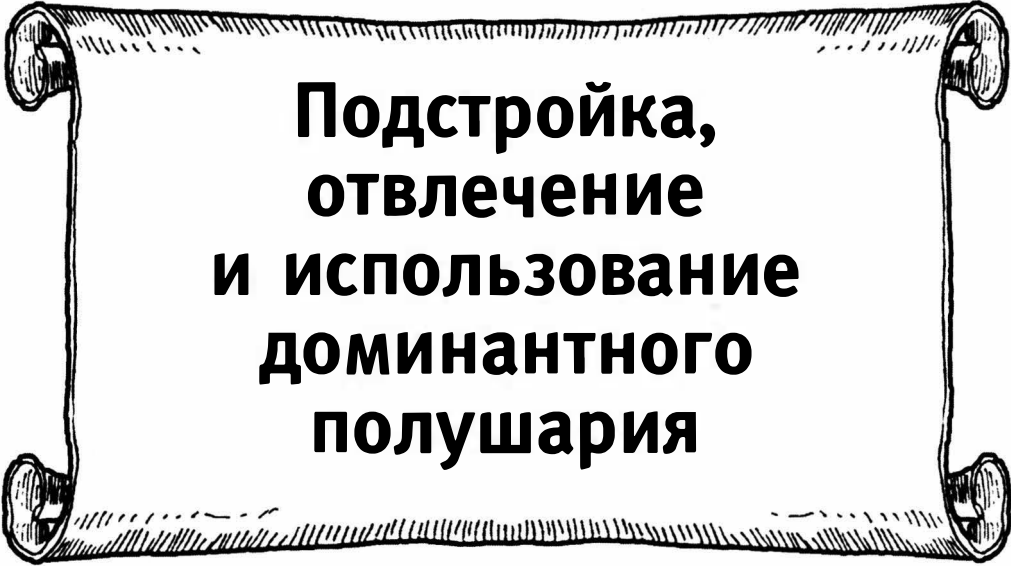
«...Ходьба в этой специфической манере насыщает *тональ*, — сказал он. — Она переполняет его. Видишь ли, внимание

тоналя должно быть направлено на его творения. В действительности именно это внимание в первую очередь и создает порядок в мире. Поэтому *тональ* должен быть внимателен к элементам этого мира, чтобы поддерживать его. И прежде всего он должен помогать воспринимать мир как внутренний диалог».

Он сказал назвал правильный способ ходьбы уловкой. Воин, сжав сначала пальцы, привлекает внимание к рукам, а затем, глядя без фиксации глаз на любую точку прямо перед собой на дугообразной линии, которая начинается у кончиков его стоп и заканчивается над горизонтом, он буквально наводняет свой *тональ* информацией. *Тональ* без своих отношений тет-а-тет с элементами собственного описания не способен разговаривать сам с собой, и поэтому он затихает...

...Порядок в нашем восприятии является исключительно царством *тоналя*. Только там наши действия могут иметь последовательность, только там они напоминают лестницу, ступени которой можно сосчитать. В *нагвале* ничего подобного нет. Поэтому картина *тоналя* — это инструмент. И он не только лучший инструмент, но и единственный, который у нас имеется...

«...*Сновидение* — это практическая помощь, разработанная магами, — сказал он. — Они были не дураки, они знали, что делают, и хотели извлечь пользу из *нагваля*, обучая свой *тональ* тому, как можно разжать на мгновение руку, так сказать, а затем схватить предмет снова. Эти слова кажутся тебе бессмысленными. Но этим ты занимался все время: ты разжимал руку, не теряя при этом свои стеклянные шарики. Само собой, *сновидение* является венцом усилий мага, полновесным использованием *нагваля*».

Подстройка, отвлечение и использование доминантного полушария

Чтобы понять этот прием, возможно, стоит вспомнить о паттерне волшебника, который стремится не проинформировать, а отвлечь, чтобы добиться своей цели.

Milton H. Erickson, *Special Techniques of Brief Hypnotherapy*, 1967, p. 393.

Введение

Индукция измененного состояния сознания, называемого трансом, предполагает и требует отвлечения и/или использования того, что Милтон называет сознательным умом. Человек может сознательно воспроизводить текущий опыт в ряде отдельных модальностей (визуальной, аудиальной, кинестетической). Чтобы вызвать состояние транса, в процессе должны участвовать, в определенной мере, все репрезентативные системы, поскольку процесс, как правило, предполагает одновременную репрезентацию небольшой, сфокусированной части опыта. Начало этого процесса мы называем *подстройкой*. В гипнотической работе она обычно достигается за счет того, что клиентов просят направить свой взгляд в одну точку и прислушаться к звуку голоса гипнотизера. Гипнотизер начинает описывать переживания, которые, как он знает из своего наблюдения, клиент

испытывает в данный момент; например, изменения в визуальном восприятии (к примеру, ощущение «третьего глаза» у клиента, обусловленное тем, что он пристально смотрит в фиксированную точку). Это описание, объясненное ранее, образует петлю обратной связи между наблюдаемыми действиями клиента — теми его действиями, которые гипнотизер видит и слышит, — и словами гипнотизера, которые слышит клиент. Это практически эквивалентно встрече с клиентом в его модели мира — переходу к реальности клиента, принятию ее и последующему ее использованию в целях гипнотического сеанса. Встреча с клиентом в его модели мира, подстройка к этой модели и перенесение ее на новую территорию — это одна из последовательных стратегий Эриксона, которая делает его работу более легкой как для него самого, так и для клиента. Любая попытка принудить клиента к чему-то или заставить его отрицать собственные убеждения создает возможность для сопротивления, давая клиенту нечто, чему он может сопротивляться. Эта борьба лишь попусту растрчивает время и энергию всех участников и очень редко служит какой-либо цели.

Вероятно, большей части из вас знакома распространенная ситуация, когда человек попадает в то, что мы называем «капканом» межличностной коммуникации. К примеру, к вам кто-то подходит и как бы между прочим говорит:

Вот черт, я настоящий тупица; у меня вечно все получается не так.

Реакцией на это часто является попытка «помочь» и ответ:

Это не так; ты же сам знаешь, что много умеешь. Ты можешь делать X, Y, Z и т. д.

Наш опыт показывает, что обычно результат бывает следующим: чем больше вы пытаетесь «помочь» таким способом, тем решительнее другой человек выражает противоположную точку зрения. Вот другой пример. Ваш знакомый говорит вам:

Я хочу узнать твое мнение; как ты считаешь, следует ли мне сделать X или Y и т. д.?

Вы говорите:

Ну, X — это хорошая мысль.

Как правило, человек тотчас же станет отстаивать Y. Одна из стратегий, которая прекрасно себя показала в нашей психотера-

певтической работе, — согласиться с другим человеком, который затем неизменно принимает другую точку зрения. В качестве примера рассмотрите следующую расшифровку стенограммы психотерапевтического сеанса:

Джейн: *Я такая бестолковая, я... я никогда не говорю то, что следует.*

Джейн: *Да... э... гм... э.*

Джейн (перебивая): *Я не так безнадежна; ладно (начинает смеяться), я знаю, чего вы добиваетесь; поэтому давайте продолжим, ладно?*

Психотерапевт: Я это заметил; действительно, вы настолько бестолковы, что, мне кажется, вам никто не поможет. Вероятно, вы ни на что не способны — так что не стоит и пытаться.

Психотерапевт: Нет, нет, вы правы; вероятно, вам уже ничем не помочь. Мне кажется, вам лучше просто отправиться домой и запереться в чулане; таких бестолковых, как вы, в мире больше нет.

Психотерапевт: Хорошо, если вы полагаете, что вам можно помочь, тогда начнем.

Эриксон очень хорошо улавливает подобную коммуникацию; он встречает клиента в его модели, принимает ее и использует ее в максимальной мере. Следующие отрывки — примеры этой доведенной до совершенства способности.

Описание случая 1

Джордж провел в психиатрической больнице пять лет. Его личность так и не была установлена. Это был просто неизвестный человек лет 25, которого забрали в полицию в связи с иррациональным поведением и направили в психиатрическую больницу штата. В течение этих пяти лет он говорил: «Меня зовут Джордж», «Доброе утро» и «Спокойной ночи», но это были его единственные рациональные фразы. В остальных случаях он изливал непрерывную «словесную кашу», совершенно бессмысленную, насколько можно было определить. Поток его речи состоял из звуков, слогов, слов и незаконченных фраз. Первые три года Джордж сидел на скамье возле двери, ведущей в отделение, проворно вскакивая и очень настойчиво изливая свою словесную кашу каждому, кто входил в отделение.

В остальных случаях он просто тихо сидел, бормоча словесную кашу себе под нос. Психиатры, психологи, санитары, работники социальной службы, прочий персонал и даже другие пациенты предпринимали бесчисленные попытки добиться от него вразумительных комментариев, но все было тщетно. Джордж изъяснялся только одним способом — с помощью словесной каши. По прошествии примерно трех лет он продолжал приветствовать потоком бессмысленных слов людей, входивших в отделение, но в промежутке между этими излияниями молча сидел на скамье, выглядя немного подавленным, но довольно раздраженно выдавал несколько минут словесной каши, когда к нему подходили и задавали вопросы.

Автор присоединился к персоналу больницы на шестой год пребывания в ней Джорджа. Была получена доступная информация о его поведении в отделении. Также было выяснено, что пациенты или персонал отделения могли сидеть на скамье рядом с ним, не провоцируя его словесную кашу до тех пор, пока они не заговаривали с ним. Благодаря всей этой информации был разработан психотерапевтический план. Секретарша застеночно записывала словесную кашу, которой Джордж взволнованно приветствовал тех, кто входил в отделение. Была изучена расшифровка этих записей, но не удалось обнаружить никакого смысла. Далее словесная каша была тщательно перефразирована с помощью слов, которые реже всего встречались в продукции Джорджа, и подвергнута экстенсивному изучению, пока автор не сумел придумать словесную кашу, схожую по своему паттерну с кашей Джорджа, но построенную на другой лексике.

Затем были приняты меры, чтобы войти в отделение можно было только через боковую дверь, находившуюся дальше по коридору на значительном расстоянии от Джорджа. После чего автор стал молча сидеть на скамье рядом с Джорджем в течение все более длительных промежутков времени, пока этот период не достиг часа. В следующий раз, когда они сидели вместе, автор, обращаясь в пустоту, назвал себя. Джордж никак не отреагировал на это.

На следующий день автор назвал себя, адресуясь непосредственно Джорджу. Тот испустил гневный поток словесной каши, на который автор ответил, вежливо и участливо, таким же количеством собственной тщательно продуманной словесной каши. По-видимому, это озадачило Джорджа, и, когда автор закончил, он выдал еще одну очередь с вопросительной интонацией. Как будто отвечая, автор изъяснился новым потоком словесной каши.

После полдюжины таких взаимообменов Джордж погрузился в молчание, а автор сразу же занялся другими делами.

На следующее утро произошел обмен должными приветствиями, в которых использовались собственные имена. Затем Джордж произнес длинную речь в форме словесной каши,

на которую автор вежливо ответил тем же. Потом последовали быстрые взаимобмены длинными и короткими порциями словесной каши, пока Джордж не замолк, а автор не приступил к выполнению других обязанностей.

Так продолжалось некоторое время. Затем Джордж, ответив на утреннее приветствие, произнес бессмысленную речь, не останавливаясь в течение четырех часов. Это явилось серьезным испытанием для автора, заставив его пропустить обед и дать развернутый ответ в таком же ключе. Джордж внимательно слушал, после чего произнес двухчасовую ответную речь, на которую был дан утомительный двухчасовой ответ. (Было замечено, что Джордж весь день посматривал на часы.)

На следующее утро Джордж ответил должным образом на обычное приветствие, но добавил примерно два абсурдных предложения, на которые автор ответил аналогичным количеством абсурда. Джордж ответил: «Говорите нормально, доктор». «Разумеется, я буду только рад. Как ваша фамилия?». «О'Донован. Наконец-то я услышал этот вопрос от кого-то, умеющего говорить. За пять лет, проведенных в этом вшивом заведении»... (к этому было добавлено два-три предложения словесной каши). Автор ответил: «Я рад узнать вашу фамилию, Джордж. Пять лет — очень долгий срок»... (и были добавлены два предложения в форме словесного салата).

Дальнейшие события были вполне предсказуемыми. С помощью расспросов, одобренных в разумных пределах словесной кашей, удалось получить полную историю Джорджа с обрывками словесной каши. Хотя Джордж так и не избавился полностью от словесной каши, которая в конце концов свелась к неразборчивому бормотанию, курс лечения дал превосходные результаты. Не прошло и года, как Джордж покинул больницу и был принят на оплачиваемую работу, возвращаясь в больницу через все более продолжительные интервалы, чтобы сообщить о своей непрерывной и улучшающейся адаптации. Тем не менее свое сообщение он неизменно начинал или заканчивал обрывком словесной каши, всегда ожидая того же от автора. Однако он мог заметить с иронией, что и делал неоднократно во время этих посещений: «В жизни нет ничего лучше небольшой бессмыслицы, не так ли, доктор?», на что он, очевидно, ожидал получить и получал разумное выражение согласия, к которому добавлялось короткое бессмысленное высказывание. После того как он провел вне больницы три года, характеризовавшиеся вполне удовлетворительной адаптацией, связь с ним была потеряна, если не считать бодрой открытки, пришедшей из другого города. В ней содержалось краткое, но удовлетворительное резюме его адаптации в далеком городе. Она была подписана должным образом, но после его имени следовал беспорядочный набор слогов. Обратного адреса не было. Он завершал наши отношения на своих условиях адекватного понимания.

Во время курса психотерапии было обнаружено, что Джордж поддается гипнозу, погружаясь в транс от среднего до глубокого примерно через 15 минут. Однако его поведение в трансе было полностью сравнимым с его бодрствующим поведением и не давало никаких терапевтических преимуществ, хотя и было проведено несколько проверок. Каждая психотерапевтическая беседа характеризовалась рассудительным использованием соответствующего количества словесной каши.

Вышеприведенный случай представляет собой скорее крайний пример подстройки к пациенту на уровне его весьма серьезной проблемы. Сначала автор подвергался довольно строгой критике со стороны окружающих, но когда стало ясно, что необъяснимые настоятельные потребности пациента удовлетворяются, неодобрительные комментарии прекратились (1967, р. 501–502).

Способность Эриксона подстроиться к Джорджу в его модели мира, даже заговорить его языком, — прекрасный пример того, как Эриксон идет навстречу клиенту, чтобы установить контакт в его модели, вместо того чтобы ждать, когда клиент приблизится к нему. Когда специалисты, практикующие гипноз и психотерапию, овладеют этим навыком, термин *резистентный клиент* потеряет смысл, и состояния транса будут доступны для большего числа людей.

В следующем отрывке дан хороший пример применения гипноза к якобы резистентному клиенту, которого можно охарактеризовать как не поддающегося гипнозу или невосприимчивого. Индукция Эриксона отличается простотой, поскольку он подстраивается к клиентке в ее модели и быстро подводит ее к желаемому состоянию. Моделью для индукции становится сама «резистентность» клиентки.

«Вы хотите, чтобы гипноз был использован при лечении зубов. Ваш муж и его коллеги желают того же, но каждый раз, когда делалась попытка гипноза, вам не удавалось войти в транс. Вы напрягались от испуга и начинали плакать. Вообще-то было бы достаточно просто напрячься, без плача. Теперь вы хотите, чтобы я подверг вас психиатрическому лечению, если это необходимо, но я так не считаю. Вместо этого я просто погружу вас в транс, чтобы можно было использовать гипноз во время лечения ваших зубов».

Она ответила: «Но я напрягусь от испуга и начну плакать».

Она получила ответ: «Нет, сначала вы напряжетесь. Это первое, что следует сделать, и вы сделаете это сейчас. Напрягайтесь все больше и больше, так чтобы ваши руки, ноги, тело,

шая были полностью напряжены, стали даже более напряженными, чем тогда, когда вы приходили с мужем».

«Теперь закройте глаза и пусть ваши веки станут тяжелыми, настолько тяжелыми, что вы не сможете их поднять».

Ее реакции были вполне адекватными.

Способность Эриксона подстроиться к клиенту и использовать его модель мира является отменным инструментом; другие специалисты, практикующие гипноз, могут многое перенять из этой области его работы. Очень часто неспособность гипнотизера установить контакт с клиентом и использовать его модель мира приводит к неудачам, которые между тем могли бы стать непосредственным источником успеха. Поразительный пример подобной ситуации имел место в нашей работе после встречи с Эриксоном. Мы проводили вечерний семинар по гипнотизму и рассматривали различные гипнотические феномены, описанные Эриксоном в его статьях. Мы работали с молодой женщиной, у которой были негативные галлюцинации. Когда она находилась в глубоком трансе, мы дали ей несколько относительно прямых внушений, сказав, что она не увидит свою руку. Пробудившись, она открыла глаза, внимательно посмотрела на свою правую руку и сказала разочарованным тоном: «Но она по-прежнему на месте». Один из авторов немедленно ответил: «Да, разумеется, вы можете видеть *эту руку*», — причем его голос определенно подразумевал нечто большее. Тогда она медленно перевела взгляд, посмотрела на другую руку и произнесла с изумлением: «Невероятно! Ее нет!» Подстройка к первоначальному ответу клиентки, признание модели ее текущего опыта и ведение клиентки сделали возможной эту визуальную трансформацию.

...Клинический случай, в котором был использован тот же самый прием, связан с беспокойным 25-летним пациентом, которому не была показана гипнотерапия. Тем не менее он раз за разом требовал гипноза, одновременно заявляя, что он ему не поддается. Однажды он добился своего, потребовав категорично: «Загипнотизируйте меня, хотя гипноз на меня и не действует».

Это требование было удовлетворено посредством использования тихо произносившихся внушений, которые должны были вызвать медленную, возрастающую релаксацию, усталость и сон. Весь час, пока это продолжалось, пациент сидел на краю кресла, жестикулировал и с горечью называл всю процедуру дурацкой и неумелой. В конце сеанса он заявил, что его время и деньги были выброшены на ветер. Он мог «вспомнить каждое безрезультатное, дурацкое внушение», которое было

дано, и мог «вспомнить все, что происходило в течение всего этого времени».

Автор незамедлительно ухватился за эти высказывания, заявив в довольно однообразной манере: «Конечно же, вы помните. Вы находитесь здесь в кабинете. Естественно, здесь, в кабинете, вы можете все вспомнить. Все это происходило здесь, в кабинете, вы находились здесь и здесь вы можете все вспомнить». Пациент нетерпеливо потребовал назначения новой встречи и ушел раздраженный.

При следующей встрече его намеренно встретили в приемной. Он тотчас же поинтересовался, не забыл ли он прийти на предыдущую встречу. Был дан уклончивый ответ, что-де если он приходил, то непременно вспомнит. Он объяснил, что в тот день он неожиданно обнаружил, что сидит в своем автомобиле и не может вспомнить, вернулся ли он только что с приема или прямо сейчас отправляется на него. Он обдумывал этот вопрос в течение неопределенного периода времени, пока не догадался посмотреть на часы и не обнаружил, что назначенный час давно миновал. Однако он по-прежнему был не способен разрешить проблему, поскольку не знал, сколько времени он обдумывал вопрос. Он спросил опять, явился ли он на предыдущую встречу, и его снова уклончиво заверили, что он непременно вспомнит, если он на ней был.

Входя в кабинет, он внезапно остановился и заявил: «Я все-таки был на приеме. Вы с этой вашей глупой, вкрадчивой, неэффективной гипнотической техникой растранижили мое время и потерпели позорную неудачу».

После ряда других пренебрежительных комментариев его удалось вернуть в приемную, где у него снова обнаружилась амнезия на предыдущее посещение, а также на его первоначальные расспросы о нем. На его вопросы был еще раз дан уклончивый ответ. Его ввели в кабинет, где он во второй раз полностью восстановил в памяти предыдущее посещение.

Его снова сумели вернуть в приемную с последующим возвращением его амнезии. Когда он опять вошел в кабинет, то добавил к своему припоминанию предыдущего посещения полное восстановление в памяти своих обособленных выходов в приемную и сопутствующих амнестических состояний. Это озадачило и заинтриговало его в такой степени, что он провел большую часть часа, переходя из кабинета в приемную и обратно. В приемной он обнаруживал полную амнезию, а в кабинете — полное припоминание всех своих ощущений, включая манифестации в приемной.

Терапевтическим эффектом этого гипнотического опыта стали почти незамедлительная коррекция многих проявлений враждебной, антагонистической, сверхкритической, требовательной позиции пациента и установление хорошего раппорта. В результате психотерапевтический процесс ускорился, хотя гипноз больше не применялся (1967, р. 41–42).

Неопытные гипнотизеры слишком поспешно расценивают первоначальную неудачу как отсутствие способности у них самих или испытуемого. Эриксон систематически подчеркивает важность принятия и утилизации каждого аспекта поведения клиента, что позволяет встречаться с клиентом в его модели мира и вести его на новую территорию. Ниже следует его описание этого процесса:

При наведении транса неопытный гипнотизер часто пытается направить или изменить поведение испытуемого, чтобы оно соответствовало его представлению о том, как испытуемый «должен» себя вести. Роль гипнотизера должна постоянно сводиться к минимуму, а роль испытуемого — постоянно возрастать. В качестве примера можно привести случай с добровольной участницей, который позже использовался при обучении гипнозу студентов-медиков.

После общего обсуждения гипноза она выразила желание тотчас же войти в транс. Было дано внушение, чтобы она выбрала кресло и позу, которые кажутся ей наиболее удобными. Когда она расположилась так, как желала, то заметила, что хотела бы выкурить сигарету. Испытуемой дали сигарету, и она начала неторопливо курить, созерцая поднимавшийся вверх дым. Были сделаны беглые, непринужденные замечания о том, как приятно курить, наблюдать за клубящимся дымом, испытывать облегчение при поднесении сигареты ко рту, ощущать внутреннее удовлетворение от полного погружения в процесс курения, не испытывая необходимости отвлекаться на какие бы то ни было посторонние вещи. Затем были сделаны беглые замечания о вдохании и выдыхании, причем эти слова были синхронизированы с ее реальным дыханием. Другие касались того, с какой легкостью она может почти автоматически подносить сигарету ко рту, а затем опускать руку, кладя ее на подлокотник кресла. Эти замечания также совпадали по времени с ее фактическими действиями. Вскоре слова «вдыхать», «выдыхать», «подносить» и «опускать» приобрели обуславливающую значимость, которую она не осознавала ввиду, казалось бы, разговорного характера внушений. Аналогичным образом, были даны беглые внушения, в которых слова «сон», «спящий» и «спать» были синхронизированы с движениями ее век.

Не успев выкурить сигарету, испытуемая погрузилась в легкий транс. Затем было дано внушение, что она сможет и дальше наслаждаться курением, когда она засыпала все крепче и крепче; что за сигаретой присмотрит гипнотизер, когда она все больше и больше погружалась в глубокий сон; и когда она спала, что она будет снова испытывать приятные чувства и ощущения от курения. Последовал удовлетворительный глубокий транс, и ей были даны экстенсивные наставления, чтобы научиться ее реагировать в соответствии со своим подсознательным паттерном поведения (1967, р. 18).

Таким образом, подстройка составляет часть общей стратегии Эриксона при установлении связи с доминантным полушарием, чтобы вызвать состояние транса. Когда эта направленная на подстройку петля обратной связи образована, реализуется остальная часть общей стратегии установления связи с доминантным полушарием. Эриксон описывает это следующим образом:

Глубокий гипноз — это такой уровень... который позволяет испытуемому функционировать адекватно и направленно на подсознательном уровне восприятия без вмешательства со стороны сознания.

Это достигается подстройкой с одновременным отвлечением и использованием подсознательных паттернов поведения, выработанных доминантным полушарием. Если разговаривать с клиентом так, чтобы использовался процесс, посредством которого люди формируют лингвистические модели своего опыта, то это позволяет гипнотизеру задействовать громадные ресурсы своего клиента. В «Структуре магии», том I, мы описываем процесс, за счет которого люди формируют лингвистические модели своего опыта. Мета модель — это совокупность точных форм, с помощью которых психотерапевт может бросить прямой вызов деструктивным репрезентациям. С другой стороны, гипноз не ставит под сомнение эти процессы репрезентации, а, скорее, превращает их самих в средство, которое дает возможность клиентам достичь как состояния транса, так и целей последнего. Таким образом, при психотерапии в состоянии бодрствования психотерапевтических целей можно достичь посредством мета моделирования, чтобы понять и расширить модель мира вашего клиента. То, что в гипнозе называют анти- или инверсивной мета моделью, применяется для подстройки и отвлечения с использованием моделирующих процессов клиента, чтобы достичь транса и целей гипнотической работы. Эту инверсивную мета модель мы с любовью назвали Милтон-моделью.

Каузальные процессы лингвистического моделирования

Конструируя модели своего опыта, каждый из нас старается извлечь смысл из паттернов, которые мы переживаем. Мы стараемся создать для себя карту или путеводитель своего поведения

в мире, которые можно использовать для достижения того, чего мы для себя хотим. Лингвистическим процессам, которые мы используем при конструировании своих моделей, присущи те же три универсалии — **опущение, искажение и обобщение**, — с которыми мы встречаемся в других репрезентативных системах. Когда мы сохраняем гибкость в своем использовании этих процессов, они становятся основой полезных, творческих и благотворных репрезентаций, которые мы создаем и применяем, чтобы проложить себе путь в этом мире. Однако когда мы совершаем трагическую ошибку, принимая модель за реальную территорию, наши репрезентации обедняют наш опыт и ограничивают наш потенциал. То есть те же самые процессы, которые позволяют нам продуцировать полезные и эстетически приятные модели нашего опыта, могут сделать нас более слабыми и ограниченными. Гипноз — особенно яркий пример этого.

Одной из наиболее распространенных форм искажения является то, как мы выделяем несколько частей нашего опыта и определяем каузальные (причинные) отношения между ними, связываем их в нашей модели, так что, обнаруживая наличие одной или нескольких из этих частей, мы начинаем ожидать появления какой-то другой части.

С лингвистической точки зрения мы сочли полезным выделить три категории каузальных отношений, или связей.

- а) Конъюнкция** — использование соединительных слов *и*, *но* (т. е. *и не*).

Предложения, в которых используется простая конъюнкция, имеют общую форму:

X	и	Y
<i>Вы прислушиваетесь к звуку моего голоса</i>		Вы расслабляетесь все больше и больше
<i>Вы сидите в кресле</i>		Вы погружаетесь глубже в транс
<i>Вы фокусируете свой взгляд на этом пятне</i>		Ваши веки тяжелеют

- б) Подразумеваемые каузативы** — использование соединительных слов *когда*, *пока*, *в то время как*, *перед*, *после...*

Предложения, в которых используется этот тип причинной связи, имеют одну и ту же форму:

Х	когда пока в то время как	У
<i>Вы погрузитесь глубже в транс</i>		Вы прислушаетесь к звуку моего голоса
<i>Ваши веки тяжелеют</i>		Вы усядетесь как можно глубже в кресло
<i>Это забытое имя внезапно появится перед вашим внутренним взором</i>		Вы закончите повторять про себя буквы алфавита

- с) Причина-следствие** — использование предикатов, которые устанавливают необходимую связь между элементами опыта говорящего, например *заставлять, вызывать, вынуждать, требовать* и т. д.

Общая форма для этого типа причинной связи такова:

Х	каузативный предикат (например, <i>приведет к</i> тому, что)	У
<i>Сидение в этом кресле</i>		Вы войдете в глубокий сомнамбулический транс
<i>Разглядывание этого пресс-папье</i>		Ваши веки тяжелеют
<i>Прислушивание к звуку моего голоса</i>		Вы расслабитесь все больше и больше

В каждой из этих конструкций утверждается, что между двумя классами событий существует связь. Сила связи, о которой делается утверждение, варьирует от простого совместного появления до необходимости. Как мы показали в I части этого тома, самый типичный способ, каким гипнотизер использует эти процессы моделирования, — привязывание какого-то элемента текущего опыта клиента, который клиент способен сразу же верифицировать, к определенному переживанию или поведению, которое гипнотизер хочет вызвать у клиента. Тем же самым паттернам можно придать намного более сложный вид, если в приведенные общие

формы включить отрицания, как это показано в следующих примерах:

<i>Вы не сможете сидеть с открытыми глазами</i>	когда	Вы ощутите тяжесть своих век...
~ X	когда	Y

где ~ обозначает отрицание.

<i>Вы не сможете не испыты- тать чувство глубокой печали</i>	когда	Вы почувствуете напряже- ние вокруг своих глаз
~ ~X	когда	Y

<i>Если не разговаривать</i>	то очень легко	Не услышать никаких иных звуков, кроме моего голоса
~ X	то очень легко	~Y

Кроме того, чтобы добавить отрицание к базовым паттернам, вы можете также объединить события, перечисленные под общими символами **X** и **Y**, тем самым делая каждое из них составным, например:

<i>Если не разговаривать и не закрывать глаза</i>	это приведет к тому, что	Вы еще быстрее войдете в транс, когда прислушае- тесь к звуку моего голоса
~ X₁ и ~ X₂	приведет к	Y₁ когда Y₂

Как читатель может проверить самостоятельно, вариации этих паттернов неисчерпаемы.

Теперь приведем несколько примеров того, как Эриксон использовал эти паттерны.

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ков-
ре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокот-
нике кресла; картины на стене; *меняющийся фокус ваших глаз,*
когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к назва-
ниям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; не-
приятные звуки *и* мысли; тяжесть рук *и* ног; тяжесть проблем,
тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принад-
лежностями; истории болезни многочисленных пациентов; фе-

номены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; *потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола*, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...

Ниже дан прекрасный пример того, как Эриксон использует причину—следствие в случае паттернов высокого уровня. Он вовлекает клиентку в ситуацию, в которой она начинает верить, что ее *чувство успеха* послужило причиной *расстройства планов автора*. Здесь используются собственные процессы моделирования клиентки, чтобы помочь ей войти в транс.

...Эта дама, доктор наук в области психологии, относившаяся крайне презрительно и скептически к гипнозу, бросила автору вызов, предложив ему «попытаться испытать свою маленькую причуду» на ней в присутствии свидетелей, которые смогут подтвердить неудачу автора. Однако она, тем не менее, заявила, что если ей будет продемонстрировано, что существует такой феномен, как гипноз, она готова участвовать в любых исследованиях, какие бы ни планировал автор. Ее вызов и условия были приняты. Ее обещание выступить в роли испытуемой, если ее убедят, было осторожно и спокойно подчеркнуто, поскольку оно составляло элемент ее собственного поведения и могло стать основой для будущего поведения в трансе. Далее был использован прием внушения, который, как предполагалось, определенно не сработает, что и произошло. Тем самым испытуемой было придано *чувство успеха*, которое удовлетворило ее, но к которому примешивалось сожаление в связи с *расстройством планов автора*. Это сожаление служило краеугольным камнем для будущих трансов. Затем, якобы для того, чтобы автор мог сохранить свое лицо, была затронута тема идеомоторной активности. После некоторого обсуждения косвенное внушение побудило ее выразить готовность сотрудничать в экспериментах с идеомоторной активностью. Она сделала уточнение, заявив: «Не пытайтесь меня убедить в том, что идеомоторная активность — это тот же гипноз, поскольку я знаю, что это не так». В ответ на это было замечено, что идеомоторной активности можно, без сомнений, добиться при гипнозе, равно как и в бодрствующем состоянии. Тем самым, был заложен еще один краеугольный камень для будущей активности в трансе... (1967, р. 21.)

При подстройке к клиенту и его ведении полезен близкородственный процесс моделирования, называемый «чтением мыслей», — ситуация, в которой один человек утверждает, что обладает знанием о ненаблюдаемом поведении другого человека.

Например, вот несколько распространенных поверхностных структур этой формы, которые редко ставятся под сомнение, несмотря на то что они являются чтением мыслей. Практически они составляют часть опыта почти каждого человека. Иногда эти высказывания могут быть верными, но, не уточнив процесс, нельзя провести грань между галлюцинациями и правильно сформулированными репрезентациями.

Я знаю, что именно делает его счастливым.

Вам следовало бы знать, что мне это не понравится.

Я знаю, что я ему не нравлюсь.

Извините, что приходится вам надоедать.

Должно быть, вас занимает моя проблема.

Осторожно используя паттерн чтения мыслей, гипнотизер может успешно подстраиваться к клиенту и вести его даже в таких областях его опыта, которые не имеют наблюдаемых последствий. Мы процитируем еще один пример из работы Эриксона.

Мы оба хотим знать, почему вы так неразборчивы в сексуальной жизни. Мы оба хотим знать причину вашего поведения. Мы оба знаем, что эти знания находятся в вашем подсознании. В течение следующих двух часов вы будете тихо сидеть здесь, ни о чем не думая, ничего не делая, лишь зная, что ваше подсознание собирается назвать вам и мне причину вашего поведения. Оно назовет причину ясно и понятно, но ни вы, ни я не поймем ее, пока не настанет подходящее время, и никак не раньше. Вы не знаете, каким образом ваше подсознание ее назовет. Я не буду знать, что оно скажет, пока это не узнаете вы, но затем причина станет известна и мне. В подходящее время, подходящим образом, узнаете вы и узнаю я. Тогда у вас все будет в порядке (1967, р. 402).

Осторожное и умелое использование этих паттернов вскоре сотрет грань между подстройкой и ведением клиента.

Трансдеривационный поиск¹

Этот раздел посвящен особенностям доминантного полушария, которые наиболее важны для понимания эффективной ра-

боты Милтона Эриксона с гипнозом. Все нижеследующие лингвистические особенности имеют общий паттерн, а именно: чтобы найти релевантный смысл в поверхностной структуре этих форм, необходимо получить информацию, выходящую за рамки смысла глубинной структуры, который извлекается из действительно произнесенной поверхностной структуры. Мы хотим сделать этот раздел как можно более простым и предлагаем вам в качестве дополнительной помощи упражнения на конструирование в III части.

К трансформационным процессам относится любое **опущение, искажение** или **обобщение**, появляющееся при переходе от полной лингвистической репрезентации — глубинной структуры — к поверхностной структуре, которую фактически произносят или пишут, слышат или видят. Например, в случае опущения, предложение

Кто-то может дать что-то кому-то

могло быть произнесено в этой форме или как:

Что-то было дано,

передавая тот же самый смысл глубинной структуры. Лингвистика, как мы указали ранее, — это изучение интуитивных знаний, которыми каждый из нас обладает как носитель родного языка, и формализация этих знаний. Мы просим вас сейчас обратить внимание на собственную интуицию и на формальные карты, являющиеся репрезентациями вашего опыта. Эта индивидуальная, личная интуиция позволит вам проверить то, что вы делаете, читая эту книгу, а также сами навыки, которые сделали для Милтона Эриксона возможной разработку успешных приемов гипноза. Если вы обратите внимание на собственную интуицию, доверитесь ей и примените ее, то можете усвоить и усвоите многое. Будучи ребенком, вы за очень короткое время овладели полным сложностей родным языком, — способность, которую пока не обрела ни одна машина. У языка есть правила, которые вы систематически используете, не осознавая, что они собой представляют, подобно тому как Эриксон во время гипноза использует язык в соответствии с определенными правилами. Таким образом, эта книга является картой правил, которые он использует, не сознавая их. Данная карта, которая поможет вам узнать о его интуиции, а также обратить внимание на *собственную интуицию* и извлечь из нее пользу.

Теперь, если вы услышите поверхностную структуру

Что-то было дано,

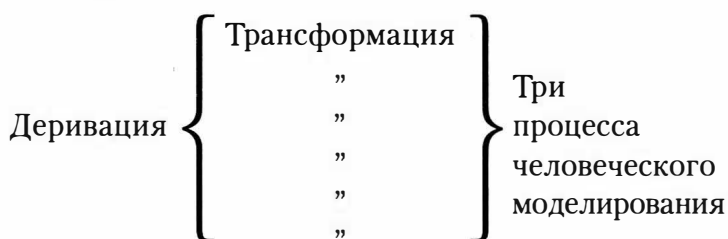
то интуитивно поймете глубинную структуру

Кто-то дал что-то кому-то

Чтобы извлечь наиболее полный релевантный смысл из поверхностной структуры *что-то было дано*, вы знаете, что кто-то должен был дать, а кто-то — получить. Модель этого процесса выглядит следующим образом:

полная лингвистическая
репрезентация

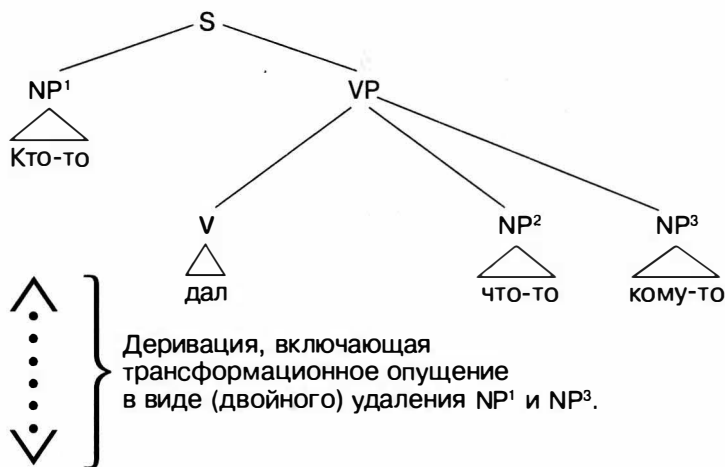
глубинная
структура

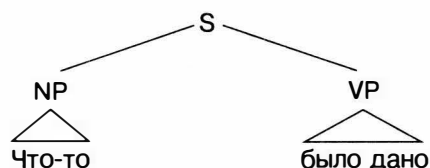
устная или письменная репрезентация . . . поверхностная структура

В частности, для приведенного примера:

Репрезентация глубинной структуры

Репрезентация поверхностной структуры

Трансформационная перестановка:
NP² становится подлежащим на позиции NP¹.

где: NP = именная группа;
VP = глагольная группа;
V = глагол.

Это репрезентация части процесса, через который мы проходим при понимании и продуцировании речи и письма. Но если вы рассмотрите этот пример еще глубже, то увидите, что слова *кто-то* и *что-то* лишены референтного индекса. Кто дал, что и кому, не узнать даже из глубинной структуры. Как же тогда прояснить смысл? Как слушателю найти значимую интерпретацию этих слов, релевантную его опыту? Проще всего спросить; однако во время гипнотической индукции сделать это удастся редко, а во многих иных обстоятельствах у людей нет возможности спросить. Кроме того, происходит ли этот поиск смысла на сознательном уровне? Очевидно, ответ отрицательный. Мы постоянно обрабатываем информацию, большую ее часть неосознанно. Представьте себе, что вы услышали предложения

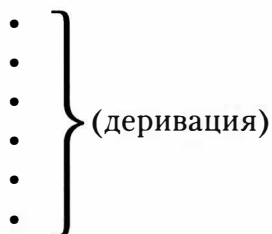
Видите ли, нужно тщательно изучать язык, если хочешь узнать, как использовать его в своей работе. Люди, осуществляющие гипноз, используют язык в качестве своего основного средства, однако почему-то не желают его тщательно изучать.

Как бы вы восстановили наиболее релевантный для вас смысл?

А теперь представьте себе, что эти же самые слова говорит лично вам в разговоре другой человек. Скорее всего, вы решите, что предложения о *людях* относятся к *вам*, в зависимости от того, практикуете вы гипноз или нет, и насколько точно вы можете почувствовать, что эти слова сказаны о вас. Они не упоминают непосредственно вас, как и отсутствует какая бы то ни было глу-

бинно-структурная ссылка на вас. Тем не менее внутри вас происходит определенный процесс, который снабжает вас референтным индексом, придающим словам такой смысл, как будто они адресованы именно вам. Мы называем этот феномен **трансдеривационным поиском**. Визуально это можно представить так:

- 1) Если глубинная структура \supset NP без референтного индекса

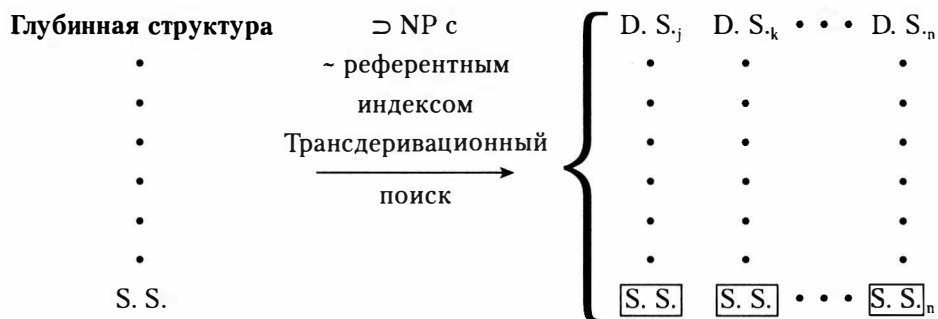

поверхностная структура

где \supset означает «включает»

Тогда

- 2) Будет образован ряд дериваций, которые формально эквивалентны глубинной структуре 1, за исключением того, что они будут включать именные группы, имеющие референтные индексы.
- 3) Новые глубинные структуры, которые содержат референтные индексы (именные группы), должны, само собой, откуда-то исходить — очевидно, из модели мира клиента. На протяжении многих лет мы находим очень полезным в своей работе обращение с просьбой угадать к любому клиенту, который утверждает, что он не знает ответ на один из наших вопросов. Догадка должна исходить из модели клиента; в сущности, это мечта, выраженная одной строкой. Подобное постоянно происходит с людьми, когда они производят обработку языка, и представляет собой один из основных источников серьезных проблем, являющихся следствием «проецирования» на коммуникации других людей. Однако эта проекция может стать исключительным инструментом при гипнозе, когда ее используют так же умело, как это делает Эриксон. Формальная репрезентация этого трансдеривационного поиска может быть схематично показана следующим образом:

- (a) $D. S._i \equiv D. S._{j, k, \dots, n}$
за исключением того, что
- (b) $D. S._i$ отличается от $D. S._{j, k, \dots, n}$ тем, что
 $D. S._{j, k, \dots, n}$ имеют референтные индексы в своих вклю-
ченных именных группах, где ~ обозначает отсутствие

Совокупность глубинных структур, активизированных транс-
derivационным поиском, будет обусловлена содержательностью
модели мира слушателя. Однако одним референтным индексом,
который всегда доступен в модели мира любого человека, будет
его собственный уникальный референтный индекс. Все вышепри-
веденные схемы являются формальным способом демонстрации
того, что происходит, когда кто-то говорит вам:

Надо быть ко мне добрее

Как вы думаете, кто тот человек, о котором говорят, что он
должен быть добрее? Им может быть любой — даже *вы*. А теперь
мы продемонстрируем вам одну за другой специфические фор-
мы поверхностной структуры, которые активизируют трансдери-
vационный поиск.

1. Обобщенный референтный индекс

Поверхностные структуры этой формы могут быть крайне
полезны в гипнотической практике. Предложение, в котором имен-
ная группа имеет обобщенный референтный индекс, позволяет
клиенту полностью оценить и активизировать процессы транс-
derivационного поиска. Это достигается всего лишь за счет того,
что используются именные группы без референтного индекса,
относящегося к миру переживаний клиента. Эриксон описывает
предложение с такой формой следующим образом:

...Звучит так специфично, но оно такое обобщенное...

Усилятся *определенные ощущения* в вашей руке.

Вы вспомните то *специфическое событие*.

Никто не знает наверняка.

Людям, наверное, приятно читать это предложение.

Все эти поверхностные структуры — примеры обобщенных референтных индексов. Слова *определенные ощущения* не относятся к какому-то конкретному ощущению, тем самым позволяя клиенту подобрать референтный индекс, наиболее релевантный его собственному опыту. То же самое касается *специфического события*, оставляющего клиенту выбор. *Люди*, опять же, могут быть кем угодно, и *никто* также может быть любым человеком. В каждой из четырех вышеприведенных фраз отсутствует референтный индекс.

Группы подлежащего без референтных индексов

Примеры фраз

женщина	Женщина, которая вошла в транс.
пациент	Пациент, который у меня был однажды.
проблема	Проблема приближалась к своему разрешению.
человек	Человеку может быть так хорошо.
ситуация	Общая ситуация ухудшается.
чувство	Я испытываю подобное чувство каждый раз, когда оказываюсь в этой ситуации.

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; неприятные звуки и мысли; тяжесть рук и ног; тяжесть проблем, тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость

пассивного *научения*; способность к интеллектуальному научению с помощью *подсознания*...

2. Обобщенный референтный индекс с внушенной именной группой

Этот класс паттернов в принципе совпадает с предыдущим — за одним исключением, а именно: человек привязывает отсутствующую именную группу к той или иной позиции в предложении, тем самым увеличивая вероятность того, что она будет выбрана при трансдеривационном поиске. Например, поверхностная структура из предыдущего раздела:

Человеку, наверное, приятно читать это предложение

принимает несколько иную форму:

Человеку, наверное, приятно читать это предложение, Джо.

Джо, человеку, наверное, приятно читать это предложение.

Человеку, Джо, наверное, приятно читать это предложение.

Человеку, наверное, Джо, приятно читать это предложение.

Человеку, наверное, приятно, Джо, читать это предложение.

Каждая из этих форм производит несколько разное воздействие. Попробуйте произнести их вслух, используя собственную интуицию в качестве мерил, чтобы ощутить различия. Произнесите эти фразы по очереди с партнером и обратите внимание на интуитивные догадки, которые у вас появляются, когда вы их слышите, — как они на вас воздействуют. Попробуйте использовать их в обычном разговоре. Например, скажите кому-то во время разговора:

Видите ли, (имя), человек может прочитать это предложение (имя) в любое время, когда ему захочется.

Поверхностные структуры этой формы легко придумать, и они могут быть очень полезны.

Опущение — процесс грамматический и неграмматический

Одним из трех универсальных процессов человеческого моделирования является **опущение**. Этот процесс происходит на неврологическом уровне, социальном уровне и уровне индиви-

дуального опыта (подробное обсуждение см. в «Структуре магии», том I, глава 1). Наш сенсорный аппарат выявляет и транслирует изменения в паттернах энергии только внутри узких диапазонов. Например, человеческое ухо демонстрирует амплитудную чувствительность на смещение барабанной перепонки, равное всего лишь диаметру атома водорода. Оно реагирует только на волны с частотой от 20 до 20 000 колебаний в секунду. То есть паттерны энергии — потенциальные звуки выше 20 000 колебаний в секунду — нам недоступны и не помогают при организации опыта. Иначе говоря, наша нервная система пропускает все паттерны, превышающие 20 000 колебаний в секунду. На уровне паттернов языка трансформационные лингвисты выделили ряд специфических паттернов опущения, встречающихся при переходе от полной лингвистической репрезентации — глубинной структуры — к реальным предложениям, которые мы используем в коммуникации, — к поверхностной структуре. Отметим разницу в объеме информации, доступной в каждом из следующих предложений:

- (1) Этот мужчина купил у этой женщины автомобиль за двадцать долларов.
- (2) Автомобиль был куплен.

Трансформационная грамматика позволяет классифицировать каждый предикат или слово, обозначающие процесс, с помощью определенного количества и определенной разновидности существительных или аргументов, отношения или состояние которых это слово описывает. Предикат *купил* можно классифицировать как четырехместный предикат.

Купил — предикат, который описывает процесс, происходящий между:

покупателем — человеком, который производит покупку, приобретая материал;

продавцом — человеком, который осуществляет продажу, отдавая материал;

материалом — вещью, смена обладателя которой происходит;

количеством — вещью или услугой, обмениваемой на материал.

В первом предложении все эти аргументы существительного появляются в поверхностной структуре (1); во втором предложении представлен только один из них; второй был изъят трансформационными процессами опущения (см. более полный разбор в «Структуре магии», том I).

В контексте гипноза, когда клиент пытается быть рассудительным или, точнее, старается извлечь полный смысл из вербализации гипнотизера, умелое использование трансформационного процесса опущения помогает гипнотизеру подстроиться к клиенту. Искусно пропуская элементы полной лингвистической репрезентации — глубинной структуры, — клиент вынужден активизировать дополнительные глубинные структуры, чтобы восстановить полный смысл. В процессе создания и отбора этих глубинных структур клиенты в своем поиске полного смысла создадут и выберут такие глубинные структуры, гарантирующие:

- 1) участие со стороны клиента, которое полностью задействует доминантное полушарие;
- 2) эффективную подстройку вербализации гипнотизера к опыту клиента;
- 3) свободную возможность клиента использовать собственные ресурсы в процессе восстановления полного смысла.

Как правило, Эриксон использует два типа опущения:

1. Грамматическое опущение, в котором конечная поверхностная структура является грамматически правильным предложением.
2. Неграмматическое опущение, в котором конечная поверхностная структура не является грамматически правильным предложением.

Приведенное выше предложение — *автомобиль был куплен* — пример использования **грамматического** опущения. Примеры, представляющие собой результат **неграмматического** опущения, — это фрагменты предложений, например:

и вы так ясно осознали, что вы...

и вы так сильно желаете и стремитесь...

мне захочется вскоре сказать вам...

Большинство носителей того или иного языка сочтут эти последовательности слов фрагментами предложений — кусками предложений, которые сами по себе не образуют полного, грамматически правильного предложения. Подобные фрагменты — результат неграмматического пропуска — заставляют клиента максимально участвовать в выявлении полного смысла.

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ков-
ре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокот-
нике кресла; картины на стене; *меняющийся фокус ваших глаз*,
когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к назва-
ниям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; не-
приятные звуки и мысли; тяжесть рук и ног; тяжесть проблем,
тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принад-
лежностями; истории болезни многочисленных пациентов;
феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической
деятельности; покой релаксации; потребность проследить за
своими потребностями; потребность проследить за своим на-
пряжением при разглядывании письменного стола, пресс-па-
пье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окру-
жающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный
вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой;
потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь
глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость
пассивного научения; способность к интеллектуальному науче-
нию с помощью подсознания...

Предшествующий абзац представляет собой разноликий на-
бор опущений, грамматических и неграмматических. Рассмотрим
два примера, выделенных курсивом:

<i>меняющийся фокус ваших глаз</i>	Меняющийся от чего к чему?
<i>феномены жизни</i>	Что за феномены? Чьей жизни?

Номинализация

Номинализация — лингвистический процесс превращения
процессуального слова или глагола в событие или объект посред-
ством сложного трансформационного процесса. Это почти все-
гда происходит за счет полного пропуска некоторого референт-
ного индекса и служит активизации трансдериационного поис-
ка. К примеру:

Удовлетворение от того, что сообщает ваше *подсознание*

Осознание ощущения кресла

Глубины состояния транса

Восприятие на слух невозможной действительности

Полнейшее удовольствие от знания и ясности

Как наличие релаксации и любопытства

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; *картины* на стене; меняющийся *фокус* ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; *проявление интереса* к названиям книг; *напряжение* в ваших плечах; *ощущение* кресла; неприятные *звуки и мысли*; тяжесть рук и ног; тяжесть *проблем*, тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; *истории болезни* многочисленных пациентов; *феномены жизни, болезни, эмоций*, физической и психической деятельности; *покой релаксации*; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим *напряжением* при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; *приятная отрешенность* от окружающей обстановки; *усталость* и ее *накопление*; неизменный *вид* письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; *потребность* отдохнуть; приятное *чувство*, когда закрываешь глаза; *ощущение* релаксации от глубокого *дыхания*; *радость* пассивного *научения*; *способность* к интеллектуальному *научению* с помощью подсознания...

Номинализация имеет место, когда процессуальные слова глубинной структуры превращаются в существительные поверхностной структуры. Номинализация процессуального слова служит гипнотизеру в качестве средства перегрузки лингвистических процессов доминантного полушария, требуя сложного кодирования. Опушения должны быть восстановлены, поэтому часто возникает неопределенность. Например, в поверхностной структуре:

Удовлетворение от знания того, что вы можете изучить

опущен референтный индекс, относящийся к тому, *чье* удовлетворение имеет место, и поиск полного смысла требует, чтобы нижеследующие смысловые элементы были оценены на основании других источников:

X удовлетворяет **Y** тем, что **Y** знает **Z**
(номинализованы в поверхностной структуре)

Номинализация позволяет клиенту активизировать, исходя из своей модели мира, смысловые элементы, которые лучше всего служат его собственным целям и потребностям, в то же время помогая в процессе перегрузки доминантного полушария.

Номинализация также позволяет гипнотизеру лучше подстроиться к клиенту, используя фразы, которые весьма абстрактны по своему характеру и требуют, чтобы клиент определился со смыслом и произвел уточнение.

Ограничения на сочетаемость

Эту категорию поверхностных структур обычно называют метафорами. Они являются нарушениями грамматически правильного смысла, как он понимается носителями языка. Например, поверхностные структуры:

Человек выпил камень

Цветок разгневался

Счастливое кресло спело песню любви

являются нарушениями ограничений на сочетаемость. Питье предполагает акт потребления какой-то жидкой субстанции; камни определяются как нечто, не являющееся жидким по своей природе. Гнев — это активность, присущая чувствующим существам (животным). Цветы не относятся к этому классу; тем самым это также нарушает ограничения на сочетаемость. Счастье — это эмоция, также присущая чувствующим существам. Кресла не обладают этим качеством; они не относятся к классу животных, которые поют любовные песни. Ограничения на сочетаемость в нормальном разговоре требуют, чтобы была проявлена трансderivационная активность для получения грамматически правильного референтного индекса, как это происходит, когда Эриксон говорит Джо (в I части), что помидор может испытывать чувство релаксации и комфорта. Грамматически правильный смысл требует группы существительного, которая идентифицирует чувствующее существо, способное испытывать чувство релаксации и комфорта. Эта категория — проявление возможностей метафоры, сказок и басен. Этот процесс также работает, когда Эриксон рассказывает истории о помидоре или тракторе.

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша ступня на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; *ощущение кресла*; неприятные звуки и мысли; тяжесть рук и ног; *тяжесть проблем*, тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...

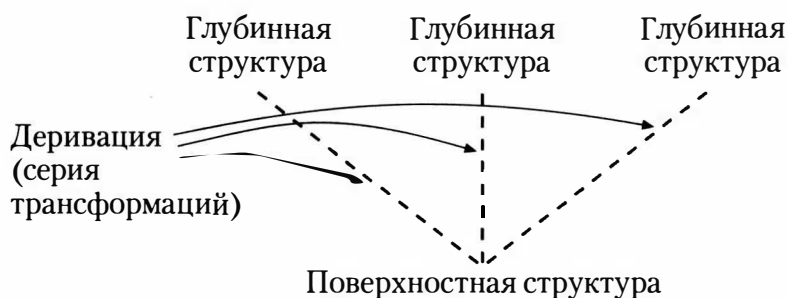
Неопределенность

Каждый из нас, будучи носителем родного языка, обладает способностью оценивать определенные паттерны в структуре этого языка. Одним из паттернов, к которому мы можем стать более чувствительными, является паттерн неопределенности. Неопределенность — это паттерн, в котором одиночное предложение представляет собой вербальную репрезентацию более чем одного независимого процесса, происходящего в мире переживаний слушателя. В «Структуре магии», том I, мы указали:

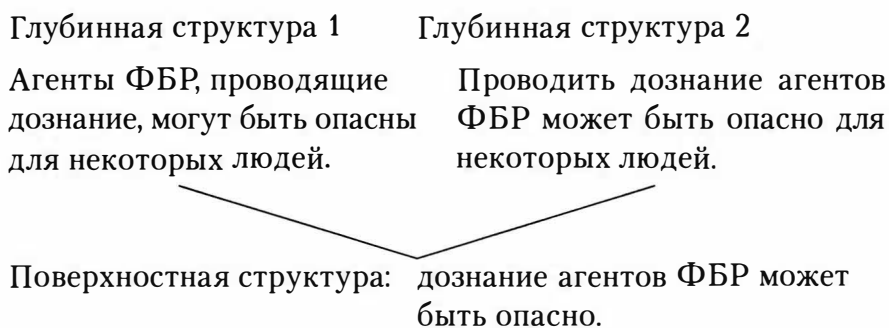
Неопределенность — это интуитивное представление, которым обладают носители языка, когда одна и та же поверхностная структура имеет более чем одно независимое семантическое значение и воспроизводится, как показано на схеме.

Неопределенность в метамодели — это случай, когда с одной и той же поверхностной структурой посредством трансформаций связана более чем одна глубинная структура.

Почти каждое предложение можно проинтерпретировать более чем одним способом. Однако обычно мы понимаем каждое предложение в определенный момент времени однозначным образом. В предшествующих разделах были выделены некоторые из психологических механизмов, которые мы ис-

Конкретный пример:

пользуем при понимании предложений, но не было уточнено, часто ли мы повторно прилагаем их к одиночному речевому стимулу, который имеет более одной потенциальной интерпретации. Некоторые из последних экспериментов показывают, что предсознательно мы обрабатываем множество структур для каждого предложения, но осознаем только одно значение в тот или иной момент времени.

Неопределенные последовательности — заключение

Хотя каждое предложение содержит некоторого рода неопределенность, при обычном использовании почти каждое предложение предваряется контекстом, делающий одну интерпретацию более вероятной, чем любая другая. Таким образом, возможно, что предшествующие исследования являются скорее экспериментальными отклонениями, чем образцами нормального перцептивного поведения. Основное их значение для нормальных перцептивных привычек — высветить гипотезу предшествующего раздела, согласно которой во время восприятия речи мы колеблемся между действиями двоякого рода: периодами воздействия стимулов и подсознательной обработки (во время которых может возникать потенциальная

неопределенность) и периодами внутреннего анализа и сознательного восприятия предыдущего блока (во время которых потенциальная неопределенность игнорируется в пользу какой-то одной интерпретации).

Plath & Bever, 1968, p. 43.

Мы выделили четыре категории неопределенности, которые встречаются в работе Эриксона. Это фонологическая, синтаксическая, пунктуационная неопределенности и неопределенность границ². Прекрасный пример фонологической неопределенности встречается при наведении транса, в который Эриксон погрузил Хаксли; в частности, фраза

...отчасти и от части...

Как мы указали в комментарии, хотя эта фраза, когда она представлена визуально, вполне однозначна, она совершенно не определена, когда представлена аудиально. Мы даем ряд дополнительных примеров фонологической неопределенности:

вот/вод

ввиду/введу

стекло (существительное или глагол)

стог/сток

...И это пресс-папье (*paperweight*); шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; неприятные звуки и мысли; тяжесть (*weight*) рук и ног; тяжесть (*weight*) проблем, тяжесть (*weight*) письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье (*paperweight*) или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...

Произнесенное вслух слово *weight* (вес) становится неопределенным. Что имеется в виду: *weight* (уэйт; вес) или *wait* (уэйт; подождите)? *Wait* — также эффективный сигнал для данного пациента, которому трудно сосредоточиться.

Одним из самых богатых источников этой словесной неопределенности являются пары слов, которые не определены в отношении своей синтаксической категории. Этой особенностью (в английском языке. — *Примеч. ред.*) обладают многие комбинации глагол/номинализированный глагол:

<i>lift</i>	<i>rest</i>	<i>talk</i>
<i>pull</i>	<i>push</i>	<i>shake</i>
<i>point</i>	<i>nod</i>	<i>band</i>
<i>touch</i>	<i>move</i>	<i>feel</i>

Каждое из этих слов в зависимости от своего контекста может функционировать либо как предикат, либо как существительное (точнее, как номинализация, полученная из этого предиката). Когда эти слова используются в грамматически правильных поверхностных структурах английского языка и аналогово промаркированы, к примеру, как отличающиеся от окружающего их лингвистического контекста, Эриксон способен полностью использовать присущую им фонологическую неопределенность.

Хорошим примером синтаксической неопределенности является приведенная выдержка из «Структуры магии», том I. Другой пример — тот, который использован в этой книге, в комментарии к статье о Хаксли:

Гипноз гипнотизеров требует сноровки.

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; *ощущение кресла*; неприятные звуки и мысли; тяжесть рук и ног; тяжесть проблем, тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный

вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...

Неопределенность границ — вид неопределенности, представленный в таких предложениях и словосочетаниях, как, например,

пожилые мужчины и женщины.

Здесь неопределенность состоит в том, относится ли прилагательное *пожилые* одновременно к существительным *мужчины* и *женщины* или только к существительному *мужчины*. Другими словами, следует ли понимать фразу как:

пожилые мужчины и пожилые женщины

или как

женщины и пожилые мужчины

...И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; *неприятные* звуки и мысли; *тяжесть* рук и ног; *тяжесть* проблем, *тяжесть* письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...

По-видимому, Эриксон использует подобную рамочную неопределенность особенно часто и эффективно в тех случаях, где несколько предложений объединены фактитивным глаголом. Например, Эриксон говорит:

...очень скоро вы полностью осознаете, что комфортно сидите здесь, прислушиваясь к звуку моего голоса, и вы погру-

зитесь в глубокий транс так быстро, как этого желает ваше подсознание...

Здесь неопределенность состоит в следующем: является ли элемент коммуникации Эриксона, который следует за словом *и*, частью предложения, которое начинается со слова *осознаете*. Если это так, то оно предполагается истинным. Если нет, то это просто независимое предложение, которое клиент может поставить под сомнение. Такие предикаты, как *осознаете*, требуют, чтобы все, что за ними следует в том же предложении, предполагалось истинным, чтобы коммуникация, имеющая место, имела хоть какой-то смысл. Например, если я говорю вам:

Понимаете ли вы, что сидите на моей шляпе?

я предполагаю, что вы действительно сидите на моей шляпе, и просто спрашиваю, понимаете ли вы это. Ответ «да» или «нет» с вашей стороны показывает, что вы принимаете истинность элемента предложения, который следует за фактитивным *понимаете*. Таким образом, когда Эриксон использует неопределенность границ с фактитивным предикатом, он предоставляет клиенту возможность решать вопрос (необязательно на сознательном уровне — на самом деле даже лучше не на сознательном), является или нет его погружение в транс фактом, предполагаемым коммуникацией, — прекрасная тема, которой клиент может занять свое доминантное полушарие.

Четвертый тип неопределенности, который мы считаем паттерном, систематически встречающимся в работе Эриксона, — *пунктуационная неопределенность*. Так, Эриксон говорит:

...I notice that you are wearing a watch carefully what I am doing...

Эта последовательность слов не является грамматически правильным предложением английского языка. Мы расчленим ее на две последовательности, каждая из которых представляет собой грамматически правильное предложение:

...I notice that you are wearing a watch... (я вижу, что вы носите часы)

и

...Watch carefully what I am doing... (следите внимательно за моими действиями)

Здесь Эриксон использует слово *watch*, которое в поверхностных структурах английского может выступать как существительное («часы») и как глагол («смотреть», «следить»). В сущности, Эриксон накладывает друг на друга две грамматически правильные поверхностные структуры. До слова *carefully* («внимательно») слушатель обработал первые из этих грамматически правильных предложений и восстановил смысл глубинной структуры; однако когда он доходит до слова *carefully*, его нормальные стратегии обработки дают сбой. Получив от Эриксона остальную часть информации, он пытается предпринять другой анализ, вероятно восстанавливая вторую грамматически правильную глубинную структуру. Но проблема наложения не решается, и нормальные стратегии обработки дают сбой. Если он полагает, что слово *watch* является существительным, то вторая часть оказывается совершенно бессмысленной (т. е. он не может восстановить для нее глубинную структуру). Если он полагает, что слово *watch* — глагол, и переходит ко второй части коммуникации, то он не может восстановить глубинную структуру для первого элемента коммуникации. Таким образом, пунктуационная неопределенность, включающая наложение, не находит удовлетворительного решения. То есть неопределенность здесь состоит в том, к какой последовательности слов слушатель привяжет фонологически неопределенное ключевое слово (*watch* в данном примере). Этот феномен можно в равной мере классифицировать как особый случай неграмматического опущения. Какую бы характеристику вы ни предпочли использовать при его оценке, он представляет собой очень эффективный прием отвлечения доминантного полушария.

Эти четыре типа неопределенности совпадают в том, что каждый из них является одиночной языковой репрезентацией более чем одного значения глубинной структуры. В каждом случае клиент сталкивается с задачей выбора значения из ряда возможных глубинных структур, которые воспроизводит одиночная поверхностная структура. Чтобы добиться этого, слушатель должен создать ряд глубинных структур и прийти к определенному решению в отношении того, какую он примет в качестве смысла, вкладываемого гипнотизером в коммуникацию. Опять же это предполагает трансderivационный поиск наиболее адекватного смысла, который может быть представлен имеющейся поверхностной структурой. Тем самым, неопределенность обладает позитивной ценностью в

контексте гипноза в том, что, поскольку клиент создает несколько глубинных структур и проводит среди них трансдеривационный поиск на предмет наиболее адекватного смысла, он:

- 1) становится активным участником гипнотического процесса;
- 2) выбирает глубинную структуру, которая наполнена подходящим для него смыслом, таким образом обеспечивая удовлетворительную подстройку;
- 3) использует свои механизмы нормальной лингвистической обработки при трансдеривационном поиске смысла.

Подчиненные встроенные структуры

Две следующие категории поверхностных структур — встроенные вопросы и встроенные команды включают еще одну структуру и могут представлять собой ценный ресурс для подачи встроенных команд и наращивания потенциала реакции за счет использования процессов доминантного полушария. Встроенные команды и встроенные вопросы — две категории этой ситуации, которые мы рассмотрим ниже.

Встроенные вопросы

Встроенные вопросы служат цели наращивания потенциала реакции у клиента, поднимая вопросы, препятствующие проявлению явной реакции со стороны клиента. Очень часто они являются пресуппозицией какой-то другой команды и призваны отвлечь доминантное полушарие, заставляя его использовать внутренний диалог при ответе на вопросы, попытке ответить на вопросы или даже *попытке* определить, *должно* ли оно отвечать на вопросы, а то и *могло бы* оно ответить на вопросы, несмотря на то что вопрос еще не был *на самом деле* задан. Это понятие помогут прояснить несколько примеров:

Интересно, знаете ли вы, какая рука поднимется первой.

Любопытно узнать, можете ли вы найти свое колено в темноте.

Не знаю, знаете ли вы, погружаетесь вы в транс или нет.

Я размышляю над тем, как вы относитесь к перспективе гипноза.

Мне очень любопытно, когда вы пришли к решению обратиться ко мне и что вы в действительности хотите.

Все вышеприведенные поверхностные структуры имеют общую характеристику: они поднимают вопрос, не требуя от клиента явного ответа. Этого легче всего достичь, если сделать утверждение, связанное с вопросом, в следующей форме:

Х (глаголы, подразумевающие вопрос), если **У** (сознает) о (вопрос)

Интересно, знаете ли вы, какая из ваших рук поднимется первой?

Х может относиться к говорящему или к любому другому человеку; например:

Джону интересно, знаете ли вы, какая из ваших рук поднимется первой.

Глаголом, подразумевающим вопрос, может быть любая фраза, например: *интересно, любопытно, не знаю* и т. д.

«Если» может представлять собой любое условие, выраженное с помощью *ли, если, ли или нет* или может быть вопросительным словом, например: *как, что, когда, почему*.

Мне любопытно, зачем вы пришли сюда и знаете ли вы вообще, зачем.

Здесь глаголы, подразумевающие вопрос, — это любые глаголы, за которыми может следовать встроенный вопрос.

Подобные встроенные вопросы наиболее эффективны, когда они сгруппированы вместе, максимально отвлекая доминантное полушарие. Это позволяет гипнотизеру послать вслед за этими встроенными вопросами четкую команду, желательную для гипнотизера, тем самым используя потенциал реакции, который гипнотизер придал клиенту, например:

Интересно, зачем вы хотите погрузиться в транс, и еще более любопытно узнать, знаете вы или нет, что можете; я не знаю, знаете ли вы, быстро ли вы закроете свои глаза; по правде говоря, я даже не знаю, знаете ли вы вообще что-нибудь о транс.

Я размышляю над этим, и мне очень любопытно узнать, знаете ли вы, как можно полностью расслабиться.

Встроенные команды

Встроенные команды помогают внушить клиенту что-либо косвенным образом и тем самым не дают ему сопротивляться. Они образуют паттерн поверхностных структур, которые включают команду, подобно тому как предыдущий паттерн включал вопрос. Например:

Дети способны, Фред, сесть и расслабиться.

Я могу, Фред, глубоко дышать, когда говорю, но вы ведь не возражаете, не так ли.

Люди должны, Фред, сидеть, низко опустившись в кресло, и расслабиться.

Растения могут, Фред, чувствовать себя комфортно и расслабленно.

Эти четыре поверхностные структуры относятся к одному типу встроенной команды. Они конструируются подстройкой к имени клиента после использования модального оператора, например

может, должен, способен

Это достаточное, но не обязательное условие для встроенных команд³. Их можно также сконструировать, используя неопределенную форму того или иного предиката, например:

видеть, чувствовать, двигаться

Многие люди хотят увидеть, что я имею в виду.

Форма встроенной команды:

Многие люди хотят, Фред, увидеть... Я хотел бы, чтобы вы, Фред, расслабились.

Моя мама часто советует мне, Фред, дышать глубоко и медленно.

Встроенные команды могут также быть даны посредством прямого и косвенного цитирования. Это одна из любимых и чаще всего используемых Эриксоном форм подачи косвенных команд. Это достигается включением команды в контекст либо прямой,

либо косвенной цитаты, относящейся к какому-то другому времени, месту или ситуации. Например:

У меня был пациент, который советовал мне расслабиться.

Такие команды особенно действенны, когда они также подвергнуты аналоговому маркированию путем выделения команды и внимательного взгляда на слушателя, если его глаза открыты.

Косвенная встроенная команда:

Мои друзья советуют мне чувствовать себя комфортно и свободно, когда мы находимся за городом.

Прямая встроенная команда:

У меня однажды был пациент, который говорил мне: **«Милтон, почешите себе нос»**. В этом не было особенного смысла, но он постоянно просил меня **сделать это**.

Вот другой пример:

*Смысл так трудно понять; что означают чьи-то слова: **«Не двигайтесь или не разговаривайте»**. Что имеется в виду, когда говорят: **«ТЕПЕРЬ закройте глаза»**. Что имеется в виду, когда говорят: **«Считайте про себя в обратном порядке от 20 до 1»**.*

Все вышеописанные подчиненные встроенные структуры, как вопросы, так и команды, служат гипнотизеру в качестве ценных средств, обеспечивающих косвенные внушения и одновременно отвлекающих и использующих доминантное полушарие. Встроить либо вопросы, либо команды — это всего лишь включить вопрос или команду в более крупную поверхностную структуру, которая служит в качестве маскировки. На данный момент был представлен грамматический подход; однако эффект остается тем же, если включение не грамматическое. На самом деле оно может быть более эффективным, когда представлено в неграмматической форме. Это еще больше помогает отвлечь и перегрузить доминантное полушарие. К примеру, рассмотрим следующую комбинацию всех подчиненных встроенных структур, и грамматических, и неграмматических:

*Интересно, понимаете вы или нет, что можете чувствовать себя комфортно и расслабленно, прямо сейчас, у меня был друг, который говорил: **«Ты можешь узнать все, если только позволишь себе расслабиться»**, и мне интересно, знаете ли вы или нет, что можете, **Фред**, расслабиться, и мне очень хочется узнать, полно-*

*стью ли вы осознаете, что можете, **Фред**, и узнаете это сейчас. Я также хочу, хотя и не знаю, хотите вы или нет узнать, можете ли вы, **Фред**, закрыть глаза и ощутить чувство покоя сейчас.*

Извлеченный смысл

Когда каждый из нас пользуется при коммуникации системами естественного языка, мы постулируем способность слушателя слышать наши поверхностные структуры и декодировать их, извлекая смысл из звуковых последовательностей. Иначе говоря, мы постулируем способность слушателя восстанавливать репрезентацию глубинной структуры из поверхностной структуры, которую мы предлагаем. В дополнение к этому восстановлению глубинной структуры из поверхностной структуры мы часто постулируем определенные добавочные способности слушателя извлекать смысл из того, что мы предлагаем. Здесь мы имеем в виду способность носителя языка, к примеру, определять контекст, в котором предлагаемое нами предложение, может обладать какой-то прагматической ценностью. В своей работе Эриксон использует две из этих способностей слушателя находить сверх-или дополнительный смысл. Это **пресуппозиции** и **разговорные постулаты**. В «Структуре магии», том I, мы описали пресуппозиции как одну из особенностей метамоделей (главы 3 и 4).

В последних работах в области лингвистики трансформационалисты начали исследовать функционирование пресуппозиции в естественном языке. При использовании определенных предложений предполагается, что должен быть верен ряд других предложений, чтобы первые имели смысл. Например, если я слышу, как вы говорите:

(37) *На столе сидит кошка,*

я могу поверить или не поверить, что на столе кошка, но в любом случае я могу извлечь смысл из того, что вы говорите. Однако если я слышу, как вы говорите:

(38) *Сэм понял, что на столе сидит кошка,*

я должен предположить, что на столе действительно сидит кошка, чтобы извлечь хоть какой-то смысл из ваших слов. Это различие четко проявляется, если я ввожу в предложение негативный элемент *не*:

(39) *Сэм не понял, что на столе сидит кошка.*

Здесь показано, что когда кто-то делает утверждение противоположного характера — такое, в котором отрицается то,

что признается верным в первом утверждении, — человек должен по-прежнему предполагать, что на столе сидит кошка, чтобы извлечь смысл из предложения. Предложение, которое должно быть верным, чтобы ряд других предложений имел смысл, называют пресуппозицией второго предложения.

Ценность умелого использования пресуппозиций в гипнотическом контексте состоит в том, что оно позволяет гипнотизеру выстроить модель текущего процесса посредством пресуппозиций. Поскольку пресуппозиции не являются для клиента непосредственным вопросом, ему очень трудно поставить их под сомнение. Тем самым клиент принимает пресуппозиции гипнотизера и процесс продолжается. К примеру, Эриксон говорит:

Я пока не знаю, правую, левую руку или обе ваше подсознание позволит вам поднять к лицу...

Здесь вопрос в том, какая рука или будет ли это одна либо обе руки, а не в том, прореагирует ли клиент на левитацию руки. Или Эриксон говорит:

Когда я выведу вас из транса, вы полностью осознаете свою отменную способность быстро учиться у своего подсознания.

Здесь вопрос в том, осознает ли клиентка свою способность *полностью*, а не в том, осознает ли она ее, была ли она в трансе (предполагаемом словами *выведу вас из транса*) или может ли она научиться у своего подсознания. Эти последние являются исходными допущениями, которые клиентка должна сделать и принять, для того чтобы коммуникация имела хоть какой-то смысл. То, как Эриксон последовательно использует пресуппозиции, помогая клиентам войти в глубокий транс и познакомиться с феноменами глубокого транса, демонстрирует возможности этого приема.

...Когда вы подниметесь и передвинете свое кресло к другому концу стола, ваше подсознание снабдит вас важной информацией. Возможно, вашему подсознанию потребуется даже больше пяти или десяти минут, чтобы сделать это, или, возможно, это произойдет не ранее следующего сеанса...

Опять же, поскольку пресуппозиции предложения не являются частью глубинной структуры, их использование делает клиента активным участником процесса осмысления (в данном случае извлечения смысла) и одновременно не позволяет усомниться в каких бы то ни было пресуппозициях предложений.

Извлеченный смысл второго вида называют **разговорными постулатами**. Как и в случае пресуппозиций, смысл, содержащийся в разговорных постулатах, нужно извлечь, — он не является частью глубинной структуры, восстанавливаемой клиентом, требуя дополнительной обработки. Например, если я говорю вам:

Можете ли вы вынести мусор?

буквальная глубинная структура требует только того, чтобы вы ответили «да» или «нет». Однако обычно вашей реакцией является просто вынос мусора. Другими словами, хотя я использую поверхностную структуру, которой соответствует глубинная структура в виде вопроса «да/нет», вы реагируете на нее так, будто это команда. В приложениях в конце этого тома мы показываем вам, как сконструировать примеры, используя эти разговорные постулаты, чтобы добиться результатов, которых вы желаете как гипнотизер. Здесь же необходимо указать только то, что, когда Эриксон предпочитает использовать механизм разговорных постулатов, добиваясь от клиента определенной реакции, он действует в соответствии с приведенными правилами. В частности, используя разговорные постулаты, он избегает подачи команд, одновременно позволяя клиенту прореагировать или нет по своему выбору, и уходит от авторитарных отношений с клиентом. Так, клиент, если он предпочитает прореагировать на предложение:

...Можете ли вы позволить своей руке подняться...

позволяя своей руке подняться, активно участвует в процессе наведения транса, используя разговорные постулаты, чтобы понять извлеченный смысл вопроса «да-нет», содержащегося в поверхностной структуре, — процессуальное действие, дополняющее восстановление глубинной структуры. Если он не способен прореагировать, процесс наведения транса у Эриксона не нарушается, поскольку не было дано никакой команды; был просто задан вопрос и не требовалось никакого ответа.

Форма коммуникации с отсутствующим вопросом «да-нет» оказывает аналогичное воздействие. К примеру, Эриксон говорит:

Вам нет необходимости двигаться.

Или

Вам нет необходимости закрывать глаза.

Или

Вы можете погрузиться в транс еще глубже.

Если клиент совершает движение, когда Эриксон произносит первое из этих предложений, то результатом коммуникации становится команда *не двигайтесь*. Если клиент не двигался, это предложение становится эффективным приемом подстройки. Точно так же, если глаза клиента закрыты, когда Эриксон произносит второе предложение, клиент реагирует, открывая глаза. Наконец, когда клиент слышит, как Эриксон произносит третье предложение, оно приравнивается к команде *погрузитесь еще глубже в транс*.

Мы представим формальную схему этих феноменов в III части.

Получение доступа к недоминантному полушарию

Гипноз — это, в сущности, передача идей и представлений пациенту таким образом, что он становится максимально восприимчивым к предложенным идеям и тем самым заинтересованным в исследовании потенциала собственного тела с целью контролирования своих психологических и физиологических реакций и поведения.

Милтон Эриксон, 1967

Милтону Эриксону удалось разработать ряд эффективных приемов получения доступа к недоминантному полушарию и коммуникации с ним. Его навыки позволяют ему задействовать ресурсы человека, с которым он общается. В своей гипнотической работе Эриксон широко использует различия между сознанием и подсознанием клиента. Эриксон получил медицинскую и психиатрическую подготовку в традиционных для его времени учебных заведениях; в частности, он познакомился с психоаналитической традицией, из которой он почерпнул термины *сознание* и *подсознание*. В собственных трудах он использует оба этих термина в нескольких значениях. Вот что он сам пишет в *Hypnotic Psychotherapy*, 1948:

Что касается самого состояния транса, то его следует рассматривать как особое, уникальное, но совершенно нормальное психологическое состояние... В целях удобства концептуализации это особое состояние, или уровень восприятия, было названо *подсознанием*.

В другой работе (*The Investigation of a Specific Amnesia*, 1967, р. 159) Эриксон, опять же, замечает:

Испытуемой, находившейся в состоянии глубокого гипнотического сна, было дано внушение, что она может незаметно раскрыть желаемую информацию так, что ни ее *сознание*, ни *подсознание* не поймут, что она делает. В этих целях ей было сказано оставаться в состоянии глубокого гипноза, *отделяя* при этом свое *сознание* от состояния покоя и оставляя его в нем. Одновременно посредством своего *подсознания* она должна была вовлечь автора в оживленный разговор. Таким образом, при участии и *сознания*, и *подсознания* из *глубин ее психики* появляется *третий уровень сознания* в ответ на гипнотическое внушение и выражает себя, водя ее руку в автоматическом письме, которое не воспринимает ни ее *сознание*, ни *подсознание*.

В примечании к этой части текста Эриксон указывает:

Автор не берет на себя ответственность за валидность этих понятий; вероятно, то, что испытуемая их приняла, объясняется ее состоянием транса, но так или иначе они служат необходимым целям.

В этих выдержках *подчеркивается* одна из наиболее важных характеристик сложных действий Эриксона при гипнозе и психотерапии. Его готовность принять модель мира клиентов позволяет ему помочь клиентам измениться.

Это означает, что меня меньше отвлекает содержание того, что люди говорят. Многие паттерны поведения находят отражение скорее в том, как человек что-то говорит, чем в том, что он говорит.

Иначе говоря, Эриксон прислушивается к принципам моделирования, которые клиент использует для конструирования своей реальности.

На протяжении истории цивилизации несколько человек пришли к мысли о том, что существует неустранимая разница между миром и нашим восприятием его. Мы, люди, не воздействуем на мир непосредственно — скорее, мы воздействуем на него через свои представления о нем. Каждый из нас создает репрезентацию мира, в котором мы живем, — то есть мы создаем карту или модель, которую используем для выработки своего поведения. Карта или модель, которую мы создаем, служит нам в качестве репрезентации того, что возможно, что доступно, что является структурой мира. Наша *репрезентация* мира в значительной степени определяет то, каково наше *мироощущение*, как

мы воспринимаем мир, какие возможности кажутся нам реальными в нашей жизни.

Следует помнить, что объект мира идей в целом [карта или модель — Бэндлер/Гриндер] не является изображением реальности — эта задача была бы совершенно невозможной, — а скорее обеспечивает нас инструментом для более легкого нахождения нами пути в мире.

H. Vaihinger, *The Philosophy of As If*, p. 15.

Нет двух людей, опыт которых в точности совпадал бы. Модель мира, которую мы создаем и которая направляет нас, частично основана на нашем опыте. То есть каждый из нас может создать иную модель мира, являющегося для нас общим, и, таким образом, жить в несколько иной реальности.

...следует отметить важные характеристики карт. Карта — не территория, которую она представляет; если она точна, то имеет структуру, схожую с территорией, что объясняет ее полезность...

A. Korzybski, *Science & Sanity*, 4th Ed., 1958, p. 58–60.

Эриксон позволяет себе такую же гибкость при создании собственной модели психотерапии и гипноза. Эта гибкость дает ему возможность выявлять и эффективно использовать в своей работе паттерны, которым присуща быстрота и энергия.

Наша цель — создать модель части эриксоновских действий, которая делает эти паттерны доступными. Одним из наиболее полезных способов организации нашего опыта при гипнозе и психотерапии и понимания техники Эриксона было осмысление того, что использование Эриксоном терминов *сознание* и *подсознание* относится (по крайней мере частично) к доминантному и недоминантному полушариям человеческого мозга. Мы не предполагаем, что использование Эриксоном термина *подсознание* относится всегда и исключительно к недоминантному полушарию, но мы предполагаем, что модель, которая интерпретирует эти термины таким образом, помогает изучить приемы Эриксона. К примеру, как только клиент достигает удовлетворительного состояния глубокого транса, можно получить доступ к обоим полушариям и использовать их, особенно в случае некоторых более сложных феноменов глубокого транса (например, при позитивных галлюцинациях). Как и при любой модели, полезность этого

превращения термина *подсознание* в термин *недоминантное полушарие* является критерием его принятия.

Недоминантное полушарие человека

Как мы указали во введении к II части, исследования неврологической организации людей (в особенности случаев «расщепленного мозга») выявляют ряд типовых различий между функционированием церебральных полушарий. В частности, исследователи выделили различия в качестве, скорости и точности реакции двух частей церебральной коры для различных сенсорных и репрезентативных функций (см. в особенности статью Джерра Леви «Психобиологическое значение двусторонней асимметрии мозга»). Здесь нас больше всего интересуют следующие моменты:

функции доминантного полушария	функции недоминантного полушария
полная языковая система	визуализация
темп	мелодия
противоположная сторона тела	особая категория языка
	противоположная сторона тела

Эта асимметрия между церебральными полушариями интересным образом проявляется в обычных повседневных задачах; например, Гарднер (Gardner, 1975, p. 374) замечает:

Модель полушарий Кинсбурна, в которой они соревнуются за обладание контролем над механизмами внимания, вызвала ряд захватывающих воображение исследований, как его собственных, так и других специалистов. К примеру, Кинсбурн обнаружил, что навык балансирования стержнем в одной руке возрастает, когда человек одновременно говорит, если стержень находится в левой руке, и ухудшается, когда человек говорит, а стержень находится в правой руке. Его объяснение сводится к тому, что речь и балансирование являются соревнующимися видами деятельности, которые, ввиду эффекта избыточности, накладываются друг на друга, когда оба контролируются противоположными полушариями, и поэтому они тогда помогают друг другу. Подтверждая тот же комплементарный побочный эффект, речь повышает способность испытуемого распознавать элементы в правом поле зрения, даже когда эти формы трудно различимы. Напротив, когда пациент напе-

вает мелодию (функция правого полушария), улучшается способность узнавать элементы в левом поле зрения.

Этот частичный перечень функций полушарий человеческого мозга служит в качестве перечня путей, с помощью которых можно получить доступ к подсознанию в контексте гипноза, а также в качестве важного организующего принципа в контексте психотерапии, особенно в работе с несоответствиями (см. «Структура магии», том I, глава 6, и том II, часть II). Другими словами, признавая эту асимметрию, гипнотизер, стремящийся помочь клиенту в достижении транса, систематически использует свои возможности установления контакта с подсознанием клиента.

В перечень функций недоминантного полушария мы включили особые категории языка. Это требует объяснения и небольшого экскурса в лингвистические и психолингвистические исследования. Объяснение состоит из двух частей. Во-первых, системы человеческого языка весьма сложны. Запутанные паттерны языков человечества пока превосходят возможности лингвистов создать модель, которая отражала бы все эти паттерны. Иначе говоря, хотя мы неизменно систематичны в своем лингвистическом поведении, пока нам не удалось описать это поведение. То есть задача изучения паттернов, которые являются нашей языковой системой, не дается лингвистам, однако каждый из нас осваивает в сущности одну и ту же задачу в возрасте между двумя и шестью годами. Кроме того, хотя языки мира звучат совершенно по-разному, когда их слышишь, и кажутся очень непохожими, когда они представлены в письменной форме, углубленный анализ их паттернов выявляет тесное сходство их структур. Из всех логически возможных форм, которые паттерны (синтаксис) систем естественного языка мог бы иметь, встречается только относительно ограниченное количество паттернов. В целом независимо от конкретного языка, который осваивают дети, они, по-видимому, делают это с одной и той же скоростью и с одними и теми же «ошибками». Эти соображения побудили лингвистов и психолингвистов сформулировать модель контурных (неврологических) лингвистических особенностей, известных как универсальная грамматика. Считается, что эти универсальные особенности составляют часть генетически специфицированной нервной системы каждого из нас на момент рождения. Наличие этих универсалий в модели помогает исследователям понять то,

как в языках проявляется подобная примечательная схожесть, а также то, как дети осваивают сложную задачу научения языку за столь короткое время.

Вторая часть объяснения включает тот факт, что дети, которые научились бегло говорить на родном языке и которые получают травму языкового полушария, обычно теряют дар речи. Тогда они проходят через стандартные стадии повторного овладения языком и снова начинают бегло говорить. Этот паттерн интерпретируется исследователями как демонстрация способности любого из полушарий научиться и функционировать в качестве полновесной лингвистической системы. Таким образом, в том случае если некоторое условие не позволяет доминантному полушарию адекватно функционировать в качестве языкового центра, эту функцию исполняет недоминантное полушарие. Подобная эквипотенциальность или пластичность человеческой нервной системы является еще одним доказательством, свидетельствующим о величине человеческого потенциала, который пока в целом не изучен.

Рассматривая оба эти факта вместе, мы предсказываем, что недоминантное полушарие продемонстрирует определенные языковые способности. В частности, в недоминантном полушарии будут присутствовать как минимум все особенности, существующие в модели универсальной грамматики. Этот прогноз авторов, по-видимому, подтверждается исследовательскими данными из различных источников. Например, одно из описаний категорий языковых способностей в зависимости от полушарий дает Леви (Levy, 1974, p. 174):

Поскольку правое полушарие у пациентов с комиссуротомией (расщеплением полушарий), по-видимому, обладает определенным пониманием как разговорного языка, так и существительных, глаголов и прилагательных в письменной форме, а также владеет определенными минимальными способностями к экспрессивной речи, встает вопрос относительно различий в двух полушариях, который подчеркивает огромные различия в лингвистических способностях. Если бы меньшее полушарие не могло понимать речь, но было способно продуцировать ее в определенной степени, можно было бы постулировать отсутствие фонологии в правом полушарии и интерпретировать речевую продукцию как результат прямого перевода семантического кода в артикуляторный. Если бы правое полушарие могло понимать, но не продуцировать речь, можно было бы постулировать отсутствие артикуляторного кода. Од-

нако когда правое полушарие способно и понимать, и выражать язык, пусть даже на очень ограниченном уровне, интерпретация становится намного более трудной.

Далее мы вернемся к теме лингвистической коммуникации с недоминантным полушарием.

Визуальный доступ

Гипнотизер сталкивается с задачей оказания помощи клиенту в получении доступа к его подсознанию или недоминантному полушарию. Как мы показали, эта задача состоит из двух частей— отвлечения и одновременного использования доминантного полушария плюс получения доступа к недоминантному полушарию. К числу самых непосредственных и эффективных приемов доступа к недоминантному полушарию, обнаруженных гипнотизерами, относится побуждение клиента создать визуальные образы с помощью своего внутреннего взора. Подводя клиента к задаче, которая предполагает способность визуализации, гипнотизер облегчает передачу контроля от доминантного полушария к недоминантному.

Субъективные описания, исходящие от многочисленных испытуемых и объясняющие эти результаты, можно подытожить следующим образом: «Когда я слушаю звук воображаемого метронома, он ускоряется или замедляется, становится громче или слабее, когда я начинаю входить в транс, и я просто плыву по течению. Если взять реальный метроном, то он отвлекает, оставаясь постоянным, и продолжает возвращать меня к реальности, вместо того чтобы позволить мне соскользнуть в транс. Воображаемый метроном изменчив и всегда соответствует моим мыслям и чувствам, к реальному же я вынужден подстраиваться».

В этой же связи следует упомянуть о результатах, полученных в экспериментальной и клинической работе, которые вращаются вокруг гипнотически индуцированных визуальных галлюцинаций. К примеру, пациентке, испытывавшей серьезные трудности со своей идентичностью, помогли представить ряд хрустальных шариков, в которых она смогла создать галлюцинации целой серии значимых жизненных событий, произвести объективные и субъективные сравнения и тем самым сделать свою жизнь непрерывной — от одного галлюцинаторного переживания к другому. При наличии реального хрустального шарика галлюцинаторные переживания были физически огра-

ниченными по своей протяженности, а изменение и наложение «сцен» — намного менее удовлетворительными.

Милтон Эриксон, 1967, р. 8–9

Наши опыты и в гипнозе, и в психотерапии раз за разом включали (в случае многих из наших клиентов) разграничение, ранее упомянутое в комментарии к статье о Хаксли: различие между созданием картины в своем воображении и наблюдением картины внутри себя. Создание картины в воображении — активность, совершающаяся в доминантном полушарии; в сущности, это конструирование визуального образа, использующее языковую систему, которая направляет конструирование. Как правило, образы, являющиеся результатом этого процесса низкого качества, не сфокусированные, тусклые и очень слабо напоминающие те образы, которые клиент созерцал, когда его глаза были открыты. Процесс наблюдения внутренней картины является, по всей видимости, активностью, происходящей в недоминантном полушарии. Здесь конечные образы отличаются четкостью, сфокусированы и поэтому близко подступают к ощущению клиента, когда его глаза были открыты. Клиенты сильно отличаются по своей способности видеть картины внутренним взором. В целом на эту технику визуального доступа в недоминантное полушарие наиболее удовлетворительно прореагируют те клиенты, у которых наиболее высоко ценима визуальная репрезентативная система. Гипнотизеру нужно только попросить клиента прибегнуть к визуализации, чтобы начать процесс эффективного наведения транса. В контексте психотерапии к наиболее действенным техникам психотерапевта относятся навыки идентификации репрезентативной системы клиента и реагирования на нее:

Эти две истории болезни были подробно представлены с тем, чтобы проиллюстрировать естественный гипнотический подход к детям. Потребность в формализованной или ритуалистической технике возникает редко, если вообще возникает. Эйдетическое воображение ребенка, его готовность, настрой и потребность в узнавании нового, его желание понять и поделиться жизнедеятельностью окружающего его мира и возможности, предлагаемые игрой понарошку и имитацией, — все это позволяет ему умело и хорошо прореагировать на гипнотические внушения (1967, р. 423)

Франц Бауманн, известный врач-гипнотизер из Сан-Франциско, который специализируется в детской и подростковой

практике, использует прием визуального доступа в своих индукциях, почти всегда добиваясь согласованных результатов. В частности, он просит своих клиентов закрыть глаза и «посмотреть» их любимую телевизионную передачу. Работа визуальной фантазии, называемая направляемой фантазией (более подробное обсуждение см. в «Структуре магии», том I, глава 6, и том II, часть II), была причиной того, почему каждый из авторов начал интересоваться гипнозом как средством, помогающим клиентам измениться. Наш психотерапевтический опыт уже убедил нас в возможностях и эффективности визуализации как психотерапевтической техники, прежде чем мы поняли, что поведение наших клиентов в точности соответствует поведению клиентов, описываемому гипнотизерами, когда клиенты выполняют визуальные задания, находясь в легком и среднем трансах.

Одна из техник, используемых гипнотизером при индукции или углублении состояния транса у клиента, состоит в том, чтобы заставить клиента вести счет или самому считать для клиента. Этот прием служит нескольким целям. В данном контексте техника счета является особым случаем визуального доступа к недоминантному полушарию. Когда клиент слушает собственный или чей-то счет, он, скорее всего, одновременно воспроизводит цифры, которые слышит, на «внутреннем дисплее». Цифры, подобно другим стандартным визуальным паттернам, хранятся в недоминантном полушарии; таким образом, прием счета обеспечивает доступ в подсознательную часть мозга клиента. Теперь становится понятной относительная неэффективность счета как приема наведения и углубления транса в случае определенных клиентов: это клиенты, чья способность доступа в недоминантное полушарие с целью визуальных репрезентаций еще недостаточно развита. Понимая задание на счет как особый случай визуального доступа в недоминантное полушарие, гипнотизеры, работающие с клиентами, которые обладают определенной способностью видеть визуальные репрезентации своим внутренним взором, могут повысить эффективность этого приема, просто проинструктировав клиента, например, сказав ему, что пока он сидит тут, ритмично дыша и прислушиваясь к звуку считающего голоса, он должен создать четкие, сфокусированные образы каждой цифры, когда он слышит ее название, чтобы каждая была другого цвета. Слушая, как клиент использует предикаты для идентификации своей наиболее ценимой репрезентативной системы, гипнотизер мо-

жет легко определить, будет ли эффективной индукция визуального опыта.

На самом деле гипнотизеры разработали ряд так называемых тестов внушаемости, которые они используют, прежде чем начать стандартную индукцию. Эти тесты внушаемости призваны всего лишь определить, обладает ли клиент способностью задействовать определенные репрезентативные системы. К примеру, обратите внимание на предикаты, которые встречаются в следующем тесте внушаемости, использующем сцепление рук (Weitzenhoffer, 1957, p. 127–128):

Я хочу, чтобы вы сцепили свои руки вот так... напрягите их как можно сильнее... Делая это, вы вскоре обнаружите, что ваши пальцы оказываются сжатыми в замок, так что ваши руки соединяются... ваши руки и пальцы соединяются все больше и больше... сцепляются все сильнее и сильнее.

Тот же самый тест внушаемости — то есть тест для определения способностей репрезентативной системы — может быть легко изменен, став тестом способностей клиента к визуализации. В частности, изменяя используемые предикаты на визуальные и наблюдая за тем, насколько хорошо клиент реагирует, гипнотизер может сделать валидный выбор в отношении того, каким видом доступа в недоминантное полушарие он воспользуется. Например, используя в качестве направляющего средства индукцию Вайценхоффера, мы превращаем предикаты из кинестетических в визуальные:

Я хочу, чтобы вы представили себе, как ваши руки сцепляются вместе. Взгляните чуть выше ваших рук и вы увидите темно-зеленое ведро, наполненное белым клеем. Внимательно следите за тем, как струится белая жидкость, стекая по деформированным сторонам зеленого ведра...

Во многие свои индукции Эриксон включает высказывания, относящиеся к буквам алфавита, — например, он напоминает клиенту о серьезной трудности, которую тот испытывал в один из моментов своей жизни, стараясь отличить *b* от *d*, когда осваивал алфавит. Помимо функционирования в качестве скрытой инструкции возрастной регрессии, эти высказывания дают доступ к визуальным репрезентациям букв алфавита, подобно тому как

это делают числовые последовательности, превращая этот прием в особый случай визуального доступа.

Если клиент обладает лишь незначительными способностями создавать визуальные репрезентации в недоминантном полушарии или таковые у него отсутствуют, гипнотизеру не нужно отказываться от попыток доступа в недоминантное полушарие посредством визуализации. На деле именно в этом случае Эриксон еще раз показывает свои навыки. Согласно его словам в статье о Хаксли, в качестве части «стандартной процедуры» Эриксон использует наиболее ценимую клиентом репрезентативную систему, помогая ему получить доступ к другим системам.

Что касается проблемы выработки общих приемов при наведении транса и иницировании гипнотического поведения, то многие гипнотические процедуры по традиции понимаются превратно. Те, кто получил научную подготовку, отвергают «пронизывающий взгляд», «хрустальный шар», поглаживания, пассы и схожие вспомогательные приемы, использующиеся в качестве источников таинственной силы. Однако литература изобилует сообщениями о гипнотических методах, основанных на применении аппаратуры, которая призвана ограничить поведение испытуемого, вызвать усталость и аналогичные реакции, как если бы они были существенными составляющими гипноза. Хрустальные шары, которые держат на определенном расстоянии от глаз, вращающиеся зеркала, метрономы и проблесковые лампы часто используются в качестве первоочередного средства. В результате делается слишком большой упор на внешние факторы и реакции на них испытуемого. Упор должен делаться прежде всего на внутриспсихическое поведение испытуемого, а не на связь с внешними факторами. В лучшем случае аппаратура — это только подспорье, которое отбрасывается в самый ранний из возможных моментов ради использования поведения испытуемого, которое может быть иницировано, но не обусловлено аппаратурой. Как бы продолжительное созерцание хрустального шара ни способствовало усталости и сну, ни один из этих результатов не является существенной частью гипнотического транса. Вот пример. Компетентный гипнотизер систематически обучал нескольких испытуемых тому, как входить в транс, зафиксировав взгляд на хрустальном шаре, который находился на 15 сантиметров выше линии глаз испытуемого. Как следствие этого обусловливания, попытки загипнотизировать их без помощи хрустального шара оказывались затруднительными, а в некоторых случаях безрезультатными. Персональное экспериментирование с этими испытуемыми показало: если просто заставить их вообразить, что они смотрят на хрустальный шар, это способствует более быстрому наведению транса и более глубоким состоя-

ниям транса. Воспроизведение этой процедуры коллегами и учениками принесло аналогичные результаты. Возвращение к фактическому рассматриванию хрустального шара привело к первоначальным замедленным и менее глубоким трансам, характеризовавшимся большей зависимостью от внешних факторов.

Милтон Эриксон, 1967, р. 8–9

Например, если клиент обладает развитой кинестетической репрезентативной системой, но малой или нулевой способностью к визуализации в недоминантном полушарии, то гипнотизер может побудить клиента принять какую-то знакомую позу. Как только клиент принимает это положение и начинает сполна испытывать кинестетические ощущения, гипнотизер может попросить его вызвать и пронаблюдать те или иные визуальные репрезентации, которые обычно ассоциируются с этими телесными ощущениями. Используя наиболее ценимую репрезентативную систему клиента, можно помочь ему получить доступ к новым состояниям сознания. К примеру, на одном из наших учебных сеансов психолог средних лет пожаловался, что он не способен создать визуальные образы, несмотря на то что побуждает клиентов использовать эту технику. Мы попросили этого человека принять позу пианиста (игра на пианино была его хобби). Затем его попросили совершить движения пальцами так, как он это делает при исполнении знакомой музыкальной пьесы. Закрыв глаза, он должен был услышать пьесу внутри себя и одновременно совершать движения пальцами. Потом его попросили посмотреть на клавиатуру. Он воскликнул: «Я вижу клавиши и свои пальцы на клавиатуре». Далее ему велели взглянуть на остальную часть пианино, затем на остальную часть комнаты, а после этого на людей, находящихся в ней. Эта техника использования высоко ценимых репрезентативных систем, чтобы восстановить и улучшить функционирование ослабленных систем, является обычным приемом в нашей работе. Основной принцип сводится к тому, чтобы просто отыскать ситуацию, в которой ослабленная система накладывается на развитую, например, воспроизведение диалога посредством побуждения клиента с развитой визуальной системой представить себе чей-то открывающийся рот, а затем услышать слова, а также многочисленные варианты этой ситуации. Это пример того, что мы называем телесной настройкой (см. «Структура магии», том II).

Таким образом, принцип визуального доступа связывает во-едино множество наблюдений Эриксона в отношении эффективного наведения глубокого транса:

...Использование воображения вместо реальной аппаратуры позволяет испытуемому задействовать свои реальные способности... Использование воображения при наведении транса почти всегда облегчает продуцирование аналогичного или родственного, более сложного гипнотического поведения. Так, испытуемый, у которого имеются трудности с формированием галлюцинаций, часто научается вызывать их, когда транс индуцируется с помощью воображения... Одну клиентку побудили представить себе несколько хрустальных шаров, в которых она смогла создать целую серию галлюцинаций...

Erickson, *Deep Hypnosis and Its Induction*, 1967, p. 9

Получение доступа к недоминантному полушарию с помощью мелодии

Полушария человеческого мозга также, как правило, асимметричны в отношении локализации мелодий. По всей видимости, репрезентации мелодий хранятся у людей в недоминантном полушарии.

Тот факт, что пациенты с полной афазией (потерей речи) могут декламировать популярные стихи, петь простые знакомые песни и ругаться, предполагает наличие целостных аудиальных гештальтов (форм) в правом полушарии, особенно в свете того, что подобные пациенты не могут читать стихи или петь песни, если они не начинают их с самого начала. Если остановить их посередине, а затем попросить продолжить с того места, где они остановились, они не способны это сделать, а вынуждены начинать снова с самого начала. Тот же самый феномен отмечается менее выражено у здоровых людей в отношении материала, который был тщательно выучен в данной последовательности, например в отношении алфавита.

Боген и Боген (Bogen & Bogen, 1969) предполагают, что если правое полушарие обладает специфической способностью к тональным, тембровым и другим аспектам музыки (см. Milner, 1962), то межполушарная коммуникация может способствовать музыкальному творчеству. Они сообщают, что в сотрудничестве с Гордоном были проведены наблюдения за праворукими пациентами, которых просили спеть перед и во время введения амитала натрия в правую внутреннюю сонную артерию. Во время проявления левостороннего гемипареза арти-

куляция речи была разборчивой, хотя и несколько размытой, и несмотря на сохранение ритма, пение было в основном немелодичным, с относительно небольшими изменениями высоты звуков.

За последние 25 лет имел место заметный пересмотр некоторых прежних представлений. Теперь мы осознаем, что, хотя такое расстройство речи и ее понимания, как афазия, связано с левосторонними поражениями мозга даже сильнее, чем считали авторы классических работ, определенные расстройства, например трудности с одеванием, теснее связаны с поражением правого полушария. Теперь кажется вероятным, что правое полушарие является не вторичным, а скорее доминирующим в отношении определенных функций. Так, по-видимому, оно доминирует при осуществлении определенных пространственных функций (тогда как левое полушарие, вероятно, доминирует при осуществлении других), определенных музыкальных задач и, как теперь показывает ряд свидетельств, возможно, при проявлении определенных аспектов эмоциональной реакции.

Gardner, 1975, p. 329–330.

Использование мелодии в качестве приема, обеспечивающего доступ к подсознательным отделам человеческой психики, упоминается, в частности, Эриксоном:

...Одного музыканта, не реагировавшего на прямое гипнотическое внушение, побудили вспомнить случай, когда у него из головы *не выходил какой-то музыкальный фрагмент*. Это позволило направить его на поиск других подобных воспоминаний. Вскоре он настолько погрузился в попытки припомнить забытые мелодии и отбивание такта в качестве кинестетического вспомогательного средства, что глубокий транс...

Erickson, 1967, p. 30

В нашей собственной работе в области гипноза обращение к клиенту с просьбой мысленно напеть мелодию или ряд мелодий раз за разом оказывается эффективным приемом индукции, особенно в сочетании с рядом других приемов. Ряд убедительных доказательств локализации и полезности мелодии получен в работе, проводимой с пациентами, страдающими афазией, — с теми людьми, кто получил повреждение мозга и частично утратил языковые способности. Пациентов, у которых поражено доминантное полушарие в зоне Брока в основании третьей фронтальной извилины, можно лечить с помощью того, что называют мелодико-интонационной психотерапией. Она сводится к тому, чтобы по-

средством пения побудить недоминантное полушарие выполнять функции, утраченные в результате повреждения доминантного полушария. Утраченные языковые способности прививаются другому полушарию, когда паттерны слов не проговариваются, а напеваются (задача, которую пациент с афазией в зоне Брока не может осуществить, пока слова не будут пропеты несколько раз).

Затем Джейн тщательно обучили тому, как читать детский стишок «Гороховая каша» в прерывистой, неуверенной манере с заиканием.

Она научилась этому на удивление быстро, после чего Энн, которая ничего не знала об этой специальной мере, попросили продекламировать этот стишок вместе с Джейн, как бы плохо это у нее ни получалось.

Обе начали не торопясь, Энн медленно, тогда как Джейн стала наращивать темп, а затем коверкать слова в неприятно раздражающей манере. Энн взглянула на автора, получила строгое наставление прислушаться к Джейн и продолжить совместную декламацию. Энн повернулась к Джейн, и на ее губах и лице отразились идеомоторные, а значит произвольные и неконтролируемые попытки исправить заикание Джейн. Джейн продолжала снова и снова, а губы Энн подергивались и, наконец, она прерывисто просуфлировала Джейн весь стишок. Этот отдельный сеанс длился примерно два часа, и речь Энн становилась все лучше и лучше. Тот же самый прием был использован с другими стишками, и Энн была явно обрадована и обрела уверенность, хотя нередко сильно раздражалась.

Милтон Эриксон, 1967, р. 451

Множество возможностей дает гипнотизеру сам подбор мелодии. Например, в контексте психотерапии гипнотизер может выбрать мелодию, связанную с периодом жизни клиента, который тот должен вспомнить в целях лечебного отыгрышания. Аналогичным образом, в контексте гипнотизма гипнотизер может предложить клиенту какую-то мелодию, которую тот должен мысленно напеть, что косвенно вызывает возрастную регрессию. Особенно эффективными здесь мы находим мелодии детских стишков.

Получение доступа к недоминантному полушарию через речь

Как мы указали ранее, так называемое немое, или недоминантное, полушарие у людей, как правило, обладает определенной языковой способностью. Пределы этой способности неизвест-

ны; исследователи делают противоречивые утверждения (к примеру, сравните Gazzinga, 1970, с Levy, 1974). В свете открытий в области универсальной грамматики и нервной пластичности представляется вероятным, что недоминантному полушарию присущи все особенности, содержащиеся в универсальной грамматике.

Поскольку правое полушарие пациентов с комиссуротомией, по-видимому, может понимать в определенной степени как устную речь, так и существительные, глаголы и прилагательные в письменной форме, а также обладает определенными минимальными способностями к экспрессивной речи, встает вопрос в отношении различий между двумя полушариями, которые лежат в основе огромных различий в лингвистических способностях. Если бы вторичное полушарие не могло понимать речь, но могло продуцировать ее в некоторой степени, можно было бы постулировать отсутствие фонологии в правом полушарии и проинтерпретировать речевую продукцию как результат прямого перехода от семантического кода к артикулярному. Если бы правое полушарие могло понимать, но не продуцировать речь, можно было бы постулировать отсутствие артикулярного кода. Однако если правое полушарие может и понимать и выражать речь, пусть на очень ограниченном уровне, интерпретация становится намного более трудной (Levy, 1974, p. 237).

Таким образом, точные лингвистические способности недоминантного полушария станут понятными по мере того, как дальнейшие лингвистические и психолингвистические исследования выявят структуру универсальной грамматики. В равной степени занимает нас и роль, которую может играть гипнотизм в исследовании лингвистических способностей недоминантного полушария. Однако пока не будет проведено более тщательное изучение лингвистических способностей немого полушария, мы имеем две модели нашего гипнотического опыта, которые объясняют наши наблюдения.

Как упоминалось ранее, одной из наиболее эффективных техник, которые мы разработали, является двойная индукция — индукция, в которой каждый из нас говорит одновременно в уши клиента. При проведении подобной индукции мы систематически меняем стиль используемой нами речи, в зависимости от того, в какое ухо мы говорим. Например, если Джон говорит в ухо, противоположное доминантному полушарию (например, у праворуких людей доминантным обычно бывает левое мозговое полушарие, и следовательно противоположное ухо — правое), он

систематически использует наиболее сложные синтаксические формы языка, применяя все лингвистические принципы перегрузки/отвлечения, описанные в первой главе этой части. Одновременно Ричард говорит в ухо, противоположное недоминантному полушарию мозга (в левое ухо в данном примере), используя только простейшие лингвистические формы — либо предложения, состоящие из одного слова, либо паттерны, употребляемые детьми на стадии языкового развития, характеризуемой высказываниями из двух слов. При использовании приема двойной индукции наша индукция редко требовала более пяти минут для достижения клиентом удовлетворительного состояния транса.

Вот первая модель, объясняющая возможности и скорость двойной индукции:

- а) мы успешно перегружаем доминантное полушарие;

и

- б) мы проникаем в недоминантное полушарие с помощью детско-грамматического стиля языка, который мы встраиваем в это полушарие.

Вот вторая модель, которая позволяет понять потенциал этого приема:

- а) мы успешно перегружаем доминантное полушарие;

и

- б) мы не проникаем в недоминантное полушарие, а скорее, детско-грамматический материал, который мы посылаем в ухо, теснее связанное с недоминантным полушарием, обрабатывается и воспринимается доминантным полушарием без осознания происходящего.

Эта последняя модель включает определенные дополнительные возможности, поскольку не подлежит сомнению, что человеческое ухо дает проекции на оба полушария мозга. Если конфликтующие сообщения направляются в одно и то же ухо или в проекционные области слуховой коры, приоритет получает сообщение, поступающее в противоположное ухо. Однако то, что сообщение, направленное в противоположное ухо, обладает преимуществом перед сообщением, адресованным тому же самому уху, не предполагает, что последнее сообщение полностью утра-

чивается для доминантного полушария. То есть вторая модель постулирует, что скорость и эффективность нашей двойной индукции зависит не от лингвистического доступа к недоминантному полушарию, а скорее от сочетания перегрузки и детской грамматики в доминантном полушарии. Посылая конфликтующее сообщение в доминантное полушарие, которое им не осознается, мы вызываем у клиента регрессию лингвистических способностей его доминантного полушария, которые возвращаются к более ранней стадии развития. Единственное дополнительное доказательство, которое мы имеем в настоящее время, состоит в том, что отмечается следующая тенденция: сторона тела, контролируемая полушарием (противоположным полушарием), реагирует дифференцировано на указания, адресованные этому полушарию. Результат, проявляющийся прежде всего в физической асимметрии лица клиента, таков, что, когда конфликтующие сообщения воспринимаются одновременно клиентом через разные уши, стороны тела реагируют независимо друг от друга. Точно также, когда указания в отношении левитации руки перемежаются с конфликтующим материалом, встраиваемым в полушарие клиента, рука, контролируемая полушарием, в которое направляются эти указания, как правило, оказывается рукой, которая поднимается. Нам представляется, что эти паттерны подтверждают первую модель. Конечно, не исключено, что имеют место оба процесса. В любом случае, хотя двойная индукция является одной из наиболее действенных индукций и приемов углубления транса, о которых мы знаем, вопрос о том, какая модель более полезна, остается без ответа⁴.

Насколько нам известно, Милтон Эриксон никогда не работал в тесном сотрудничестве с другими гипнотизерами и не использовал описанный нами прием двойной индукции. Он настолько искусен в использовании языка, что способен достичь чего-то очень близкого двойной индукции. В этой процедуре, которую мы называем аналоговым маркированием встроенных предложений, Эриксон предлагает доминантному полушарию ряд очень сложных синтаксических конструкций, которые, очевидно, перегружают обрабатывающую способность лингвистических механизмов доминантного полушария. Эти грамматически правильные поверхностные структуры языка образуют совокупность слов и фраз, которым присуща двойная функция. Прежде всего они являются составляющими или подчиненными частями поверх-

ностных структур, направляемых Эриксоном в доминантное полушарие. Во-вторых, они встраиваются или содержат послания, которые воспринимаются и отражаются процессами вне нормальных границ сознания. Здесь нам поможет пример:

...realize that you have to start from scratch and nobody really knows...

...поймите, что вы должны начать с нуля (*букв.* с царапины), и никто на самом деле не знает...

Фразы, представленные выше, являются частью сложной и грамматически правильной поверхностной структуры, которая воспринимается и обрабатывается доминантным полушарием. Однако слова, не выделенные курсивом, идентифицируются определенным аналоговым маркированием, которую Эриксон обеспечивает, отграничивая их от остальных слов в правильной поверхностной структуре. Это аналоговое маркирование включенных слов и фраз приводит к фрагментации сообщения на два (в данном случае) блока:

...realize that you have to start from scratch and nobody really knows...

...realize that you have to start from the scratch and nobody really knows...

scratch knows (в фонологическом отношении эквивалентно *scratch nose* — почешите нос)

Реакция, которую ожидает Эриксон, сводится к тому, чтобы клиент без малейшего осознания своих действий почесал нос. Варианты для аналогового маркирования первичного сообщения у Эриксона столь же многочисленны, как и средства, которыми он может осуществить аналоговую коммуникацию; например, изменения тональности, темпа, повторяющиеся движения различных частей тела, изменения выражения лица, фиксация взгляда на определенном объекте и т. д.

В статье о Хаксли содержится превосходный пример того, как Эриксон использует аналоговое маркирование с целью фрагментации поверхностной структуры на три блока: первичный, блок ключевых слов, вызывающий амнезию, и блок ключевых слов, снимающих амнезию. То, насколько выверенно Эриксон владеет этой техникой, позволяет ему попеременно вызывать у Хаксли воспоминания о происшедшем и удалять их из его сознания. Этот паттерн аналогового маркирования встроенных слов и фраз для

создания независимых коммуникативных блоков можно применять для любой цели, к которой стремится гипнотизер. Он всего лишь требует того, чтобы гипнотизер отобрал какой-то набор аналоговых ключей, или сигналов, — такое их количество, которое ему необходимо для создания независимых коммуникативных блоков, — и использовал их для идентификации слов и фраз в своей текущей речи, которые должны послужить в качестве либо независимого сообщения, либо сигналов, инициирующих какое-то желательное поведение со стороны клиента. Этот прием ограничивается лишь творческими способностями гипнотизера.

В настоящее время мы не можем дать этому приему объяснение, которое было бы лишено всякой неопределенности. Опять же при моделировании нашей собственной практики этого приема, а также практики Эриксона возможны несколько моделей:

- а) первичное поверхностно-структурное сообщение обрабатывается доминантным полушарием, тогда как встроенные, аналогово-маркированные сообщения принимаются и отражаются недоминантным полушарием;

или

- б) первичный, а также аналогово-маркированный, встроенный блоки сообщения воспринимаются и обрабатываются доминантным полушарием — первичное сообщение механизмами нормальной обработки, а включенные сообщения процессами, которые находятся целиком вне сознания, — и происходит возрастная регрессия;

или

- в) комбинация обоих вышеприведенных объяснений.

В любом случае форма процесса нам ясна, и мы предлагаем пошаговую процедуру для конструирования и использования этого приема в заключительной части настоящего тома.

В число прочих вопросов, связанных с этим приемом, входит вид аналогового маркирования, которое гипнотизер выбирает для идентификации встроенных коммуникативных блоков, и этот аспект особенно нас занимает. При выборе сигнала аналогового маркирования необходимо рассмотреть несколько моментов. Во-первых, если осуществляется доступ в недоминантное полушарие, то наиболее эффективным видом аналогового маркирования, выбираемым гипнотизером, будет один из ряда анало-

говых сигналов, которые обычно обрабатываются и различаются недоминантным полушарием. Недоминантное полушарие обрабатывает и различает аналоговые сигналы в форме голосовой интонации, а также позы и движений гипнотизера, наблюдаемых визуально. Поэтому в данной модели наиболее эффективными ключами для гипнотизера будут интонационные и телесные изменения. Если более полезной репрезентацией коммуникационного процесса является вторая модель, состоящая из комбинаций цифровых и аналоговых сигналов, то наиболее эффективными ключами будет те, которые в норме воспринимаются и обрабатываются доминантным полушарием, например изменения темпа⁵.

Резюме

В этом разделе мы представили, на наш взгляд, едва ли ни самую доступную и увлекательную область исследований измененных состояний человеческого сознания, коммуникации и человеческого потенциала. Параллели между организацией отделов человеческого мозга, которые Эриксон называет сознанием и подсознанием, и функциональной организацией полушарий мозга человека просто поражают. Кроме того, на удивление близки параллели между организацией подсознательных и сознательных элементов человеческой психики и паттернами несоответствия в психотерапевтическом контексте (см. «Структура магии», том II, часть III). Мы рассмотрели три группы техник, обеспечивающих доступ к недоминантному полушарию человеческого мозга в контексте гипнотизма: первые две группы, визуализация и доступ с помощью мелодии, хорошо подтверждаются работой и исследованиями Эриксона, нашей работой в области гипноза и неврологическими исследованиями, на которые мы ссылались в этом разделе. Третья группа приемов доступа включает лингвистические способы коммуникации с недоминантным полушарием. Здесь свидетельства не отличаются определенностью и имеются по меньшей мере две когерентные модели, объясняющие этот процесс. Связи между универсальной грамматикой, пластичностью нервной системы человека и возможностью коммуникации с недоминантным полушарием поднимают вопросы, которые, если на них ответить, дадут информацию, значимую для областей гипноза, неврологии, психологии и лингвистики. К счастью, неопределенность в отношении модели, наиболее полезной для описания

возможности проникновения в немое полушарие с помощью лингвистики, не мешает нам создать пошаговую модель, которая делает эффективные приемы Эриксона доступными для других. Мы предложим модели для каждого из этих приемов доступа далее в этом томе. Выверенно используя эти методы, Эриксон демонстрирует восприимчивость ко всем ресурсам, которые доступны клиенту как сознательно, так и подсознательно.

Заключение к II части

В гипнотических исследованиях и клиническом использовании гипноза Милтон Эриксон предстает как самый лучший и изобретательный специалист в мире. Его техники повсеместно признаны не только наиболее действенными, но и во многом непревзойденными; большинство людей, которые видели работу Эриксона или слышали о ней, находят его возможности поразительными, а для некоторых они раздвигают пределы вероятного. Его жизненный путь отмечен неисчислимым множеством достижений в областях, в которых не сумел преуспеть ни один другой человек. Он сумел помочь изменить свою жизнь бесчисленному числу людей, которым, как считалось, ничем нельзя было подействовать. Он помог безнадежным больным, безрезультатно обращавшимся ко всевозможным источникам поддержки, обрести надежду, предоставив им возможности, в которых они отчаянно нуждались. На этого мужественного человека вешают самые разные ярлыки — от чудотворца до шарлатана; одни его любят и ценят, а другие опасаются и презирают. Его критиковали и ему мешали работать; еще недавно, в пятидесятых годах, Американская медицинская ассоциация попыталась отобрать у него медицинскую лицензию. Но наперекор миру скепсиса Эриксон продолжал изучать, совершенствовать и использовать гипноз. Он приобрел такие навыки его использования, которые и сам понимает не до конца. Те, кто наблюдал его мастерство воочию, не могут не признать эффективность его работы. Но, как это бывает с большинством очень талантливых людей, его навыки считают

всего лишь проявлением интуиции и, следовательно, не поддающимися изучению. Наш задача состоит в том, чтобы выявить механизмы интуиции в отношении человеческого поведения и таким образом получить возможность ей научиться. Этот том представляет собой только начало процесса, благодаря которому другие люди смогут овладеть гипнотическими навыками Милтона Эриксона. В этом томе мы сосредоточились прежде всего на лингвистических аспектах его работы — на том, как он использует язык. Мы намерены также выстроить более полную модель его работы, которая будет включать использование им аналоговых форм коммуникации (интонации голоса, темпа речи, жестов, движений тела и т. д.), а также информации, как вербальной, так и аналоговой, которую он получает от своих клиентов. Это только начальная, а не целостная модель его работы. Пока мы представили то, что, на наш взгляд, является в его работе наиболее базовыми и общими паттернами. В III части вы познакомитесь с наглядными средствами конструирования этих паттернов.

На данный момент мы описали три основных принципа организации ваших действий при наведении транса. Первый — подстройка к клиенту; это означает, что вы обращаетесь к наблюдаемому и верифицируемому поведению клиента и связываете его с поведением, к которому вы хотите подвести клиента.

Вы сидите тут, дышите, рассматриваете это пятно,

(подстройка)

приходите в расслабленное состояние.

(ведение)

И когда вы закроете глаза,

(подстройка)

то почувствуете, как ваше тело плывет и становится легким.

(ведение)

И усевшись как можно глубже в кресло,

(подстройка)

вы войдете в транс.

(ведение)

Таким образом, стратегия подстройки заключается в том, чтобы установить связь с желаемым поведением.

И когда вы закроете глаза,

(подстройка)

то войдете в глубокий транс, предавшись приятным воспоминаниям из вашего детства,

(ведение)

и это вызовет у вас улыбку.

(подстройка)

Этот процесс продолжается в течение всего состояния транса. Второй принцип состоит в том, чтобы отвлечь и использовать доминантное полушарие. Третий принцип — это получение доступа к доминантному полушарию.

Мы хотим указать на то, что Эриксон, когда ссылается на подсознание, подразумевает нечто большее, чем недоминантное полушарие и лингвистические процессы в доминантном полушарии ниже уровня осознания. Действия Эриксона систематически демонстрируют, что он часто использует термин *подсознание* по отношению к процессам и функциям недоминантного полушария. Это представляет собой обильный источник исследований, которые можно приложить к гипнозу. Когда мы сумеем в точности вычленить специфические компоненты подсознания, то медицинское и стоматологическое, а также психологическое использование гипноза будет более краткосрочным и эффективным. В III части будут описаны конкретные навыки, необходимые для использования паттернов, которые мы идентифицировали в работе Эриксона.

Примечания к II части

1. В этом разделе мы сосредоточиваемся на том, как могут быть обобщены существительные. Например, Эриксон часто рассказывает истории, в которой главный герой того же пола, возраста и из того же штата, что и клиент, который слушает историю. В других случаях Эриксон варьирует эти признаки. Мы начали конструировать более детальную модель этих процессов. Нас особенно интересует то, какими способами можно обобщать предикаты. К примеру, гипнотизер может обобщить предикат, представив его в максимально неконкретизированной форме:

делать для активных глаголов

быть для глаголов состояния

Или он производит распространение внутри той же самой репрезентативной системы, входного или выходного канала, начав с

говорить и переходя к *разговаривать*

беседовать

интонировать

хныкать

кричать

умолять

заявлять

Или же он производит обобщение таким образом, что каждый предикат будет содержать в своей глубинно-структурной репрезентации нечто, что явно не обнаруживается в его поверхностно-структурной репрезентации. Мы называем это *семантическим включением*.

Например, каждое из следующих слов включает в качестве части своей глубинно-структурной репрезентации слово *рука*:

ударить, взять, сжать, передать (предмет), *держаться* (за объект), *носить* (кольцо), *поймать, ухватиться, рулить, грести, гладить, наливать, рубить, резать, приколоть, застегнуть, разорвать, бренчать, играть* (на гитаре) и т. д.

Детальная модель этих принципов обобщения лежит в основе знаменитого умения Эриксона придумывать и рассказывать истории — модель для терапевтически эффективной метафоры.

2. Отметьте, что имеет место полезное взаимодействие между паттернами номинализации, ограничений на сочетаемость, опущения и неопределенности. Рассмотрим такую фразу, как

...ощущение кушетки...

Неопределенность здесь состоит в том, является ли существительное *кушетка* глубинно-структурным субъектом или объектом предиката *ощущать*; другими словами, является ли глубинной структурой вышеприведенной фразы:

кто-то ощущает кушетку

или

кушетка испытывает определенное ощущение по отношению к кому-то

Еще один способ формулировки вопроса, поднятого этой фразой, таков: был ли опущен глубинно-структурный субъект или объект. Эта неопределенность может иметь место только тогда, когда ограничения на сочетаемость предиката позволяют существительным различных категорий грамматически соответствовать позициям и субъекта, и объекта.

3. Читатель, вероятно, заметил, что паттерны, называемые *подчиненными встроенными структурами* (в частности, встроенные команды), накладываются на разговорные постулаты. Одной из пресуппозиций каждой команды является утверждение, что человек, которому дается команда, способен сделать то, что указано в команде. Кроме того, поверхностная структура, использующая вопросительную форму «да-нет», соответствующую этой пресуппозиции, содержит встроенную команду в виде подчиненной встроенной структуры.

4. Мы обратили внимание на тенденцию испытуемых, находящихся в первичном глубоком сомнамбулическом трансе, изъясняться только с помощью одиночных слов, пока им не показывали, как нужно говорить, используя более обычные паттерны.

5. Ограничивающий случай имеет место, когда клиент начинает осознавать кроссмодальные сигналы, что уменьшает эффективность подобных сигналов. Клиент редко осознает подобные кроссмодальные сигналы — когда это происходит, он обычно понимает, что что-то происходит, но не знает, что именно.

ЧАСТЬ III

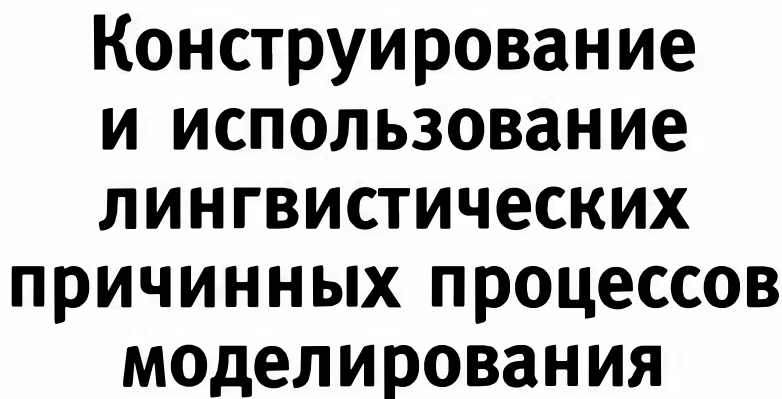

Конструирование паттернов гипнотической работы Эриксона

Введение

Последняя часть I тома призвана снабдить вас пошаговой процедурой конструирования каждого из паттернов, описанных на данный момент. Этот формат позволит вам использовать продуктивные навыки Милтона Эриксона в *вашей собственной работе, в ваших собственных целях, вашим собственным способом* и в любом контексте, который необходим *вам* для эффективных гипнотических действий. Мы настоятельно рекомендуем, использовать эту часть книги в качестве учебного пособия, прочитав каждый раздел не торопясь и по порядку. Экспериментирование с каждым паттерном на бумаге и словесно поможет вам сначала потренироваться, осознанно воспроизводя каждый паттерн. Затем, как неоднократно доказывал наш опыт обучения этим приемам других людей, эти формальные паттерны будут удалены из вашего сознания, но вы при этом сохраните способность продуцировать паттерны спонтанно. Подобное тщательное изучение позволит вам пожать обильный урожай, независимо от того, используете ли вы гипноз в медицинских, стоматологических, психологических или исследовательских целях. Мы обнаружили в работе со своими учениками, что наибольшую сноровку приобретают те, кто использует метод чтения и перечитывания, возвращаясь снова и снова к тренингу любого сложного навыка. Мы даем этот совет, чтобы помочь вам извлечь максимальную пользу из многолетнего творческого опыта Милтона Эриксона. Тогда те, кто обращается к вам за помощью, получают возможность сполна реализовать собственный огромный потенциал и преуспеть в достижении собственных целей с вашей квалифицированной помощью.

Конструирование и использование лингвистических причинных процессов моделирования

Как мы неоднократно указывали, каждый из нас конструирует на основании своего опыта модель или репрезентацию мира, в котором мы живем. В процессе конструирования этой модели или ориентира нашего поведения мы используем три универсальных процесса человеческого моделирования: обобщение, искажение и опущение. Внутри языковой системы, которая помогает нам извлечь смысл из нашего опыта, мы часто стараемся «объяснить» связи между различными частями нашей модели мира в каузальных терминах, используя понятия естественного языка и, как правило, постулируя необходимую связь между этими частями нашего опыта. Подобные объяснения обычно абсурдны в том отношении, что они стремятся свести сложные обстоятельства, участвующие в продуцировании какого-то события, к простой, часто одиночной «причине».

Грегори Бейтсон (Bateson, 1972, p. 399–400) дает характеристику подобному причинному объяснению и противопоставляет его кибернетическому объяснению:

Причинное объяснение обычно позитивно. Мы говорим, что бильярдный шар Б перемещался в таком-то и таком-то направлении потому, что бильярдный шар А попал в него под таким-то и таким-то углом. Напротив, кибернетическое объяснение всегда негативно. Мы смотрим, какие альтернативные возможности могли бы теоретически иметь место, а затем спрашиваем,

почему многие из этих альтернатив не реализовались, в результате чего данное событие оказалось одним из тех немногих, которые могли произойти на самом деле.

Кибернетики говорят, что течение событий подвержено *ограничениям*, и предполагается, что, помимо подобных ограничений, направления изменения будут определяться только равенством вероятности. В реальности «ограничения», от которых зависят кибернетические объяснения, могут во всех случаях рассматриваться как факторы, которые определяют неравенство вероятности. Если мы видим, как обезьяна явно наобум стучит по клавишам пишущей машинки, а получается у нее осмысленный текст, нам придется искать ограничения — либо внутри обезьяны, либо внутри пишущей машинки. Возможно, обезьяна не могла стучать по неадекватным буквам; возможно, клавиши машинки блокировались, если по ним стучали неправильно; возможно, неверные буквы не могли отпечататься на бумаге. Где-то явно имелась схема, которая могла выявить ошибку и устранить ее.

В идеальном случае — и как правило — свершившееся событие в любой последовательности или совокупности уникальным образом детерминируется в рамках терминов кибернетического объяснения. Ограничения самого разного вида могут сочетаться, вызывая эту уникальную детерминацию. Например, выбор элемента для данной позиции в картинке-пазле «ограничивается» множеством факторов. Его форма должна соответствовать форме нескольких соседних элементов и, возможно, форме общего контура картинки; его цвет должен соответствовать цветовому паттерну его участка; ориентация его краев должна подчиняться топологическим нормам, определяемым режущим устройством, с помощью которого был изготовлен пазл, и т. д. С точки зрения человека, который пытается сложить картинку, все это является ключами, то есть источниками информации, которые будут направлять его выбор. С точки зрения кибернетического наблюдателя они являются *ограничениями*.

Аналогичным образом, с кибернетической точки зрения слово в предложении, буква внутри слова, анатомия какого-то отдела организма, роль определенной особи в экосистеме или поведение члена семьи — все это (негативно) объясняется посредством анализа ограничений.

В сущности, мы соглашаемся с комментариями Бейтсона. В «Структуре магии», том I, мы и сами уделяем место обсуждению воздействий, которые специфическая форма этого причинного типа объяснения оказывает на людей. Мы называем этот специфический тип причинного объяснения *причиной—следствием*. С этим типом причинного процесса моделирования связан другой тип, называемый чтением мыслей. При этом типе моделирования человек начинает верить в то, что ему известны мысли, чувства и т. д. другого человека при отсутствии какой-либо непосредственной коммуникации этих переживаний со стороны этого второго человека (см. «Структура магии», том I, главы 3,4 и 6; и том II, главы 2 и 3).

Однако в контексте гипноза, где одной из целей, которые гипнотизер ставит перед собой, является первичная подстройка и последующее направление переживаний клиента, этим процессам причины—следствия и чтения мыслей присуща позитивная ценность. Поскольку клиент характерным образом прилагает эти типы объяснения к себе, гипнотизер может использовать этот процесс, чтобы помочь клиенту достичь желаемого состояния транса. В частности, гипнотизер может установить причинные связи между непосредственно верифицируемыми элементами опыта клиента и желательным поведением.

Сначала мы дадим ряд примеров использования причины—следствия в гипнотическом контексте:

Сидение в этом кресле позволит вам войти в глубокий транс.

Вы продолжите дышать, и каждый выдох будет приводить вас во все более расслабленное состояние.

Когда вы коснетесь рукой лица, это приведет к тому, что вы полностью погрузитесь в глубокий транс.

Медленное изменение вашего дыхания поможет вам осознать эти особые ощущения в ваших пальцах и руке.

Каждому из этих предложений-примеров присуща одна и та же логическая форма:

Х	вызывает	У
<i>Сидение в кресле</i>		Вы войдете в глубокий транс
<i>Изменение вашего дыхания</i>		Вы осознаете эти особые ощущения в ваших пальцах и руке.

Читателю, должно быть, очевидно, что связи, которые, согласно предложениям-примерам, существуют между двумя элементами поведения, в реальности вовсе не обязательны. Однако в контексте гипнотической индукции, поскольку клиент использует эти же самые семантически неправильные принципы моделирования, такие искусственные причинные связи оказываются необычайно эффективными в обеспечении желаемого поведения.

Сконструировать подобные предложения очень легко; достаточно выполнить следующие шаги.

Шаг 1 — Определите тип поведения, которого вы как гипнотизер хотите добиться от клиента; назовем это **Y**.

Шаг 2 — Идентифицируйте определенное поведение, которое клиент уже демонстрирует, определенный элемент его текущего поведения и опыта; назовем это **X**.

Шаг 3 — Придумайте предложение, которое имеет форму:

X вызывает **Y**

Гипнотизер может использовать глагол *вызывает* или какой-то его синоним (например, *заставляет*), или глагол, который вбирает в себя глагол *вызывает* в качестве элемента своего значения, например: *вынуждает, требует, толкает, тянет, закрывает, открывает*.

С подобными причинно-следственными предложениями тесно связана группа предложений, которые включают то, что мы называем подразумеваемым каузативом (более подробное обсуждение см. в «Структуре магии», том II). Строго говоря, этот класс предложений не содержит утверждения о необходимой связи между двумя событиями; однако они предлагают слушателю сделать вывод о наличии необходимой причинной связи между двумя упомянутыми событиями; то есть они подразумевают зависимость между двумя классами событий или переживаний. Сначала мы приведем несколько примеров подобных предложений:

Когда вы усядетесь в этом кресле, вы войдете в глубокий транс.

Когда вы полностью осознаете эту коммуникацию, вы достигнете нужного уровня транса.

Пока вы будете прислушиваться к звуку моего голоса, вы придете во все более расслабленное состояние.

После того как вы позволите своей руке вернуться к бедру, вы будете полностью готовы к восприятию новых феноменов глубокого транса.

Каждому из этих предложений присуща одна и та же логическая форма:

X	{когда}	Y
вы будете прислушиваться к звуку моего голоса	{пока}	достигнете нужного уровня транса
вы позволите своей руке вернуться к бедру	{после того как}	вы будете полностью готовы к восприятию феноменов глубокого транса
	•	
	•	
	•	

И снова читатели могут легко убедиться, что логическая связь — необходимая или нет — между моделями поведения, относящимися к категориям **X** и **Y**, отсутствует.

В пошаговом формате гипнотизер может сконструировать эти предложения с подразумеваемым каузативом следующим путем.

Шаг 1 — Определите тип поведения, которого вы как гипнотизер хотите добиться от клиента; назовем это **Y**.

Шаг 2 — Идентифицируйте определенное поведение, которое клиент уже демонстрирует, определенный элемент его текущего поведения и опыта; назовем это **X**.

Шаг 3 — Придумайте предложение, которое имеет форму:

X подразумеваемая каузативная связка **Y**
 где подразумеваемая каузативная связка — это любая связка, которая указывает слушателю на причинную связь; примеры: *когда, пока, после, прежде чем, во время, вслед за* и т. д.

Второй тип близкородственных предложений, который Эрик-сон использует в работе с трансом, — так называемое чтение мыслей. Это предложения, посредством которых говорящий утверждает, что ему известны внутренние, ненаблюдаемые переживания

слушателя, не уточняя процесс, с помощью которого он о них узнал. Вот ряд примеров:

Должно быть, вам любопытно, что произойдет далее...

Вы можете продолжать чувствовать удовлетворение от...

Сейчас вы научаетесь даже быстрее, чем в первый раз...

Теперь вы действительно начинаете понимать, насколько быстро вы можете...

В каждом из этих предложений говорящий/гипнотизер утверждает, что ему известны определенные переживания слушателя, не уточняя, откуда он о них узнал. В частности, гипнотизер утверждает, что он знает о следующих внутренних состояниях слушателя:

любопытство, чувства, научение, понимание

Ни в одном из примеров гипнотизер не уточняет, откуда он получил эту информацию.

Чтобы сконструировать предложения этого класса, гипнотизер должен:

Шаг 1 — Идентифицировать некоторое внутреннее состояние или переживание клиента, согласующиеся со всей той информацией, которая ему доступна.

Шаг 2 — Сформулировать предложение, в котором утверждается, что он знает о том, что клиент испытывает это переживание.

При конструировании этих предложений гипнотизеру полезно учесть два дополнительных замечания: во-первых, имеется ряд внутренних состояний или переживаний, которые типичны для человека, вводимого в транс, или которые человек будет испытывать всякий раз, когда называется это переживание; например:

любопытство, научение, чувства, мысли, воспоминание, ощущения

Выбор любого из этих внутренних действий в качестве основы конструирования предложения, которое является семантически неточным чтением мыслей, обеспечит успешную подстройку к опыту клиента. Другая прекрасная возможность — использовать любой глагол, который не конкретизирован в отношении репрезентативной системы. Во-вторых, формулируя предложение, ко-

торое основано на приеме чтения мыслей, гипнотизер может использовать его в сочетании с приемом, использующим пресуппозиции, чтобы замаскировать утверждение, которое он делает. Например, вместо того чтобы просто сказать

...вы учитесь...

гипнотизер может употребить такое слово, как *даже*, которое заставляет слушателя признать истинным притязание гипнотизера на чтение мыслей, чтобы извлечь какой-то смысл из коммуникации и сфокусироваться в итоге на вопросе скорости, как это происходит в примере:

...вы учитесь даже быстрее, чем...

Или, во втором примере, обратите внимание на различие между:

...вы можете чувствовать...

и

...вы можете продолжать чувствовать...

В этом примере предикат *продолжать* предполагает, что названная активность (*чувство*) началась до того, как предложение было произнесено; тем самым внимание клиента переключается с того, испытывал или нет он чувство **Х**, на то, когда он *впервые* испытал чувство **Х**. В разделе «Извлеченный смысл» мы дадим более системную трактовку пресуппозиций.

Итак, гипнотизер может прибегнуть к лингвистическим причинным процессам моделирования, которые клиент обычно использует при конструировании своей модели мира и своего текущего опыта, чтобы достичь целей гипнотического сеанса. В частности, поскольку эти процессы моделирования составляют неотъемлемой частью конструирования клиентом мира своего опыта, гипнотизер, посредством умелого использования этих техник, может успешно подстроиться и подвести клиента к желаемым целям гипноза. Эриксон использует эти техники с изяществом и уверенностью мастера.

Трансдеривационные феномены¹

Одной из желательных характеристик коммуникации, которая происходит между гипнотизером и его клиентом, состоит в том, что клиент активно участвует в процессе. Коммуникация будет успешной, когда клиента можно вовлечь в коммуникационный процесс как на сознательном, так и на подсознательном уровнях мышления. Общим для четырех классов феноменов, описанных в этом разделе, является тот факт, что клиент участвует в коммуникационном процессе на подсознательном уровне мышления. Вовлекая клиента в коммуникацию на подсознательном уровне, гипнотизер добивается выполнения сразу нескольких важных задач. Во-первых, когда клиент участвует подсознательно, его сознательный ум не мешает переходу к измененному состоянию сознания — непосредственной цели наведения транса. Во-вторых, поскольку сознание клиента не осуществляет выбор смысла, передаваемого коммуникацией гипнотизера, его реакция — это реакция наиболее соответствующая неосознаваемым потребностям клиента. (Мы напоминаем читателю то, что излагалось в I части.)

В наших повседневных коммуникациях с окружающими нас людьми мы используем ряд стратегий языковой обработки, которые позволяют нам извлекать из речи окружающих смысл слов, фраз и предложений, которые они употребляют. Эти стратегии языковой обработки являются областью исследования психолингвистов (см., к примеру, ссылки на Бевера). Эриксон преуспел в использовании этих механизмов языковой обработки, которые позволяют ему осуществлять коммуникацию с сознательной и

подсознательной сферами психики клиента. В сущности, он достигает этого, предлагая клиенту поверхностную структуру, которая активизирует механизмы обработки, относящиеся в норме к сознанию. В то же время он активизирует дополнительные процессы восстановления смысла, которые находят смысл, доступный подсознанию, но не сознанию клиента. Иногда он использует поверхностные структуры, не являющиеся грамматически правильными. Как правило, это приводит к перегрузке или остановке нормальных механизмов языковой обработки у клиента, тогда как его подсознание извлекает наиболее подходящий смысл для своих целей. Мы начинаем с обзора базовых лингвистических особенностей, необходимых для понимания этих приемов (более подробное обсуждение см. в «Структуре магии», том I, приложение А).

Каждое предложение в любом естественном языке имеет две характерные репрезентации: репрезентацию того, как оно *звучит в реальности* (или, если оно написано, того, как оно на самом деле выглядит), называемую **поверхностной структурой**, и репрезентацию смысла, который оно содержит, называемую **глубинной структурой**. Например, когда человек произносит предложение

Окно было разбито,

поверхностной структурой является репрезентация реальных звуков, издаваемых говорящим человеком, или, в случае письменной репрезентации, написанных слов, как это показано выше. Кроме этой репрезентации данное предложение связано еще с одной репрезентацией, отражающей смысл, который в нем содержится — с глубинной структурой. В данном конкретном случае глубинная структура может быть представлена следующим образом:

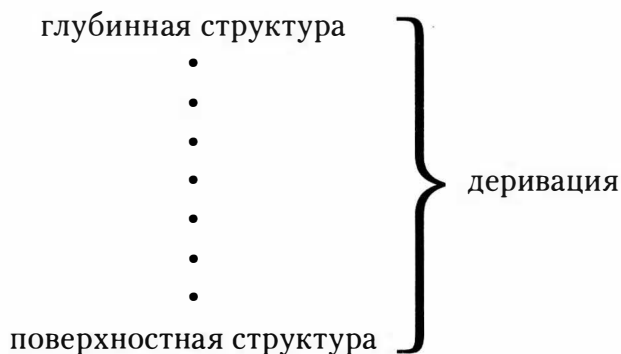
ПРОШЛОЕ (РАЗБИТЬ [кто-то, окно, чем-то])

Эта репрезентация глубинной структуры призвана выразить интуитивное осознание — присущее каждому из нас как носителю своего языка, — того, что когда мы слышим представленную выше поверхностную структуру, то понимаем следующее:

- а) В ПРОШЛОМ произошло некоторое событие.
- б) Событие носило сложный характер и состояло из следующих частей:
 - (1) Действия — РАЗБИВАТЬ — которое имело место между:

- а. агентом — некоторым человеком или предметом, осуществившим разбитие, — представленным здесь в виде *кто-то*;
- б. объектом — некоторым человеком или предметом, который был разбит, — представленным здесь как *окно*;
- в. инструментом — предметом, использованным для разбития, — представленным здесь *чем-то*.

Обратите внимание, что, хотя в поверхностной структуре присутствуют не все части репрезентации глубинной структуры (в данном случае в ней не представлены агент и инструмент), носитель языка обладает этой информацией благодаря своему пониманию предложения. Возможные отличия поверхностных структур от связанных с ними глубинных структур являются областью исследований трансформационных лингвистов. Они постулировали ряд формальных операций картирования, называемых трансформациями, которые в точности оговаривают, как могут отличаться между собой глубинная и поверхностная структуры; процесс, связывающий глубинную структуру с ее поверхностной структурой (или структурами), называют **деривацией**.

Зная эти базовые лингвистические особенности, мы можем приступить к описанию самих паттернов.

Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс

Одним из любимых приемов Эриксона, который он использовал, когда клиент находится как в трансе, так и в «нормальном» состоянии сознания, является рассказ какой-то истории.

Обычно эта история начинается с фразы: «Когда-то у меня был пациент...» Затем Эриксон начинает описывать какой-то реальный или выдуманный случай, релевантный опыту человека, с которым он в данный момент разговаривает. Степень релевантности истории зависит от того, насколько директивным хочет Эриксон быть в своей коммуникации; в целом это зависит от глубины транса клиента. Эриксон использует следующий принцип: клиент прореагирует лучше всего, если релевантность истории находится за рамками сознательного восприятия клиента. Вот пример трансдеривационного поиска смысла, направляемого использованием обобщенного референтного индекса. Если Эриксон произносит предложение:

Вы можете сфокусировать свой взгляд на крае...

референтным индексом местоимения *вы* является клиент — человек, с которым Эриксон разговаривает, — и клиент осознает, что Эриксон относит слово *вы* к нему. Однако когда Эриксон говорит:

Когда-то у меня был пациент...

имеющиеся у клиента нормальные механизмы лингвистической обработки извлекают из этой поверхностной структуры значение глубинной структуры, которое не содержит какого бы то ни было местоимения или существительного, относящегося к самому клиенту. Аналогичным образом, когда клиент слышит следующие фразы:

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения...

Однажды в этом самом кресле сидел человек и очень нервничал...

Официантка хотела добиться для себя чего-то очень важного...

он конструирует для себя глубинную структуру, не содержащую существительного, референтным индексом которого является он сам. Действия Эриксона и реакция, которой он добивается от клиентов, а также наш собственный опыт и реакции, которых мы систематически добиваемся от наших клиентов, убедили нас в том, что на подсознательном уровне происходит дополнительная лингвистическая обработка. Мы обнаружили, что наиболее полезной моделью, которая помогает нам в организации нашего собственного опыта, а также в моделировании работы Эриксона, является трансдеривационный поиск. Этот процесс осуществляется следующим образом:

- а) Клиент слышит грамматически правильную поверхностную структуру.
- б) Клиент восстанавливает родственную глубинную структуру и осознает смысл этой глубинной структуры — тот, который не имеет к нему прямого отношения.
- в) Клиент активизирует трансдеривационный поиск дополнительной глубинной структуры, которая наиболее релевантна его текущему опыту.

Этот последний шаг требует более подробного объяснения. Клиенты находят дополнительные глубинные структуры не наобум; глубинные структуры, которые они находят, связаны системным образом с первоначально восстановленной глубинной структурой. В частности, клиенты находят глубинные структуры, которые идентичны по форме восстановленной глубинной структуре, за исключением того, что они используют в качестве замены существительные с референтными индексами, которые указывают на элементы их текущего поведения, тем самым делая их максимально релевантными себе. Мы проиллюстрируем это на примере. Клиент слышит поверхностную структуру:

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения

Используемые механизмы нормальной лингвистической обработки извлекают родственную глубинную структуру²:

МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ [ВСЕ (люди, возможности научения)])

Поэтому, изображая в визуальной форме весь процесс, произошедший на данный момент, мы имеем:

**МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ
[ВСЕ (люди, возможности научения)])**

•
•
•
•
• } деривация 1

Люди могут извлечь максимум
из возможностей научения

Теперь, следуя принципу трансдеривационного поиска, клиент начинает подсознательный процесс нахождения глубинной структуры, которая идентична по форме восстановленной глу-

бинной структуре с существительными, имеющими референтные индексы, релевантные его текущему опыту и поставленные на позиции существительных, которые присутствуют в восстановленной глубинной структуре, но которые не имеют референтного индекса, релевантного его опыту в данный момент. Восстановленная глубинная структура содержит два существительных, которые не имеют референтного индекса, релевантного текущему опыту клиента; следовательно, только что найденные глубинные структуры будут идентичны восстановленной с новыми существительными, поставленными в качестве замены на эти позиции. Клиент выберет, среди прочих, следующую глубинную структуру:

МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ [*я, эта конкретная возможность научения*])

Иначе говоря, среди глубинных структур, идентичных первоначально восстановленной, присутствует та, которая приведена выше, — та, которая имеет родственную поверхностную структуру:

Я (клиент) могу извлечь максимум из этой возможности научения

Тем самым в процессе трансдеривационного поиска клиент находит значение, которое наиболее релевантно его текущему опыту. С помощью этого приема Эриксон успешно подстраивается к текущему опыту клиента, предоставляет клиенту предельную свободу самостоятельно извлекать смысл и тем самым активно участвовать в процессе коммуникации, а также избегает инструктирования клиента таким образом, о котором тот осознает (не будет никакого «сопротивления», поскольку Эриксон не дает никаких направляющих указаний, которым можно было бы сопротивляться).

Эта техника трансдеривационного поиска представляет собой паттерн, присущий всем феноменам, описанным в этом разделе. Помня об этом, мы предлагаем следующий формальный паттерн трансдеривационного поиска:

глубинная структура 1	глубинная структура 2	...	глубинная структура n
•	•		•
•	•		•
•	→		•
•	процессы		•
•	трансдериваци-		•
•	онного поиска		•
•	•		•
поверхностная структура 1	поверхностная структура 2	...	поверхностная структура n

Иначе говоря, клиент восстанавливает глубинную структуру, которая соответствует поверхностной структуре, произносимой Эриксоном, затем находит ряд глубинных структур, идентичных во всем, кроме референтных индексов. Из этой совокупности клиент затем выбирает глубинную структуру, которая наиболее релевантна его текущему опыту.

После описания модели трансдеривационного поиска очень легко сконструировать высказывания, содержащие обобщенные референтные индексы. В пошаговом формате этот процесс можно представить следующим образом.

Шаг 1. Определите сообщение, которое, согласно вашему желанию гипнотизера, должно быть понято клиентом подсознательно.

Шаг 2. Составьте предложение (или ряд предложений), которое передает это сообщение непосредственным образом.

Шаг 3. Замените все существительные, имеющие референтные индексы, которые указывают на клиента, и существительные, имеющие референтные индексы, которые указывают на текущую ситуацию и проблему, на существительные, не относящиеся к клиенту, текущей ситуации или проблеме, с которой вы имеете дело.

Как уже говорилось, то, в какой степени необходимо заменять существительные, относящиеся к клиенту, текущей ситуации и разрешаемой проблеме, зависит от таких факторов, как глубина состояния транса у клиента. Общий принцип таков: подразумеваемый смысл не должен распознаваться клиентом сознательно. Здесь феноменальные визуальные и аудиальные способности Эриксона выявлять малейшие изменения в позе и голосе клиента становятся его основными средствами определения того, насколько экстенсивной должна быть замена релевантных существительных.

Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс с внушенной заменой существительного

Иногда Эриксон применяет метод активизации трансдеривационного поиска посредством обобщенного референтного индекса, используя определенное дополнение. К этому типу относятся следующие примеры:

Люди могут, Сьюзен, извлечь максимум из возможностей научения.

Люди, Сьюзен, могут извлечь максимум из возможностей научения.

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения, Сьюзен.

Здесь Эриксон использует ту же технику, которая была описана в последнем разделе, с добавлением существительного, которое клиент, согласно желанию Эриксона, должен поставить на позицию существительного, когда он (клиент) будет подбирать ряд родственных глубинных структур, а именно: существительное с референтным индексом, указывающим на самого клиента. Процедура конструирования обобщенного референтного индекса с внушенной заменой существительного идентична процедуре конструирования самого обобщенного референтного индекса с добавлением шага 4.

Шаг 4. Вставьте в предложение, являющееся результатом первых трех шагов, существительное, которое вы как гипнотизер, желаете видеть включенным клиентом в ряд родственных глубинных структур, найденных им в процессе трансдеривационного поиска.

Это добавление желательного референтного индекса существительного повышает вероятность того, что клиент выберет родственную глубинную структуру, содержащую сообщение, соответствующее тому, которого и добивался гипнотизер. Позиция в предложении, на которую ставится внушенное существительное, вызывает разные эффекты. Этот момент будет обсужден в разделе «Подчиненные встроенные структуры».

Нарушения ограничений на сочетаемость

В каждом естественном языке существуют слова, называемые *предикатами*, которые описывают отношения или процессы. Эти слова указывают на специфические категории опыта в моделях людей, говорящих на данном языке. Определенные процессы или отношения имеют место только между специфическими частями моделей опыта говорящих. Например, мы уверены, что ни одному из читателей не приходилось сталкиваться с ситуацией, когда процесс, обозначенный предикатом *пить*, был бы связан с объектом, обозначенным словом *номинализация*, как это происходит в предложении:

Эта номинализация выпила два стакана апельсинового сока.

Лингвисты характеризуют странную ситуацию, изображенную в этом предложении, как нарушение ограничений на сочетаемость. В частности, говорят, что предикату *пить* присущи ограничения на сочетаемость, которые требуют, чтобы он употреблялся только с существительными, обозначающими существа, наделенные чувствами. Поскольку *номинализация* не относится к таким существам, вышеприведенное предложение содержит нарушение ограничений на сочетаемость, объясняющее его странный вид.

Эриксон использует нарушения ограничений на сочетаемость, чтобы заставить клиента предпринять трансдеривационный поиск смысла. К примеру, Эриксон говорит:

...помидорный куст может хорошо себя чувствовать...

При стандартном использовании предиката *чувствовать* ограничения на сочетаемость требуют, чтобы существительное, выступающее в качестве его субъекта, было животным или человеком. Для большинства людей приведенное выше предложение выглядит странно: нарушено ограничение на сочетаемость предиката *чувствовать*. Предложение в определенной степени лишено смысла. В контексте гипноза это нарушение ограничений на сочетаемость озадачивают клиента, который, стараясь извлечь смысл из коммуникации Эриксона, активизирует трансдеривационный поиск возможных релевантных значений. В этом случае восстановленным глубинным структурам будет идентичен ряд глубинных структур, найденных в процессе трансдеривационного поиска, которые будут отличаться лишь существительным, поставленным на позицию (позиции) существительного (суще-

ствительных), вызвавшего нарушение (нарушения) ограничений на сочетаемость. Используя в качестве примера вышеприведенное предложение, мы имеем:

МОЖЕТ (ЧУВСТВОВАТЬ

СЕБЯ ХОРОШО
(помидорный куст))

глубинная
структура 2

...

глубинная
структура п

•
•
•
•
•
•

процессы
трансдериваци-
онного поиска

•
•
•
•
•
•

•
•
•
•
•
•

помидорный куст
может чувствовать
себя хорошо

поверхностная
структура 2

...

поверхностная
структура п

Одной из глубинных структур, найденных в процессе трансдеривационного поиска, будет глубинная структура, связанная с поверхностной структурой:

...я (клиент) могу хорошо себя чувствовать...

И снова, как и в приеме с обобщенным референтным индексом, Эриксон иногда вставляет существительное с референтным индексом, которое, согласно его желанию, клиент должен выбрать из ряда дополнительных глубинных структур, найденных при трансдеривационном поиске. Например, Эриксон говорит:

...помидорный куст может, Джо, хорошо себя чувствовать...

В пошаговом формате гипнотизер может использовать эриксоновскую технику, нарушающую ограничения на сочетаемость, в следующей конструкции.

Шаг 1. Определите сообщение, которое, как вы, будучи гипнотизером, желаете, должно быть понято клиентом подсознательно.

Шаг 2. Составьте предложение (или ряд предложений), которое передает это сообщение непосредственным образом.

Шаг 3. Замените существительные, имеющие референтные индексы, которые указывают на клиента, текущую ситуацию или разрешаемую проблему, существительными,

нарушающими ограничения на сочетаемость предикатов, с которыми они употреблены.

Шаг 4 (необязательный). Вставьте в предложения, которые являются результатом первых трех шагов, существительное (существительные), которое вы как гипнотизер желаете видеть встроенным клиентом в качестве замены в ряд родственных глубинных структур, найденных в процессе трансderivационного поиска.

Эриксон часто вставляет метакомментарии, касающиеся самого процесса, который он использует в текущей коммуникации. Например, он говорит³:

...помидорный куст может, Джо, хорошо себя чувствовать... смешно говорить о том, что помидорный куст хорошо себя чувствует, не правда ли, Джо...

Этот вид метакомментирования обеспечивает активизацию клиентом трансderivационного поиска. Эриксон привлекает внимание клиента к нарушению ограничений на сочетаемость.

Опущения

В примере, приведенном в начале этого раздела:

Окно было разбито,

мы указали, что глубинная структура, связанная с этой поверхностной структурой, была более полной, содержала больше элементов:

ПРОШЛОЕ (РАЗБИТЬ [кто-то, окно, чем-то])

В частности, в процессе деривации, когда репрезентация глубинной структуры отображается на поверхностной структуре, несколько элементов репрезентации глубинной структуры были опущены или удалены и не появились в поверхностной структуре. В примере, используемом нами здесь, и агент — человек или предмет, которые разбили окно, — и инструмент — предмет, которым окно было разбито, — не имеют репрезентации в поверхностной структуре. Этот пример демонстрирует лингвистический процесс опущения.

Эриксон применяет процессы опущения для того, чтобы побудить клиента активизировать трансderivационный поиск смысла. Например, Эриксон говорит:

...так приятно...

...вы усвоили так быстро...

...я узнал от вас так много...

В каждом из этих примеров Эриксон использовал один из процессов грамматического опущения, удалив элемент репрезентации глубинной структуры, в результате чего он не появляется в поверхностной структуре. Умело используя эти процессы естественного языка, гипнотизер предоставляет клиенту максимальную свободу в интерпретации для себя отсутствующих частей глубинной структуры. Так, в вышеприведенных примерах были опущены следующие части:

...так приятно...

Приятно кому?

...вы усвоили так быстро...

Что именно было усвоено?

...я узнал от вас так много...

Что именно я узнал от вас?

Поскольку коммуникация Эриксона оставляет эти элементы глубинной структуры связанными с поверхностной структурой, которую он совершенно не конкретизирует, клиент активизирует трансдеривационный поиск, в котором ряд найденных глубинных структур идентичен восстановленной глубинной структуре, за исключением того, что существительные, которые были пропущены в поверхностной структуре, и которые, тем самым, не имеют референтного индекса в репрезентации их глубинной структуры⁴, заменяются некоторым существительным, которое имеет референтный индекс, релевантный текущему опыту клиента.

Второй вид опущения, который Эриксон эффективно использует в своей работе, — это опущение, возникающее в поверхностной структуре, которая сама по себе грамматически неправильна. Например, Эриксон говорит:

...и вы хотите и нуждаетесь...

...вы полностью осознаете столь хорошо...

В каждом из этих примеров конечная последовательность слов не является грамматически правильным предложением, то есть имеет место неграмматическое опущение. Клиент сталкивается с задачей извлечения смысла из коммуникации Эриксона. Он может разрешить ее, активизируя процесс трансдеривационного поиска — в данных случаях ряд найденных глубинных структур идентичен восстановленной (частичной) глубинной структу-

ре, за исключением того, что они отличаются законченностью. Клиент находит ряд структур с включенными элементами, которые отсутствовали в восстановленной (частичной) глубинной структуре (что делало ее неграмматической):

...и вы хотите и нуждаетесь... *Что вы хотите и в чем вы
нуждаетесь*

...вы полностью осознаете *Что вы полностью осознаете
столь хорошо...* *столь хорошо*

То есть клиент находит глубинные структуры с существительными, имеющими референтные индексы, релевантные его текущему опыту, на позициях, в которых Эриксон сделал неграмматические опущения. Наш опыт показывает, что, когда клиенту предлагают большое количество таких неграмматических опущений, он, по-видимому, полностью отказывается от попыток решить задачу извлечения смысла из коммуникации, и его механизмы нормальной лингвистической обработки дают сбой.

Чтобы сконструировать предложения, использующие эти принципы опущения, гипнотизер может:

- 1) идентифицировать сообщение, которое клиент должен понять подсознательно;
- 2) составить предложение, которое передает это сообщение;
- 3) опустить существительные в составленном предложении, пока
 - а) не будет удалено максимальное количество существительных, но так, чтобы при этом предложение оставалось грамматически правильным;

или

- б) не будет пропущено такое количество существительных, какое желательно гипнотизеру, независимо от того, является ли или нет конечное предложение грамматически правильным.

Номинализации

Лингвисты используют термин **номинализация** для обозначения результата лингвистического процесса превращения предиката глубинной структуры в существительное поверхностной

структуры. Например, номинализациями являются следующие слова, выделенные курсивом:

<i>разочарование</i>	разочаровывать
<i>удовлетворение</i>	удовлетворять

Слова, находящиеся справа от этих номинализаций, являются неноминализованными поверхностно-структурными предикативными формами этих глубинно-структурных предикатов. В целом, когда носитель языка использует предикат в поверхностной структуре в предикативной форме, он должен включить информацию о предметах или людях, процесс между которыми описывает предикат. Однако в номинализованной форме отсутствует требование, чтобы была предоставлена подобная информация при использовании предиката. Это позволяет говорящему избежать конкретизации того, о чем он говорит. Это также предоставляет слушателю широкий выбор в отношении того, как ему проинтерпретировать коммуникацию или какой смысл из нее извлечь.

В контексте гипнотической работы номинализация приобретает позитивное значение в том, что она предоставляет клиенту возможность активизировать трансдеривационные процессы в его поиске смысла коммуникации, исходящей от гипнотизера. К примеру, клиент слышит, как гипнотизер говорит:

...удовлетворение...

Глубинно-структурная репрезентация этой номинализации имеет следующий вид:

УДОВЛЕТВОРЯТЬ (*кто-то/что-то, кого-то, кем-то/чем-то*)

Иначе говоря, глубинно-структурный процесс УДОВЛЕТВОРЯТЬ включает человека или предмет, производящего удовлетворяющее действие, человека, который испытывает удовлетворение, и кого-то или что-то, способствующего процессу удовлетворения (инструмент). Поскольку в поверхностной структуре коммуникации Эриксона не появляется ни одно из этих существительных, глубинная структура, восстановленная клиентом, не имеет референтных индексов для существительных, являющихся частями репрезентации глубинной структуры. Поэтому он активизирует процессы трансдеривационного поиска, чтобы извлечь для себя буквальный смысл, тем самым выбирая из ряда найденных глубинных структур наиболее адекватное и релевантное значение. Номинализации особенно полезны при подстройке

к переживаниям клиента и их ведении, когда последние находят малое отражение в телесных движениях, действиях и речи клиента.

Чтобы сконструировать предложения, использующие эту технику, гипнотизер может:

- 1) идентифицировать тип поведения, к которому он хочет подстроиться или к которому он хочет вести клиента;
- 2) составить предложение, в котором используется предикат, описывающий переживания;
- 3) опустить все существительные и превратить предикат в его номинализованную форму.

Выбирая переживания, к которым следует подстроиться или которые нужно вызвать у клиента в данный момент, гипнотизер должен понимать, что существуют определенные предикаты, которые описывают или легко вызывают у клиентов те или иные переживания в контексте гипноза. Как и в случае чтения мыслей, выбор одного из этих предикатов обеспечит успешную коммуникацию между гипнотизером и клиентом. Вот примеры таких предикатов:

любопытствовать, удовлетворять, узнавать, думать, чувствовать и т. д.

Неопределенность

В процессе нормальной коммуникации на естественном языке преимущество обычно отдается предложениям, не являющимся неопределенными, — предложениям, которые имеют только одно значение. В контексте гипноза происходит обратное. Способность гипнотизера придумать неопределенные предложения весьма облегчает ему задачу подстройки и ведения клиента в его работе с трансом. Лингвисты формально характеризуют лингвистический феномен неопределенности как ситуацию, в которой одиночная звуковая последовательность или поверхностная структура связаны с более чем одной деривацией и, следовательно, более чем одной глубинной структурой. В визуальной форме мы можем представить неопределенность таким образом:

Теперь мы переходим непосредственно к конструированию четырех различных типов неопределенности.

Фонологическая неопределенность

Фонологическая неопределенность зависит от того факта, что в естественных языках разным значениям определенных слов или

фраз соответствует одна и та же звуковая последовательность. К примеру, возьмем слово *запал* (как существительное и как глагол). При отсутствии какого-либо дополнительного контекста звуковая последовательность *запал* имеет два значения: именное значение, которое обозначает детонатор у взрывного устройства, и глагольное значение, которое описывает быстрое «проваливающееся» движение определенного типа (в прошедшем времени). Если гипнотизер хочет воспользоваться фонологической неопределенностью, он может:

Шаг 1. Идентифицировать сообщение, которое он хочет адресовать клиенту.

Шаг 2. Выписать слова, которые включены в сообщение.

Шаг 3. Проверить каждое слово в перечне и определить, являются ли какие-то из них фонологически неопределенными (отметьте, что гипнотизеру крайне важно либо произнести слова из перечня вслух, либо использовать внутренний аудиальный диалог и проговорить их, так как слова, которые в своей письменной, визуальной форме не являются неопределенными, иногда бывают неопределенными, когда они воспринимаются на слух, например *кот/код*).

Шаг 4. Использовать неопределенные слова в своей поверхностной структуре, адресованной клиенту, производя аналоговое маркирование слов (см. приемы аналогового маркирования в разделе «Подчиненные встроенные структуры»).

Синтаксическая неопределенность

Синтаксические неопределенности имеют место, когда синтаксическая функция слова не может быть определена уникальным образом исходя из непосредственного контекста. Например, в предложении:

They are visiting relatives

(Они посещают родственников. Они — гостящие родственники)

невозможно определить, функционирует ли слово *visiting* в качестве глагола поверхностной структуры, который следует сгруппировать с глаголом *are*, как это происходит в примере:

They are visiting orange groves

(Они посещают апельсиновые рощи),

или он функционирует как причастие поверхностной структуры, которое следует сгруппировать с *relatives* (родственники), как это происходит в примерах:

They are relatives who are visiting here with us

(Они — родственники, которые гостят у нас)

или

They are traveling relatives

(Они — путешествующие родственники).

В работе Эриксона мы обнаружили две формы синтаксической неопределенности. Вот они:

1) ...Глагол + *ing* + Существительное

...Flying planes can be dangerous (Летающие самолеты могут быть опасны; полеты на самолетах могут быть опасны)

...Investigating FBI agents can be dangerous (Дознание агентов ФБР может быть опасно)

They are murdering peasants... (Они убивают крестьян; они — убивающие крестьяне)

They are walking dogs... (Они выгуливают собак; это гуляющие собаки)

2) ...Номинализация существительного...

...The touch of the man... (Касание человека)

...The feeling of the couch... (Чувство кушетки)

Гипнотизер может использовать каждую из этих синтаксически неопределенных форм, применяя следующую процедуру конструирования.

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которые вы как гипнотизер хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Представьте сообщение в одной из синтаксически неопределенных форм, перечисленных выше.

Неопределенность границ

Неопределенность границ имеет место, когда после изучения непосредственного лингвистического контекста нельзя определить, в какой степени к этому предложению относится какой-то элемент этого предложения. Например, Эриксон говорит:

Я хочу, чтобы вы нарисовали мне самого себя в обнаженном виде.

В данном случае коммуникация двусмысленна, поскольку в *обнаженном виде* может в равной степени означать то, что Эриксон хочет, чтобы слушатель разделся, когда он будет рисовать свой портрет, или то, что слушатель должен изобразить себя на картине раздетым.

Одна из любимых рамочных неопределенностей Эриксона связана с возрастной регрессией. В процессе индукции он многозначительно смотрит на клиента и говорит:

...speaking to you as a child...

(разговаривая с вами как с ребенком; разговаривая с вами как ребенок)

Разумеется, неопределенность здесь состоит в том, относятся ли слова *as a child* (как ребенок) к Эриксону или к клиенту; результатом становится неопределенность границ, которая вызывает у клиента возрастную регрессию.

Пунктуационная неопределенность

В этой книге мы идентифицировали пунктуационную неопределенность в случаях, когда Эриксон использует последовательность слов, которая является результатом наложения двух грамматически правильных поверхностных структур, имеющих общее слово или фразу. Например, Эриксон говорит:

I want you to notice your hand me the glass.

Эту грамматически неправильную поверхностную структуру можно разложить на две грамматически правильные поверхностные структуры с общим опорным словом *hand* ⁵:

I want you to notice your hand

(Я хочу, чтобы вы обратили внимание на свою руку)

и

Hand me the glass (Передайте мне стакан).

Все случаи пунктуационной неопределенности приводят к грамматически неправильным поверхностным структурам. Наш опыт использования этого приема показывает, что он очень эффективен и что клиент обычно либо незамедлительно реагирует на поданную команду, либо почти сразу же прекращает нормальную лингвистическую обработку. Гипнотизер может сконструировать предложения, использующие эту технику, выполняя следующие указания.

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которое вы, как гипнотизер, хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Проверьте каждое слово в сообщении, чтобы определить, не являются ли они фонологически неопределенными.

Шаг 3. Составьте два предложения, одно из которых имеет фонологически неопределенное слово в качестве последнего слова в предложении, а второе является командой, в которой неопределенное слово будет первым словом в предложении.

Шаг 4. Опустите первое слово второго предложения и произнесите всю последовательность, адресовав ее клиенту.

Вы облегчите себе задачу овладения этим навыком (а также другими, здесь представленными), если выделите совокупность фонологически неопределенных слов, которые появляются естественным образом в вашей работе. Одной такой совокупностью, которую мы находим очень полезной, являются слова, относящиеся к телесным органам (слова, которые называют части и функции тела, например *рука*, *плечо*) — фонологически неопределенные слова, родственные перечисленным во II части этой книги в разделе, посвященном неопределенности.

Подчиненные встроенные структуры

Согласно лингвистическому анализу поверхностных структур, существует еще один уровень репрезентации, доступный носителям языка, — репрезентация смысла, или глубинная структура. Например, поверхностная структура:

Я надеюсь, что вы чувствуете себя лучше

включает два законченных предложения в глубинной структуре, одно из которых соответствует предложению:

...я надеюсь X...

а другое — предложению:

...вы чувствуете себя лучше...

Мы называем это последнее предложение подчиненной встроенной структурой полного предложения. Эриксон преуспел в экстенсивном и умелом использовании этого паттерна в своей гипнотической работе. Существует три основных типа подчиненных встроенных структур: встроенные вопросы, встроенные команды и цитаты.

Встроенные вопросы

В английском языке (как и в русском. — *Примеч. перев.*) есть несколько предикатов, которые имеют в качестве своих объектов законченное предложение, характеризующееся как вопрос. К примеру, предикаты *интересоваться*, *задаваться вопросом*, *любопытствовать*, *узнавать*, *(не) понимать* требуют после себя придаточного предложения с частицей *ли*:

Интересно, ...ли...

Я задаюсь вопросом, ...ли...

Любопытно, ...ли...

Когда носителю языка задают вопрос:

Знаете ли вы, где ваше колено?

Он обычно отвечает либо *да*, либо *нет*, и коммуникация на этом завершается. Однако когда носитель языка слышит встроенный вопрос

Интересно, знаете ли вы, где ваше колено,

поскольку об ответе не просят (не было задано никакого вопроса; следовательно, отвечать необязательно), человек, как правило, не дает прямого ответа. Наш опыт показывает, что клиенты все-таки отвечают про себя. Иначе говоря, когда они слышат встроенный вопрос, то обычно внутренне реагируют, как если бы встроенный вопрос был задан непосредственно. Существует несколько способов использования гипнотизером этого скрытого ответа. Во-первых, поскольку он знает, что клиент отвечает про себя на встроенные вопросы, он знает о части переживаний клиента, которые тот считает неизвестными гипнотизеру, — прекрасная ситуация для эффективного чтения мыслей. Во-вторых, умело подбирая встраиваемый вопрос, гипнотизер может вести клиента в направлении, являющимся целью гипнотической работы. Сконструировать встроенные вопросы позволит вам следующая процедура.

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которое вы как гипнотизер, хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Сформулируйте вопрос, который подведет клиента к адресуемому ему сообщению.

Шаг 3. Присоедините вопрос к одному из глаголов, перечисленных выше, чтобы получить встроенный или косвенный вопрос.

Эта техника становится намного более действенной в сочетании с пресуппозициями и аналоговым маркированием.

Встроенные команды

В качестве одного из способов определения того, насколько восприимчив клиент в тот или иной момент времени, вы как гипнотизер можете подать ему команду, на которую он должен про-

реагировать видимым для вас образом, но не осознавая, что вы подали ему подобную команду. Скрытая команда обладает всеми прочими преимуществами, о которых мы упоминали ранее; например, она позволяет избежать авторитарного подхода и тем самым сопротивления; способствует активному участию со стороны клиента на подсознательном уровне поведения.

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которое вы как гипнотизер, хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Сопроводите сообщение командой.

Шаг 3. Найдите поверхностную структуру, с которой команда согласуется, не делая результат неграмматическим.

И снова эффективность этого приема резко повышается, когда он сочетается с аналоговым маркированием. Вот примеры результата этого процесса:

...помидор может, Джо, почувствовать себя лучше...

...люди способны быстро научиться...

Цитаты

Описывая друг другу свои переживания при вербальной коммуникации, мы иногда предпочитаем привести дословно часть разговора или вербального обмена, который состоялся у нас с каким-то человеком в прошлом. Например, рассказывая о чем-то, мы можем произнести следующие слова:

...Да, а затем он сказал мне: «Почешите себе нос»...

Языковой материал внутри кавычек (выделяемый изменением голоса при аудиальной репрезентации) — цитата. Слушатель на сознательном уровне понимает, что это команда, адресованная человеку из рассказа, а не слушателю. Однако последовательный эффект, которого Эриксон добивается с помощью цитируемого материала (а также наш собственный последовательный опыт его использования), такой же, как если бы он адресовал команду непосредственно слушателю, за исключением того, что слушатель реагирует подсознательно. Эта тенденция зависит от склонности слушателя совершить ошибку логического печатания на подсознательном уровне — то есть прореагировать на метавысказывание (цитируемый материал) так, как если бы оно было на ином логическом уровне (см. Bateson). Использовать эту технику очень легко:

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которое вы как гипнотизер хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Превратите сообщение в команду.

Шаг 3. Придумайте историю, в которой один из героев произносит команду (команды) категорическим тоном.

Действенность каждой из этих трех техник резко возрастает, когда они сочетаются с аналоговым маркированием. Эриксон обычно использует как собственные движения, так и изменения темпа речи и интонации, чтобы маркировать различные элементы поверхностных структур, которые он произносит как независимое сообщение. Благодаря этому ему удается представить несколько сообщений — активизировать одновременно несколько глубинных структур. Аналоговое маркирование вербальной коммуникации и аналоговая коммуникация в целом являются темой второго тома этой книги. В нем будет представлено более подробное обсуждение эффективных приемов Эриксона.

Тем не менее здесь можно указать наиболее базовую стратегию аналогового маркирования, как оно используется Эриксоном.

Шаг 1. Идентифицируйте сообщение, которое вы, как гипнотизер, хотите адресовать клиенту.

Шаг 2. Придумайте ряд предложений, которые включают в качестве истинного подмножества все слова, которые, если их извлечь, передали бы сообщение непосредственно.

Шаг 3. Произведите аналоговое маркирование подмножества слов в коммуникации (посредством изменений интонации, позы, темпа речи и т. д.), чтобы передать включенный смысл.

Извлеченный смысл

Как мы уже указали, каждый из нас, используя для коммуникации систему естественного языка, предполагает, что слушатель может декодировать сложные звуковые последовательности, поняв их значения; то есть что слушатель обладает способностью извлекать смысл глубинной структуры из поверхностной структуры, которую он слышит от нас. Кроме восстановления глубинно-структурного смысла из поверхностно-структурной коммуникации, мы также постулируем сложный навык слушателей извлекать дополнительный смысл из некоторых поверхностных структур благодаря характеру их формы. Несмотря на то что ни говорящий, ни слушатель не могут осознавать этот процесс, он происходит все время. Например, если кто-то говорит:

Я хочу посмотреть кун-фу по телевизору сегодня вечером

мы должны понять, что сегодня вечером по телевизору будет кун-фу, чтобы обработать предложение *Я хочу посмотреть...* и извлечь из него какой-то смысл. Эти процессы называют пресуппозициями естественного языка.

Другим примером извлечения смысла является разговорный постулат; если вы отвечаете на телефонный звонок и кто-то говорит вам: «Нет ли рядом Джейн?», ожидается, что извлеченный вами смысл будет следующим: человек хочет поговорить с Джейн. Это часть нашего повседневного опыта обработки языка. Это также ресурс, который гипнотизеры могут использовать для внушения чего-то клиенту косвенным путем.

Конструирование пресуппозиций

Формальная репрезентация того, что составляет пресуппозиции в естественном языке, выглядит следующим образом: сообщение **А** является пресуппозицией сообщения **В**, когда сообщение **А** представляет собой истинное утверждение, необходимое как для сообщения **В**, так и для сообщения **Не В**:

А является пресуппозицией **В**

если **В** предполагает **А**

и \sim **В** предполагает **А**

Я хочу посмотреть

В

кун-фу по телевизору сегодня вечером

А

Я не хочу смотреть

Не В

кун-фу по телевизору сегодня вечером

А

где \sim означает отрицание.

Оба утверждения предполагают, что сегодня вечером по телевизору будет кун-фу. Следовательно, **А** является пресуппозицией **В** и **не В**.

Мне хочется знать,

В

бросите ли вы курить в воскресенье или понедельник

А

Мне не хочется знать,

В

бросите ли вы курить в воскресенье или понедельник

А

Процедура конструирования пресуппозиций

Шаг 1. Идентифицируйте внушение, которое вы как гипнотизер хотите произвести.

Шаг 2. Составьте предложение, содержащее внушение. Назовите его **А**.

Шаг 3. Выберите один из синтаксических контекстов в приложении, посвященном пресуппозициям, в конце этого тома. Вам на выбор дается 32 варианта.

Шаг 4. Вставьте предложение из шага 2 в синтаксический контекст, который вы выбрали из приложения.

В результате вы получите пресуппозицию. Эриксон использует пресуппозиции почти в каждом аспекте своей работы, и они оказываются очень полезными и эффективными:

Даст ли ваше подсознание знать вашему сознанию, что представляет собой эта ужасная вещь, через пять минут или через десять минут?

Конструирование разговорных постулатов

Существуют две группы разговорных постулатов. Первую изображают в следующей форме:

А — разговорный постулат, когда **А** является вопросом «да/нет», сконструированным исходя из пресуппозиции, **В**

В — предложение «Я хочу, чтобы вы открыли дверь», или «откройте дверь»; **В** содержит пресуппозиции:

(1) Вы можете открыть дверь;

(2) Дверь закрыта.

То есть разговорный постулат можно сконструировать, превратив (1) или (2) в вопросительную форму «да/нет».

(1) Не можете ли вы открыть дверь?

(2) Закрыта ли дверь?

Извлеченным смыслом разговорного постулата является **В**: «Откройте дверь».

Примеры разговорных постулатов, первый тип:

команда

- (3) Не можете ли вы сфокусировать взгляд на том пятне? *Сфокусируйте взгляд на том пятне.*
- (4) Не закроете ли вы плотно глаза? *Плотно закройте глаза.*

Процедуры конструирования, первый тип:

Шаг 1. Идентифицируйте внушения, которое вы хотите сделать.

Шаг 2. Превратите внушение в команду.

Шаг 3. Выберите одну из пресуппозиций команды.

Шаг 4. Образуйте вопрос *да/нет* из одной из пресуппозиций команды.

В результате вы получите разговорный постулат.

Вторая группа разговорных постулатов — это поверхностные структуры наподобие:

- (1) Не нужно двигаться.
- (2) Нет необходимости разговаривать.
- (3) Вы можете ее увидеть.
- (4) Вы можете идти домой.

Примеры (1) и (2) немного отличаются по своей форме от (3) и (4). Первые два являются примерами отрицательных разговорных постулатов, формально изображаемых так:

Любое отрицание, за которым следуют модальный оператор долженствования, а затем **X**, воспринимается как означающее **не X**.

Не X

Не нужно двигаться подразумевает *не двигайтесь*

Нет необходимости разговаривать = *не разговаривайте*

Модальный оператор опускается, и отрицание плюс **X** становятся извлеченным смыслом.

Примеры (3) и (4) являются утвердительными разговорными постулатами, которые можно формально изобразить так:

Любой модальный оператор возможности, за которым следует **Х**, подразумевает **Х**.

Вы можете улыбнуться подразумевает *улыбнитесь*

Теперь вы можете говорить подразумевает *теперь говорите*

Оба примера схожи в том, что передают один и тот же смысл с помощью или без помощи модальных операторов.

Конструирование отрицаний:

Шаг 1 — Идентифицируйте внушение; Держите руку на весу, после того как ее поднимите.

Шаг 2 — Образуйте команду; Не опускайте руку.

Шаг 3 — Вставьте команду, поместив модальный оператор долженствования между отрицанием и командой. Не нужно опускать руку.

Процедура конструирования утвердительных постулатов:

Шаг 1 — Идентифицируйте внушение; Откройте глаза.

Шаг 2 — Превратите внушение в команду; Стив, откройте глаза.

Шаг 3 — Вставьте модальный оператор возможности. Стив, вы можете открыть глаза.

Вот другие примеры этой группы:

Не нужно запоминать. Отрицание: *ничего не запомните.*

Вы можете забыть об этом. Утверждение: *забудьте об этом.*

Запоминание может быть скучным занятием. Утверждение: *запоминать скучное занятие.*

Не нужно прислушиваться
ни к чьим голосам.

Отрицание: *не прислушивайтесь
ни к чьим голосам.*

Вам нет необходимости меня
слушать.

Отрицание: *не слушайте.*

Ваше подсознание может
меня слышать.

Утверждение: *слушайте меня под-
сознательно.*

Разговорные постулаты являются исключительно эффективной формой внушения, когда их применяет Эриксон (или вы). Они используют обработку информации на неосознаваемых уровнях такими способами, на которые люди привыкли реагировать. И хотя они звучат не как команды, но являются формой команды, на которую мы все откликаемся почти ежедневно.

Общие особенности двух категорий пресуппозиций и разговорных постулатов таковы.

- а) Они позволяют гипнотизеру инструктировать клиента, не прибегая к прямым наставлениям.
- б) Они позволяют клиенту избирательно реагировать, не делая менее эффективной индукцию гипнотизера или наставления в отношении глубокого транса.
- в) Их эффективность зависит от дополнительной обработки со стороны клиента, в результате чего они еще активнее вовлекают его в гипнотический процесс.

Резюме III части

Лингвистические паттерны, представленные в пошаговом виде в этой части, лежат в основе того, как Милтон Эриксон использует язык в своей гипнотической работе. Следующий уровень паттернов — это использование этих паттернов нижнего уровня в сочетании друг с другом с целью достижения желательного уровня транса и желательного результата внушенных феноменов (анестезии, сдерживания боли, восстановления воспоминаний, снижения веса, возрастной регрессии, психотерапевтических целей и т. д.). То, как Эриксон применяет эти паттерны в сочетании друг с другом, демонстрирует творческое, последовательное и эффективное использование их на метауровне организации. Базовые метапаттерны таковы:

- 1) подстройки и последующего ведения;
- 2) отвлечения и использования доминантного полушария;
- 3) проникновения в недоминантное полушарие.

Они уже были представлены и являются полезными принципами организации вашей собственной гипнотической работы. Существует бесконечное количество вариантов того, как можно объединить паттерны первого порядка. Творческое использование Эриксоном этих паттернов в самых разных контекстах демонстрирует его чуткую и искусную трактовку этих сложностей. Различные способы, которыми можно объединять все эти паттерны и которыми Эриксон сочетает их друг с другом, слишком

многочисленны, чтобы перечислять их в этом I томе. Однако существует несколько простых принципов, относящихся к метапаттернам, которые помогут вам при организации своего опыта, когда вы будете группировать эти паттерны нижнего уровня так, чтобы они как можно действеннее помогли вам достичь желаемой цели, в то же время оставляя вам максимум возможностей использовать свои творческие способности при конструировании индукций, которые будут отвечать вашему собственному стилю и потребностям, когда вы будете практиковать гипноз.

Наиболее ценимые индукция и внушение

Понятие наиболее ценимой индукции и внушения относится к индукции и внушению, которые используют паттерны нижнего уровня для достижения максимально эффективных:

- 1) подстройки;
- 2) отвлечения;
- 3) использования функций доминантного полушария;
- 4) получения доступа к недоминантному полушарию

при помощи минимального количества слов, в то же время согласуясь с моделью мира клиента. Наиболее ценимы будут те вербализации, которые отвечают этим критериям. Конечно, они зависят от контекста и цели гипнотической индукции и внушения. Существует два основных способа конструирования высоко ценимой индукции и внушения.

1. Взаимодействие неосознаваемых значений.

Принцип неосознаваемых значений заключается в том, что индукции и внушения будут наиболее эффективными, когда значения глубинной структуры, которые активизируются (не те, которые воспроизводятся сознательно) трансдеривационным поиском, неопределенностью, подчиненной встроенной структурой, извлеченным смыслом, аналоговым маркированием и причинными моделирующими утверждениями, взаимодействуют, то есть все они дают одно и то же внушение. В результате вероятность того, что клиент воспримет внушение и прореагирует на него, достигает максимума. Например:

Если одной из глубинных структур, обусловленных неопределенностью, является сообщение **P**, одной из подчиненных встроенных глубинных структур является **P**, одной из извлеченных глубинных структур является **P**, аналоговому маркированию подвергнуто сообщение **P** и глубинной структурой, активизированной трансderivационным поиском, является **P**, то подсознательные значения будут максимально взаимодействовать друг с другом и клиент воспримет сообщение **P** и прореагирует на него.

2. Максимальная направленность.

Принцип максимальной направленности заключается в том, что объединенное воздействие сочетающихся паттернов нижнего уровня способствует подстройке к переживаниям клиента и отвлекает при этом доминантное полушарие, используя моделирующие процессы этого полушария, а также одновременно благоприятствует доступу к недоминантному полушарию. Этот принцип формулируется следующим образом.

Если гипнотизер использует паттерны первого уровня для активизации ряда подсознательно найденных и приемлемых значений, переданных в сообщениях **P₁, P₂, P₃ ... P_n**, чтобы для каждой пары сообщений **P₂** и **P_j** отсутствовал конфликт (чтобы они согласовывались друг с другом), то общим эффектом будет максимальная направленность. Ряд подсознательных сообщений подкрепляют друг друга и должны становиться все более осмысленными и направленными к желаемой цели; то есть **P_j** не только не должно отрицать любое другое **P_k**, но **P₁** должно быть логическим шагом, ведущим к **P₂**. Вероятно, это наиболее важный фактор в осуществлении гипнотической работы.

Читатель должен был заметить, что разбирая каждый из паттернов работы Эриксона, которые мы выделили во II части этого тома, мы включили тот же короткий отрывок с отмеченными курсивом выражениями, являющимися примерами паттернов, которые мы только что закончили описывать. Этот отрывок служит прекрасным примером паттернов высокого уровня — принципов наиболее ценимой индукции и внушения, в особенности взаимодействия и максимального наложения. Мы повторяем этот отрывок еще раз для удобства читателя.

Автор незамедлительно ухватился за этот последний комментарий, сделав его основой для первичного сотрудничества с клиентом. Ему сказали: «Пожалуйста, продолжите изложе-

ние своих идей и понятий, позволяя мне иногда прерывать вас, чтобы я мог полностью понять вас и *следовать за ходом вашей мысли*. Например, вы упомянули о кресле, но вы, очевидно, видели и мой письменный стол, и были отвлечены объектами, находящимися на нем. Пожалуйста, дайте полное объяснение.

Он дал вербальный ответ с обилием более или менее связанных комментариев, касавшихся всего, что находилось в поле зрения. При каждой малейшей паузе автор вставлял слово или фразу, чтобы заново направить его внимание. Эти реплики, подававшиеся все чаще и чаще, были следующими:

И это пресс-папье; шкаф с картотекой; ваша стопа на ковре; лампа на потолке; шторы; ваша правая рука на подлокотнике кресла; картины на стене; меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам; проявление интереса к названиям книг; напряжение в ваших плечах; ощущение кресла; неприятные звуки и мысли; тяжесть рук и ног; тяжесть проблем, тяжесть письменного стола; стойка с канцелярскими принадлежностями; истории болезни многочисленных пациентов; феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности; покой релаксации; потребность проследить за своими потребностями; потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой; приятная отрешенность от окружающей обстановки; усталость и ее накопление; неизменный вид письменного стола; монотонность шкафа с картотекой; потребность отдохнуть; приятное чувство, когда закрываешь глаза; ощущение релаксации от глубокого дыхания; радость пассивного научения; способность к интеллектуальному научению с помощью подсознательного.

Было дано множество других схожих коротких реплик, поначалу редких, а затем все более частых.

Сначала эти реплики лишь дополняли ход мысли и высказывания самого пациента. Сперва они просто подталкивали его к приложению дальнейших усилий. Когда удалось добиться этой реакции, стало возможным использовать приятие пациентом стимуляции его поведения, выдерживая паузы и прибегая к задержкам при завершении реплики. Это привело к ожидаемой зависимости пациента от автора, в результате которой ему постоянно требовалась дополнительная, более полная стимуляция (1967, р. 33).

Очевидно, что медицинский работник будет преследовать иную цель, чем психотерапевты, задачи которых отличаются от задач стоматолога, и т. д. Однако понятие наиболее ценимой индукции будет присутствовать в каждом контексте. Более скоротечные индукции сделают гипноз более практичным средством

для каждого специалиста, а более глубокие трансы, хотя они требуются и не всегда, откроют новые горизонты для применения гипноза в других областях. Форма наиболее ценимых индукций останется постоянной, хотя содержание будет меняться в зависимости от ваших целей и клиента, с которым вы работаете. Развернутые паттерны этих индукций будут представлены во II томе. Как мы указали ранее, эта работа содержит только несколько из многочисленных паттернов поведения, столь эффективно используемых Милтоном Эриксоном в его работе с гипнозом. Хотя эта работа может отражать только часть того, что предлагает Эриксон, представленные здесь паттерны сами по себе эффективны. Изучение и экспериментирование в вашей собственной практике покажет, что предшествующие паттерны обеспечивают вас огромным ресурсом для обогащения своих навыков в гипнотической деятельности и основой для дальнейшего исследования вашего потенциала. Скоро выйдет II том. Изучение работы Эриксона стало для нас необыкновенным учебным опытом, — мы надеемся, что оно будет увлекательным и полезным и для вас.

Примечания к III части

1. Наименование этого класса феноменов, *трансдеривационные*, с его удивительной фонологической неопределенностью, относится к процессу, через который, согласно нашей модели, проходит слушатель при извлечении смысла. Услышав поверхностную структуру и восстановив ассоциирующуюся с ней глубинную структуру, которая имеет малую или нулевую явную смысловую связь с его текущим опытом, слушатель активизирует дополнительные глубинные структуры и ассоциирующиеся с ними производные (деривации), которые получаются из первоначально восстановленной глубинной структуры посредством ряда специфицируемых формальных характеристик. То есть слушатель осуществляет поиск среди глубинных структур и связанных с ними дериваций на подсознательном уровне языковой обработки, чтобы извлечь какой-то смысл, релевантный его текущему опыту, — отсюда и термин *трансдеривационный*. Трансдеривационные феномены были впервые постулированы в лингвистической теории Посталом, Перлмуттером и Гриндером (Postal, Perlmutter & Grinder) (Lakoff G., *Some Thoughts on Transderivational Constraints*, ро-тапринт, 1970).

2. Глубинная структура, которую мы здесь описываем, является сильно упрощенным вариантом того, что представляет собой реальная глубинная структура на основании лингвистического анализа. Например, читатель заметит, что слова *возможно-сти* и *научение* сами по себе имеют сложную форму; каждое из них является номинализацией (они извлечены из репрезентации глубинной структуры, в которой первоначально выступали в качестве предикатов). Следовательно, хотя реальная глубинная структура на основании лингвистического анализа и намного сложнее, процессы, которые воспроизводятся здесь в этом упрощенном примере, прилагаются к более сложной структуре таким же самым образом.

3. В этом отрывке содержится прекрасный пример интонационной неопределенности; Эриксон сначала дает метакомментарий:

...смешно говорить о том, что помидорный куст хорошо себя чувствует...

а затем снова комментирует:

...не правда ли, Джо...

В зависимости от интонационного паттерна, который использует здесь гипнотизер, клиент услышит простой заключительный вопрос:

...не правда ли (пауза) Джо...

или прямой метакомментарий:

...не правда ли, Джо...

То есть:

не правда ли, Джо, с которым я говорю о хорошем самочувствии.

4. При стандартном лингвистическом анализе существительные глубинной структуры можно опустить (грамматически), только если они либо сопровождаются еще одним существительным в той же глубинной структуре, которое имеет тот же самый референтный индекс (и находится в определенных конкретизированных структурных отношениях с тем, которое опускается), либо не имеют референтного индекса в репрезентации глубинной структуры.

5. Этот тип пунктуационной неопределенности упоминается у Гриндера и Элджина (Grinder & Elgin, 1973) под названием «наложенное опущение» (*overlap deletion*) — прием, иногда используемый в литературном языке и поэзии.

Эпилог

Этот том — первый в предполагаемой серии книг, посвященной изучению паттернов гипнотических техник, используемых Милтоном Эриксоном. В первом томе мы акцентировали внимание прежде всего на вербальных паттернах, которые Эриксон применяет в своей работе. Кроме того, мы сосредоточились на элементах его работы, связанных с наведением транса и использованием внушения, облегчающих клиенту достижение целей гипнотической работы. В последующих томах мы намерены перенести акцент на другие паттерны.

Паттерны работы Эриксона, которые мы освещаем в настоящем томе, нейтральны по отношению к области их применения, то есть они обладают равной ценностью и потенциалом в своих медицинских, стоматологических и психотерапевтических формах. Общим для использования гипноза в каждой из этих трех областей является то, что во время наведения транса и последующей работы с трансом, использующей эффективные эриксоновские паттерны, клиенту помогают достичь измененного состояния сознания, в котором происходит коммуникация между гипнотизером и клиентом и последним могут быть инициированы изменения — поразительные и далеко идущие, но неосознаваемые. На основании нашей работы как в психотерапии, так и в гипнозе мы понимаем и признаем ценность сортировки или выделения элементов сознания клиента, которые помогают ему добиться желаемых изменений. Однако в нашей работе в обеих областях мы делаем упор на такой работе с клиентом, которая объеди-

няет изменения, произведенные в одном состоянии сознания, с его навыками и ресурсами в других состояниях сознания, тем самым снабжая клиента скоординированной, унифицированной и интегрированной моделью мира, с помощью которой он может делать выбор, направляющий его поведение. В главе 6 первого тома и II части второго тома «Структуры магии» мы углубляемся в подробности, предлагая примеры и принципы, лежащие в основе интеграции изменений, которых клиенты добиваются в ходе психотерапии. То есть мы хотим ясно показать тем, кто намерен использовать действенные паттерны, которые мы выделили и смоделировали из работы Эриксона, что использование этих паттернов включает допущения, согласно которым клиент может осуществлять коммуникацию и инициировать изменения, о которых не имеет представления одна из частей его сознания; иначе говоря, использование этих гипнотических паттернов включает диссоциацию части модели мира клиента. Использование этих действенных паттернов требует, чтобы гипнотизер помог клиенту заново объединить его модель, прежде чем завершатся гипнотические отношения. Тем самым клиент начинает по-настоящему контролировать свое поведение и получает доступ к возможностям, ради которых он вступил в гипнотические отношения. Эриксон раз за разом подчеркивает этот момент в своей работе и сочинениях, и мы полностью разделяем его утверждение:

Еще одним распространенным упущением в гипнотической психотерапии является недооценка обособленности или возможного взаимоисключения сознательного и подсознательно-го уровней восприятия. Однако всем нам знакома ситуация, когда слово или имя вертится «на кончике языка», но мы не можем его вспомнить, в результате чего оно так и остается недоступным в конкретной ситуации. Тем не менее исчерпывающая информация содержится внутри подсознания, хотя и оказывается недоступной сознанию.

В гипнотической психотерапии очень часто можно провести удовлетворительную терапию подсознательного, но при этом психотерапевт не в состоянии оценить огромную потребность, заключающуюся либо в том, чтобы позволить пациенту объединить подсознательное с сознательным, либо в том, чтобы в случае необходимости сделать новое понимание подсознательного полностью доступным сознанию. С этим можно сравнить разве что операцию по удалению аппендикса, после которой не удастся зашить хирургический разрез. Многие кабинетные критики наивно порицают гипнотическую психотерапию как лишенную ценности именно по этой причине — поскольку «она занимается только подсознательным». Кроме того, как раз

за разом показывает клинический опыт, еще в большей степени недооценивается тот факт, что применительно к некоторым аспектам проблемы пациента желательна прямая повторная интеграция под руководством психотерапевта; применительно же к другим аспектам подсознание следует лишь сделать доступным для сознания, тем самым обеспечивая спонтанную повторную интеграцию, лишенную какого-либо непосредственного влияния психотерапевта. При правильном подходе гипнотерапия должна быть ориентирована в равной степени на сознание и подсознание, поскольку желанной целью психотерапии является полная интеграция личности.

Milton H. Erickson, *Hypnotic Psychotherapy*, 1948, p. 575, 576

Мы понимаем, что простого указания на необходимость интеграции как финального шага в использовании гипноза недостаточно; скорее требуется развернутая модель того, как гипнотизер может помочь клиенту при интеграции. Этот вопрос рассматривается в части разделов двух томов «Структуры магии» и является одной из главных тем II тома «Паттернов». Мы хотим здесь внести в отношении интеграции полную ясность: одним из преимуществ использования гипноза в терапевтическом контексте является то, что посредством диссоциации клиент способен совладать с ситуацией и инициировать изменения в элементах его модели мира, которые столь сильно обременены негативными эмоциональными ассоциациями, что клиент в нормальном состоянии сознания начинает паниковать или испытывает подавленность. Тем самым, хотя интеграция в нашей модели гипнотической и психотерапевтической работы является непреложным компонентом, нет необходимости требовать, чтобы интеграция произошла незамедлительно; это вошло бы в противоречие с одним из самых очевидных преимуществ гипноза. Эриксон снова ясно высказывается на этот счет:

Однако вышесказанное вовсе не означает, что интеграция должна постоянно идти в ногу с психотерапевтическим процессом. Одно из важнейших преимуществ гипнотерапии заключается в возможности независимой работы с подсознанием, которой не мешает нежелание или иногда действительная неспособность сознания признать терапевтические успехи. Например, одна пациентка добилась полного подсознательно-го инсайта, разобравшись в периодических ночных кошмарах инцестуального характера, от которых она страдала, но она спонтанно объявила в трансе: «Теперь я понимаю эти ужасные сновидения, но я не могла бы вынести подобного понимания в сознательном состоянии». Этим высказыванием пациентка

продемонстрировала оберегающую роль подсознания по отношению к сознанию. Использование этой оберегающей функции в качестве мотивирующего фактора позволило пациентке впоследствии осознанно принять свои подсознательные инсайты.

Экспериментальные исследования раз за разом демонстрируют, что хорошее подсознательное понимание, которому позволяют стать сознательным прежде, чем появляется сознательная готовность, приводит к сознательному сопротивлению, отрицанию, вытеснению и даже утрате посредством вытеснения подсознательных достижений. Поэтому обособленная работа с подсознанием позволяет умерить и проконтролировать скорость прогресса пациента и тем самым обеспечить повторную интеграцию в такой манере, которая приемлема для сознания.

M. Erickson, *Hypnotic Psychotherapy*, 1948, p. 576

СЕЙЧАССССССССССС

Приложение

Синтаксический контекст для идентификации пресуппозиций естественного языка

Цель представления материала в этом приложении — показать охват и сложный характер такого феномена естественного языка, как пресуппозиции. Вдобавок, перечисляя некоторые из наиболее распространенных синтаксических контекстов, в которых появляются пресуппозиции, мы предоставляем возможность попрактиковаться тем ученикам, которые хотят обострить свою интуицию при распознавании пресуппозиций. Перечень синтаксических контекстов не является исчерпывающим; мы также не пытаемся представить все теории, предложенные различными лингвистами, логиками, семантиками или философами для объяснения пресуппозиций. Мы ставим перед собой более практическую цель.

В настоящее время пресуппозиции — важная тема исследования для ряда лингвистов, особенно для тех, кто считает себя генеративным семантиком. При составлении этого перечня синтаксических контекстов мы прибегли к многочисленным заимствованиям из работы Лаури Картуннена. Источники см. в библиографии.

I. Простые пресуппозиции. Это синтаксические контексты, в которых требуется наличие некоторой данности для того, чтобы предложение имело смысл (было либо истинным, либо ложным).

а) **Собственные имена**

(Джордж Смит рано ушел с вечеринки.)

→ (Существует некто по имени Джордж Смит.)

где → означает пресуппозицию.

б) **Местоимения:** она, он, они и т. д.

(Я видел, как он ушел.)

→ (Существует некий мужчина [он].)

в) **Определенные дескрипции:** сложные аргументы существительного.

(Мне понравилась женщина с серебряными серьгами.)

→ (Существует некая женщина с серебряными серьгами.)

г) **Родовые наименования:** аргументы существительного, обозначающие целую категорию.

(Если вомбатов лишают возможности лазать по деревьям, они начинают грустить.)

→ (Существуют вомбаты.)

д) **Некоторые кванторы:** все, каждый, тот же, многие, один, никто и т. д.

(Если появится хотя бы один дракон, я удеру.)

→ (Существуют драконы.)

II. Полные пресуппозиции. Случаи, в которых предполагается нечто большее, чем простое наличие элемента.

а) **Относительные предложения:** сложные аргументы существительного, когда за существительным следует фраза, начинающаяся с *кто, который* или *что*.

(Несколько женщин из тех, которые с вами разговаривали, покинули магазин.)

→ (С вами разговаривали несколько женщин.)

б) **Придаточные предложения времени:** предложения, идентифицируемые ключевыми словами *перед тем как, после того как, в то время как, когда, с тех пор как, прежде чем, пока* и т. д.

(Если судья и был на месте, *когда я остановился у его дома*, он не открыл дверь.)

→ (Я остановился у дома судьи.)

- в) **Расщепленные предложения:** предложения, начинающиеся с аргумента *It {was, is}*.

(*It was the extra pressure which shattered the window* — Именно повышенное давление и разбило это окно)

→ (Нечто разбило окно.)

- г) **Псевдорасщепленные предложения:** идентифицируются формой *What*.

<Предложение> is <предложение>

(*What Sharon hopes to do is to become well liked* — Чего Шарон хочет, так это хорошо выглядеть.)

→ (Шарон хочет нечто.)

- д) **Акцентированные предложения:** голосовое ударение.

(Если Маргарет разговаривала с ПОЛИЦИЕЙ, нам крышка.)

→ (Маргарет с кем-то разговаривала.)

- е) **Сложные прилагательные:** *новый, старый, бывший, нынешний, предшествующий* и т. д.

(Если Фред нацепит свое *новое* кольцо, это меня убьет.)

→ (У Фреда имелось/имеется старое кольцо.)

- ж) **Порядковые числительные:** *первый, второй, третий, четвертый, следующий* и т. д.

(Если ты сможешь разгадать *третью* загадку, я куплю тебе шоколадку.)

→ (Две загадки были уже разгаданы.)

- з) **Сравнения:** *-ее, более, менее, больше, меньше*.

(Если ты знаешь *больше* классных наездниц, чем Сью, назови мне их.)

→ (Сью знает [по меньшей мере] одну наездницу.)

(Если ты знаешь *более* классных наездниц, чем Сью, назови мне их.)

→ (Сью — наездница.)

- и) **Сравнительные обороты:** *...такой же, как...*
(Если ее дочь *такая же забавная, как* ее муж, мы все здорово повеселимся.)
→ (Ее муж забавный.)
- к) **Слова повторного действия:** *также, тоже, снова, опять, еще раз* и т. д.
(Если она скажет мне это *еще раз*, я ее расцелую.)
→ (Она уже говорила мне это раньше.)
- л) **Глаголы и наречия повторного действия:** глаголы и наречия, начинающиеся с приставок *воз-, вос-, за-* и т. д.: *возвращаться, восстанавливать, заменять, заново* и т. д.
(Если он *возвратится* до того, как я уйду, я с ним поговорю.)
→ (Он был здесь раньше.)
- м) **Квалификаторы,** такие как: *только, даже, кроме, лишь* и т. д.
(*Только* Эми видела грабителей.)
→ (Эми видела грабителей.)
- н) **Глаголы перемены места:** *прийти, уйти, прибыть, уехать, войти* и т. д.
(Если Сэм *ушел* из дома, он пропал.)
→ (Сэм был дома.)
- о) **Глаголы и наречия изменения времени:** *начать, окончить, перестать, продолжить, уже, еще, больше не* и т. д.
(Держу пари, что Гарри *не перестанет* улыбаться.)
→ (Гарри улыбается.)
- п) **Глаголы изменения состояния:** *измениться, превратиться, стать* и т. д.
(Если Мэй *станет* хиппи, это меня удивит.)
→ (Сейчас Мэй — не хиппи.)
- р) **Факитивные глаголы и наречия:** *сознавать, знать, понимать, сожалеть, странно* и т. д.
(*Странно*, что она позвонила Максу ночью.)
→ (Она позвонила Максу ночью.)

- с) **Прилагательные и наречия-комментарии:** *счастливый, удачливый, сногшибательный, потрясающий, отвратительный, невинно, успешно, обязательно* и т. д.
(Просто *потрясающе*, что вы понимаете чувства вашей собаки.)
→ (Вы понимаете чувства вашей собаки.)
- т) **Условные предложения обратного действия:** глаголы в *сослагательном наклонении*.
(Если бы ты послушал своего отца и меня, то не оказался бы в таком нелепом положении.)
→ (Ты не слушал своего отца и меня.)
- у) **Малая вероятность события:** *случиться, все-таки, все же*.
(Если вам *все-таки* захочется поговорить со мной, я буду на городской свалке.)
→ (Я не рассчитываю, что вам захочется поговорить со мной.)
- ф) **Ограничения на сочетаемость:**
(Если мой педагог *забеременеет*, я буду огорчен.)
→ (Мой педагог — женщина.)
- х) **Вопросы:**
(Кто съел документы?)
→ (Кто-то съел документы.)
(Я хочу знать, кто съел документы.)
→ (Кто-то съел документы.)
- ц) **Вопросы-отрицания:**
(Разве вы *не* хотели поговорить со мной?)
→ (Мне показалось, что вы хотели поговорить со мной.)
- ч) **Риторические вопросы:**
(Кого волнует, придете вы или нет?)
→ (Никого не волнует, придете вы или нет.)
- ш) **Ложное «не»:**
(Интересно, *не* ленитесь ли вы немного.)
→ (Мне кажется, что вы ленитесь.)

Библиография

I. General

Bach, E. *Syntactic Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1974.

Bach-y-Rita, P. *Brain Mechanisms in Sensory Substitution*. New York: Academic Press, 1972.

Bandler, R., and Grinder, J. *The Structure of Magic I*. Palo Alto, Calif.: Science and Behavior Books, 1975.

Bandler, R., and Grinder, J. *The Structure of Magic II*. (forthcoming) 1975.

Bever, T. G. «The Cognitive Basis of Linguistic Structure», in J. Hayes (ed.), *Cognition and the Developments of Language*. New York: John Wiley and Sons, 1970.

Chomsky, N. *Syntactic Structures*. Mouton, The Hague, 1957.

Chomsky, N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1965.

Chomsky, N. *Language and Mind*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1968.

Dimond, S., and Beaumont, K. *Hemisphere Function in the Human Brain*. New York: John Wiley & Sons, 1974.

Dimond, S. *The Double Brain*. London: Churchill Livingstone, 1972.

Eccles, J. *Brain and Conscious Experience*. New York: Springer-Verlag, 1966.

Fillmore, C., «The Case for Case,» in E. Bach and R. Harms (eds.), *Universal in Linguistic Theory*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968.

Gardner, H. *The Shattered Mind*, Knopf, 1975.

Gazzainga, M. *The Bisected Brain*. New York: Appleton Century Croft, 1974.

Greene, G. «How to Get People to Do Things With Words,» in *Papers From the 8th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, 1970.

Grinder, J. *On Deletion Phenomena in English*. Mouton, The Hague, 1974.

Grinder, J., and Elgin, S. *A Guide to Transformational Grammar*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.

Gruber, J. «Studies in Lexical Relations». Unpublished doctoral dissertation, MIT, 1965.

Haley,¹ J. *Advanced Techniques of Hypnosis and Therapy*. New York: Grune and Stratton, 1967.

Haley, J. *Uncommon Therapy*. New York: Grune and Stratton.

Horn, L. «A Presuppositional Analysis of *Only* and *Even*» in *Papers From the 5th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, 1969.

Jacobs, R., and Rosenbaum, P. *English Transformational Grammar*. Waltham, Mass.: Ginn/Blaisdell, 1968.

Jeffress, J. A. *Cerebral Mechanisms in Behavior*. New York: Hafner Co., 1967.

Karttunen, L. «Remarks on Presuppositions», at the Texas Conference on Performances, Conversational Implicature and Presuppositions, March 1973, mimeograph.

Katz, J. *Semantic Theory*. New York: Harper and Row, 1972.

Lakoff, G. *Linguistics and Natural Logic*. Ann Arbor: University of Michigan, 1970.

Langacker, R. *Language and Its Structure*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1967.

Levy, J. «Psychobiological Implications of Bilateral Asymmetry,» article in *Hemisphere Function in the Human Brain*. New York: John Wiley&Sons, 1974.

Lyons, J. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge, England: Cambridge University Press.

McCawley, J. «Lexical Insertion in a Transformational Grammar», in *Papers From the 4th Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: University of Chicago, 1968.

Plath, W., and Bever, T. *Specification and Utilization of a Transformational Grammar*. Bedford, Mass.: Air Force Cambridge Research Laboratories, July 1968.

Polya, G. *Patterns of Plausible Inference*. Princeton, N. J.: Princeton Univ. Press, 1954.

Postal, P. «On the Derivation of Pseudo-Adjectives», paper delivered to the 44th Annual Meeting of the LSA, 1969.

Postal, P. «On the Surface Verb *Remind*» in *Linguistic Inquiry*. (1; 1:37–120) 1970.

Ross, J. R. «On Declarative Sentences», in R. Jacobs and P. Rosenbaum, *Readings in English Transformational Grammar*. Waltham, Mass.: Ginn/Blaisdell, 1970.

Sapir, E. *The Selected Writing of Edward Sapir*. Berkeley: University of California Press, D. Mandelbaum (ed.), 1963.

Searle, J. *Speech Acts*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1969.

Weizenhoffer, A. *General Techniques of Hypnotism*. New York: Grune and Stratton, 1957.

Whorf, B. «Grammatical Categories», in J. E. Carroll (ed.), *Language, Thought and Reality*. New York: John Wiley and Sons, 1956.

II. Modeling/Formal Systems/Epistemology

Ashby, W. R. *An Introduction to Cybernetics*. Chapman and Hall, Ltd., and University Paperbacks, 1956.

Bateson, G. *Steps to an Ecology of Mind*. New York: Ballantine Books, 1972.

Boyd, D. *Introduction to Systems Analysis*, (in press) 1975.

Catnap, R. *The Logical Syntax of Language*. Totowa, New Jersey: Littlefield, Adams and Company, 1959.

Copi, I. *Introduction to Logic*. New York: Macmillan, 1961.

Herzberger, H. «The Logical Consistency of Language,» in *Harvard Educational Review*, 35: 469–480, 1965.

Hume, D. *Enquiry Concerning Human Understanding*. Oxford, England: Oxford University Press.

Korzybski, A. *Science and Sanity*. Lakeville, Conn.: The International Non-Aristotelian Library Publishing Company, 4th Edition, 1933.

Miller, G. A.; Galanter, E.; and Pribram, K. *Plans and the Structure of Behavior*. New York: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1960.

Newell, A.; and Simon, H. A. *Human Problem Solving*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1972.

Pribram, K. *Language of the Brain*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1971.

Russell, B. *Introduction to Mathematical Philosophy*. London, England: George Allen and Unwin, Ltd., 2nd Edition, 1921.

Schank, R., and Colby, K. *Computer Models of Thought and Language*. San Francisco: W. H. Freeman and Company, 1973.

Tarski, A. *Introduction to Logic*. New York: Oxford University Press, 1941.

Vaihinger, H. *The Philosophy of «As If.»* London, England: Routledge, Kegan and Paul, Ltd., 1924. 1. References labeled «(Milton H. Erickson) 1967» refer to Haley (ed.), 1967.

Предупреждение читателю

Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) — значимый шаг в развитии человеческого потенциала. Оно предоставляет в распоряжение квалифицированного и уравновешенного практика возможности повышать качество жизни, которые прежде приписывались судьбе, вероятности, генетике, случайности и божественному влиянию. Важно объяснить, хотя бы частично, что я понимаю под фразой — *квалифицированный и уравновешенный*.

Вопрос *квалификации* связан с требованием, соблюдаемым при овладении любым вызывающим интерес набором человеческих навыков, предназначенным для практического использования — с личной дисциплинированностью будущего практика НЛП при упорядочении собственного контекста в целях исследования, изучения и в конечном счете овладения фактической совокупностью паттернов, называемых НЛП. Успех в выполнении этой задачи идентифицирует способного ученика, а результат — специалиста.

Вопрос *уравновешенности* связан с двумя требованиями. Во-первых, со способностью ученика интегрировать набор навыков (которым владеет специалист) во все области своей жизни, как личной, так и профессиональной. Во-вторых, как только эта интеграция специального набора навыков произошла, человек сталкивается с огромной ответственностью, выражающейся в проявлении определенной мудрости при реализации этих возможностей. В этот самый момент бабочка прорывает оболочку кокона, и специалист превращается в мастера.

Все вышесказанное является скорее непрямым способом предостережения будущего практика НЛП. Создается впечатление, что в настоящее время мир переполнен людьми, предлагающими обучение НЛП. Именно с выбора наставника вы, читатель, и можете начать реализацию одной из важнейших способностей, связанных с мастерской практикой НЛП, а именно способности оценить адекватность учителя. Если ваша интуиция предостерегает вас против кого-то, если вы видите несоответствие между словами этого человека и его реальным поведением и результатами, продолжайте поиск подходящей модели.

Джон Гриндер

Tom II
Vol. II

Предисловие к русскому изданию

Продолжим разговор, который мы начали в предисловии к тому I русского издания книги «Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона», успев обсудить лишь вкратце некоторые моменты истории ее написания. Однако вокруг НЛП и эриксоновского гипноза существует множество вопросов.

Вот наиболее часто задаваемые вопросы участников тренинговых программ, которые проходят в нашем Центре НЛП в образовании по этой тематике:

- Как конкретно проходило моделирование Эриксона?
- Гипноз — это манипуляция?
- Что нового своей книгой хотели сказать Джон Гриндер и Ричард Бэндлер?
- Чем же отличается эриксоновский гипноз от НЛП?
- Остался ли удовлетворен Милтон Эриксон работой Джона и Ричарда?

Этот перечень можно продолжить целой вереницей подобных «как?», «что?», «зачем?» и «почему?». Но мы все же попытаемся дать ответ на наиболее типичные из них.

Вы уже догадались, что том II посвящен больше практическим инструментам наведения транса. Вы, уважаемый читатель, добираетесь до самого интересного — комплексного использования всех изложенных здесь инструментов. Да и не могло быть иначе, ведь моделирование — это и есть упрощенная модель практического использования более сложной модели. Само слово «модель» означает воспроизведение предмета в уменьшенном размере, а мо-

делирование — научная область знания о том, как строить полезные упрощения, к которым часто относят концепции, версии сложных механизмов и систем в технической и гуманитарной областях (например, механизмы химических реакций, модель работы мозга, система приемов и техник консультирования, методика жонглирования, игрушечная версия железной дороги и т. д.). Чаще всего моделирование как научная область используется для построения познания комплексных явлений и процессов на примере упрощенной версии.

Таким образом, рассматривая моделирование, мы можем ответить сразу на несколько вопросов. Во-первых, НЛП — это и есть язык и способы моделирования человеческого опыта. Именно этим оно и отличается от эриксоновского гипноза, который является областью описания измененных состояний сознания и методом психотерапии. С помощью НЛП возможно моделировать множество таких процессов, как техники переговоров, стратегии освоения иностранного языка, модели построения эффективно действующих команд и т. д., в то время как гипноз имеет более прикладное значение, являясь способом достижения результатов за счет собственных ресурсов психики. Правда, справедливости ради следует заметить, что границы его применения постоянно расширяются: например, активно развивается суггестивная педагогика (обучение с помощью трансовых состояний) и релаксопедагогика.

Во-вторых, так исторически сложилось, что язык НЛП строился при изучении деятельности известных психотерапевтов, и лишь потом изучалась деятельность художников, тренеров, спортсменов, бизнесменов и т. д. Именно поэтому первой практической сферой применения НЛП стала модель консультирования, и только затем НЛП начало применяться в искусстве, обучении, бизнесе. Даже если сравнивать работу консультанта НЛП и консультанта в области эриксоновского гипноза, то можно легко заметить множество существенных отличий. В частности, гипнотерапевт специально вызывает у клиента трансовое состояние определенной глубины, считая его способом получения ресурсов для изменений, а в техниках НЛП, как, впрочем, и гештальт-терапии, телесно-ориентированной психотерапии, транс является побочным продуктом. Инструментом в последнем случае обычно выступают осознаваемые ресурсы, которые есть у человека в другом контексте, а способом — задавание специальных вопросов, перевод клиента в новую позицию восприятия, изменение логического уровня рассмотрения ситуации и т. п.

Существует множество других важных отличий, но, сохраняя формат предисловия, мы остановимся лишь еще на одном. Эриксонов-

ский гипноз изначально представляет собой школу, разработанную одним человеком (хотя на современном этапе его развития существует множество вариаций), а НЛП-консультирование является интегративной моделью, так как, помимо упомянутых гениальных личностей, моделировали также работу М. Фельденкрайса, Ф. Фарелли и многих других, что, как мне кажется, вносит богатство и разнообразие в практику работы психолога-консультанта и психотерапевта.

Перейдем к ответу на другие обозначенные вопросы. Моделирование работы Милтона Эриксона происходило на двух уровнях: имплицитном и эксплицитном. Сначала авторы книги изучали опыт создания транса «изнутри» (они сами были объектами техник гипнотерапевта), затем пытались повторить опыт Эриксона с другими людьми, замечая, какие способы и инструменты приводят к желаемому результату. Они записывали трансовые сессии на аудиокассету и использовали видеозаписи, после чего обсуждали их, применяя свои знания лингвистики и теории систем. Так родилась Милтон-модель — «язык» гипноза, а затем его «синтаксис» — техники наведения транса (например, «4+1»).

Интересен тот факт, что Милтон Эриксон практически не отвечал на вопросы Джона и Ричарда и запрещал это делать своим ближайшим родственникам, скорее всего, давая возможность исследователям создать собственную версию происходящего.

Когда же отдельные эффективные инструменты были выявлены (допустим, пресуппозиции), их начинали соединять друг с другом. В результате получилась целостная модель. О том, что это упрощенная версия, ярче всего говорит и изменение отношения Эриксона к работе авторов книги. Поначалу он был очень доволен тем, что они нашли. Однако скоро Эриксон стал настаивать, что это всего лишь часть его работы — никогда модель не отражает полную версию, и это понятно. Но в те годы, на заре становления НЛП, авторы не обратили внимания на другой логический уровень — ценности Милтона Эриксона, поэтому моделирование было больше поведенческим. Кстати, этот уровень и до сих пор во многом остается нераскрытым. Мне кажется, что у Милтона Эриксона было какое-то свое особое понимание вопросов экологии! Местами его методы могут шокировать неискушенного в психотерапии читателя, несмотря на то что результаты оказывались, без сомнения, позитивными и экологичными для личности клиента. Подобных примеров много в книгах Джеффри Зайга. В НЛП развилось, как мне думается, несколько иное представление: консультирование по возможности должно быть ресурсным по процессу, результату и эффектам!

Также важно заметить, что любое консультирование можно рассматривать как манипуляцию. Ну посудите сами, один лишь факт задавания любого вопроса является манипуляцией. Почувствуйте разницу:

- Какая у вас самая главная проблема?
- Как вы сейчас ощущаете свою проблему?
- До того момента, как вы пришли сюда, у вас была проблема?

Есть ли различие в состоянии, которое испытывает человек, отвечая на, казалось бы, схожие вопросы?

И теперь, уважаемый читатель, рассмотрев список этих вопросов, вы не можете не задуматься над ними! Разве это не манипуляция нашим восприятием, а затем, как следствие, состоянием?

Любой вопрос делает нас несвободными от размышления в том направлении, на которое он указывает! Как любят говорить в НЛП, любая коммуникация равна манипуляции, которую мы разделяем на позитивную и негативную по процессу, результату и эффектам. Обострим ситуацию: когда человек обращается к хирургу, он знает, что ему будут делать операцию. Это манипуляция, на которую он сам согласен, для того чтобы избежать больших проблем! Все консультирование является такого рода манипуляцией — об этом могут догадываться или не догадываться сам консультант и его клиент.

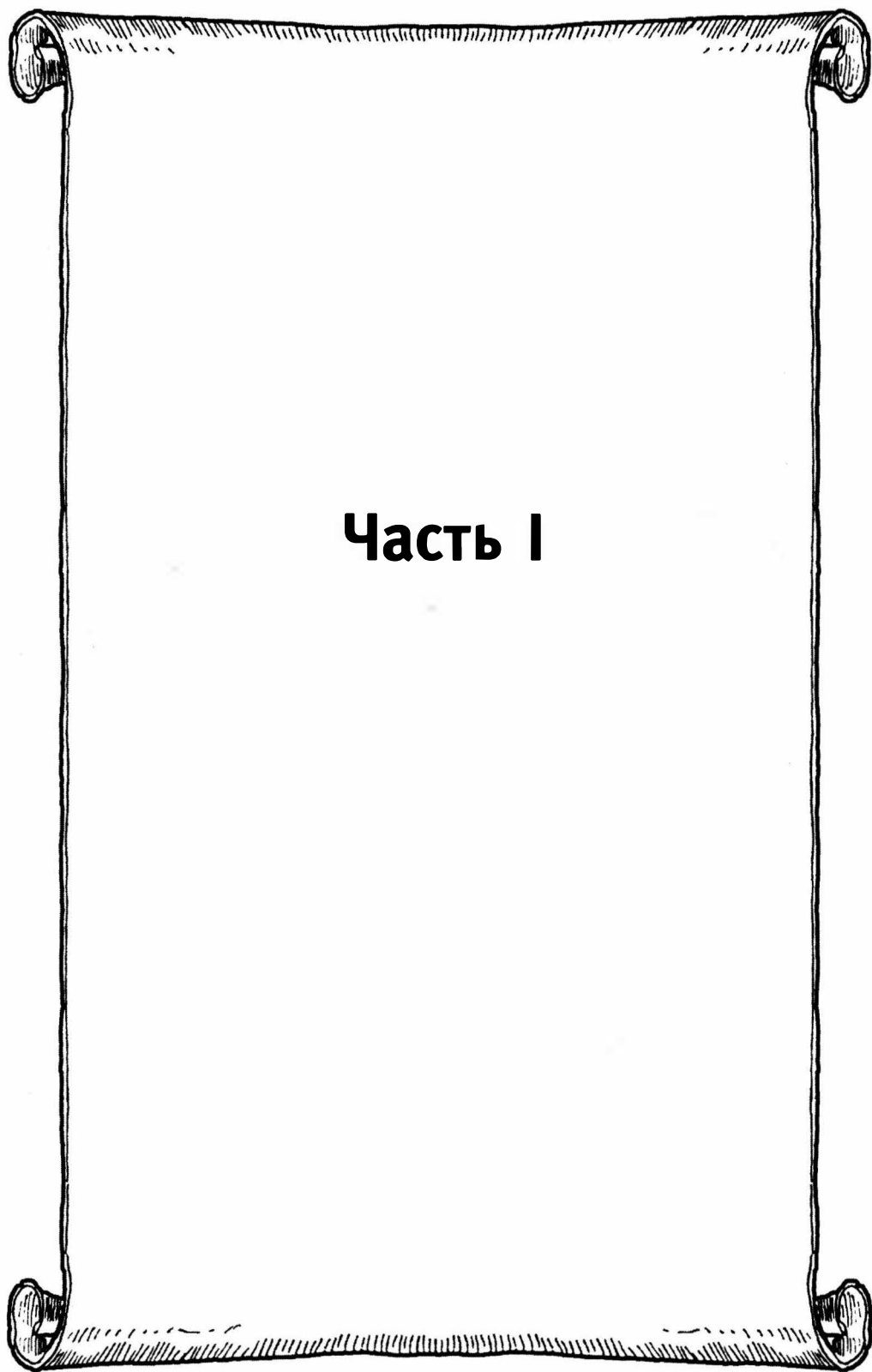
НЛП предлагает осознавать это различие, для того чтобы, насколько это возможно, строить позитивно свою коммуникацию в быту и профессиональной деятельности. Когда-то Вирджиния Сатир сказала: «Я люблю НЛП только за то, что оно первое предложило экологическую проверку в работе психотерапевта!»

Все, о чем написано в моем предисловии, является субъективным взглядом. Я предлагаю вам, уважаемый читатель, найти собственные ответы, изучая и практикуя изложенные в этой книге методы.

Надеюсь, что и вы когда-нибудь поделитесь своими впечатлениями и личным пониманием с другими людьми после солидной практики, ведь все, что здесь рассматривается и предлагается, волнует, удивляет и восхищает!

А. А. Плигин, научный руководитель
Центра НЛП в образовании, кандидат педагогических
наук, тренер НЛП международной категории,
главный редактор «Вестника НЛП»

С глубочайшим почтением
посвящаем эту книгу
Призраку Роджеру
Драссетту,
пурпурной розе,
дереву пало-верде
и другой точке зрения

Часть I

Введение

Все мы люди, и на каждого из нас непрерывно воздействует огромное количество информации. Часть этой стимуляции — следствие контакта с различными составляющими этого мира, которые мы ощущаем с помощью наших сенсорных каналов. Количество информации, доступной из текущего опыта, намного превышает нашу способность ощущать свой опыт *осознанно*. Значительную часть процесса научения и роста составляет наша способность ощущать регулярность или паттерны в нашем опыте или создавать программы внутри себя, чтобы результативно взаимодействовать с миром на *неосознанном* уровне. Например, способность читать и понимать вот это самое предложение — программа, которую вы не могли выполнить на определенном этапе своей жизни. Вы прошли через процесс научения, читая сначала буквы, затем слова и, наконец, фразы и предложения родного языка. С каждым из этих шагов были связаны специфические паттерны визуального сканирования, адекватные выполняемому заданию. Научение тому, как связать определенные визуальные входные данные с рядом значений, которые они отражают, было задачей относительно долгой и трудной. Ваша способность быстро и осмысленно читать зависит в большой степени от вашей способности *неосознанно* оперировать паттернами нижнего уровня, относящимися к визуальному сканированию и узнаванию букв. Значительная часть нашей повседневной жизни посвящена выполнению невероятно сложных паттернов неосознанного поведения. Присущая нам способность наслаждаться собственным опытом и участвовать в видах деятельности, которые каждый из нас находит интересными и приятными, была бы в заметной мере утрачена, если бы мы не обладали способностью

программировать себя для реализации определенных сложных паттернов поведения на неосознанном уровне. Только подумайте, каким хаотичным был бы наш опыт, если бы нам приходилось, к примеру, сознательно поддерживать частоту и глубину дыхания, тонус мышц, уровень сахара в крови и т. д.

Процесс создания полезных программ — процесс научения — это непрерывный процесс изменения. Мы называем его *моделированием*. Моделирование происходит как на сознательном, так и на подсознательном уровнях поведения. Процесс научения пониманию родного языка и речи — пример подсознательного моделирования. Процесс научения чтению и письму является у большинства людей примером сознательного моделирования, так что значительная часть того, чему научаются, представляет собой упорядочение и организацию паттернов поведения нижнего уровня, уже доступных на подсознательном уровне поведения. Например, детей, овладевающих письмом, не учат явным образом формировать ментальные образы слов, которые они усваивают, — т. е. использовать свои стратегии визуализации, — но дети, которым удастся овладеть письмом в совершенстве, используют этот навык неосознанно. Юный спортсмен, осваивающий бег на 100 м, научается тому, как упорядочить и использовать паттерны мускульных движений, уже доступных ему на подсознательном уровне поведения. Его способность пробежать стометровку на максимальной скорости будет в значительной мере зависеть от его способности делать сознательным упорядочение тех паттернов неосознанного поведения, которые уже ему доступны.

Результатом моделирования является создание ряда моделей, которые в значительной степени неосознаваемы и которые каждый из нас применяет для организации своего опыта и для эффективного контакта с миром своих переживаний. Как мы показали в других работах (см. «Структура магии», тома I и II, «Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона», авторы те же), результирующие модели, которые мы используем в своем поведении, будут непременно отличаться от мира переживаний, моделями которого они являются. Таким образом, релевантной характеристикой модели для нас является полезность — помогает ли модель достичь цели, ради которой она создана. Следовательно, вопросы истинности, точности и соответствия реальности применительно к моделям опыта к смыслу моделирования отношения не имеют.

Наша цель — предложить модель, которая будет полезна для эффективной гипнотической коммуникации. Модель, которую мы

выстраиваем на последующих страницах, как и всякая модель, будет неполной — в частности, в работе Милтона Эриксона, а также в нашей собственной, имеются продуктивные паттерны гипнотической коммуникации, которые мы предпочитаем не включать в данную модель. Мы отобрали для отображения в нашей модели паттерны, основанные на нашем понимании принципа моделирования, названного элегантностью. Элегантность — это принцип моделирования, гласящий, что наиболее ценной для выполнения конкретной задачи моделью является та, которая требует минимального количества паттернов или характеристик и при этом адекватна целям, ради которых она создана. Таким образом, в нижеследующей модели мы предлагаем минимальное количество паттернов, необходимых гипнотизеру для эффективного контакта в контексте гипнотической коммуникации. Многие из вас, будучи гипнотизерами, обнаружат значительную часть паттернов и характеристик этой модели в своем собственном поведении. Вы можете использовать эту модель для прояснения этих паттернов, тем самым организуя свой опыт более системным образом. Паттерны вашего поведения, которые не представлены эксплицитно в этой модели, можно легко в нее включить, чтобы они определяли ваш личный стиль или технику. Как в случае любой учебной задачи, вы пройдете через период сознательного научения идентификации представленных здесь паттернов в вашем поведении и в поведении ваших клиентов. Это естественная стадия в процессе изменения и научения: вскоре паттерны окажутся за пределами вашего сознания, став системными подсознательными паттернами поведения и тем самым развязав вам руки для выявления других паттернов, которые вы можете с пользой включить в свою работу¹.

Наше решение представить наиболее элегантную модель — минимальную модель — также основано на ряде других понятий, которые у нас имеются в отношении процесса человеческого моделирования. То, что каждый из нас, людей, распознает с помощью своих сенсорных каналов, — это то или иное отличие². Вот вам простой пример этого паттерна: пока вы не закончите чтение этого предложения, вы не сможете осознать, где находится ваше левое ухо. Тот факт, что вы не осознавали местоположения своего левого уха, пока оно не было упомянуто в предыдущем предложении, прекрасно согласуется с известными паттернами человеческого моделирования. Во-первых, сознательное восприятие местоположения вашего левого уха во время чтения этой книги

стало бы доказательством несовершенства вашей программы чтения. Во-вторых, местоположение вашего левого уха по отношению к остальному телу за последние несколько лет изменилось очень незначительно. Согласно принципам человеческого моделирования текущего опыта, поскольку нет изменения в местоположении вашего левого уха относительно остальной части тела, отсутствует изменение, которое нужно было бы выявлять, и поэтому нет потребности в сознательной репрезентации этого факта, — происходит привыкание. То есть привыкание можно понять как процесс ощущения элемента нашего текущего опыта, который остается постоянным, и неосознанного реагирования на него, и оно с равной степенью универсальности приложимо к элементам нашего текущего опыта, остающимся постоянными независимо от того, имеют ли эти элементы отношение к людям или к процессу открывания двери. Как правило, мы начинаем осознавать какой-либо элемент наших неосознанных поведенческих паттернов открывания дверей, только если неосознанный паттерн в нашем поведении — например, при протягивании руки, обхвате дверной ручки и ее повороте — почему-то не приводит к подсознательно ожидаемому результату открывания двери. Далее мы будем называть короткие последовательности действий, которые обычно выполняются на неосознанном уровне поведения, термином *TOTE* (*Test-Operate-Test-Exit*) (см. G. A. Miller et al., «Plans and the Structure of Behavior»). Примером использования *TOTE* в контексте гипноза является прерывание обычного рукопожатия в качестве первого шага в наведении транса, имеющего кинестетическую основу.

Для человека, о котором говорится в приведенном ниже отрывке, как и для читателя, стандартное рукопожатие является сложным паттерном поведения, который в норме реализуется на подсознательном уровне. Другими словами, рукопожатием присущ статус одиночного *TOTE*. Поскольку рукопожатие — одиночный элемент поведения, прерывание этого одиночного элемента прерывает на мгновение действия человека, лишая его осознаваемого следующего шага. Поскольку человек, чье *TOTE* было на мгновение прервано, лишается программы, гипнотизер может внушить следующий шаг, эффективно используя прерывание в качестве индукции транса. Исходя из нашего опыта, состояние транса, которое следует за прерыванием *TOTE*, как правило, бывает глубоким, и при этом удастся вызвать феномены глубокого транса. Кроме того, если принимаются меры к возвращению кли-

ента в то самое положение, в котором произошло прерывание, и выполняется остальная часть *TOTE*, у клиента не будет сознательной репрезентации того, что произошло нечто необычное. Иными словами, в согласии с тем, что прерванный паттерн получает статус одиночного элемента поведения на подсознательном уровне, любые переживания, которые возникают в момент прерывания, будут лишены сознательной репрезентации, если только клиенту намеренно не даны указания осознанно вспомнить эти переживания после пробуждения.

Все вышесказанное свидетельствует, что техника замешательства — продолжительная, очень трудоемкая и сложная процедура. Ее разработка и объяснение логики процедуры — задача действительно долгая и трудная, но стоит проделать ее несколько раз и научиться распознавать ее фундаментальные внутренние процессы, станет возможно очень легкое, комфортное и быстрое наведение транса даже в наиболее неблагоприятных условиях. Для иллюстрации этого будут приведены как спонтанный экспериментальный пример, так и клинический случай. Первый из этих эпизодов имел место на лекции, прочитанной медицинскому обществу. Один из присутствовавших врачей очень интересовался научением гипнозу, внимательно слушал во время лекции, но во время часового общения перед лекцией он продемонстрировал несколько раз враждебное, агрессивное поведение, направленное против большей части его коллег. Когда его познакомили с автором, он стиснул его руку в чересчур крепком рукопожатии, чуть не опрокинув автора (мужчина был на 15 сантиметров выше автора и тяжелее килограммов на 30) и агрессивно заявил без всякого вступления, что хотел бы «поглядеть, как какой-нибудь дурень попытается загипнотизировать» его.

Когда потребовались желающие для участия в демонстрации, он стремительно вышел вперед и громким голосом объявил: «Я хочу показать всем, что вы не сможете меня загипнотизировать». Когда этот человек поднялся на сцену, автор медленно встал со стула, как будто с целью поприветствовать его рукопожатием. Когда мужчина протянул руку, приготовившись подвергнуть автора еще одному крепкому рукопожатию, автор наклонился и стал медленно и тщательно завязывать шнурки своих ботинок, оставив этого человека беспомощно стоять с протянутой рукой. Изумленный, сбитый с толку, ошеломленный неуместным поведением автора, совершенно не способный предпринять что-либо, мужчина оказался полностью уязвимым перед первой же понятной коммуникацией, *соответствующей ситуации*, которая была ему предложена. Завязывая шнурок второго ботинка, автор произнес: «Просто сделайте глубокий вдох, сядьте на стул, закройте глаза и погрузитесь в глубокий транс». После мгновенной непроизвольной реакции испу-

га мой подопечный сказал: «Ладно, будь я проклят! Но как? Сделайте это еще раз, чтобы я мог понять, как это у вас получается». Ему предложили на выбор несколько традиционных приемов. Он выбрал метод левитации руки, как самый интересный, и этот метод был применен в замедленном темпе как ради него, так и ради зрителей, в результате чего последовал еще один сомнамбулический транс.

Этот человек, оказавшись объектом эксперимента, превосходным образом проиллюстрировал проблему адекватного удовлетворения его поведенческих паттернов и продуцирования реактивного поведения, интересного главным образом аудитории, хотя и он сам был в некоторой степени заинтересован, однако его первичный интерес был диаметрально противоположным. Этот мужчина хотел вызвать у автора реакцию фрустрации, но даже это являлось молчаливым признанием гипноза как валидного феномена.

Объяснить происшедшее довольно просто. Мужчина вышел на сцену, полный решимости что-то сделать. Автор поднялся со стула поприветствовать его рукопожатием, а затем нагнулся, чтобы завязать шнурки, в результате чего мужчина остался стоять с протянутой рукой, ни на что не способный, с самого начала лишенный возможности действовать, крайне удивленный совершенно неуместным поведением автора и поэтому исключительно восприимчивый к любому понятному внушению в отношении того, что нужно сделать, соответствовавшему общей ситуации. Поэтому он с облегчением прореагировал на данное автором простое спокойное указание. И, разумеется, основополагающая установка этого мужчины в отношении гипноза проявилась в его поспешном требовании, выдвинутом после обнаружения происшедшего.

Milton H. Erickson. *The Confusion Technique*, in *Hypnosis*, Haley (ed.), 1967, p. 153–154.

Третьим паттерном в нашем понимании процесса человеческого моделирования, на котором мы основываем свое решение представить минимальную модель, является тот факт, что сознание — это ограниченный феномен. В частности, мы, люди, ограничены репрезентацией в своем сознании небольшого конечного количества сегментов информации. В своей ставшей классической статье «Магическое число 7 ± 2 » Джордж А. Миллер (Miller, 1956) предлагает выверенную схему границ сознания. В сущности, он приходит к выводу, что мы способны довольствоваться в сознании 7 ± 2 чанками информации. Один из наиболее интересных выводов из статьи Миллера состоит в том, что размер чанка переменчив. Другими словами, ограничение 7 ± 2 прилагается не к количеству битов информации, а скорее к количеству чанков.

Тем самым, тщательно подбирая код, посредством которого мы организуем свой сознательный опыт, мы имеем большой простор для увеличения количества битов информации³, которые можем сознательно воспроизводить. Миллер в своей статье искусно обходит стороной вопрос о том, что же такое чанк. Если мы идентифицируем термин «чанк» с понятием паттерна поведения, который еще не достиг статуса подсознательного *TOTE*, то взаимодействие между функцией сознания в учебном процессе и чанкингом становится полезным. Когда мы научаемся идентифицировать паттерны своего опыта и систематически реагировать на них, у нас появляется способность делать неосознаваемыми элементы нашего опыта, с которыми нам прежде приходилось иметь дело на уровне сознания. Сегмент в сознании — это система паттернов или регулярность в нашем опыте, которые мы еще не сумели сделать неосознанными. Так, в начале усвоения конкретной задачи размер чанка будет скорее небольшим и охватит относительно малую систему паттернов. Когда чанк этого уровня достигнет статуса *TOTE*, став неосознанным, наше сознание вольно адресовать себя паттернам более высокого уровня (более крупным чанкам), которые заключаются в упорядочении и организации *TOTE*, из которых они составлены, или перейти к паттернам в других репрезентативных системах или областях опыта.

Рассмотрим пример из вашего личного опыта. Те из вас, кому приходилось учиться ездить на велосипеде, помнят, насколько сложно это было поначалу. Первая попытка проехаться на велосипеде была просто угнетающей. Вам приходилось думать о том, как сохранить равновесие, как нажимать на педали, куда поворачивать руль и куда, собственно, ехать. С таким количеством задач разом вам совершенно точно было не справиться, поэтому, возможно, ваш отец или друг поддерживали вас сзади, чтобы вы могли осознанно управлять рулем и нажимать на педали. А если вы из тех счастливиц, кто уже имел в своем распоряжении неосознаваемую программу вращения педалями, приобретенную при езде на трехколесном велосипеде, то задача сводилась к научению тому, как координировать рулевое управление и вращение педалей. После того как эти навыки включались в ваше поведение, они начинали выполняться автоматически, а затем, возможно, отец незаметно отпускал вас и просто бежал сзади, а вы уносились вперед, учась координировать вращение педалей и управление с поддержанием равновесия. Спустя какое-то время вы настолько запрограммировали себя на то, чтобы пользоваться велосипедом,

что все аспекты задачи оказались за пределами вашего сознания, предоставив вам возможность наслаждаться пейзажем или разговаривать с едущим рядом приятелем. Неважно, сколько прошло времени с момента вашей последней поездки на велосипеде, — программа останется с вами, и если вы сядете на велосипед, она активизируется, и вы снова сможете кататься, ни на мгновение не задумываясь ни об одном действии в этом сложном процессе. Все они разбиты на чанки и упорядочены на неосознанном уровне, позволяя вам наслаждаться ездой. Если бы они были сознательными, вам бы пришлось при каждом движении думать и о педалях, и о руле, и о равновесии, и ваше сознание было бы настолько загружено, что вы или упали бы, или на что-нибудь наехали. Усвоение паттернов поведения наподобие езды на велосипеде в качестве подсознательных программ и полезно, и необходимо для того, чтобы мы, люди, могли выполнять разнообразные и сложные действия, которые мы совершаем каждый день. Мы бы даже посоветовали вам сделать это усвоение эксплицитным в качестве части своей учебной программы. Например, в настоящее время вы читаете книгу, из которой узнаете об определенных паттернах коммуникации. Если вы хотите тщательно их изучить, советуем взять два паттерна из тех, которые мы будем предлагать вам ежедневно, и потратить день — с утра до вечера — на идентификацию и использование этого паттерна, пока он не будет отработан настолько тщательно, что вы позволите ему удалиться за пределы сознания и тем не менее сможете использовать его систематически, освободив свое сознание для перехода к усвоению новых паттернов. В сущности, вы создадите *TOTE* для каждого паттерна из этой книги. В результате вы перекодируете свой опыт как гипноза, так и коммуникации. Это позволит вам действовать в качестве коммуникатора или гипнотизера столь же легко, как вы ездите на велосипеде, единожды этому выучившись.

Такое понимание связи между чанком и *TOTE* позволяет применить к предлагаемой нами модели некоторые принципы моделирования. К примеру, для того чтобы имело место эффективное научение, чанки или сознательные паттерны, которые мы предлагаем, должны быть одного и того же размера, чтобы перекодирующий процесс создания *TOTE* — т. е. перевод паттернов эффективной гипнотической коммуникации в подсознание — привел к нужным результатам. Кроме того, в своей модели мы стараемся предлагать на каждом уровне чанкинга такое количество паттернов, которое не превышает магического числа.

Модель — первичный опыт

Первое понятие, которое мы вводим в этой модели, — понятие четырехкортежности. Четырехкортежность — это визуальная репрезентация ощущений, которая выглядит следующим образом:

$$\langle V, K, A_i, O \rangle_i,$$

где V = визуальный,

K = кинестетический,

A_i = аудиально-тональный,

O = обонятельный опыт,

i = референтный индекс ощущающего человека.

общая форма четырехкортежности

$$\langle V, K, A_i, O \rangle$$

Четырехкортежность — это способ визуальной репрезентации человеческого опыта в любой момент времени. Согласно ему, в модели эффективной гипнотической коммуникации первичный опыт людей в какой-то момент времени можно адекватно представить, описав их визуальный, кинестетический, аудиально-тональный и обонятельный опыт. Чтобы читатель лучше понял модель, проиллюстрируем ее конкретным примером. Если допустить, что вы — читатель, который в этот момент времени удобно сидит в тихом месте и читает в одиночестве, можно использовать четырехкортежность для репрезентации вашего текущего восприятия мира в следующем виде:

четырекортежность, которая отражает опыт читателя

печатный текст	ощущение	∅	запах
книги,	кресла,		в комнате,
освещение	температура		свежесть
комнаты...	в комнате...		воздуха...

где i — референтный индекс читателя, а пустое пространство \emptyset указывает на отсутствие ощущения в этой категории.

Иначе говоря, восприятие мира в данный момент выражается через описание визуальных входных сигналов из окружающего мира, текущих кинестетических ощущений и доступной обонятельной информации. Поскольку, согласно нашему допущению, читатель находится в месте, где до него в данный момент не доходит никаких звуковых сигналов из внешнего мира, величина переменной A_i (аудиально-тональной части его опыта) равна \emptyset . Величины переменных V , K и O специфицируются описанием сигналов из мира, которые воздействуют на читателя в этот момент. Заметьте, что специфицируя четырехкортежность текущего опыта читателя, мы ограничились репрезентацией опыта, берущего начало в мире, который является для читателя внешним. Четырекортежность можно также использовать для репрезентации совокупного опыта читателя — т. е. его текущего опыта в настоящем, независимо от того, берет ли он начало во внешнем мире читателя или нет. Мы сочли полезным в своей работе идентифицировать источник той части опыта, которая описана в четырехкортежности, — т. е. провести грань между тем, какая часть опыта, представленного в четырехкортежности, берет начало во внешнем мире читателя, чей опыт отражен в четырехкортежности, и тем, какая часть порождена собственными внутренними процессами читателя. Пожалуй, проще всего обозначить это разграничение, добавив к каждому компоненту четырехкортежности надстрочный индекс — либо i (*internal* — генерируемый изнутри), либо e (*external* — генерируемый извне). Таким образом, если допустить, что читатель в данный момент использует при чтении внутренний диалог и надстрочные индексы, которые отличают внутренне генерируемые компоненты четырехкортежности от внешне генерируемых, четырехкортежность читателя будет выглядеть так:

печатный текст ^{e}	ощущение ^{e}	темповые и тональные ^{i}	запах ^{e}
книги,	кресла,	качества	в комнате,
освещение	температура	аудиального	свежесть
комнаты...	в комнате...	внутреннего диалога...	воздуха...

Как и при любом разграничении в модели, разграничение посредством надстрочного индекса между внутренне и внешне генерируемым опытом будет использоваться, только когда оно полезно для задачи, ради решения которой применяется.

Читатель заметит, что надстрочно-шрифтовое разграничение позволяет использовать четырехкортежность в качестве инструмента, отделяющего галлюцинаторный или проецируемый опыт от опыта, берущего начало во внешнем мире. Эриксон часто говорит о различии между обычным состоянием бодрствования и состояниями транса (особенно состояниями глубокого транса), используя выражение «ограниченные фокусы внимания».

...Внешним факторам и реакциям испытуемого на них придается слишком большое значение. Первостепенное значение следует придавать внутриспсихическому поведению субъекта, а не связи с внешним миром. В лучшем случае органы чувств являются лишь побочным подспорьем, и их данные следует как можно скорее отбросить в пользу поведения субъекта, которое может быть инициировано, но не сформировано органами чувств... Использование воображения вместо реальных органов чувств позволяет человеку задействовать свои способности без необходимости приспосабливаться к несущественным внешним факторам.

...Субъект в глубоком трансе действует в согласии с подсознательным пониманием независимо от сил, на которые обычно реагирует его сознание; он ведет себя в соответствии с реальностью, которая существует в данной гипнотической ситуации для его подсознания. Мир его реальности составляют концепции, воспоминания и идеи; он находится в глубоком трансе. Внешняя реальность, которой он окружен, релевантна только в той степени, в какой она используется в гипнотической ситуации.

Milton H. Erickson.

Deep Trance and Its Induction, Haley (ed.), 1967, p. 11.

В обычном состоянии бодрствования большинство людей постоянно отвлекаются на ощущения, генерируемые либо внешними, либо внутренними стимулами. Фокус внимания бодрствующего человека все время меняется. Поэтому одним из способов понимания процесса вхождения в глубокий транс может стать постоянное сосредоточение и направление сознания на ограниченное количество стимулов (общее описание возникновения петли биологической обратной связи). Поскольку внутренне генерируемые стимулы, как правило, находятся в основном под контролем испытуемого (с помощью гипнотизера), эффективным способом помощи клиентам при вхождении в глубокий транс может стать

побуждение направлять внимание прежде всего на внутренние стимулы. Надстрочные индексы e и i можно использовать для репрезентации общего переключения внимания клиента при типовом наведении транса с внешне генерируемого опыта на внутренне генерируемый, например:

$$\langle V^e, K^e, A_t^e, O^e \rangle \longrightarrow \langle V^i, K^i, A_t^e, O^e \rangle \longrightarrow \langle V^i, K^i, A_t^i, O^i \rangle,$$

где промежуточная четырехкортежность соответствует состоянию частичного транса, когда клиент направляет внимание на внутренне продуцируемые визуальные образы и внутренне генерируемые кинестетические ощущения, забывая о внешне генерируемых, продолжая одновременно следить за аудиально-тональными (например, интонационными и темповыми качествами голоса гипнотизера) и обонятельными ощущениями, которые берут начало извне.

Прилежный ученик-гипнотизер, приучивший себя делать тонкие сенсорные разграничения, распознает, вращаясь в среде, множество реакций, которые он видит, слышит и чувствует при повседневных контактах с людьми, т. е. при подсознательных реакциях и коммуникациях, характерных для распространенных состояний гипнотического транса. Каждый из нас кладет свой опыт в основу понимания актуального настоящего при встрече с новыми людьми. Осознавая, что тональные качества голоса наших новых знакомых, их позы, жесты, мелодические паттерны речи напоминают нам кого-то еще, мы можем обнаружить, что реагируем на них в манере, возможно, более адекватной другому человеку, которого они нам напоминают. В подобных случаях наша четырехкортежность по отношению к тому человеку является смешением внутренне и внешне генерируемого опыта. Подобный опыт указывает на воздействие в норме подсознательных процессов коммуникации, связанных с извлечением смысла.

У большинства людей подобное подсознательное смешение внутренне и внешне генерируемых переживаний приводит к основной массе трудностей, которые они испытывают в отношениях с людьми. Бизнесмен, который выходит из себя, когда продавец в магазине одежды,двигающийся очень похоже на его начальника, не хочет уделить ему внимание, и женщина, чувствуя себя такой незначительной и беспомощной рядом с мужчиной, чьи интонации очень напоминают ей ее отца, являются лишь слегка преувеличенными примерами процесса смешения внутренне

и внешне генерируемых переживаний без проведения разграничения. Чтобы быть хорошим коммуникатором или гипнотизером, важно понять, что когда каждый из нас реагирует в любой коммуникативной ситуации, одни элементы наших реакций будут ответом на текущую коммуникацию, а другие будут *TOTE*, которые теснее связаны с какими-то другими временными/пространственными координатами. Например, в детстве многие из нас научались определять, что наши родители недовольны нами, еще до того, как те выражали свое недовольство вербально, замечая определенный взгляд, характерный подъем бровей или жест. В детстве мы вырабатывали реакции на эти сигналы, которые были полезными механизмами преодоления трудностей. Однако позже в нашей жизни эти программы, подобно программам езды на велосипеде, остаются по-прежнему активными и активизируемыми. В роли гипнотизера-коммуникатора мы должны быть восприимчивы к этим подсознательным *TOTE*: если их использовать направленным образом, они становятся достоинствами; если нет, они могут стать причиной сильного сопротивления. Будучи коммуникаторами-гипнотизерами, мы должны сознавать, какие из этих реакций являются творческими, какие — *TOTE*, выполняемыми подсознательно, а какие более адекватны для другого времени или ситуации. Например, мы работали с молодой женщиной, которая обратилась к нам за помощью. Мы сразу же заметили, что если один из нас поднимает брови, эта женщина внезапно начинает извиняться и говорить, что не может следовать нашим инструкциям и, вероятно, недостаточно сообразительна для того, чтобы войти в транс. Мы также заметили, что довольная улыбка гипнотизера вызывала у нашей испытуемой уверенность и готовность сотрудничать. В первом случае эта 23-летняя женщина начинала говорить о своих неудачах тоном подростка; во втором она больше напоминала 5-летнюю девочку. Поскольку введение в транс — это переход от внешнего опыта к внутреннему с ограниченным фокусом внимания, мы оба постоянно довольно улыбались и разговаривали с ней тоном ребенка, а когда один из авторов назвал ее *принцессой*, мы вызвали у нее полную регрессию возраста. А гипнотизировать 5-летних очень легко.

Проницательный практик гипноза может научиться распознавать любопытное смешение сознательных и подсознательных коммуникативных реакций у людей, основанное на смешении внутренне и внешне генерируемых переживаний.

Это естественным образом ведет к другому разграничению, которое мы указываем для четырехкортежности — разграничению временных и пространственных координат. Всякий раз, когда человек генерирует переживания изнутри, эти переживания будут основаны на определенном наборе четырехкортежностей, каждый из которых имеет пространственно-временную координату, отличающуюся от текущей пространственно-временной координаты. Так, когда вы в качестве гипнотизера просите клиента вспомнить какое-нибудь приятное детское переживание, вы инструктируете клиента в отношении того, какая общая временная или пространственная координата внутренне генерируемого опыта вам нужна. Это разграничение в четырехкортежностях может быть представлено следующим образом:

$$A_d < K^i \quad V^i \quad A^i \quad O^i >, \\ t/p \quad t/p \quad t/p \quad t/p$$

где подстрочный индекс t/p — это временной или пространственный координатор переживаний, используемый человеком в качестве референтной структуры, из которой он извлекает свои внутренние переживания.

Внутренне или внешне генерируемый опыт и разграничения с помощью временных или пространственных координат⁴ особенно полезны в контексте психотерапевтических приемов изменения, если психотерапевт хочет помочь клиенту восстановить первичные переживания из прошлого, которые мешают ему сделать выбор, желательный для него в настоящем.

Одна из самых действенных идей, которые мы можем предложить тем, кого хотим познакомить с нашими моделями, состоит в том, что коммуникация должна вытекать естественным образом из внутренне или внешне генерируемого опыта и разграничения временных или пространственных координат, которые мы обсуждаем. В качестве коммуникаторов все мы понимаем силу и значение выявления, признания и творческого реагирования на невербальные или аналоговые сообщения, предлагаемые нам людьми, с которыми мы контактируем. В контексте работы, которую мы проводим с нашими клиентами, значение невербальной коммуникации просто невозможно преувеличить. Как правило, наши клиенты предлагают нам невербальные сообщения, образующие базис коммуникации, которая ведет к всеохватывающим благотворным изменениям. Чтобы улучшить собственные навыки выявления, признания и творческого реагирования на подобные сообщения, мы создали специальную стратегию коммуникации,

которую называем стратегией «аптайм». Каждый из нас наделен сознанием в ограниченном объеме (7 ± 2 чанков Миллера). Если мы, общаясь с кем-то, вводим в сознание какой-то элемент своего прошлого — какой-то внутренне генерируемый элемент опыта с другой временной или пространственной координатой, — то в результате мы теряем какой-то элемент нашего сенсорного контакта с собеседником. Теряя некоторый элемент своего сенсорного контакта во время коммуникации с клиентом, мы оказываемся не способны выявить невербальные сообщения, которые этот человек нам постоянно предлагает (обычно на подсознательном уровне коммуникации). Наш опыт показывает, что подобные сообщения являются основой для помощи клиенту, обеспечивающей быстрое и глубокое изменение. Стратегия «аптайм» — это всего лишь процесс организации нашей коммуникации таким образом, чтобы можно было направить все свое сознание на сенсорный опыт. Другими словами, коммуникатор, используя стратегию «аптайм», имеет в своем распоряжении текущую четырехкортежность, в которой все надстрочные индексы — e^5 .

Язык — вторичный опыт

Следующее разграничение, которое мы вводим в модель, — языковое. В частности, мы воспроизводим связь между языковой репрезентацией и опытом, который эта репрезентация отражает:

$$A_d \langle V, K, A_t, O \rangle,$$

где A_d = аудиально-дигитальная репрезентация (язык).

Это отношение мы называем комплексным эквивалентом. Иначе говоря, комплексный эквивалент — это отношение между языковой репрезентацией и четырехкортежностью или набором четырехкортежностей, которые отражает язык, т. е. отношение между словом и рядом переживаний, которые оно отражает. Например, при проведении экспериментальной работы в гипнозе, как показывает наш опыт, большая глубина с более высоким темпом имеют место тогда, когда гипнотизер добивается комплексного эквивалента для номинализации «глубокий транс» или даже для «транса». Описание в виде четырехкортежности того, какими будут ощущения клиента в трансе, согласно его ожиданиям, помогают гипнотизеру понять, какие внушения необходимо дать, а также устранить недопонимания в отношении слова «транс». Некоторые клиенты на вопрос: «Как вы определите, что находитесь в трансе?» отвечают, что они перестанут вести внутренний диалог. Другие заявляют, что они перестанут видеть визуальные образы, а третьи просто говорят, что почувствуют максимальную релаксацию. Процесс получения полного комплексного эквивалента (когда учитываются все переменные четырехкортежности) оказывает гипнотизеру большую помощь в понимании того, как

вызвать ощущение, которое будет расценено как транс, тем самым придавая клиенту уверенность в том, что он — компетентный гипнотический субъект.

В качестве специфического примера рассмотрим четырехкортежность, получаемую с помощью слова «пожар».

пожар

вид	ощущение	звуки	запах
сверкающего	тепла, удушающее	потрескивающих	дыма и
пламени,	ощущение дыма	языков пламени	и горючих
дыма...	в легких...	и горючего материала...	материалов...

Конкретное значение переменных четырехкортежности, соответствующих языковой репрезентации «пожар», остается в целом неизменным при переходе от человека к человеку в данной культуре. Тем самым мы обнаруживаем заметное согласие в отношении комплексного эквивалента, четырехкортежность которого соответствует слову «пожар». Подобные широкие и последовательные соответствия делают язык эффективным средством коммуникации. Однако четырехкортежности, которые каждый из нас использует для множества других слов и фраз, являются намного менее согласованными. К примеру, представим себе вариацию в значениях переменных четырехкортежности, которую каждый из нас соотносит с такими словами, как «любовь», «справедливость», «равенство». Эти слова — все номинализации — настолько вариативны в четырехкортежностях, к которым они относятся, что искаженная коммуникация является здесь скорее правилом, чем исключением.

Важной частью задачи научения языку, с которой каждый из нас сталкивался в детстве, было присвоение фонологических последовательностей (звуков в языке, который мы осваивали) четырехкортежностям нашего опыта. Присвоение звука четырехкортежности является одним из наиболее распространенных способов, которым языковая система влияет (на самом неосознаваемом уровне) на наше восприятие мира. Выбирая специфические четырехкортежности и наборы кортежей из всех четырехкортежностей, которые мы воспринимаем, и присваивая им имя, язык помогает нам идентифицировать паттерны, которые пользователи языка считают важными для организации своего опыта, и одновременно отвлекает наше внимание от других четырехкортежностей и наборов четырехкортежностей, которые еще не были закодированы в виде языковой репрезентации⁶.

С целью визуальной репрезентации мы представили языковую часть опыта в качестве оператора для четырехкортежности, отличающегося от базовых переменных опыта. В данном случае наш выбор основан на ряде фактов. Во-первых, язык относится к иному логическому уровню опыта — любая часть четырехкортежности может быть переведена в языковую репрезентацию, но не наоборот. В частности, языковая система, как дигитальная система, предполагает возможность выражения отрицания и времени, тогда как аналоговая система коммуникации не обладает этими возможностями (обсуждение см. в Bateson, 1972). Это разграничение между картой и территорией. Во-вторых, языковая система осваивается нами позже, чем наша способность ощущать мир визуально, кинестетически, аудиально-тонально и посредством обоняния. Полезность этого разграничения при организации вашей практики гипноза должна, разумеется, оправдывать его репрезентации в модели.

Это разграничение находит частное применение в том факте, что большинство клиентов, которые приходят к нам, психотерапевтам, делают это потому, что они, прежде всего, принимают карту (язык) за территорию (опыт). Они просят гипнотизера о том, в чем они нуждаются, с помощью языка. Обычно языковое описание настолько отдалено от опыта, в котором нуждаются клиенты, что они не имеют представления, обладают ли они вообще ресурсами, необходимыми для достижения желаемого. Некоторые приходящие к нам клиенты заявляют, что нуждаются в чувстве большей уверенности. *Уверенность* — это языковая репрезентация определенного опыта, который желателен клиенту. В чем именно заключается этот опыт, психотерапевт не имеет возможности узнать, пока не восстановит связь языкового описания с опытом. Для одного клиента *уверенность* будет специфическим набором телесных ощущений, для другого — определенным (внутренним) образом самого себя, а для третьего — чем-то еще⁷.

Репрезентативная система — R-оператор для четырёхкортежности

Исследование Джорджа А. Миллера приложимо в равной степени к гипнотизеру в контексте гипнотических отношений и к каждому из нас в нашем повседневном восприятии мира, — иначе говоря, многое из того, что мы ощущаем, и многое из того, что мы принимаем в качестве сигналов из внешнего мира, мы не воспроизводим в сознании. Например, пока читатель не прочитал вышеприведенное описание специфицированных четырёхкортежностей, вероятно, он не осознавал ощущения кресла, комнатной температуры и т. д. Здесь мы подразумеваем, что процесс сознательного направления внимания на ощущения — то, что мы в нашем опыте называем сознанием, — лишь небольшая часть доступных нам ощущений. Различие между тем, что мы воспроизводим сознательно, и тем, что ощущается нами как целостным организмом, можно представить, определив оператор для четырёхкортежности следующим образом:

$$R\langle V, K, A, O \rangle \longrightarrow \langle V, \emptyset, \emptyset, \emptyset \rangle.$$

Если выразить это в словесной форме, то приложение оператора к четырёхкортежности, которая отражает совокупный опыт организма, дает часть опыта, доступную сознанию организма. Читатель увидит, что результат приложения R-оператора к четырёхкортежности дает то, что мы в томе I «Паттернов» называем наиболее ценимой репрезентативной системой клиента. Вышеприведенный пример, таким образом, относится к человеку, который направляет внимание исключительно на визуальный компонент совокупного опыта — к человеку, который обычно уделяет внимание преимущественно тому, что он видит. Следовательно, в случае человека, у которого наиболее ценимой репрезентатив-

ной системой является кинестетическая, приложение R -оператора даст иной результат, а именно:

$$R(V, K, A_d, O) \longrightarrow \langle \emptyset, K, \emptyset, \emptyset \rangle.$$

Этот оператор дает эксплицитную репрезентацию для понятия наиболее ценимой репрезентативной системы — в частности, наиболее ценимая человеком репрезентативная система является переменной в четырехкортежности, которая имеет ненулевое значение, после того как R -оператор был применен к четырехкортежности, которая отражает совокупный опыт человека. Заметьте, что это не зависит от того, берет ли начало данное значение переменной в мире, являющемся для человека внешним, или представляет собой результат какого-то внутреннего процесса. В целом наиболее ценимая человеком репрезентативная система будет совпадать с элементами внешнего мира, которые он сознает; знать об этом очень важно для понимания того, как эффективно общаться с клиентом во время гипнотического сеанса.

Кроме использования R -оператора с четырехкортежностью, мы используем также R -оператор с A_d (языковой репрезентацией) плюс ассоциативную четырехкортежность. Например, можно приложить R -оператор к следующему выражению:

R (пожар)

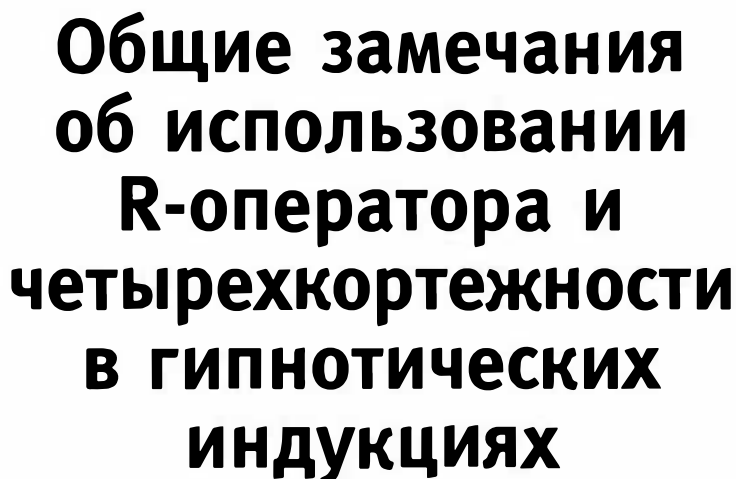
вид	ощущение	звуки	запах
сверкающего	тепла, удушающее	потрескивающих	дыма и
пламени,	ощущение дыма	языков пламени	горючих
дыма...	в легких...	и горючего материала...	материалов...

Это позволяет нам воспроизвести ситуацию, в которой человек, чей сознательный опыт воспроизводится, слышит голос другого человека, крикнувшего слово «пожар». Тем самым R -оператор можно приложить непосредственно к четырехкортежности или к репрезентации паттерна, называемого комплексным эквивалентом — т. е. к языковой репрезентации плюс ассоциативная четырехкортежность⁸.

Давайте подытожим модель четырехкортежности, представленную на данный момент. Ее основная цель — предоставить гипнотизеру средство организации его опыта и его техник так, чтобы сделать его действия во время гипнотического сеанса более гибкими и продуктивными. В своей основе четырехкортежность обладает следующими параметрами. Переживанию в любой момент времени будет присущ (хотя и не в сознании) по крайней

мере какой-то визуальный (внутренний или внешний), какой-то кинестетический (внутренний или внешний), какой-то аудиально-тональный (внутренний или внешний) и какой-то обонятельный (внутренний или внешний) параметр, который берет начало с каких-то координат пространства-времени. С каждым из них, в тот или иной момент времени объединенным с другими в четырехкортежность, можно соотнести аудиально-дигитальную (языковую) репрезентацию.

A_d — это оператор, являющийся наименованием любой конкретной четырехкортежности. R -оператор также может быть приложен к тем элементам четырехкортежности, которые клиент осознает и может их отражать. В сущности, R -оператор описывает, что представляет собой сознание в любой момент времени для любого конкретного клиента. Теперь пора взять модель и сделать ее практическим средством гипноза.

Общие замечания об использовании R-оператора и четырёхкортежности в гипнотических индукциях

В томе I «Паттернов» процесс гипнотической индукции был описан в терминах подстройки и ведения. Продвинутый ученик, изучающий гипноз и коммуникацию, найдет полезным понимание этих процессов в терминах R-оператора для четырехкортежности. Начнем с понятия подстройки. В сущности, подстройка — это процесс, посредством которого гипнотизер устанавливает контакт с клиентом или, в терминологии тома I «Паттернов», гипнотизер встречается клиента в его модели мира. Открытая подстройка обычно предполагает вербализации гипнотизера, которые соответствуют некоторому элементу текущего опыта клиента. Скрытая подстройка, очень эффективный прием индукции, будет рассмотрена позже в разделе, посвященном смысловой коммуникации с неконгруэнтным клиентом — с так называемым «резистентным клиентом».

При традиционных ритуалистических вербальных гипнотических индукциях гипнотизер дает серию вербальных внушений, которые воспроизводят для клиента в языковой форме некоторый элемент его текущего опыта. Когда клиент слышит вербализации гипнотизера, он проверяет свои переживания, чтобы определить, являются ли вербализации гипнотизера точной репрезентацией его

текущего опыта. Как только эта верифицированная петля биологической обратной связи образована, гипнотизер может привязать вербализации подстройки к вербализациям ведения, чтобы ввести клиента в измененное состояние сознания в целях гипнотического сеанса (детали техники привязывания см. «Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона», том I, части I, II, III). Значительную часть более тонких аспектов традиционной ритуалистической вербальной гипнотической индукции можно понять в терминах *R*-оператора для четырехкортежности. Если гипнотизер обладает способностью выявить специфический элемент опыта, к которому имеет доступ клиент, то он в точности знает, какой набор утверждений станет для клиента в данный момент времени быстродействующей эффективной подстройкой. К примеру, если клиент произносит ряд утверждений наподобие

Я чувствую, что извлеку огромную пользу...

Я хочу войти в контакт с...

Вы — чуткий человек...

Так много бесчувственных и грубых людей...

гипнотизер определяет, что клиент направляет свое сознательное внимание на кинестетические элементы своего опыта. Тем самым, начиная свою индукцию, гипнотизер даст серию внушений, которые используют кинестетическую репрезентативную систему. Поскольку клиент имеет доступ к этим элементам опыта, он незамедлительно удостоверится, что вербализации гипнотизера точно соответствуют его текущему опыту. В терминах *R*-оператора для четырехкортежности, гипнотизер понимает, что переживания клиента можно представить следующим образом:

$$R(A_d < K, V, A_p, O >) \longrightarrow K.$$

Соответственно, чтобы эффективно подстроиться к данному клиенту, гипнотизер выберет вербализации, которые используют кинестетические предикаты. Если гипнотизер не способен произвести репрезентативно-системное разграничение и дает внушения, помогающие клиенту вызвать внутренние визуальные образы, он рискует обнаружить перед собой сбитого с толку и, возможно, резистентного клиента. Как только гипнотизер произведет репрезентативно-системное разграничение, подобной негативной коммуникации удастся легко избежать.

Такое первичное действие, которое, согласно нашему опыту, свойственно любой успешной коммуникации, проводимой в гип-

нотических или иных целях, — а именно встреча клиента в его модели мира, — гарантирует, что гипнотизер нашел адекватный подход к клиенту. Как только эта первичная петля биологической обратной связи образована, гипнотизер может проявить свои творческие способности. Как мы уже отмечали, даже внутри репрезентативной системы, которую каждый из нас выбирает в какой-то момент времени в качестве основной, присутствует бесконечное количество доступных ощущений, которые находятся за пределами нашего — весьма ограниченного — сознания. Предлагая ряд вербализаций подстройки внутри репрезентативной системы клиента, но вне его обычного осознания, гипнотизер может умело подвести клиента к новым ощущениям. В своей замечательной статье «Дополнительные техники гипноза — техники утилизации» Эриксон приводит несколько прекрасных примеров использования вербализаций подстройки, основанных на репрезентативно-системном разграничении. Когда вы будете читать эту статью, отметьте, что Эриксон анализирует предлагаемую клиентами информацию на предмет того, какая часть текущего опыта им доступна, и использует эту репрезентативно-системную информацию, направляя внимание клиентов на ощущения внутри этой репрезентативной системы, но вне их сиюминутного осознания. В обоих цитируемых случаях Эриксон отмечает, что визуальный параметр текущего опыта является релевантной репрезентативной системой, в которой следует установить контакт, и он незамедлительно ее использует, предлагая вербализации подстройки именно в ней.

Попадают пациенты, которые оказываются невосприимчивыми и резистентными к обычным приемам индукции, хотя на самом деле хорошо поддаются гипнозу. Они встречаются чаще в психотерапевтической, но также и в общемедицинской и стоматологической практике и часто рассматриваются как негипнабельные. Это те, кто не желает принимать какое бы то ни было внушенное поведение, пока оператор не урегулирует их собственное резистентное, противодействующее или оппозиционное поведение. По причине физического состояния, тревоги, сильного интереса, беспокойства или поглощенности собственным поведением эти пациенты не могут активно сотрудничать с гипнотизером или пассивно допустить эффективное изменение своего поведения. Удовлетворить особые потребности таких клиентов могут так называемые *техники утилизации*. Эти же техники призваны ускорить и облегчить процесс наведения транса у среднего пациента. В сущности, это не более чем простое реверсирование обычной процедуры

индукции гипноза. Как правило, наведение транса основано на том, чтобы добиться от пациента некоторой формы первичного принятия и сотрудничества с оператором. В техниках утилизации обычная процедура происходит в обратном порядке: оператор первично принимает текущее поведение пациента и готов сотрудничать с ним, каким бы враждебным это поведение ни казалось в клинической ситуации.

Разнообразные техники утилизации мы проиллюстрируем следующими клиническими примерами.

Пример 1. Этот пациент очень решительно вошел в кабинет и сразу же объявил, что не знает, поддается он гипнозу или нет. Он хотел войти в транс, если это возможно, при условии, что автор подойдет к этому вопросу интеллектуально, а не с позиции мистики или ритуала. Клиент объявил, что нуждается в психотерапии по множеству причин и что испробовал разные школы психотерапии, но без какой-либо пользы. Многократно применялся и гипноз, однако он оказался совершенно неэффективным из-за «мистицизма» и «невнимания к интеллектуальному подходу».

Расспросы показали, что пациент считал значимым «рациональный» подход — не внушение идей, а беседу с ним, касающуюся его собственных мыслей и чувств в отношении происходящего. Пациент объявил, что автор должен признать, что он сидит в кресле, что кресло находится перед письменным столом и что эти обстоятельства являются абсолютными фактами реальности. Как таковые они не могут быть обойдены вниманием, забыты, отвергнуты или проигнорированы. Далее он указал, что явно напряжен, встревожен и обеспокоен сильным дрожанием своих рук, которые лежали на подлокотниках кресла, а также очень легко отвлекается, замечая все, что находится вокруг него.

Автор тотчас же ухватился за последний комментарий как за основу первичного сотрудничества с пациентом. Он сказал пациенту: «Пожалуйста, продолжайте делиться своими идеями и представлениями, позволяя мне прерывать вас лишь тогда, когда это необходимо для того, чтобы я *полностью вас понимал и следовал за вашими рассуждениями*. Например, вы упомянули о кресле, но, очевидно, вы обратили внимание и на мой письменный стол и были отвлечены находящимися на нем предметами. Пожалуйста, дайте подробное объяснение».

Клиент ответил очень подробно, с обилием более или менее связанных замечаний в отношении всего, что находилось в его поле зрения. При малейшей паузе автор вставлял слово или фразу, чтобы перенаправить внимание пациента. Эти реплики, частота которых возрастала, были следующими: «И это пресс-папье, шкаф с картотекой, ваша стопа на ковре, лампа на потолке, шторы, ваша правая рука на подлокотнике кресла, картины на стене, меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам, проявление интереса к названиям книг, напряжение в ваших плечах, ощущение кресла, неприятные

звуки и мысли, тяжесть рук и ног, тяжесть проблем, тяжесть письменного стола, стойка с канцелярскими принадлежностями, истории болезни многочисленных пациентов, феномены жизни, болезни, эмоций, физической и психической деятельности, покой релаксации, потребность проследить за своими потребностями, потребность проследить за своим напряжением при разглядывании письменного стола, пресс-папье или шкафа с картотекой, приятная отрешенность от окружающей обстановки, усталость и ее накопление, неизменный вид письменного стола, монотонность шкафа с картотекой, потребность отдохнуть, приятное чувство, когда закрываешь глаза, ощущение релаксации от глубокого дыхания, радость пассивного научения, способность к интеллектуальному научению с помощью подсознания...» Было произнесено множество других схожих коротких реплик, сначала редких, а затем все более частых.

Сначала эти реплики были всего лишь дополнением к собственному течению мысли и высказываниям пациента. На первых порах их цель состояла лишь в том, чтобы подтолкнуть его к дальнейшим усилиям. Когда удалось добиться этой реакции, стало возможным использование принятия им стимуляции его поведения посредством процедуры выдержки пауз и проявления нерешительности при завершении реплики. Это помогло вызвать у него ожидаемую зависимость от автора в отношении дальнейшей, более полной стимуляции.

По мере продолжения этой процедуры внимание пациента постепенно и незаметно для него все больше направлялось на аспекты внутреннего субъективного опыта. Затем стало возможным использовать почти непосредственно технику простой возрастающей релаксации для наведения транса и добиться транса средней глубины.

На протяжении всего сеанса психотерапии дальнейшие попытки наведения транса были в основном сравнимыми, хотя процедура все более укорачивалась.

Пример 2. Проблема этой женщины была схожа с историей первого пациента. Она заявила, что во всех предыдущих попытках проведения психотерапии все ее усилия сводились на нет из-за компульсивного направления внимания на мелочи непосредственного окружения. Она неизменно испытывала трудности с завершением своего рассказа и направлением внимания на то, что ей говорилось, из-за подавляющей потребности изучать и комментировать то, что она видела вокруг себя. (Даже это короткое сообщение прерывалось ее вопросами или просто упоминанием о различных объектах в кабинете.) Психиатр и друг семьи сказали ей, что гипноз может помочь ей добиться сотрудничества в психотерапии, и направили ее к автору.

Поскольку она показалась автору подходящим кандидатом для гипнотерапии и в ходе интервью был достигнут небольшой прогресс, автор попробовал применить гипноз посредством

использования ее собственного поведения следующим образом.

Когда клиентка спросила о пресс-папье на письменном столе, был дан быстрый ответ: «Оно в углу стола, сразу за часами». Когда она бросила взгляд на часы и требовательно спросила: «Который час?», — ей ответили: «Минутная стрелка указывает на ту же цифру, что и настольный календарь».

Затем с ее стороны последовала целая серия замечаний и вопросов без каких-либо пауз для возможных ответов и с быстрым перескакиванием с одного объекта или темы на другие. Своим поведением она напоминала несчастную маленькую девочку, парирующую вопросы взрослых путем направления их в нерелевантные, отвлекающие области.

Вербальный поток клиентки можно было прервать только с большим трудом, но и это не приносило никаких результатов. Однако когда автор раскрыл нож для разрезания бумаги, это заставило клиентку упомянуть о нем. Когда она затем продолжила свой монолог, автор протер свои очки, снова заставив ее сделать комментарий, согласующийся с ее паттерном поведения. Далее речь пациентки была прервана, когда автор положил очки в футляр; затем был перемещен настольный промокательный прибор, был брошен взгляд на книжный шкаф, а затем открыт и закрыт блокнот с графиком встреч.

Каждое из этих действий она встраивала в свой компульсивный поток высказываний. Сначала эти разнообразные действия выполнялись автором через определенные интервалы и довольно быстро. Когда она стала ожидать безмолвных прерываний автором ее речи, его движения намеренно замедлились и стали производиться с легкими нерешительными паузами. Это заставило клиентку замедлить собственные действия и ждать, когда автор использует ее поведение. Затем автор начал добавлять к своему безмолвному указанию на объекты идентифицирующее слово или фразу-комментарий.

Эта продолжительная процедура оказывала на клиентку все более глубокое тормозящее воздействие, так что она стала все более зависеть от автора, ожидая, что он укажет либо вербально, либо жестом на следующий объект, который она должна прокомментировать или назвать. По прошествии около 40 минут подобных действий стало возможным попросить ее закрыть глаза и назвать по памяти все, что она видела, и делать это до тех пор, пока она не погрузится в глубокий гипнотический сон. Когда она подчинилась, ей сказали: «А теперь “пресс-папье” и еще более глубокий сон; а теперь “часы”, и погрузитесь еще глубже в транс» и т. д., пока через 10 минут не удалось добиться глубокого сомнамбулического транса.

Когда в качестве приема индукции был использован сам паттерн резистентного поведения клиентки, клинический курс этой прежде «негипнабельной» пациентки был отмечен готовностью сотрудничать в психотерапии. Сначала каждый психотерапевтический сеанс начинался с компульсивного пове-

дения пациентки, которое незамедлительно использовалось для наведения нового терапевтического транса. Позже для обеспечения состояния транса было достаточно простого жеста, указывавшего на кресло, в которое женщина должна была сесть.

Milton H. Erickson.

Further Techniques of Hypnosis — Utilization Techniques,
Haley (ed.), 1967, p. 32–34.

Визуальная репрезентация работы Эриксона с обоими этими клиентами — четырехкортежность и R-оператор — имеет следующий вид:

$$R(A_d < K, V, O, A_t >) \longrightarrow V^e.$$

То есть эффективная и изящная индукция начинается с серии вербализаций подстройки, направляющих внимание клиента на все новые и новые ощущения внутри доступной ему репрезентативной системы. К этим примерам можно дать два дополнительных комментария. Во-первых, отметьте, что даваемые Эриксом внушения систематически ведут от ощущений с надстрочным индексом e (внешне генерируемого опыта) к ощущениям с надстрочным индексом i (внутренне генерируемому опыту). Во-вторых, оба этих примера демонстрируют второй способ, в котором R-оператор полезен при организации гипнотизером своих действий в контексте гипнотической индукции.

Добиваясь эффективной подстройки внутри собственной репрезентативной системы клиентов, Эриксон начинает переходить от их репрезентативной системы к другой переменной в четырехкортежности. В частности, он делает это посредством так называемого принципа соприкосновения между репрезентативными системами (более подробно об этом см. в «Структуре магии», том II). Этот принцип постулирует, что как только достигнута эффективная подстройка внутри собственной репрезентативной системы клиента, гипнотизер может подвести клиента к измененному состоянию сознания, найдя точку, общую для некоторого опыта в этой репрезентативной системе и того же самого опыта в одной из родственных репрезентативных систем, не являющейся в норме частью текущего опыта клиента. Например, работая с клиентом, который способен формировать детальные внутренние визуальные образы и с которым была достигнута адекватная подстройка, мы создаем яркий, насыщенный, детальный образ леса. Как только этот визуальный образ оказывается в фокусе,

мы привлекаем внимание клиента к тому факту, что он видит, как раскачиваются деревья, как изящно изгибаются их ветви, а затем говорим ему:

...когда вы наблюдаете за тем, как эти деревья раскачиваются на ветру, насладитесь звуком ветра, дующего сквозь деревья...

Когда клиент подтверждает, что слышит звук ветра, дующего сквозь деревья (обычно неосознанными движениями головы или одним из ключей доступа, типичных для аудиального внутреннего опыта), мы можем распространить это ощущение на другую переменную четырехкортежности:

...звук ветра, дующего сквозь эти деревья, когда вы наблюдаете за их раскачиванием, очень приятен... как приятно для многих людей освежающее чувство прохлады, когда ветер дует вам в лицо... и сквозь ваши волосы...

...дуновения, которые несут с собой терпкие запахи только что скошенной травы теплым летним днем...

Этот действенный маневр можно легко представить в терминах четырехкортежности и R -оператора следующим образом:

$$\begin{array}{ll}
 R_{\text{время 1}} & (A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow A_d^e \& V^i \\
 & \text{(видит деревья)} \\
 R_{\text{время 2}} & (A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow A_d^e \& V^i \& A_t^i \\
 & \text{(слышит звук ветра)} \\
 R_{\text{время 3}} & (A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow A_d^e \& V^i \& A_t^i \& K^i \\
 & \text{(ощущает воздух)} \\
 R_{\text{время 4}} & (A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow A_d^e \& V^i \& A_t^i \& K^i \& O^i \\
 & \text{(чувствует запахи)}
 \end{array}$$

Отметьте, что четырехкортежность клиента после этого маневра состоит целиком из переменных с надстрочным индексом i ; надстрочный индекс e имеет только переменная A_d^e — в данном случае слова гипнотизера.

$$A_d^e < V^i, K^i, A_t^i, O^i >.$$

Внимательное изучение примеров Эриксона указывает в точности на тот же принцип. Так, в первом приведенном случае Эриксон начинает с направления внимания клиента на различные объекты в его визуальном поле, например: *стол... предметы на столе... пресс-папье... шкаф с картотекой...* Далее Эриксон направляет внимание клиента на особый класс объектов в визуальном поле клиента — в частности, на части тела клиента, которые тот может видеть: *ваша стопа на ковре... ваша правая рука на подлокотнике кресла...* Затем Эриксон накладывает репрезентативные системы друг на друга, переходя от *V* к *K*: *меняющийся фокус ваших глаз, когда вы смотрите по сторонам... напряжение в ваших плечах... ощущение кресла...*

Два принципа, связанные с использованием R-оператора в гипнотических индукциях, которые мы обсуждаем, предполагают способность гипнотизера определять, что представляет собой репрезентативная система клиента. Мы предлагаем специфические приемы, с помощью которых вы можете потренироваться определять репрезентативную систему своего клиента, а затем творчески реагировать, используя эту информацию.

Каждый из нас обычно подбирает слова, которые мы используем при вербальной коммуникации друг с другом, на подсознательном уровне деятельности. Таким образом, эти слова показывают, к каким элементам мира внутреннего и внешнего опыта мы имеем доступ в данный момент времени. В частности, особенно показателен ряд слов, называемых предикатами (глаголы, прилагательные и наречия). Во-вторых, каждому из нас присущи определенные телесные движения, которые показывают проницательному наблюдателю, какую репрезентативную систему мы используем. Особенно значимы паттерны сканирующих движений глаз, которые нам присущи. Так, для изучающего гипноз предикаты в вербальной системе и паттерны сканирующих движений глаз в невербальной системе обеспечивают быстрые и надежные способы определения того, какие из потенциальных ресурсов, связанных с извлечением смысла, — репрезентативные системы, — клиент использует в данный момент времени и, следовательно, как творчески реагировать на клиента. Например, вспомните, сколько раз вы задавали людям какой-то вопрос, а они, делая паузу, говорили: «Гм, надо посмотреть» и сопровождали эту вербализацию перемещением глаз вверх и влево. Движение глаз вверх и влево стимулирует (у правшей) эйдетические образы, локализу-

емые в недоминантном полушарии. Нервные пути, которые идут из левой стороны обоих глаз (левые визуальные поля), имеют репрезентации в правом полушарии мозга (недоминантном). Сканнирующее движение глаз вверх и влево — распространенный прием, который люди используют для стимуляции этого полушария как метод доступа к визуальной памяти. Движения глаз вверх и вправо, наоборот, стимулируют левое церебральное полушарие и сконструированные образы — т. е. визуальные репрезентации объектов, которые человек ранее никогда не видел (см. «Паттерны», том I, часть II).

Если вы овладеете навыком определения наиболее ценимой клиентом репрезентативной системы, это обеспечит вам доступ к чрезвычайно действенному инструменту эффективной гипнотической коммуникации. Существует два основных способа, которые мы опробовали, когда учили людей на наших семинарах тому, как усовершенствовать способность определения репрезентативных систем.

1. Обращение внимания на ключи доступа, которые можно определить визуально. В частности (для правши):

<u>ключ доступа</u>	<u>идентифицируемая репрезентативная система</u>
глаза вверху и влево...	эйдетические образы (V)
глаза вверху и вправо...	сконструированные образы (V)
глаза расфокусированы...	образы (V)
глаза внизу и влево...	аудиальная внутренняя (A)
телефонные позы...	аудиальная внутренняя (A)
глаза влево или вправо на том же уровне...	аудиальная внутренняя (A)
глаза внизу и вправо...	кинестетическая (K)

2. Обращение внимания на то, как клиент (как правило, подсознательно) выбирает предикаты для описания своего опыта (см. «Паттерны», том I, часть I и «Структура магии», том I, часть I). При описании своих переживаний каждый из нас подбирает слова, описывающие элементы опыта, которые для нас наиболее значимы. То есть когда мы как коммуникаторы научаемся определять, на какую репрезентативную систему указывают слова, выбираемые нашими клиентами для описания своего опыта, мы

получаем информацию, которую можем эффективно использовать в нашей коммуникации с ними.

Конечно, это всего лишь два из многочисленных способов определения репрезентативных систем. К примеру, мы обнаружили, что прекрасным индикатором того, какую репрезентативную систему использует человек в данный момент времени с целью организации и воспроизведения для себя своего опыта, являются паттерны дыхания. Так, во время визуализации дыхание человека, как правило, становится неглубоким и задействует только верхнюю часть грудной клетки. В равной мере, согласно нашему опыту, полезны и другие индикаторы — изменения интонации человеческого голоса, темпа речи, цвета кожи человека... Мы достаточно подробно описываем два особых способа определения репрезентативных систем, позволяющих читателю научиться выявлять репрезентативную систему, используемую клиентом в определенный момент времени. Как только вы надежно овладеете этими двумя приемами и отшлифуете свою способность производить эти сенсорные разграничения, мы советуем вам самостоятельно исследовать другие индикаторы, которые позволяют получить ту же информацию. Подобные упражнения в выявлении сенсорных различий не только повысят вашу способность эффективно и изящно осуществлять свою гипнотическую коммуникацию, но также усилят и усовершенствуют вашу способность извлекать сенсорный опыт, который, согласно нашим наблюдениям, является основой эффективной коммуникации и гипноза.

Помня об этом, мы предлагаем следующее упражнение. Отберите определенную группу клиентов и потратьте первые 5–10 минут сеанса с ними на вопросы, которые, предположительно, направят их внимание на различные репрезентативные системы. Например, если бы я спросил вас, сколько слов содержит название этой книги, вы могли бы получить доступ к этой информации и воспроизвести ее для себя несколькими способами. Можно визуализировать (V^i) обложку книги и буквальным образом пересчитать слова, можно произнести про себя название книги и произвести подсчет количества слов с помощью движений пальцев (K). Однако если я спрошу вас, одним ли цветом напечатаны буквы в заглавии и в фамилиях авторов, то я предполагаю, что вы будете осуществлять доступ к информации и воспроизводить ее визуально, поскольку я использовал в своей просьбе предикативный *цвет*. Тем самым, продуманно выбирая предикаты, я могу

направить ваше внимание на ту или иную репрезентативную систему. Это имеет особо важное значение для читателя, заинтересованного в том, чтобы эти инструменты были в его распоряжении. Систематически отбирая предикаты, которые вы используете при постановке вопросов, вы можете упростить коммуникации до такой степени, что сумеете легко научиться определять ключи доступа, предлагаемые вам невербально, когда клиент пытается ответить на ваши вопросы. Это простое упражнение через очень короткий период времени позволит вам производить сенсорные разграничения, необходимые для продуктивного использования репрезентативных систем. Вдобавок, задавая подобные направленные вопросы в начале сеанса, вы систематически задействуете те самые ресурсы внутри клиента, которые заложат основу желательных для него изменений. Ниже перечислено несколько характерных вопросов с соответствующими типовыми реакциями, которые вы можете легко выявить, — мы рекомендуем вам адаптировать содержание вопросов к особенностям вашей ситуации.

Эйдетические образы:

Какого цвета глаза вашей матери?

Какого цвета ваш автомобиль?

Где вы впервые увидели меня?

При ответе на эти вопросы люди обычно смотрят вверх и влево, некоторые также используют тональный доступ (интонационные нюансы также опосредствуются недоминантным полушарием). Некоторые люди, способные визуализировать очень быстро, не будут смотреть влево, они просто немного расфокусируют взгляд, создадут образ, а затем снова сфокусируют глаза.

Сконструированные образы:

Можете ли вы представить себе фиолетовую корову?

Каким цветом мне следует покрасить свой дом?

Можете ли вы представить себя похудевшим на 20 килограммов?

Обычно при ответе на эти вопросы люди станут смотреть вверх и вправо — правда, возможны небольшие вариации.

Кинестетическая система:

Приходилось ли вам ощущать настоящую тревогу?

Не кажется ли вам, что ваша правая рука теплее, чем левая?
Сейчас вы чувствуете себя более комфортно, чем в начале сеанса?

Обычно в ответ на это люди направляют свой взгляд вниз и вправо, а когда вы задаете вопрос типа «какие ощущения вызывает у вас чувство депрессии», они, как правило, дотрагиваются до какой-то части своего тела, если реагируют кинестетически.

Аудиальная система:

Когда вы впервые слышали, как я произнес ваше имя?

Можете ли вы мысленно произнести (какое-либо предложение)?

Можете ли вы слышать музыку внутри себя?

Как вы определяете, что ведете внутренний диалог?

Приведем примеры поз, которые чаще всего встречаются при использовании внутренней аудиальной системы: человек касается рукой головы, обычно височной области, — положение руки бывает самым разным и может эффективно использоваться для понимания происходящего внутреннего диалога (например, может быть вытянут указательный палец). Что касается паттернов сканирующих движений глаз, то клиент, использующий внутреннюю аудиальную систему, обычно смотрит немного вниз и влево либо в одну из сторон на том же уровне фиксации взгляда, что и до начала реакции: во всех этих трех случаях использования ключей визуального сканирования взгляд человека обычно расфокусирован. Вы заметите, что часто эти ключи доступа сопровождаются тенденцией, когда человек приподнимает голову, словно стараясь навести одно или другое ухо.

Ведущая система — L-оператор для четырёхкортежности

Мы исходим из того, что в любой момент времени нам, людям, доступен бесконечно большой ряд ощущений. Эти ощущения могут извлекаться целиком из внешних источников (надстрочный индекс e в четырёхкортежности) или целиком из внутренне генерируемого опыта (надстрочный индекс i в четырёхкортежности), или может иметь место любопытное смешение двух вариантов. Как мы говорили ранее, из этого постоянно меняющегося мира ощущений мы отбираем (обычно подсознательно) какую-то часть, которую начинаем сознавать — R -оператор для четырёхкортежности. Наши наблюдения показывают, что хотя в данный момент времени нам доступна только малая часть наших текущих переживаний, информация, поступающая через наши сенсорные каналы, обрабатывается и воспроизводится на подсознательном уровне деятельности. Одновременно наши наблюдения свидетельствуют, что, за возможным исключением органических поражений нервной системы, в любой момент времени каждый из нас подсознательно задействует все репрезентативные системы, которые мы здесь описали. То есть то, что мы называем репрезентативной системой человека, является лишь частью сложных и взаимосвязанных когнитивных процессов, которая проникает в сознание.

Этот способ понимания сложных процессов, которые каждый из нас использует для создания карт или моделей, направляющих наше поведение, делает возможным разграничение, которое мы нашли весьма продуктивным в нашей психотерапевтической работе. Поскольку сознание — это ограниченный феномен, логически возможна ситуация, когда репрезентативная система, которую человек использует для получения доступа к своему опыту или организации его, отличается от репрезентативной системы,

которую он использует для направления информации в сознание. Например, если я спрошу вас, какая из дверей в вашем доме издает самый громкий звук, когда ее захлопывают, вы, вероятно, ответите, сначала осуществив визуальный доступ (V) к каждой из дверей в своем доме, затем, возможно, произведете некоторое скрытое мускульное движение (K), соответствующее движению, выполняемому при закрытии дверей, и, наконец, сравните звуки (A_r) каждой из захлопываемых дверей и ответите вербально (A_d). Теперь, если первичные системы, которые вы использовали (либо V , либо K) сработали без проникновения в ваше сознание, будет иметь место различие между системой, которую вы используете для доступа (вашей ведущей системой), и системой, которую вы используете для направления требуемой информации в сознание. Мы проводим разграничение между системой, которую клиент сначала использует для получения доступа к требуемой информации, и системой, которую он использует для направления информации в сознание: первую, используемую для получения доступа, мы называем ведущей системой; вторую, используемую для репрезентации информации в сознании, мы продолжим называть репрезентативной системой — R -оператором клиента. Применительно к упражнению, которое мы описали ранее (упражнение А), предикаты, используемые человеком, будут идентифицировать репрезентативную систему (R -оператор), а ключи доступа — ведущую систему (L -оператор).

При визуальной репрезентации для четырехкортежности, которую мы рассматриваем, можно легко определить новый оператор для четырехкортежности — L -оператор, который идентифицирует ведущую систему клиента:

$$L < A_r, O, V, K > \longrightarrow (V).$$

Отсюда совершенно естественным образом следует, что случай, когда происходит расщепление между ведущей и репрезентативной системами человека, можно представить визуально как случай, в котором R -оператор и L -оператор дают различные результаты по всей четырехкортежности:

$$R < A_r, O, V, K > \longrightarrow (X);$$

$$L < A_r, O, V, K > \longrightarrow (Y),$$

где $X \neq Y$.

Возможно, внести ясность в это разграничение помогут несколько примеров из опыта читателя. Многие люди часто проводят грань между своей ведущей системой и своей репрезентатив-

ной системой в такой распространенной ситуации, как *ревность*. Как правило, когда люди ревнуют и не могут «совладать со своими чувствами», они создают визуальные образы или внутренние аудиальные «магнитофонные записи», относящиеся к тому, что может происходить между человеком, которого они ревнуют, и кем-то еще. Затем они осознают чувство гнева, печали, дискомфорта или любое другое чувство, которое возникло бы, если бы то, что они представляют себе или слышат внутри, произошло прямо на их глазах. То есть их *K*-система или чувства оказываются ведомыми визуальным или аудиальным элементом их внутренне генерируемого опыта. Когда эти визуальные образы или внутренние аудиальные записи оказываются за пределами их сознания, ревнивцы осознают только чувства и обычно испытывают большие трудности с их преодолением, так как не имеют понятия, откуда эти чувства исходят и как реагировать, появившись у них какой-то выбор в этом вопросе (см. нечеткие функции и более подробное обсуждение в «Структуре магии», том II, часть III).

Многие психотерапевты и гипнотизеры, с которыми мы имели удовольствие заниматься, говорили в самом начале общения с нами, что многие из разграничений, которые мы предлагаем в наших моделях, «оправданы», как подсказывает им интуиция, которую они выработали и находят полезной в своей работе. После изучения этих интуитивных представлений вместе с этими людьми обычно оказывалось, что они научились визуально и аудиально определять минимальные подсказки (ключи) (в особенности A_1 — тональный и темповый элемент *A*-системы), которые они представляют в виде телесных ощущений. «Чутье» подсказывает им, когда клиент готов к какому-то конкретному изменению, когда он неконгруэнтен, когда сеанс подошел к естественному завершению или когда клиент озабочен каким-то «незавершенным делом». Это еще один пример разграничения между ведущей и репрезентативной системами. Наши знакомые психотерапевты и гипнотизеры ведомы своей способностью делать подсознательно тонкие визуальные и аудиальные разграничения и воспроизводят результат этих подсознательных сенсорных разграничений в *K*-системе своего сознания.

Очень часто при психотерапевтическом использовании гипноза или с так называемыми «негипнабельными» клиентами, которые хотят подвергнуться гипнозу во время стоматологического или медицинского лечения, но не реагируют адекватным образом на более ритуалистические подходы к гипнозу, мы сталкиваемся с ситуацией, когда ведущая система не совпадает с репрезентативной. Можно с пользой для себя понять эту ситуацию как особый случай некон-

груэнтности. В частности, к ней относится неспособность соотнести репрезентативную и ведущую системы. Эта форма неконгруэнтности оказывает особенно сильное воздействие, так как это неконгруэнтность формы — в отличие от неконгруэнтности содержания. Эта неконгруэнтность связана с реальными паттернами извлечения смысла. Как и в случае всех паттернов, которые мы описали, организация вашего опыта с нечеткими функциями не является по своей природе ни позитивной, ни негативной. В контексте как психотерапевтического приложения гипноза, так и работы с «негипнабельными» клиентами при стоматологическом и медицинском приложениях гипноза определение того, имеет ли место соответствие между ведущей и репрезентативной системами клиента, обеспечивает важную информацию в отношении того, как эффективно и творчески продолжить работу с подобными клиентами.

С точки зрения реакции гипнотизера на клиентов, у которых наблюдается расщепление между их ведущей и репрезентативной системами, обычно, если помочь им сделать выбор в отношении как направления той или иной системы в сознание, так и использования любой системы в качестве ведущей, это разрешает не только специфическую «проблему», с которой они обращаются к нам, но и дает им возможность произвести обширные изменения в любой области их жизни по их выбору. Более ограниченные терапевтические цели включают направление сигналов из репрезентативных систем за пределами сознания в репрезентативную систему клиента (ту, которая осознается), чтобы клиент смог сделать определенный выбор в отношении своей «проблемы». Если вы, как гипнотизер, сталкиваетесь с ситуацией, когда имеется разграничение между ведущей и репрезентативной системами клиента, существует ряд действенных способов разрешения этой ситуации. Один из самых решительных приемов — произвести аналоговое маркирование в ведущей системе, тем самым давая инструкции ведущей подсознательной системе с целью, скажем, наведения глубокого транса. Поскольку сообщения, представленные аналоговым способом, направляются в ведущую систему, которая у подобных клиентов находится за пределами сознания, их подсознательная реакция будет незамедлительной и глубокой, и, само собой, они не осознают, что произошло. Из подобных действий и рождается то, что традиционно называют магией.

Ниже мы предлагаем транскрипт (расшифровку стенограммы) беседы с клиенткой, наблюдавшейся у авторов, который включает ряд релевантных процедур определения и использования репрезентативных и ведущих систем.

Линдси, молодая женщина двадцати шести лет, входит в кабинет и нервно усаживается.

Гипнотизер: Вы Линдси?

Линдси *(глаза поднимаются вверх и влево):* Да.

Гипнотизер: Чем я могу вам помочь?

Линдси *(глаза снова поднимаются вверх и влево):* Гм, постойте... Э... Я... ну... *(кивает головой)* я рассчитывала, что гипноз поможет мне перестать... *(глаза снова идут вверх и влево)* испытывать постоянную депрессию. *(Линдси бросает быстрый взгляд на гипнотизера.)* Это глупо?

Гипнотизер *(медленно двигая головой вперед и назад):* Видите ли, в некотором смысле я никак не могу вам помочь избавиться от депрессии, но в то же время гипноз может оказать помощь.

Линдси *(вздыхая с облегчением, смотрит вверх и влево):* Я испытываю *(прикладывает руки к груди и смотрит на гипнотизера)*, я испытываю подавленность большую часть времени, и сама не знаю, почему. Я проходила психотерапию, но она совсем не помогла. Я не...

Гипнотизер: Как вы определяете, что у вас депрессия?

Линдси *(смотрит вверх и влево):* Я просто чувствую это *(прикладывает руки к груди)...*

Из этого краткого диалога гипнотизер получает достаточно информации для того, чтобы узнать о Линдси очень многое.

$$(R < V, K, A_t, O) \longrightarrow (V^e),$$

$$(R < V, K, A_t, O) \longrightarrow (K^i).$$

В этом примере Линдси осознает либо свои кинестетические внутренние ощущения, либо визуальные внешние. Изменение ее сознания предполагает направление его на переживания, находящиеся в норме вне этих областей. Мы также знаем, что у Линдси сами кинестетические внутренние ощущения извлекаются из визуальных внутренних процессов, т. е. что она сознает телесные ощущения, которые соответствуют внутренне генерируемым визуальным образам. Когда ее спрашивают, как она определяет, что у нее депрессия, она сначала смотрит вверх и влево, а затем говорит, что просто чувствует себя подавленной. Проницательный наблюдатель заметит, что это распространенный паттерн у клиентов, которые обращаются к психотерапевту. У таких клиентов происходит определенный внутренний процесс за пределами сознания, а также вне их контроля. К примеру, в данном случае Линдси непроизвольно представляет себя одинокой, скучающей и т. д. Она не осознает этот процесс визуализации — она сознает лишь негативные чувства, которые описывает как депрессию. Тем самым Линдси демонстрирует прекрасные примеры разграничения между ведущей и репрезентативной системами человека.

Гипнотическая работа с Линдси была продолжена следующим образом. Сначала изменение сознания Линдси означало, что она перейдет от использовавшихся ею стратегий обработки к некоторому измененному состоянию сознания, которое позволит ей добиться определенного контроля над «проблемой», в разрешении которой ей требовалась помощь. Поскольку ее трудности связаны с нечеткой функцией, заключающейся в том, что Линдси создавала внутренние визуальные образы за пределами сознания, а затем испытывала кинестетические ощущения, которые адекватно ассоциируются с этими внутренне генерируемыми визуальными образами, имеются два измененных состояния, которые окажут ей незамедлительную и явную помощь в обретении определенного контроля над ее «проблемой»; это либо:

$$(R < V, K, A_t, O) \longrightarrow (K^e),$$

либо

$$(R < V, K, A_t, O) \longrightarrow (V^i).$$

Иначе говоря, если Линдси научится изменять свое сознание таким образом, который позволит ей сознательно направлять свое внимание либо на внешне генерируемые кинестетические ощущения (K^e), либо на внутренне генерируемые визуальные образы (V^i), она эффективно устранила нечеткую функцию, которая порождает ее «проблему». В частности, эти две возможности отражают то, что Линдси обретает контроль над собственными процессами, либо направляя внимание на свой фактический кинестетический контакт с миром (например, ощущение кресла; свежего воздуха, обдувающего ее лицо, тепла, когда ее правая нога перекинута через левую, и т. д.), либо направляя в сознание внутреннюю репрезентативную систему, являющуюся у нее ведущей — внутренне генерируемые визуальные образы.

Отметим, что обобщение здесь состоит в следующем: в случае клиента, который добивается психотерапевтической помощи и у которого имеется несоответствие между его репрезентативной и ведущей системами, одной из особенно продуктивных возможностей является переупорядочение этих двух систем так, чтобы они совпадали. То есть гипнотизер может работать над направлением ведущей системы в сознание и тем самым над предоставлением клиенту возможностей, обеспечивая ему сознательный доступ к его ведущей системе или превращая его репрезентативную систему в ведущую. Какой бы способ гипнотизер ни избрал, результатом станет то, что ведущая и репрезентативная системы клиента совпадут — состояние конгруэнтности.

Мы последовательно применяли описанные ранее принципы: 1) наведение транса интенсифицируется до такой степени, что клиент уделяет все большее внимание внутренне генерируемым стимулам и все меньшее — внешне генерируемому опыту: переход от надстрочного индекса e к надстрочному индексу i ; 2) наведение транса предполагает подстройку к клиенту и установление контакта с ним в его модели мира: R -оператор клиента. Таким образом, авторы эффективно подстроились к Линдси, отвечая кинестетическими предикатами и используя принцип соприкосновения между репрезентативными системами. Мы ввели Линдси в измененное состояние сознания, в частности, она стала осознавать внутренне генерируемые визуальные образы. Это измененное состояние послужило в качестве референтного ощущения и дало ей возможность, благодаря которой она смогла направить в сознание (измененное состояние) визуальные образы,

которые являлись источниками испытываемого ею чувства депрессии. Линдси оказалась весьма энергичной и способной ученицей, сумев быстро достичь измененного состояния. Если бы у нее возникли какие-либо трудности в этом процессе, авторы, как и с другими клиентами, подстроились бы к ее сознанию с помощью кинестетических предикатов (ее R -оператор — K), одновременно маркируя элементы нашей текущей коммуникации визуальными маркерами (ее L -оператор — V), т. е. специфическими позами тела, движениями рук, мимикой... Это позволило бы незаметно индуцировать измененное состояние, в котором мы могли бы помочь ей создать измененные состояния сознания, необходимые ей для получения возможности разрешить свою «проблему».

В отношении транскрипта Линдси можно дать один дополнительный полезный комментарий. Мы обратили внимание на то, что среди гипнотизеров, с которыми мы имели возможность работать, прослеживается тенденция полагаться на довольно-таки ритуалистические и механические процедуры индукции при введении своих клиентов в измененные состояния сознания. Результатом подобных действий становится относительно гомогенное измененное состояние сознания у их клиентов, которое является для гипнотизера комплексным эквивалентом транса. Как правило, такой гипнотизер затем осуществляет необходимую психотерапевтическую, стоматологическую или медицинскую работу. В тех случаях, когда эта процедура оказывается успешной, мы аплодируем. Однако эти гипнотизеры часто сообщают нам, что сталкиваются с резистентными клиентами, и что работа, которую они проводят в измененном состоянии, не всегда приносит успех. В этих случаях мы настоятельно рекомендуем гипнотизерам, чтобы они повысили собственную гибкость при индукции и использовании процедур, а также адаптировали измененное состояние сознания, в которое они вводят своих клиентов, к специфическим потребностям клиентов. Измененных состояний такое же множество, как и проявлений творческих возможностей у каждого человека, который работает в качестве коммуникатора или исследует собственное сознание. Имеется бесконечное множество сочетаний внешне и внутренне генерируемых состояний. Мы рекомендуем читателю овладеть максимально возможным количеством приемов — помня о том, что создание измененного состояния или транса полезно для определенных целей. Некоторые измененные

состояния более полезны для одних целей, чем для других. Составной частью искусства гипноза и коммуникации в целом является способность коммуникатора помогать тем, с кем он контактирует, в достижении состояния, желательного для целей коммуникации. Модель четырехкортежности с разграничениями $\{e^i\}$, t/p , A_d , R и L является одним из весьма конкретных способов генерирования измененных состояний.

Теперь нам хотелось бы дать метакомментарий в отношении таких обобщений, как визуальные ключи доступа. На наш взгляд, не существует альтернативы выработке коммуникатором или гипнотизером способности делать все более тонкие сенсорные разграничения — как нет альтернативы способности видеть, слышать, ощущать и обонять. Главная тема, которая проходит красной нитью через нашу работу, — цель различных моделей, которые мы создали, будь то в серии «Структура магии» (с Вирджинией Сатир), серии «Паттернов» или в «Изменении с семьей», — разработка моделей, которые подводят людей, использующих эти модели, к их сенсорному опыту. Мы предлагаем эти модели в качестве способа самостоятельного приобретения вами сенсорного опыта — в сущности, в качестве набора сенсорных разграничений и паттернов этих сенсорных разграничений.

Согласно нашим наблюдениям, имеет место ярко выраженная тенденция, когда теории или модели (в особенности статистические модели) заменяют опыт или используются в качестве его замены. К примеру, некоторые практики гипноза, оказавшись не способными адекватно подстроиться и ввести клиента в измененное состояние сознания, приводят в свое оправдание статистические исследования, согласно которым только определенный процент людей поддается гипнозу или демонстрирует некоторый ряд феноменов глубокого транса. Мы можем дать по поводу этих исследований два комментария: во-первых, мы понимаем, что подобные исследования являются всего лишь проверкой эффективности определенного набора специфических индукций или техники использования глубокого транса. Набор строгих приемов как таковой составляет модель; и как это бывает в случае всех моделей, подобный набор требует оценки, показывающей, насколько он полезен для целей, ради которых он создан. Если набор приемов дает результат, при котором большой процент людей поддается гипнозу или демонстрирует феномены глубокого транса, то модель полезна для этих целей, и мы можем начать изучение

и разработку методов, помогающих небольшому проценту людей, которые плохо реагируют на этот строгий набор приемов, добиться этих полезных ощущений. Если набор приемов приносит результаты, при которых малый процент людей поддается гипнозу или демонстрирует феномены глубокого транса, то, в соответствии с научными принципами конструирования модели, подобные модели должны быть отвергнуты. Единственное альтернативное оправдание для подобных моделей, которое мы можем придумать, — убедить практиков гипноза в том, что они должны ожидать неудачи в работе с определенным числом своих клиентов. Каждому из нас, гипнотизеров, хорошо известно о весомости подобных внушений или самоисполняющихся пророчеств. Во-вторых, статистические исследования редко представляют в описательной форме разграничения в сенсорном опыте либо гипнотизера, либо клиента и тем самым не способны обеспечить практиков специальными средствами самообучения тому, как определить с помощью сенсорного опыта реакцию уникального человека, с которым он контактирует в данный момент времени. Как правило, акцент делается на приемы, а не на отклик человека, который пытается прореагировать на прием. Эриксон описывает этот случай вполне определенно:

Одна из основных проблем в любой гипнотической работе — наведение удовлетворительных состояний транса. Особенно это касается работы, опирающейся на глубокий гипноз. Даже проблема наведения состояний легкого транса и их сохранения на постоянном уровне часто становится трудной задачей. Серьезную проблему представляет собой достижение сопоставимых степеней гипноза у различных субъектов и схожих состояний транса у одного и того же субъекта в различные периоды времени.

Эти трудности обусловлены тем фактом, что гипноз зависит от меж- и внутриличностных отношений. Эти отношения непостоянны и меняются в соответствии с реакциями личности на каждую гипнотическую ситуацию. Вдобавок, каждая индивидуальная личность уникальна и паттерны ее спонтанного и реактивного поведения в обязательном порядке варьируют в зависимости от времени, обстоятельств, достигаемых целей и участников процесса.

В статистическом плане по гипнотическому поведению можно получить некоторые средние показатели, но они не отражают результатов, показанных любым из субъектов. Следовательно, их нельзя использовать ни для оценки индивидуальных действий, ни для оценки специфических гипнотических феноменов. Чтобы судить о глубине транса и гипнотических

реакциях, нужно принять во внимание не только средние реакции, но и различные отклонения от среднего, которые могут демонстрироваться индивидом. Например, катаlepsия является вполне стандартной формой гипнотического поведения, возникая обычно в легком трансе и сохраняясь в состояниях глубокого транса. Однако экстенсивное изучение покажет, что у некоторых испытуемых катаlepsия как одиночный феномен может никогда не возникнуть спонтанно ни в легком, ни в глубоком трансе. У других она может проявиться только на легких стадиях гипноза, у третьих — только в более глубоких трансах, а у кого-то — только при переходе от легкого к более глубоким уровням гипноза. Еще более озадачивают те испытуемые, у кого она проявляется только в связи с другими типами гипнотического поведения, например, амнезией. Каким бы хорошим индикатором состояний транса ни была катаlepsия в среднем, ее наличие или отсутствие у любого из субъектов должно интерпретироваться только в свете общего гипнотического поведения этого субъекта.

Предпринимались попытки разрешить некоторые из этих трудностей посредством разработки специальных приемов наведения и регулирования гипнотических трансов, которые иногда уделяли мало внимания характеру гипнотического поведения. Одной из наиболее абсурдных таких попыток, иллюстрирующей частую тенденцию игнорировать гипноз как феномен в пользу техники индукции как строго контролируемого процесса, оторванного от поведения субъекта, было производство фонографических записей. Это делалось исходя из допущения, что идентичные внушения вызовут идентичные гипнотические реакции у различных субъектов и в различное время. Полностью игнорировались индивидуальность испытуемых, их различающиеся способности к научению и реагированию и их различные установки, системы отсчета и цели участия в гипнотической работе. Умалялись значимость *межличностных отношений* и тот факт, что последние зависят от *внутрипсихических* или *внутриличностных отношений* субъекта.

Даже в такой устоявшейся области, как фармакология, действие стандартной дозы лекарства на физиологию индивида является некоторым приближением. Если принять во внимание трудность «стандартизации» таких неосозаемых явлений, как меж- и внутриличностные отношения, станет очевидной тщетность строгого гипнотического приема, призванного «обеспечить контролируемые результаты». Основой всех гипнотических приемов должно стать понимание variability человеческого поведения и необходимости ее учета.

Еще одно важное обстоятельство при наведении транса связано с оценкой времени как независимого фактора. Традиционно считается, что для индукции гипноза достаточно некой мистической силы, создаваемой проникновенным взглядом гипнотизера. Это ошибочное представление по-настоящему не опровергнуто, поскольку в современной литературе можно

найти утверждения, что для того чтобы вызвать глубокие нейро- и психологические изменения, обусловленные гипнозом, достаточно 2–5 минут. При назначении сильнодействующего лекарства те же самые авторы ждут определенное время, когда оно даст эффект. Ожидание практически мгновенных результатов от произнесенного слова свидетельствует о некритическом подходе, который препятствует получению научно обоснованных результатов. К сожалению, значительная часть работы на публике основывается на необоснованной вере в быстроедействие и всемогущество гипнотических внушений и на неспособности понять, что реактивное поведение у гипнотического субъекта, как и у не загипнотизированного человека, зависит от фактора времени. Часто ожидается, что гипнотический субъект через несколько мгновений полностью переориентирует себя психологически и физиологически и выполнит сложные задания, невыполнимые в негипнотическом состоянии.

Испытуемые разнятся в зависимости от временных требований, а их временные требования заметно меняются при переходе от одного типа поведения к другому, а также в зависимости от их текущей системы отсчета. Некоторым субъектам, у которых могут быстро появляться визуальные галлюцинации, для восприятия слуховых галлюцинаций требуется относительно продолжительное время. Наличие определенного настроения может облегчать или затруднять гипнотические реакции. Помешать появлению гипнотических феноменов, обычно возможных для субъекта, могут даже случайные замечания. Тот факт, что автор является психиатром, неоднократно препятствовал быстрому появлению у субъекта слуховых галлюцинаций.

Многочисленные противоречия в исследованиях гипноза объясняются недооценкой и даже игнорированием времени как важного фактора при гипнозе, а также умалением индивидуальных потребностей испытуемых. Опубликованные оценки гипнабельности людей варьируют в пределах 5–70% и даже выше. Более низкие показатели часто обусловлены игнорированием времени как важного фактора в появлении гипнотического поведения. Важность учета индивидуальности субъектов и показателей времени убедительнее всего подтверждается личным опытом автора, составляющим более 35 лет работы с более чем 3,5 тысячами гипнотических субъектов. Одному из наиболее способных подопечных автора для того, чтобы войти в первый глубокий транс с дальнейшим в равной степени стремительным и неизменно надежным гипнотическим поведением, понадобилось менее 30 секунд. У второго на удивление компетентного испытуемого только на то, чтобы индуцировать транс, потребовалось 300 часов систематической работы; после чего необходимым условием валидного гипнотического поведения был 20–30-минутный период наведения трансa.

Далее будет предложено более специфическое обсуждение, касающееся характера глубоких трансов и их наведения,

но без какого-либо намерения описать конкретную техническую процедуру. Вариабельность субъектов, индивидуальность их общих и непосредственных потребностей, их различия применительно к временным и ситуационным требованиям, уникальность их личности и способностей вместе с требованиями, предъявляемыми планируемой работой, делают невозможной какую-либо исключительно строгую процедуру. В лучшем случае строгую процедуру можно использовать для определения эффективности работы по достижению определенных результатов; как таковая она является прежде всего мерой оценки, а не неотъемлемой характеристикой полученных результатов.

Milton H. Erickson. *Deep Trance and its Induction*,
Haley (ed.), 1967, p. 7–11.

Тем самым, говоря в предыдущем разделе, что правши, когда видят эйдетические образы, смотрят вверх и влево, мы хотели привлечь ваше внимание к тому факту, что можно узнать очень многое об опыте другого человека, следя за паттернами сканирующих движений его глаз, и что определенная категория людей (правши), глядя вверх и влево, направляет в сознание визуальные образы фактических переживаний из прошлого. Мы предлагаем это в качестве способа организации своих действий по выявлению сенсорных разграничений, который позволит вам достичь большей эффективности в своей гипнотической коммуникации. В сущности, мы предлагаем вам это в качестве одного из конкретных приемов отслеживания и использования невербальных коммуникаций. Как и в случае любого паттерна в созданных нами моделях, этот является обобщением и, как все обобщения, может не сработать с каким-то конкретным клиентом в какой-то конкретный момент времени. То есть мы предупреждаем вас, что когда обобщения или паттерны, которые мы предлагаем в наших моделях, не соответствуют восприятию вами клиента, с которым вы работаете, следует адаптировать это обобщение, а не человека. Вас можно также поздравить: способность выявлять несоответствия между паттернами, которые мы предлагаем, и вашим восприятием клиента предполагает как то, что вы преуспели в усвоении паттернов, представленных в модели, — учебная задача, успешно вами выполненная, — так и то, что вы настроились на бесконечно богатый мир сенсорного опыта, а это еще важнее.

Техники доступа

Милтон Эриксон, доктор медицины из Финикса, штат Аризона, подчеркивает снова и снова, что жизнь клиентов содержит опыт, который, если его должным образом использовать, может стать основой желательного для них изменения. Если вы принимаете этот принцип, то встает вопрос, как же вам, гипнотизеру и коммуникатору, получить доступ к переживаниям клиента, которые обеспечат ресурсы для желаемых изменений. Теперь мы переходим к описанию конкретных приемов решения этой задачи.

Внутренняя обработка информации может происходить в любой репрезентативной системе. Согласно нашим представлениям, люди извлекают смысл из языка, получая доступ к элементам прошлых четырехкортежностей. Например, большинству из вас известно, что означает слово «комфорт»; но многие ли из вас знают, как вы определяете, что означает слово «комфорт»? Когда наименование, слово, произнесено, оно служит в качестве якоря для извлечения четырехкортежности, наименованием которой оно является. Когда я говорю «комфорт», становится внутренне доступной какая-то прошлая четырехкортежность или набор четырехкортежностей, связанный со словом «комфорт». На подсознательном уровне становятся доступными некоторое чувство, некоторая картина, некоторый звук и некоторый запах. В сознание проникнет только какая-то часть этой четырехкортежности или набора четырехкортежностей. Когда четырехкортежность или ее часть проникает в сознание, люди обычно прибегают к какому-то телесному движению или паттерну визуального сканиро-

вания, чтобы получить доступ к этой информации. Информация, к которой получен доступ, — это смысл или значение слова или слов. Давайте вернемся на мгновение к одному из наиболее примечательных аспектов коммуникации, — когда вы читаете слова на этой странице, они передают вам смысл. Большой вопрос, извлечете ли вы из них тот же смысл, который вкладывали в него мы, но у вас будет определенное «понимание» того, о чем мы говорим. То, в какой степени вы понимаете, что мы хотим сказать, определяет то, насколько удалась наша коммуникация. Мы указывали, что слова можно понимать как ярлыки или якоря, которые иницируют прошлые четырехкортежности. Если мы произносим или пишем слово «комфорт», как вы определяете его смысл? Согласно нашим представлениям, некогда вы или кто-то из вашего окружения испытали чувство комфорта и поместили его, или, если угодно, прикрепили якорь к некоторому переживанию. Возможно, это происходило несколько раз. А теперь, когда вы слышите это слово, оно иницирует на подсознательном уровне одну или несколько этих прошлых четырехкортежностей. На подсознательном уровне становится доступной некоторая четырехкортежность для комфорта. Вы можете сознавать ее части и испытывать как минимум некоторое чувство комфорта или видеть себя или кого-то другого в состоянии комфорта. Это может быть воспроизведено с помощью *R*-оператора для четырехкортежности на подсознательном уровне. Смысл текущего переживания извлекается из суммы прошлых переживаний. Часто, описывая словами некоторый прошлый опыт, мы настолько эффективно задействуем полный набор четырехкортежностей на подсознательном уровне, что подсознательно вызванный опыт распространяется на наше текущее поведение и мы снова переживаем его, к примеру, супружеская пара может настолько красочно описать недавнюю ссору, что снова начнет ругаться. Эриксон приводит пример этого феномена из личного опыта:

Рассказывая приятелю о подробностях поездки, предпринятой десять лет назад в Скалистые горы на автомобиле с напольным переключателем передач, автор, управлявший автомобилем с переключателем передач на рулевом колесе, неожиданно увидел красный свет и начал лихорадочно искать правой рукой напольный переключатель, чтобы перейти на нейтральную передачу, в то время как его приятель наблюдал за ним в изумлении. Автомобиль остановился только благодаря нажатию на тормоз и выключению зажигания, и только тогда автор понял, что яркость и экстенсивность его воспомина-

ний о прошлой поездке распространилась на область нераспознанных ассоциативных моторных воспоминаний.

Milton H. Erickson. *The Confusion Technique in Hypnosis*, Haley (ed.), 1967, p. 134.

Слова полезны для коммуникации тем, что они являются якорями, которые иницируют прошлые четырехкортежности. Слово «лошадь» наполнено смыслом, если вам приходилось иметь дело с лошадью, видеть ее, прикасаться к ней, слышать издаваемые ею звуки, ощущать исходящие от нее запахи — либо непосредственно, либо посредством фильма или ее изображения. Для человека, который никогда не контактировал с лошадью или с ее изображением, это слово будет лишено смысла. Если бы вы общались с таким человеком, то, возможно, описали бы лошадь как крупное животное с четырьмя ногами, способное очень быстро бегать, и т. д. Чтобы уловить тот смысл, который вы, как говорящий, пытались передать, слушатель извлек бы из своей памяти образы крупных животных с четырьмя ногами и образы быстрых животных. Единорогов не бывает — однако можно понять смысл слова «единорог», объединяя образ лошади с бивнем или рогом нарвала. Сконструированные образы этого типа могут затем послужить в качестве референтной структуры для понимания, подобно тому, как этой цели служит первичный опыт. Для гипнотизера или коммуникатора это означает, что любой опыт, генерируемый внутренне или внешне, может служить в качестве валидной референтной структуры для будущего понимания и поведения. Кроме того, прошлые четырехкортежности можно сочетать друг с другом, чтобы получить новые четырехкортежности, которые могут послужить в качестве будущего базиса понимания, научения и поведения. Это один из наиболее важных паттернов для агента изменения (психотерапевтического) — практика гипноза.

Понятия якорения (как вербального, так и невербального) и трансдеривационного поиска обеспечивают гипнотизера и коммуникатора именно теми инструментами, которые необходимы для получения доступа или стабилизации ресурсов из личностной истории клиента, требующихся клиенту для осуществления желаемых изменений.

Давайте сделаем небольшое отступление и вспомним раздел первого тома «Паттернов», касающийся трансдеривационного поиска. Во-первых, не забывайте о важном факте: все вербальные паттерны имеют свои эквиваленты в аналоговых системах.

Возьмем, к примеру, опущение — лингвистический феномен, который имеет свой эквивалент во всех репрезентативных системах. Мы опускаем естественную часть нашего подсознательного моделирования, многое из того, что нам доступно. Один из способов понимания этого — рассмотреть *R*-оператор для четырехкортежности. В сущности, все элементы нашего опыта, с которыми мы редко имеем дело, недоступны нашему сознанию. Понятие трансдеривационного поиска также имеет свой эквивалент в аналоговой системе. Давайте сначала дадим его краткую характеристику в контексте языковых паттернов:

В повседневных коммуникациях с окружающими мы используем набор стратегий языковой обработки, которые позволяют нам извлекать из речи других людей смысл слов, фраз и предложений, которые они употребляют. Эти стратегии языковой обработки составляют область исследования психолингвистов. Эриксон преуспел в использовании этих механизмов языковой обработки таким образом, который позволяет ему осуществлять коммуникацию как с сознанием, так и с подсознанием клиента. В сущности, он добивается этого, предлагая клиенту поверхностную структуру на английском языке, которая активизирует механизмы обработки, в норме относящиеся к сознанию. Одновременно он активизирует дополнительные процессы восстановления смысла, которые продуцируют значения, доступные подсознанию клиента, но не его сознанию. Мы начнем с обзора базовых лингвистических особенностей, необходимых для понимания этих техник (более подробно об этом см. в «Структуре магии», том I, Приложение А).

Узнав об этих базовых лингвистических особенностях, мы можем начать описание самих паттернов.

Любое предложение каждого естественного языка имеет две характерные репрезентации: репрезентацию того, как оно звучит в реальности (или, если оно написано, того, как оно выглядит в реальности), называемую **поверхностной структурой**, и репрезентацию его значения или смысла, которую называют **глубинной структурой**. Когда человек произносит предложение

Окно было разбито,

поверхностной структурой является репрезентация реальных звуков, издаваемых говорящим человеком, или, в случае письменной репрезентации, написанных выше слов. Кроме этой репрезентации данное предложение связано с другой репрезентацией, которая передает содержащийся в нем смысл, — с глубинной структурой. В данном случае глубинную структуру можно представить как:

ПРОШЛОЕ (РАЗБИТЬ [кто-то, окно, чем-то])

Эта репрезентация глубинной структуры призвана выразить интуитивное представление, которым все мы обладаем как носители родного языка, когда воспринимаем поверхностную структуру, приведенную выше. Мы понимаем, что:

А. Произошло некоторое событие В ПРОШЛОМ.

Б. Оно состояло из следующих компонентов:

1) Действия, выраженного глаголом «разбить», которое имело место между:

а) агентом — неким человеком или предметом, который произвел разбивание и представлен здесь словом «кто-то»;

б) объектом — неким человеком или предметом, который был разбит и представлен здесь словом «окно», и

в) инструментом — предметом, использованным для разбивания и представленным здесь словом «чем-то».

Отметьте, что хотя в поверхностной структуре отражены не все представленные части глубинной структуры (в данном случае в поверхностной структуре не представлены агент и инструмент), эта информация доступна носителю языка при понимании им предложения. Предложение «Окно было разбито» указывает носителям языка не только на то, что окно было разбито, но что *кто-то* или *что-то* должны были разбить окно *чем-то*. Аспекты, в которых поверхностные структуры могут отличаться от связанных с ними значений глубинной структуры, являются предметом исследования трансформационных лингвистов. Они постулировали ряд формальных операций картирования, называемых трансформациями, которые в точности определяют, в чем глубинная и поверхностная структуры могут отличаться друг от друга. Весь процесс, связывающий глубинную структуру с ее поверхностной структурой(ами), называют **деривацией**.

Узнав об этих базовых лингвистических особенностях, мы можем начать описание самих паттернов.

Трансдеривационный поиск — обобщенный референтный индекс

Одной из любимых техник Эриксона, которую он использовал, когда клиент находится как в трансе, так и в «нормальном» состоянии сознания, является рассказ какой-то истории. Обычно эта история начинается с фразы: «Когда-то у меня был пациент...». Затем Эриксон начинает описывать какой-то реальный или выдуманный случай, релевантный опыту человека, с которым он в данный момент разговаривает. Степень релевантности истории зависит от того, насколько директивным хочет Эриксон быть в своей коммуникации; в целом это зависит от глубины транса клиента. Эриксон использует следующий принцип: клиент прореагирует лучше всего, если релевантность истории находится за рамками сознательного восприятия клиента. Вот пример трансдеривационного поиска смысла, направляемого использованием обобщенного референтного индекса. Если Эриксон произносит предложение:

Вы можете сфокусировать свой взгляд на крае...

референтным индексом местоимения «вы» является клиент — человек, с которым Эриксон разговаривает, — и клиент осознает, что Эриксон относит слово «вы» к нему. Однако когда Эриксон говорит:

Когда-то у меня был пациент...

имеющиеся у клиента нормальные механизмы лингвистической обработки извлекают из этой поверхностной структуры значение глубинной структуры, которое не содержит какого бы то ни было местоимения или существительного, относящегося к самому клиенту. Аналогичным образом, когда клиент слышит следующие фразы:

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения...

Однажды в этом самом кресле сидел человек и очень нервничал...

Официантка хотела добиться для себя чего-то очень важного...

он конструирует для себя глубинную структуру, не содержащую существительного, референтным индексом которого является он сам. Действия Эриксона и реакция, которой он добивается от клиентов, а также наш собственный опыт и реакции, которых мы систематически добиваемся от наших клиентов, убедили нас в том, что на подсознательном уровне происходит дополнительная лингвистическая обработка. Мы обнаружили, что наиболее полезной моделью, которая помогает нам в организации нашего собственного опыта, а также в моделировании работы Эриксона, является трансдеривационный поиск. Этот процесс осуществляется следующим образом:

- а) клиент слышит грамматически правильную поверхностную структуру;
- б) клиент восстанавливает родственную глубинную структуру и осознает смысл этой глубинной структуры — тот, который не имеет к нему прямого отношения;
- в) клиент активизирует трансдеривационный поиск дополнительной глубинной структуры, которая наиболее релевантна его текущему опыту.

Этот последний шаг требует более подробного объяснения. Клиенты находят дополнительные глубинные структуры не наобум; глубинные структуры, которые они находят, связаны системным образом с первоначально восстановленной глубинной структурой. В частности, клиенты находят глубинные структуры, которые идентичны по форме восстановленной глубинной структуре, за исключением того, что они используют в качестве замены существительные с референтными индексами, которые указывают на элементы их текущего поведения, тем самым делая их максимально релевантными себе. Мы проиллюстрируем это на примере. Клиент слышит поверхностную структуру:

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения.

Используемые механизмы нормальной лингвистической обработки извлекают родственную глубинную структуру:

МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ [ВСЕ (люди, возможности научения)])

Поэтому, изображая в визуальной форме весь процесс, происшедший на данный момент, мы имеем:

*МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ [ВСЕ (люди, возможности
научения)])*

Люди могут извлечь максимум из возможностей научения

Теперь, следуя принципу трансдеривационного поиска, клиент начинает подсознательный процесс нахождения глубинной структуры, которая идентична по форме восстановленной глубинной структуре с существительными, имеющими референтные индексы, релевантные его текущему опыту и поставленные на позиции существительных, которые присутствуют в восстановленной глубинной структуре, но которые не имеют референтного индекса, релевантного его опыту в данный момент. Восстановленная глубинная структура содержит два существительных, которые не имеют референтного индекса, релевантного текущему опыту клиента; следовательно, только что найденные глубинные структуры будут идентичны восстановленной с новыми существительными, поставленными в качестве замены на эти позиции. Клиент выберет, среди прочих, следующую глубинную структуру:

*МОЖНО (ИЗВЛЕЧЬ МАКСИМУМ [я, эта конкретная возможность
научения])*

Иначе говоря, среди глубинных структур, идентичных первоначально восстановленной, присутствует та, которая приведена выше — та, которая имеет родственную поверхностную структуру:

*Я (клиент) могу извлечь максимум из этой возможности
научения*

Тем самым в процессе трансдеривационного поиска клиент находит значение, которое наиболее релевантно его текущему опыту. С помощью этой техники Эриксон успешно подстраивается к текущему опыту клиента, предоставляет клиенту предельную свободу самостоятельно извлекать смысл и, тем самым, активно участвовать в процессе коммуникации, а также избегает инструктирования клиента таким образом, который тот осознает (не будет никакого «сопротивления», поскольку Эриксон не дает никаких направляющих указаний, которым можно было бы сопротивляться).

Иначе говоря, клиент восстанавливает глубинную структуру, которая соответствует поверхностной структуре, произносимой Эриксоном, затем находит ряд глубинных структур, идентичных во всем, кроме референтных индексов. Из этой совокупности клиент затем выбирает глубинную структуру, которая наиболее релевантна его текущему опыту.

Patterns of the Hypnotic Techniques of Milton H. Erickson, M.D., Volume I, pp. 217–222.

Теперь мы обобщаем это понятие на все аналоговые системы и говорим, что слушатель в этой ситуации находит не только ряд грамматически правильных глубинных структур, но также соответствующие наборы четырехкортежностей, из которых были извлечены сами глубинные структуры. То есть слова являются якорями для прошлых четырехкортежностей; фразы — это последовательности четырехкортежностей, которые объединяются в смысловые паттерны сознательного и подсознательного понимания. Когда мы задаем какой-то вопрос, это, в сущности, просьба реагирующему человеку направить в сознание результат трансдеривационного поиска. К примеру, я мог бы спросить вас, когда вы впервые встретили Милтона Эриксона? Если вы — человек с хорошо развитой визуальной репрезентативной системой, вы можете сначала мысленно представить себе Милтона, а затем просмотреть ряд декораций, пока не увидите нужную. Если вы — человек с хорошо развитой кинестетической репрезентативной системой, вы испытаете определенное чувство, которое инициирует телесные ощущения, связанные с определенным местом и временем, которые идентифицируют вашу встречу с Эриксоном. Если вы — человек с хорошо развитой аудиальной репрезентативной системой, вы услышите голос Милтона и внимательно прислушаетесь к сопровождающим его звукам, чтобы восстановить время и место. Все это примеры трансдеривационного поиска в аналоговых системах. Слова служат средством получения доступа к понятиям, работая в качестве якорей для прошлых четырехкортежностей, объединяя их на сознательном и подсознательном уровнях, чтобы получить «новый смысл», или просто инициируя целостные прошлые воспоминания (четырекортежности).

Однако слова — не единственные якоря, которые инициируют прошлые четырехкортежности. Любой элемент любой переменной любой прошлой четырехкортежности может послужить в качестве инициатора доступа к полной прошлой четырехкортежности. Сверьтесь с собственным опытом: не доводилось ли

вам заходить в дом пожилого человека и чувствовать, что запах в нем вызывал у вас воспоминания о доме вашей бабушки? Или вы шли по улице и почувствовали запах свежескошенной травы, который воскресил детские воспоминания о том, как косил траву ваш отец. Согласно нашему опыту отбора и использования различных ведущих систем в процессе трансдеривационного поиска, переменная O (обоняние) оказывается неизменно наиболее эффективной для быстрого перемещения сквозь время и пространство. Если попросить клиентов воскресить в памяти запах их детского одеяльца, печенья в доме их бабушки... это вызывает незамедлительную и глубокую возрастную регрессию. Обонятельные пути — единственные из сенсорных путей, которые не проходят через область таламуса, проецируясь непосредственно на кору.

Не случилось ли вам видеть человека, который напоминал вам старого друга, и представить себе какую-то ситуацию, которой вы наслаждались вместе с этим другом? Когда супружеская пара говорит: «Звучит наша песня», они недвусмысленно заявляют, что определенная песня является якорем, который пробуждает воспоминания о четырехкортежностях, относящихся к какому-то другому времени и месту, и, вероятно, об удовольствиях, которые сопровождали прошлую четырехкортежность, связанную с влюбленностью. Фотографии в семейном альбоме, песенки, рекламирующие кока-колу, звуковые эффекты в кино — все это примеры якорей, которые знакомы всем нам, представителям нашей культуры. Трансдеривационный поиск — настолько привычная особенность нашего спонтанного, обычно неосознанного поведения, что люди на наших учебных семинарах сначала испытывают некоторые трудности при его идентификации.

Возможно, некоторые из вас попадали в следующую ситуацию. Вы собираетесь выйти из дома, но не можете найти ключи от своего автомобиля. Одна из последовательностей трансдеривационного поиска, к которому вы могли прибегнуть, такова. Сначала можно спросить в словесной форме (A_d^e — ведущая система в трансдеривационном поиске), не знает ли кто-нибудь, где ваши автомобильные ключи (в сущности, вы просите других людей проделать за вас трансдеривационный поиск). Далее можно попытаться визуализировать (V^i — ведущая система) место, где вы их оставили. Затем можно мысленно услышать (A_t^i — ведущая система) звук, который автомобильные ключи издают, соприкасаясь с поверхностью, на которую вы их положили. Наконец, можно выйти за дверь (где, как вы знаете наверняка, ключи в последний

раз были с вами) и снова войти в дом (K — ведущая система), чтобы активизировать моторные программы с координатами пространства-времени, в которых вы в последний раз имели при себе ключи. Стратегия использования различных переменных четырехкортежности (A_d , A_t , V , K , O) в качестве ведущей или репрезентативной системы (операторы L и R) при получении доступа и организации опыта предполагает, что вы имеете возможность изменять свое сознание. Наша практика показывает, что когда человек понимает язык, элемент A_d полного комплексного эквивалента (слово плюс четырехкортежности, являющиеся смысловым сегментом языка), он, как правило, воспринимает в сознании только элементы четырехкортежности (четырекортежностей), которые находятся в наиболее ценимой им репрезентативной системе (R -операторе).

Мы впервые предположили, что целостная прошлая четырехкортежность становится доступной при ее наименовании, когда начали, как гипнотизеры, спрашивать клиентов и участников наших семинаров и занятий, входили ли они когда-либо в глубокий транс. Точно так же на лекциях мы часто спрашивали людей, встречались ли они когда-либо с Милтоном Эриксоном, доктором медицины из Финикса, Аризона. Перед утвердительным ответом на этот вопрос или одновременно с таким ответом человек, с которым мы разговаривали, на мгновение погружался в транс. Если мы поднимали его левую руку, была очевидна катаlepsia, и несколько внушений с легкостью углубляли транс. Мы также узнали от Милтона Эриксона, что после того как достигнут глубокий транс, полезно давать клиентам сигнал к повторной индукции, чтобы облегчить немедленное возвращение к глубокому трансу, если он оказывается полезным на каком-то последующем этапе. Этим сигналом повторной индукции может стать слово, определенное интонационное качество моего голоса, кинестетическое ощущение, например, сдавливание запястья, — в общем, любая часть любой переменной четырехкортежности глубокого транса. Сначала мы расценили это как простые постгипнотические внушения. Но что, собственно, означает произнесение постгипнотических внушений? В результате теперь мы считаем более полезным рассматривать сигналы повторной индукции в качестве особого вида якоря; якоря, который дает доступ к четырехкортежности глубокого транса. Это объясняет, что именно делает возможной амнезию для постгипнотических внушений: они представляют собой четырехкортежности и якоря для четырехкор-

тежностей, которые соответствуют $\sim R$ системам и, следовательно, диссоциированы в достаточной степени для того, чтобы был невозможен сознательный доступ посредством нормального R -оператора клиента. Постгипнотическое поведение субъектов, вошедших в транс, или обычных людей, выполняющих различные *TOTE* — рукопожатие, прикуривание сигареты, переворачивание страницы или ответ на телефонный звонок, — очень схожи. В обоих состояниях, если субъекта прерывают, имеет место мгновенное отсутствие реакции и, если транс полезен, его можно с легкостью вызвать почти незамедлительно. В обоих случаях очевидно расширение зрачков, а поднятие руки клиента указывает на каталепсию. По сути дела, мы обнаружили, что интонационная, визуальная или кинестетическая маркировка какого-то слова в предложении дает доступ к целостным четырехкортежностям, связанным с названным опытом. Например, однажды в конце вечернего семинара несколько участников устали и стали засыпать в тот момент, когда обстановка требовала полного внимания. Один из авторов спросил группу, не заметили ли они кого-то исключительно **БДИТЕЛЬНОГО** (это слово было маркировано интонационным подчеркиванием) в группе этим вечером, и они заметили таких людей.

Эриксон подробно описывает великолепный пример использования кинестетического трансдеривационного поиска в качестве наведения транса. Отметьте, как в следующем отрывке Эриксон наставляет юношу в отношении использования переменной K чстырехкортежности, к которой он хочет получить доступ, чтобы перенестись назад сквозь время и пространство.

Тем летом была разработана и повторена в многочисленных вариациях еще одна технически сложная процедура наведения транса, только тогда я на самом деле не понимал, что происходит. Шестнадцатилетний юноша-молочник прежде никогда не подвергался гипнозу. Его попросили спокойно посидеть в кресле и молча произвести мысленный обзор ощущений по всему телу, когда он будет последовательно вспоминать события 20-мильного маршрута, по которому он регулярно развозил молоко на конной тележке. Я дал ему дополнительное объяснение, что, подобно тому как человек может припоминать имена, места, объекты и события, он может припоминать любые телесные ощущения. Это молочник и должен был проделать, сидя спокойно в кресле с закрытыми глазами и представив себе, как он едет по дороге, чувствуя поводья в руках, а также колебания фургона и сиденья кучера.

Вскоре было замечено, что руки и тело юноши совершают движения, напоминающие реальное управление лошадиной упряжкой. Внезапно он напряг ноги, наклонился назад — весь его вид показывал, что он с силой натягивает поводья. Его сразу же спросили: «Что ты сейчас делаешь?». Открывая глаза, он ответил: «Спускаюсь с холма Коулман». (Автор сам часто ездил по тому же маршруту на том же самом молочном фургоне и потому узнал характерные действия, выразившиеся в сдерживании упряжки при спуске с этого крутого и ухабистого холма!)

После этого юноша, закрыв глаза и, очевидно, находясь в сомнамбулическом трансе, хотя он продолжал сидеть в кресле, прошел сквозь длительный, медленный процесс мнимого управления лошадьми: он поворачивал то направо, то налево и напрягал плечи, словно поднимал бидоны с молоком, проживая таким образом заново основные события реальной поездки по молочному маршруту. Собственный опыт поездок по тому же маршруту позволил автору быстро определить, что юноша продвигается на своем пути вперед.

Однако на одном из участков дороги, где не было фермерских домов, юноша произвел движения, соответствующие натягиванию поводьев и окрику: «Тпру!». Я велел ему «ехать дальше», но он ответил: «Не могу». После многочисленных тщетных попыток побудить его продолжить поездку, на которые он неизменно отвечал: «Не могу», его спросили, почему он не может. Был дан лаконичный ответ: «Гуси». Автор тотчас же вспомнил, что иногда он сам наблюдал, как стая гусей улучала момент при прибытии молочного фургона, чтобы перейти вереницей через дорогу, следуя к другому пруду, и тем самым останавливала дорожное движение.

Этот первый транс продолжался несколько часов, во время которых юноша переживал события «поездки», и казалось невозможным вмешаться в транс и прервать его. Транс завершился, только когда юноша повернул лошадей на дорожку, ведущую к его дому.

Эта конкретная поездка была повторена в последующих аналогично индуцированных трансах со схожими результатами. Юношу просили также заново пережить другие поездки, ни в одной из которых гуси не появлялись, но при одном из подобных повторных переживаний было обнаружено игнорирование им принятой практики предоставления лошадям отдыха в определенном установленном месте.

В время этой работы автор не заметил, что кинестетические воспоминания и образы служат в качестве техники наведения транса, но она способствовала систематическому и полезному исследованию возможности использовать любую сенсорную модальность в качестве базового процесса при наведении гипнотических трансов.

Milton Erickson, *"Historical Note on the Hand Levitation and Other Ideomotor Techniques"*, Haley (ed.), 1967, pp. 89–90.

Хотелось бы подчеркнуть заключительные слова Эриксона:

...систематическому и полезному исследованию возможности использовать любую сенсорную модальность в качестве базового процесса при наведении гипнотических трансов.

Действительно, перенесение понятия трансдеривационного поиска с вербальной системы (A_d оператор) на все переменные четырехкортежности (A, K, V, O) является репрезентацией в предлагаемой нами модели «...систематического и полезного исследования возможности использовать любую сенсорную модальность...»

Те из читателей этой книги, кто имеет непосредственный опыт гештальт-работы, узнают тот же формальный паттерн, когда он появляется в контексте гештальт-терапии. Как правило, гештальт-терапевт замечает, что клиент испытывает трудности с реакциями в текущих координатах пространства-времени, и дает клиенту примерно такую инструкцию:

Теперь я хочу, чтобы вы остались с этими чувствами... и даже усилили эти чувства и позволили себе вернуться к какому-то другому случаю, когда вы испытывали в точности те же самые чувства.

В сущности, гештальт-терапевт просит клиента использовать переменную K его текущей четырехкортежности в качестве ведущей системы при трансдеривационном поиске, чтобы получить доступ к набору прошлых четырехкортежностей, которым свойственны те же самые телесные ощущения (переменная K остается постоянной), составляющие некоторое «незавершенное действие», которое мешает клиенту оставаться в настоящем времени и творчески реагировать. Прекрасным примером использования K -системы в качестве средства доступа является так называемая телесно-ориентированная психотерапия.

Процесс трансдеривационного поиска работает постоянно. Это объясняет смешение внешне и внутренне генерируемого опыта, создающее состояние, в котором живут большинство из нас. По сути дела, большую часть работы, проделанной авторами в области коммуникации, можно понять как разработку специальных техник, позволяющих коммуникатору оставаться в данном моменте (в рабочем режиме), т. е. не осознавать процесс трансдеривационного поиска, оставаясь при этом конгруэнтным и изобретательным в своих реакциях. Это позволяет ему иметь в своем распоряжении максимум сенсорного опыта, используя свои 7 ± 2 чанков внимания, сфокусированные на внешне генерируе-

мом опыте. Возьмите, к примеру, мета модель для языка, которую мы описали в томе I «Структуры магии». Этот набор языковых паттернов призван позволить коммуникаторам и психотерапевтам осуществлять вербальную коммуникацию с клиентом, касающуюся его трудности, посредством вопросов, основанных на форме языка, которую он использует, в противовес содержанию. Поэтому когда клиент говорит: «Я напуган», слушатель выявляет паттерн синтаксического пропуска (см. «Структуру магии», том I, главы 3 и 4) и реагирует, спрашивая об отсутствующей части языковой репрезентации: «Чем именно вы напуганы?» Это позволяет коммуникатору адекватно прореагировать, не переходя в нерабочий режим (трансдеривационный поиск внутри себя), чтобы понять коммуникацию на уровне содержания. Коммуникатор в контексте психотерапии, усвоивший мета модель, имеет в своем распоряжении схему *TOTE*, которая позволяет ему эффективно и творчески реагировать на высказывания клиента (предложения с опущением), не испытывая необходимости в припоминании того, что значит быть напуганным. Таким образом, когда клиент говорит: «Я напуган», коммуникатору не нужно реагировать, воскрешая чувства и переживания прошлого страха. Наличие такой возможности позволяет ему быть эффективным в целях психотерапии. В частности, это, во-первых, удерживает его от смешения собственных переживаний с переживаниями клиента (традиционно называемого проекцией и контрпереносом), а во-вторых, позволяет ему оставаться в рабочем режиме, чтобы направить внимание на сенсорный опыт и выявить все важные аналоговые сообщения, которые постоянно посылаются клиентом. Каждый момент нерабочего режима (времени бездействия) — это момент потерянной коммуникации, а агент изменения не может позволить себе упустить какие бы то ни было сообщения, если он собирается помочь своему клиенту добиться весомого и продолжительного изменения.

Как мы указывали ранее, большая часть процесса научения — это прежде всего упорядочение уже доступных *TOTE* в новые конфигурации с новым содержанием. Гипнотизерам, психотерапевтам и коммуникаторам важно понять, что клиенты, которые обращаются к ним за той или иной помощью, уже обладают всеми ресурсами, необходимыми для осуществления изменений и достижения их целей. Помощь, которая им требуется от нас, коммуникаторов, состоит в организации уже имеющихся у них ресурсов таким образом, который полезен для их конкретных потребностей.

По сути дела, гипнотизерам важно понять, что каждому человеку в какой-то момент своей жизни случалось задействовать ресурсы, необходимые для осуществления изменений, которых он в данный момент хочет добиться. Рассмотрим, к примеру, так называемые феномены глубокого транса, состоящие в позитивных и негативных галлюцинациях. В детстве мы свободно прибегали к галлюцинациям во всех системах в качестве техники научения: играя в куклы, в ковбоев и индейцев и т. д. Негативные слуховые галлюцинации (умение не слышать то, о чем кто-то говорит) являются важной частью повседневной жизни большинства людей. Гипнотизеру нужно только организовать эти — в противном случае скорее случайные — способности, чтобы они могли быть использованы непосредственным образом для конкретных целей гипнотического сеанса. Например, если мы, как коммуникаторы, просим клиента вспомнить пять случаев из его прошлого, когда он проявил настоящие творческие способности, и прикрепляем к выявленным четырехкортежностям вербальный якорь «творческой составляющей», мы тем самым помогаем этому клиенту организовать его прошлый опыт и достижения таким образом, что будет создана «творческая составляющая». Когда мы затем просим этого человека использовать эту творческую составляющую, вербальный ярлык или якорь обеспечит доступ к общим элементам прошлых творческих четырехкортежностей. Это один из способов, которыми психотерапевты обычно реорганизуют прошлый опыт, чтобы помочь клиентам преодолевать текущие трудности. Опыт, направляемый психотерапевтом при использовании «творческой составляющей», послужит в будущем референтной структурой для извлечения смысла, подобно тому как это делается с помощью слова «единорог». Якорение ролей посредством наименования является, разумеется, только одним из способов заякорить и реорганизовать ресурсы и прекрасной возможностью для работы с сознанием клиента. Якорение может быть также осуществлено незаметно, поскольку клиент будет осознавать только какую-то часть текущей коммуникации между ним и гипнотизером. Гипнотизер может заякорить четырехкортежности, незаметно подбирая якоря (аналоговые маркеры) в любой из $\sim R$ репрезентативных систем клиента. Когда клиенты подсознательно задействуют четырехкортежности, их можно также заякорить визуально, кинестетически и интонационно. Когда клиент описывает прошлые творческие моменты, можно также использовать специфическое прикосновение (например, сдавливание колена)

в качестве способа якорения четырехкортежностей, чтобы создать ресурс для клиента. Использование якорей, будь то явных или скрытых, составляет одно из основных средств агента изменения, работающего с клиентами.

В течение многих лет, которые Эриксон посвятил систематическому исследованию этих возможностей, он использовал все системы (A_d , A_t , V , K , O). В настоящее время, поскольку он прикован к инвалидной коляске, его возможности несколько ограничены. На основании своего знакомства с ним мы можем заключить, что чаще всего для якорения ресурсов своих клиентов он использует вербальные (A_d , в особенности метафора — тема третьего тома «Паттернов»), тональные и темповые (A_t) качества своего голоса, а также изменения поз. Этот последний вариант особенно интересен. Когда у клиента, с которым Эриксон общается, открыты глаза, систематические движения тела Эриксона выявляются клиентом визуально на подсознательном уровне. Когда глаза клиента закрыты, систематические движения тела Эриксона выявляются клиентом аудиально, если голос Эриксона исходит из другой точки пространства — особенность коммуникации, достаточно трудноуловимая и находящаяся вне сознательного восприятия почти каждого человека; тем самым, она является очень эффективным средством якорения.

Итак, средства трансдеривационного поиска и якорения образуют набор базовых техник доступа и стабилизации именно тех ресурсов, которые необходимы клиенту для достижения изменения, ради которого он обратился к вам за помощью. Переноса понятие трансдеривационного поиска с вербальной системы на все переменные четырехкортежности, вы, как гипнотизер, имеете в своем распоряжении полный набор действенных, простых и эффективных возможностей оказания клиенту помощи в получении доступа к ресурсам, в которых он нуждается. Использование якорей, будь то явных или скрытых, обеспечивает вас полным набором техник стабилизации ресурсов, ставших доступными благодаря техникам трансдеривационного поиска, для создания новых возможностей, желательных клиенту. Трансдеривационный поиск и якорение — это чисто формальные паттерны, заимствованные из естественных процессов извлечения смысла, которые используются всеми нами обычно на подсознательном уровне деятельности. Следовательно, они обладают двумя очень важными свойствами. Во-первых, они являются максимальным прибли-

жением к нашему текущему подсознательному процессу, т. е. представляют собой эксплицитную репрезентацию процессов, которые мы используем спонтанно. Как и в случае всех паттернов подстройки (и особенно тех, которые повторяют подсознательные процессы), это гарантирует, что они будут действенными и эффективными средствами коммуникации. Во-вторых, трансderivационный поиск и якорение — это наименования для двух формальных или процессуальных паттернов. Будучи формальными, каждый из них является эффективной репрезентацией потенциально бесчисленного количества возможностей гипнотической коммуникации — их можно легко адаптировать к ситуации с любым конкретным содержанием. Наконец, как уже заметил проницательный читатель, паттерн, который мы называем трансderivационным поиском, является наименованием процесса использования какой-то конкретной ведущей системы (*L*-оператора), чтобы получить доступ к опыту или организовать его.

Нам осталось описать последнюю особенность модели четырехкортежности — конгруэнтность. Предположим, что вы как гипнотизер спрашиваете клиента, проявлял ли он когда-либо понастоящему творческие способности, и клиент дает вербальный ответ «да», однако одновременно отрицательно мотает головой. В этом случае коммуникатору придется прибегнуть к чему-то большему, чем простое якорение. Ему придется осуществлять коммуникацию с более чем одной составляющей клиента одновременно. Это подводит нас к следующей теме и следующей особенности четырехкортежности — к *C*-оператору. Часто ваш клиент обладает более чем одной составляющей, которая осуществляет коммуникацию в какой-то момент времени. Вся коммуникация будет валидной и полезной репрезентацией опыта клиента. Эффективному коммуникатору понадобится средство организации его опыта, чтобы понять, как осуществлять коммуникацию с клиентом, который предлагает множественные сообщения, особенно если они не согласуются друг с другом.

C-оператор

Поняв ограниченность сознания, вы неизбежно почувствуете необходимость и полезность подсознательного программирования поведения. В любой момент времени t_1 человеку присущи какие-то переживания, т. е. четырехкортежность. Его R -оператор определяет, какой элемент этой четырехкортежности будет сознательно воспроизведен. Остальная часть четырехкортежности, которая имела место, сохраняется в памяти и может быть направлена в сознание в какой-то последующий период времени. Однако она не воспроизводится сознательно в момент времени t_1 , когда первоначально имела место данная четырехкортежность. Этот процесс селективного осознания и необходим, и полезен, но, подобно любому другому полезному процессу человеческого моделирования, он может быть также использован таким способом, который парализует человека. R -операторы для какого-то опыта позволяют нам, людям, обрабатывать информацию в таких объемах, с которыми мы можем справиться. Однако если мы организуем себя таким образом, что, используя R -оператор, пропустим важную информацию, например сигналы физической опасности, этот подсознательный выбор может иметь негативные последствия. Здесь достаточно отметить, что в любой момент времени t_1 будут существовать и R , и $\sim R$ для четырехкортежности, так что будет возможно следующее:

$$\begin{array}{c}
 R\langle V, K, A_t, O \rangle \longrightarrow (V) \\
 \text{и} \\
 \sim R\langle V, K, A_t, O \rangle \longrightarrow (K, A_t, O).
 \end{array}$$

Поясним это на нескольких примерах.

Джоэл резким тоном говорит своей жене Марте: «Дорогая, обед мне очень понравился». Она поворачивается к нему и говорит: «Ну, если ты считаешь, что можешь приготовить лучше, займись этим сам». Она собирается выйти из комнаты, а он говорит: «Что с тобой? Я же сказал, что обед мне понравился». В его голосе слышны гневные нотки, но на лице у него испуг, а его ладони обращены вверх. Он поворачивается к одному из авторов и пожимает плечами. Подобная коммуникация хорошо знакома проницательному наблюдателю и слушателю. Когда Джоэл разговаривает со своей женой Мартой, ее опыт можно представить так, будто она использовала для четырехкортности этого опыта такой R -оператор, который направил в сознание только A_t .

$$R\langle A_t, V, K, O \rangle \longrightarrow (A_t^e).$$

Марта

Произнесенные Джоэлом слова, его внешний вид и т. д. не были направлены в сознание.

$$\sim R\langle A_t, V, K, O \rangle \longrightarrow (V, K, O).$$

Марта

Аналогичным образом, Джоэл, когда говорил, сознавал только цифровой аспект (слова) и свои чувства.

$$R(A_d\langle A_t, V, K, O \rangle) \longrightarrow (K^i, A_d^e).$$

Джоэл

Когда авторам удалось получить от обеих сторон эту информацию, они согласились: «Это было всего лишь недоразумение». Обрадованная Марта спросила Джоэла, не хочет ли он выпить чашку кофе. Джоэл пробормотал: «Конечно», — при этом отрицательно покачивая головой. Авторы терпеливо ждали, желая понять, чем все это кончится. Спустя несколько минут Джоэл крикнул: «Где же кофе?» (в то же время демонстрируя авторам наигранную улыбку). Марта вернулась только затем, чтобы сказать: она решила, что он ответил *нет*. Тогда Джоэл сказал, что он вообще не хочет кофе.

Как же осмыслять подобные ситуации? Для проницательного человека подобные коммуникации будут правилом, а не исключением. Почему Марта и Джоэл не способны воспроизвести передаваемые множественные сообщения? Этот вопрос крайне важен для того, кто изучает человеческое поведение. Как пока-

зывает R -оператор, Джоэл может воспроизвести в собственном поведении ограниченное количество паттернов. Если его поведение непоследовательно и он воспроизводит только часть этой непоследовательности, говорят, что он неконгруэнтен, хотя он и не осознает этого. Теперь мы даем определение еще одному оператору для четырехкортежности — C , соответствующему конгруэнтности. Когда сообщения, передаваемые переменными четырехкортежности и A_d , согласуются друг с другом, мы показываем это следующим образом:

$$C(A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow \text{Да}$$

Когда передаваемые сообщения не согласуются друг с другом, имеем:

$$C(A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow \text{Нет}$$

C -оператор определяет, согласуются или нет по смыслу значения переменных A_t , V , K , O и A_d для некоторой конкретной четырехкортежности, воспринимаемой или выражаемой в какой-то момент времени t_1 . Например, когда Джоэл говорит (A_d) «да» и отрицательно мотает головой (K), передаваемые значения двух переменных не согласуются:

$$C(A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow \text{Нет}$$

Если человек собирается сказать «да», одновременно кивая головой и выражая голосом и внешним видом свое согласие, так что все его выходные каналы посылают сообщения, значения которых совпадают, то можно сказать, что он конгруэнтен:

$$C(A_d < A_t, K, V, O >) \longrightarrow \text{Да}$$

Точно так же Марта, воспроизводя ту же коммуникацию Джоэла, состоящую в вербальном «да» и визуальном «нет», и имея сознательный доступ только к визуальным параметрам своего опыта (ее R -оператор — V), не будет сознать ($\sim R$ — K, O, A, A) сообщения «нет». Эта диссоциация двух одновременно передаваемых несовместимых сообщений позволяет Марте прореагировать только на одно из этих двух несовместимых значений поступающей извне информации. Однако подсознательные элементы непоследовательной четырехкортежности (R -переменные) по-прежнему присутствуют.

Рассмотрим другой пример. Во время сеанса семейной психотерапии Фрэнк говорит Мэри, что он ее любит. В этот момент

он медленно и неосознанно (непроизвольно) двигает головой в знак отрицания. Мэри смотрит на него, нахмутив брови. Психотерапевт спрашивает Мэри, верит ли она Фрэнку. Она снова нерешительно отвечает «да». Психотерапевт спрашивает Мэри о нерешительном тоне ее положительного ответа. Она отвечает: «Я не знаю — это всего лишь чувство. Я не могу его потрогать». В этом случае, когда Мэри столкнулась с неконгруэнтной коммуникацией, R -оператор направил в сознание вербальное сообщение A_d , однако визуальное сообщение, соответствовавшее $\sim R$, было воспроизведено кинестетически. На обсуждаемом сеансе психотерапевт обвинил Мэри в том, что она не совсем честна. Это обвинение было грубым упрощением сложных процессов, протекавших в этой коммуникации. Психотерапевт не сумел заметить неконгруэнтную коммуникацию Фрэнка, не говоря уже о том, чтобы попытаться понять ее источник. А мы хотим теперь обсудить именно этот источник. Лгал ли Фрэнк или его движение головой было случайным? Оба этих ответа неадекватны ввиду сложной природы человека. Любая неконгруэнтная коммуникация со стороны человека является отражением (как минимум) двух несовместимых моделей его поведения. Поскольку сознание — это ограниченный феномен, а R -оператор определяет, что будет воспроизведено, поэтому когда R -оператор меняется (как это обычно бывает у большинства людей), могут быть сконструированы независимые репрезентации и тем самым создаются независимые модели, которые могут согласовываться или не согласовываться в отношении того, являются ли они индикаторами поведения человека. Обратитесь к собственному опыту. Не попадали ли вы в ситуацию, когда *видели* нечто, что вам хотелось попробовать, но *чувствовали*, что это будет слишком опасно? Или наоборот, возможно, вы *чувствовали* влечение к чему-то в своей жизни, но *видели*, что попытка будет слишком рискованной. Это обычные проявления, которые часто являются результатом несовместимых репрезентаций или моделей одного и того же опыта. Если подобные несовместимые модели проявляются одновременно, то результатом становится неконгруэнтность, как это имело место в приведенных выше примерах. (Подробнее см. в «Структуре магии», том II, часть II).

Полезность такой особенности, как S -оператор, наиболее очевидна в случае гипнотической коммуникации с неконгруэнтными клиентами, т. е. с клиентами, у которых имеется более чем одна модель их поведения и эти модели не согласуются друг с

другом. Если говорить коротко, то имеются две логические возможности, когда клиенту, с которым работает гипнотизер, присущи несовместимые модели: либо клиент выражает конфликтующие модели одновременно, либо он выражает их последовательно. Первый случай — одновременную неконгруэнтность — можно представить, как уже отмечалось, следующим образом:

$$C(A_d < V, K, A_t, O >) \longrightarrow \text{Нет}$$

Иначе говоря, сообщения, передаваемые по меньшей мере двумя выходными системами, не совпадают — это показывает гипнотизеру, что у клиента имеются конфликтующие модели, и что эффективная гипнотическая коммуникация потребует, чтобы он передал множественные сообщения одновременно каждой из участвующих моделей. Вторую возможность — последовательную неконгруэнтность — можно представить так:

$$\bar{C}(C(A_d < V, K, A_t, O >)_{t_1} \wedge (C(A_d < V, K, A_t, O >)_{t_2}) \longrightarrow \text{Нет}$$

хотя и

$$C(A_d < V, K, A_t, O >)_{t_1} \longrightarrow \text{Да}$$

и

$$C(A_d < V, K, A_t, O >)_{t_2} \longrightarrow \text{Да}$$

Символ \bar{C} используется для обозначения оператора согласованности, когда он применяется для сравнения согласованности двух или более полных четырехкортежей в два или более различных момента времени. Подобное часто бывает с клиентами, которые обращаются к гипнотизеру, чтобы похудеть. Они конгруэнтно заявляют, что хотят сбросить вес, но, когда пытаются следовать диете, неизбежно терпят неудачу. В момент времени t_1 , когда они выражают желание избавиться от лишнего веса, они конгруэнтны, т. е. отсутствует модель, которая противоречила бы желанию сбросить вес. Однако имеется модель или модели, которые противоречат желанию не есть. Подобные модели часто бывают сильнее постгипнотических внушений и, по сути дела, работают во многом схожим способом. Серия *TOTE*, которые составляют акт прихода на кухню и принятия пищи, и диссоциирована, и запрограммирована на то, чтобы человек прореагировал на якорь, присутствующий в одной из переменных четырехкортежности. Так, часто действующий из лучших побуждений клиент с досадой обнаруживает, что сознательно он уже наполовину допустил нежелательное нарушение своего обещания не есть.

Многие клиенты инициируют последовательность *TOTE*, мысленно представляя себе пищу или упоминая пищу во время внутреннего диалога; этот якорь обычно не представлен в сознании ($\sim R$). В результате запускается последовательность и обещание нарушается. Клиент часто испытывает чувство голода при одном упоминании о пище, подобно тому как средний человек автоматически протягивает руку для рукопожатия при малейшем намеке на его уместность. Подобные цепочки действий почти произвольны, если только не используется намеренное осознание для их контролирования. Однако ограничения сознательной репрезентации препятствуют долговременной концентрации, и поэтому курильщик продолжит курить, а обжора — есть, пока перепрограммирование не вызовет определенное обширное изменение в незатронутой серии *TOTE*. Кроме того, если у клиентов триггером, или якорем, который запускает серию *TOTE*, является $\sim R$, они лишены возможности направить его в сознание в качестве средства обретения контроля над своим поведением.

Если следовать описанным ранее понятиям, эти частные формы неконгруэнтности являются примерами расщепления между ведущей и репрезентативной системой, когда содержание этих двух систем не совпадает. Частью задачи эффективного коммуникатора и гипнотизера будет получение доступа ко всем составляющим или моделям клиента, с которым он работает, в особенности к тем, которые релевантны изменениям, желательным для клиента. Например, в случае последовательной неконгруэнтности особенно важно, чтобы коммуникатор-гипнотизер получил доступ к составляющим клиента, моделям, которые в прошлом саботировали все попытки сбросить вес или любой другой вид контролирования вредных привычек — курения, кусания ногтей и т. д. При получении доступа к моделям, которые в противном случае проявят себя последовательно после сеанса, последовательная неконгруэнтность превращается в одновременно выражаемую неконгруэнтность, тем самым позволяя коммуникатору осуществлять коммуникацию со всеми моделями в одно и то же время. В результате доступными в качестве ресурсов, способных вызвать желаемое изменение, становятся все составляющие клиента, а не только какой-то один элемент, который будет подавлен другими составляющими через некоторое время. Гипнотизер и коммуникатор должны позаботиться о том, чтобы иметь полный набор возможностей в своем вербальном и невербальном репертуаре коммуникативных навыков. В этой связи мы мельком упо-

мянем о таких техниках, как указание клиенту сделать вид, что он изменился и замечает неконгруэнтности, указание клиенту свободно поразмышлять о том, как изменится его жизнь, если он добьется этого изменения (в сущности, метамодельный вопрос для модальных операторов: «Что произойдет, если вы сделаете то-то и то-то?»), проигрывание полярности (см. «Структура магии», том II, часть II), указание клиенту сделать вид, что он не хочет изменения, а затем просьба объяснить, почему он не хочет, и т. д.

Понимание коммуникатором-гипнотизером неконгруэнтности и способность выявить и использовать ее крайне важны. На наших учебных семинарах многие гипнотизеры проявляют интерес к техникам, позволяющим работать с резистентными клиентами. Согласно нашим представлениям, сопротивление (резистентность) имеет место тогда, когда какая-то составляющая человека не желает сотрудничать с гипнотизером, например в контексте наведения транса, даже если клиент вербально сообщает о желании войти в транс. Если гипнотизер или коммуникатор не пользуется стратегией «аптайм» и не выявляет множественные сообщения неконгруэнтного клиента, тогда он столкнется с сопротивлением. Если он выявляет множественные сообщения, но не имеет средств подстройки и осуществляет коммуникацию с более чем одной моделью отдельного клиента в одно и то же время, он также, как правило, столкнется с сопротивлением. Согласно нашим представлениям, сопротивление — это отсутствие у коммуникатора способности выявить все составляющие клиента, осуществить коммуникацию с ними и творчески использовать их.

Мы разбиваем дальнейшее обсуждение на две части: коммуникацию с конгруэнтными клиентами (где $C(A_d < A_t, V, K, O) = \text{да}$) и на ситуацию с неконгруэнтным клиентом (где $C(A_d < A_t, V, K, O) = \text{нет}$).

A hand-drawn scroll with a title. The scroll is unrolled, showing a title in Russian. The title is written in a bold, sans-serif font. The scroll has a textured, hatched appearance. The title is centered on the scroll.

Паттерны смысловой коммуникации при гипнозе с конгруэнтными клиентами

Смысл коммуникации при гипнозе или в любом контексте состоит в том, чтобы служить желаемой цели. Смысл и цель беседы за утренним кофе в том, чтобы развлечь приятеля или поделиться мыслями. Обычные разговоры в течение дня, которые ведет средний человек, могут иногда служить его целям, и иногда он может быть понятым. Иногда он осознает, что его понимают неправильно. Иногда полагает, что его понимают неправильно, хотя это не так. Иногда неправильное истолкование его слов оказывается весьма на руку другому человеку. Диапазон возможностей огромен, и когда человек, серьезно изучающий коммуникацию, начинает лучше разбираться в сложностях и множественных сообщениях, присущих коммуникации, его не может не поразить количество элементов по-настоящему смысловой коммуникации, которые остаются незамеченными всеми участниками коммуникативного процесса. Как будто два незаметливых сознания обсуждают вопросы второстепенной важности, в то время как их подсознательные эквиваленты осуществляют коммуникацию, касающуюся более важных вопросов. Как же пытливому уму удастся увидеть и услышать подобные множественные сообщения в коммуникации, и как гипнотизер исполь-

зует их, чтобы помочь клиентам войти в транс и добиться изменений, которые оказывают на них благотворное воздействие? Эриксон посвятил свою жизнь исследованию этого феномена, и если удастся формализовать хотя бы половину того, что он включал в подсознательные паттерны своих действий, это заложит прочное основание для коммуникативной науки.

Случай коммуникации с конгруэнтным клиентом при гипнозе достаточно прост. Как правило, когда клиента спрашивают, хочет ли он погрузиться в глубокий транс, ответом бывает эмфатическое «да», произносимое уверенным тоном и сопровождаемое жестами согласия. Почти все техники индукции срабатывают в определенной степени; подобные конгруэнтные клиенты обычно способны продемонстрировать почти любой гипнотический феномен, а также редко нуждаются в гипнозе для психологической поддержки. Они чаще всего встречаются в стоматологической и медицинской, а также в экспериментальной практике. Люди, которые испытывают боль или которым предстоит ее испытать, обычно очень конгруэнтны в отношении своего желания ее избежать. Именно такие старательные и эффективные испытуемые участвуют в демонстрациях и приглашаются в учебные аудитории. Однако это не повод для того, чтобы практикующий проявил в своей работе небрежность. Напротив, конгруэнтный клиент предлагает возможность для глубоко творческого использования гипноза. Паттерны, описанные в первом томе «Паттернов», снабжают гипнотизера структурой для вербальных внушений при наведении и использовании трансa. Систематическое применение этих паттернов в различных сочетаниях, а также невербальных компонентов коммуникации (четырекортежностей) обеспечивает проницательного гипнотизера множеством возможностей. Но на основе чего он должен сделать выбор? Каковы, в сущности, правильные метапаттерны индукции в случае конгруэнтного клиента?

Каждый клиент предлагает гипнотизеру обилие идиосинкразических идей, представлений и прошлых переживаний, которые составляют его модель или модели мира. Однако процессы, посредством которых конструируется эта модель мира, далеко не столь многообразны. Во-первых, нам необходим организующий принцип наподобие четырехкортежности, и понимание, что каждый клиент организует свой опыт, прилагая *L*- или *R*-оператор к четырехкортежностям своего опыта. Каждый клиент следу-

ет принципу наиболее ценимой репрезентативной системы. Гипнотизерам необходимо понять важность определения R -оператора клиента; например, наведение транса — это, в сущности, изменения в R -операторе, прилагаемом к опыту клиента. Сказать, что человек перенес осознание из одной репрезентативной системы в другую, значит сказать, что человек изменил свое сознание. Визуализации, при которых используются образы устройств вроде эскалаторов, вызовут у клиента легкий транс, но не позволят ему достичь глубокого транса. В этом случае у гипнотизера имеются две группы возможностей. Во-первых, он может использовать принцип соприкосновения между репрезентативными системами. Если стала доступна кинестетическая репрезентативная система клиента, визуальный клиент изменит свое осознание более радикально и может затем погрузиться в еще более глубокие состояния транса. Читателю следует обратиться к статье о Хаксли, представленной в томе I и являющейся примером работы этого принципа — использования перехода из одной репрезентативной системы в другую при работе с конгруэнтным клиентом.

Вторая группа возможностей основана на следующем факте: даже когда используется V^i с клиентом, у которого R -оператор — V , становится доступным вся четырехкортежность. Восприимчивый гипнотизер может заметить, что визуализация эскалатора, к примеру, служит для получения доступа не только к четырехкортежности, связанной с созерцанием эскалатора, но также к сопряженным чувствам: будут также задействованы звук и, возможно, запах. Понимание и научение тому, как выявлять подобные изменения в невербальных реакциях клиента, а также расширение возможностей использовать R -реакцию обеспечат гипнотизера эффективными средствами. Но такое простое и открытое использование доступа к прошлым четырехкортежностям для конструирования смысловых последовательностей опыта при наведении транса, каким бы действенным оно ни было, является лишь одним из способов использования этого инструмента. Стоит вам понять и умело воспользоваться четырехкортежностью и связанными с ним характеристиками (например, операторами R , C , L и т. д.), и вы начнете осознавать огромное количество возможностей, к которым он открывает доступ. Когда становятся доступными прошлые четырехкортежности клиента, оказывается доступным целостный опыт, вся четырехкортежность, а также слова, употребляемые для ее описания: ресурсы, которые помогут кли-

енту измениться. Какой огромный резерв возможностей для изучающего гипноз!

Примеры с доступом, использующим образы эскалатора, легко воспроизвести в вашей собственной практике. Более сложное аналоговое маркирование осуществляется посредством определения репрезентативной системы, наиболее ценимой клиентом, и если клиент конгруэнтен, посредством маркирования этой наиболее ценимой системы или всех систем одновременно. Например, если к гипнотизеру приходит клиент, у которого хорошо развита и наиболее ценима кинестетическая репрезентативная система, гипнотизер может изящно и аккуратно, как бы невзначай, положить одну руку на колено клиента, а другую на его талию. Когда эта операция проделана в естественной и комфортной манере, во время разговора с клиентом можно маркировать ряд смысловых сообщений. (Прописные буквы идентифицируют надавливание на части тела клиента при произнесении данного слова.)

Гипнотизер: Мисс П., вы выразили определенную тревогу в отношении своей способности **ВОЙТИ В ТРАНС**, и я хотел бы подбодрить вас в **КОМФОРТНОЙ** и **ПРИЯТНОЙ** манере, чтобы вы могли испытать **УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОТ НАУЧЕНИЯ ВХОЖДЕНИЮ В ТРАНС**. **СЕЙЧАС** я хочу **ПОЧУВСТВОВАТЬ РАССЛАБЛЕНИЕ**, мы с вами не **ЗАКРЫТЫ** для этого **СЕЙЧАС** (ее глаза закрываются). Транс обеспечит (ее глаза открываются) изменение, которое позволит **РАССЛАБИТЬСЯ** и **НАУЧИТЬСЯ**, **ПО-НАСТОЯЩЕМУ НАУЧИТЬСЯ МОРГАТЬ** (она моргает) и избавиться от своих проблем...

Аналоговое маркирование множественных сообщений таким способом обеспечивает коммуникацию более чем с одной составляющей клиента. В одно и то же время ведется наполненный смыслом разговор о пользе, которую можно извлечь из транса, и маркируется еще один ряд смысловых сообщений посредством надавливаний на части тела клиента, идентифицирующих упорядоченный набор четырехкортежностей, которые индуцируют транс.

Вхождение в транс

комфортной

приятной

почувствовали расслабление

мы с вами (you and I — ай) закрыты (фонетическая неопределенность: глаз [eye — ай] закрыт)

расслабиться

научиться, по-настоящему научиться

моргать

Четырехкортежности, связанные с каждым маркированным словом или фразой в этой последовательности, сами по себе являются правильной последовательностью для продуцирования транса. Таким образом, многословные вербализации, часто цитируемые ритуалистические вербальные индукции и повторение гипнотических команд — не более чем тривиальный пример наведения транса, который Милтон Эриксон использует в усложненной форме. Вместо того чтобы повторять какое-то одно слово все громче и громче, гипнотизер, используя модель четырехкортежности, может задействовать все доступные каналы коммуникации таким способом, что сами четырехкортежности будут упорядочены для индукции и использования гипнотического транса. Дальнейшее использование аналоговой маркировки обеспечивает доступ не только к одному из наборов четырехкортежностей, но к двойным и тройным наборам одновременно, усиливая последовательность четырехкортежностей, которые ведут к трансу.

Проницательный читатель уже заметил, что аналоговое маркирование, как оно описано здесь и в первом томе, — это всего лишь особый случай якорения. Тональное или кинестетическое маркирование вербальных якорей является всего лишь одним из многочисленных способов обеспечения коммуникации, состоящей из множественных сообщений. Коммуникаторы могут заякорить текущее поведение своих клиентов систематическим образом и получить такой же комплексный результат. Например, если клиент каждый раз описывает опыт, который приближается к желаемому измененному состоянию, гипнотизер может просто заякорить этот опыт посредством особого прикосновения к правому плечу клиента. Впоследствии прикосновение к этому плечу будет вызывать на подсознательном уровне обычный набор заякоренных четырехкортежностей. Эриксон приводит прекрасный пример этой техники соприкосновения четырехкортежностей (используя в этом конкретном примере вербальный трансderivационный ключ для получения доступа к адекватным четырехкортежностям).

Можно привести очень простой и легкий для понимания пример, проясняющий этот тип аккумуляции едва заметных ключей, ведущий к специфической реакции. Остальная часть семьи проводила вечер вне дома, я приболел, но расположился с комфортом в кресле, 17-летний Берт вызвался остаться дома, чтобы составить мне компанию, хотя в этом не было необходимости. Он завел легкую беседу, в которой упомянул о спешке и суматохе, поднявшейся, когда нужно было всех одеть и накормить и упаковать все вещи перед поездкой на прошлых каникулах на север Мичигана (мы жили в то время в Мичигане). Затем он упомянул о рыбалке, ловле лягушек и пиршестве из лягушачьих лапок, обеде на пляже и о песке, которым малыши умудрились обсыпать все продукты, а затем о лягушке-альбиносе, которую мы нашли в заброшенном карьере.

Далее он в ярких красках описал, как мы в суматохе выносили пожитки из летнего домика, совершенные при этом оплошности, поиск положенных не на место вещей, исчезновение малышей и срочные их розыски, как мы запирали домик и как проголодались и устали, когда прибыли к центральной больнице округа Уэйн близ Детройта, где мы тогда жили.

В этот момент у меня мелькнула смутная мысль сказать БERTу, что неплохо бы ему взять автомобиль и прокатиться к кому-нибудь в гости, но эта идея исчезла сама собой, когда Берт, смеясь, стал рассказывать о том, как на обратном пути в Мичиган из Висконсина его брату Лэнсу очень понравились жареные цыплята бабушки Эриксон. Не переставая смеяться, он вспомнил другой случай, когда его младший брат Аллан удивил всех, в особенности бабушку и дедушку Эриксонов, своей «бульдозерной» манерой приема пищи: он подносил тарелку к самому рту и, систематически пользуясь другой рукой, медленно и уверенно сгребал содержимое тарелки себе в рот.

В этот момент меня снова посетила уже более отчетливая мысль предложить БERTу взять ключи от автомобиля и показаться в свое удовольствие, потому что очень уж мне хотелось спокойно почитать, но я забыл о ней, когда вспомнил удивленное замечание моего отца об абсолютной эффективности и скорости способа еды, придуманного Алланом.

Когда мы смеялись над этим случаем, Берт упомянул о поездке на ферму моего брата и о том, как шестилетняя Бетти Эллис долго и торжественно отвечала на взволнованные вопросы трехлетнего Аллана о том, как цыплячья мама выкармливает своих малышей, объясняя, что цыплята не относятся к млекопитающим и что только млекопитающие выкармливают своих детенышей. Когда мы смеялись над этим, меня в третий раз посетила мысль о том, чтобы предложить БERTу автомобиль на вечер, на этот раз наиболее отчетливая, и я понял, в чем дело. Предаваясь воспоминаниям, Берт рассказывал о приятных и радостных событиях, каждое из которых было связано с вождением автомобиля. Однако он ни разу не произнес слово «автомобиль»; ближе всего он подступал к нему, когда

говорил «укладывание вещей», «поездка», «поехали посмотреть», «по дороге на старый карьер», «по пути на пляж», «на обратном пути в Мичиган из Висконсина», и рассказывая о поездке на ферму моего брата; он также ни разу не упомянул слово «ключи» — максимальным приближением к нему было «запирание летнего домика».

Я сразу же разобрался в ситуации и заметил: «Ответ — нет». Он засмеялся и сказал: «Ну, папа, ты должен признать, что это была хорошая попытка». «Недостаточно хорошая: я все понял слишком быстро. Ты акцентировал слишком большое внимание на поездках в автомобиле. Тебе следовало бы упомянуть о мастерской Неда, где обслуживали нашу машину, об Эде Карпентере, у которого я эту машину купил, о поездке на зимнюю рыбалку, на которую мы отправились на машине Эмиля, но которая, тем не менее, была связана с автомобилем. Короче, ты ограничил себя постоянным косвенным упоминанием приятных поездок, неизменно относящихся к нам, и все события происходили в нашей машине. Подтекст стал слишком очевидным. Тебе на самом деле нужна машина?» Он ответил: «Нет, я просто хотел немного позабавиться, побуждая тебя предложить мне ключи от автомобиля».

Milton H. Erickson. *The «Surprise» and «My Friend John», Techniques of Hypnosis*, Haley (ed.), p. 117.

Одно из понятий, которые мы нашли полезными при организации нашей практики наведения транса, — слежение. Слежение — это методическая организация доступа к четырехкортежностям у клиента таким образом, что появляется возможность направить его от одной специфической четырехкортежности (текущее состояние — S_1) к другой четырехкортежности — S^i (глубокий транс, к примеру) при минимуме шагов или четырехкортежностей, задействованных на этом пути. Например, мы часто учим участников наших учебных семинаров использовать для наведения транса технику, называемую *перетасовкой*. Клиентов спрашивают, какое ощущение они испытывали непосредственно перед тем, как погрузиться в глубокий транс. Их методично расспрашивают об их ощущениях, перебирая значения всех переменных в четырехкортежности. Когда они дают полное описание, тем самым получая доступ к этим четырехкортежностям, этот опыт получает наименование предчетырехкортежность. Как правило, клиенты находят эту терминологию довольно смешной. Обычно кроме этого вербального якоря также используется некоторый триггер, например сдавливание колена (либо открытое с конгруэнтным клиентом, либо незаметное с неконгруэнтным клиентом), гарантирующий, что клиент сможет снова получить

доступ к предчетырекортежности, когда она затем называется и повторяется якорь в форме сдавливания колена.

Далее дается полное описание четырехкортежности, которая составит опыт клиента сразу после глубокого транса, что позволяет клиенту полностью задействовать все элементы этой четырехкортежности, когда установлены и вербальный, и *K*-якорь. Затем клиента просят вызвать предчетырекортежность (одновременно запускается *K*-триггер), постчетырекортежность (одновременно запускается *K*-триггер), а потом постчетырекортежность (*K*-триггер), предчетырекортежность (*K*-триггер) и далее оба *K*-триггера для пред- и постчетырекортежности одновременно. Обычно это приводит к глубокому трансу, и клиент получает доступ к четырекортежности глубокого транса, переходя от предчетырекортежности к постчетырекортежности.

На лекциях в демонстрационных целях мы иногда используем еще одну технику — обращение к кому-либо из присутствующих в аудитории с просьбой сравнить последний сон, который он видел перед пробуждением этим утром, с глубоким трансом. Если этот вопрос задастся конгруэнтно человеку, который был перед этим в трансе, и авторы делают выжидательную паузу, обычно вскоре наступает транс, поскольку задача сравнения двух названных измененных состояний требует, чтобы четырехкортежности для обоих переживаний стали доступными одновременно. Использование последующего транса становится средством быстрого наведения глубокого транса. Процедуры слежения подобного типа могут быть осуществлены легче всего, если просто задать вопрос, который предполагает доступ к желательной четырехкортежности. В лекционной ситуации, во время обсуждения этой самой темы, один из авторов повернулся к аудитории и серьезно спросил: «Знает ли кто-нибудь из вас, что человек испытывает при астме?» В ответ раздался захлебывающийся кашель, сопровождаемый смехом. Здесь важно уяснить себе следующее: люди делают то, о чем они говорят, когда они об этом говорят, — они получают доступ к четырекортежностям, а затем комментируют их. На вопросы люди отвечают приведением в действие релевантных четырехкортежностей и использованием их в качестве основы понимания и реагирования, независимо от того, направляет или нет реагирующий человек эти задействованные четырехкортежности в сознание. Когда человек описывает радостные события из своего прошлого, он чувствует себя счастливым, выглядит до-

вольным и издает радостные звуки; когда человек описывает какую-то страшную ситуацию, он и чувствует себя, и выглядит испуганным; когда человек говорит о каком-то очень аппетитном блюде, он мысленно пробует его на вкус, и проницательный наблюдатель сумеет заметить движения его губ и языка. Систематическое инициирование четырехкортежностей путем слежения или упорядочения, явного или скрытого, с помощью якорей или без них, обеспечивает структуру для коммуникации множественных сообщений такими способами, которые придают смысл принципу максимальной направленности (см. «Паттерны», том I, часть III).

В нашей работе мы осуществляем коммуникацию и организуем свой опыт во время гипнотического сеанса — опыт, который, на наш взгляд, свойствен многим практикам гипноза. Мы предлагаем обсуждение трех конкретных моделей слежения, которые мы нашли полезными в нашей гипнотической работе. Мы настоятельно советуем вам поэкспериментировать с этими моделями, тем самым повышая их эффективность и изящество в вашей работе с гипнозом.

Модель слежения I

Если следовать логике, простейшая модель слежения — та, в которой гипнотизер переводит клиента из его текущего состояния (S_1) в желаемое состояние (S') всего лишь за один шаг. Давайте используем в качестве примера наведение транса.

Однажды к нам за помощью обратился джентльмен; он хотел подвергнуться гипнозу, чтобы тот помог ему найти решение проблемы. Короткое интервью выявило, что по профессии он хирург. Из его описания своей работы мы заключили, что при проведении хирургических операций этот джентльмен входил в измененное состояние, в котором его сознательное внимание фокусировалось на одной-единственной вещи — операции, — и ничто не могло его отвлечь. Если бы его вдруг отвлекли какие-то звуки или передвижения вокруг, это могло бы иметь для его пациентов фатальные последствия. Тогда мы попросили его подробно описать последнюю проведенную им примечательную, успешную операцию, — описать ее с той же заинтересованностью и старанием, с которыми он проводил эту операцию. Он должен был пройти через каждый этап операции, убедиться, что ничто не забыто и что в этот раз он проделает все необходимое столь же качественно, как и всегда. Мы объяснили, что хотя его сознание будет занято операцией, мы будем тайком разговаривать с его подсознанием. Через несколько секунд последовал транс — мы лишь углубили его и начали свою работу. Смысл этого в том, что коммуникатор с определенными творческими способностями сумеет найти четырехкортежность для почти любого желаемого измененного состояния, в которое его клиент уже входил в прош-

лом. Эту четырехкортежность, некогда ставшую доступной, можно использовать в качестве ресурса при оказании помощи любому клиенту с индивидуальными потребностями. Мы рекомендуем, чтобы каждый из вас идентифицировал распространенные четырехкортежности для состояний сознания, которые вы раз за разом вызываете у своих клиентов, — например для общего глубокого транса подходят такие четырехкортежности, как мечтания, укачивание в дороге, так называемое гипнагогическое состояние, чувство скуки на лекциях, проповедях и т. д.

Модель слежения II для упорядочения четырекортежностей

Модель упорядочения четырекортежностей обеспечивает отличный вариант действий либо для наведения транса, либо для его использования с какой-то целью. Переведение клиента из любого состояния S_1 в любое иное состояние сознание S^i может быть достигнуто описанием четырекортежностей, лучше тех, которые отмечались у клиента, чтобы значения переменных четырекортежности S_1 плавно менялись на значения переменных S^i . Например, клиент — старательный и конгруэнтный человек, который хочет узнать о погружении в глубокий транс. Задавание ему вопросов на эту тему и обсуждение его представлений вместе с ним дают гипнотизеру возможность пронаблюдать за ключами доступа и прислушаться к предикатам. Текущее состояние клиента можно назвать состоянием бодрствования. В процессе выяснения представлений клиента он прибегнет к трансderivационному поиску (L -оператору), чтобы понять суть и прореагировать. То есть часть четырекортежностей текущего состояния клиента — внутренние. Клиенту присущ смешанный фокус внимания, находящийся между внутренне генерируемым и внешне генерируемым опытом. Предположим, что наблюдая за гипнотизером и слушая его, клиент визуализирует и ведет внутренний диалог и что его R -оператор

для четырехкортежности — кинестетический, т. е. клиент осознает только свои телесные ощущения, например чувство смущения и озадаченности. Гипнотизер производит быстрый анализ коммуникации, которая была у него с клиентом, и начинает следующим образом (выделенные слова и фразы были аналогово маркированы посредством интонационных изменений, а многоточия указывают на паузы):

Гипнотизер: *Помните ли вы, что читали книгу в приемной, ожидая своей очереди?*

Клиент: Да.

Гипнотизер: Я заметил, что вы читали эту книгу, и хочу провести с вами небольшой эксперимент, *прежде чем мы начнем*. Вы не возражаете?

Клиент: Нисколько.

Гипнотизер: Теперь я хотел бы, чтобы вы *закрыли глаза и увидели* эту книгу открытой на первой странице, которую вы прочитали... и хотя слова не совсем ясны, вы *продолжаете смотреть* на книгу с удовольствием... пристально *разглядываете ее*, и когда вы начинаете дышать *глубже*, слова становятся *яснее* и яснее, пока вы не начинаете читать книгу, как вы делали это ранее. Вы могли бы облегчить себе задачу, если бы почувствовали *запах* бумаги и сделали вид, что осязаете переплет, как будто вы берете книгу в руки и начинаете читать; в тот момент, когда я прошел через приемную, вы даже не заметили меня, вы были так поглощены этой книгой... легко *погрузиться* в книгу настолько *глубоко*, что вы не услышите даже голоса людей, разговаривающих рядом с вами... вы можете даже погрузиться в чтение книги настолько, что забудете, где и с кем вы находитесь... по сути дела, эта книга может стать еще одной, в которую вы погружаетесь *еще глубже*... погружаетесь настолько *глубоко*, что вы забываете о времени, и весь ваш мир становится миром книги в ваших руках... и ваше сознание может продолжать читать и наслаждаться этой книгой, в то время как ваше *другое сознание слушает* меня, поскольку вам необязательно слушать меня... получится, что это облегчит полное погружение в кни-

гу; вы можете *поднести* одну из ваших рук к лицу, чтобы я узнал, когда ваше сознание *окончит* чтение и ваше другое сознание и я сможем перейти к работе над проблемой, которую вы хотите разрешить... теперь единственная важная вещь состоит в том, чтобы ваше сознание *оторвалось* от чтения книги и вспомнило наиболее интересную *мысль*, которую вы слышали. (*Рука клиента начинает немного подниматься над коленом, но, по-видимому, с определенными трудностями.*) Вы можете перевернуть страницу, когда вам это понадобится... вы можете почесать *лицо*, когда оно чешется... вы делали это раньше, не сознавая это, когда были погружены в чтение... (*рука клиента поднимается, отрываясь от колена*).

Упорядочение четырехкортежностей при наведении транса отличается простотой — оно требует только того, чтобы гипнотизер исследовал переживания клиента достаточно тщательно и нашел четырехкортежности, которые естественным образом ведут от текущего состояния клиента S_1 к желаемому измененному состоянию, которое имело место ранее в приемной гипнотизера (погружение в чтение книги), в качестве средства слежения за тем, как внимание клиента переключается с внешне генерируемого опыта исключительно на внутренне генерируемый (надстрочный индекс четырехкортежности меняется с e на i). Гипнотизер также эффективно использовал элемент K переменной внутренне генерируемой четырехкортежности для чтения книги (переворачивание страницы), чтобы направить клиента совершенно естественным образом к четырехкортежности левитации кисти и предплечья. Это простой, но действенный пример принципа наложения четырехкортежностей, который позволяет гипнотизеру перевести клиента в желаемое состояние. В частности, наложение четырехкортежности для чтения книги, точнее для переворачивания страницы, и четырехкортежности для левитации кисти и предплечья происходит в K -системе. В обоих четырехкортежностях отмечается полностью автоматическое, комфортно подсознательное движение (*TOTE*) кисти и предплечья вверх. Эти привычные *TOTE* перекидывают естественный мостик к переходу из одного состояния (S_1 = чтение книги) к другому состоянию (S_i = левитация кисти и предплечья), более близкому к желаемому состоянию (глубокий транс, S'').

Подобно тому как слова являются якорями для прошлых четырехкортежностей, любой элемент переменной прошлой четырехкортежности также служит якорем для всей четырехкортежности (опыта). Разумеется, прошлые четырехкортежности можно упорядочить так, чтобы подвести любого человека к любому опыту, который мы хотим воссоздать. В предыдущем примере клиенту было легко начать с припоминания чтения, затем перейти к четырехкортежности для чтения, а потом к настолько глубокому погружению в чтение, что его внешний мир начал исчезать визуально, а также аудиально. После этого в целях использования транса было относительно просто вызвать у него диссоциацию. Модель II для упорядочения четырехкортежностей требует, чтобы гипнотизер сумел определить, какое измененное состояние необходимо для конкретных гипнотических целей, будь то психотерапевтические, стоматологические или медицинские, и нашел связующие четырехкортежности в прошлом клиента. Эту модель слежения можно представить визуально таким образом:

$$S_1, S_2 \dots S_i \dots S_{n-1}, S_n,$$

где S_1 = текущие четырехкортежность и состояние клиента,

S_n = желаемые четырехкортежность и состояние клиента,

а S_2 по S_{n-1} включительно — логическая прогрессия четырехкортежностей из личной истории клиента, получаемая путем систематического изменения переменных, так что они накладываются друг на друга.

Эта модель слежения особенно эффективна при работе с детьми, поскольку значительная часть детских переживаний представляет собой измененные состояния, которые приближаются к трансу. Например, мы часто спрашиваем ребенка-клиента, которого приводят к нам родители для гипнотической работы, знает ли он о своей спящей руке. Аналоговая коммуникация гипнотизера является очень важным аспектом этого маневра. Гипнотизер должен выглядеть и говорить по-настоящему взволнованно и заинтересованно. Дети — очень чуткие коммуникаторы и быстро улавливают неконгруэнтную коммуникацию.

Затем мы обычно продолжаем следующим образом.

Транскрипт

Гипнотизер: Знаешь ли ты о своей спящей руке (*интонация, темп речи, выражение лица и другие телесные движения гипнотизера передают юношеский задор, взволнованность и некоторую таинственность*)?

- Ребенок:** Нет (*вид у него заинтригованный и слегка озадаченный*).
- Гипнотизер:** Ты хочешь сказать, что никто никогда не говорил тебе о твоей спящей руке?
- Ребенок:** Нет.
- Гипнотизер:** А ты хочешь узнать?
- Ребенок:** Конечно.
- Гипнотизер:** Ты обещаешь никому не рассказывать?
- Ребенок:** Да. (*Гипнотизер подозрительно смотрит на ребенка*)
...Я обещаю, что не расскажу.
- Гипнотизер:** Хорошо, мне кажется, тебе можно верить. Какая твоя любимая телепередача?
- Ребенок:** «Стив Остин».
- Гипнотизер:** Ты имеешь в виду сериал про человека с шестью миллионами долларов?
- Ребенок:** Да.
- Гипнотизер:** А ты можешь увидеть первую сцену своей любимой серии (*аналоговое изменение интонации*)?
- Ребенок:** Могу.
- Гипнотизер:** Теперь закрой глаза... (*гипнотизер приподнимает левую руку ребенка*)... Продолжай смотреть «Стива Остина» и позволь своей руке опуститься, но не раньше, чем ты увидишь всю передачу, и единственное, что тебе нужно сделать, — это припомнить своего любимого персонажа и сказать, когда ты закончишь... потратить столько времени, сколько тебе нужно, чтобы понастоящему этим насладиться.

Как правило, этого слежения достаточно для наведения транса. Рука медленно и каталептически опустится. Когда ребенок увидит эйдетические образы, стороной его тела, противоположной полушарию с эйдетическими образами, можно аккуратно манипулировать, а когда происходит церебральная конкуренция, клиент обычно не осознает кинестетических ощущений. Мы советуем вам каждый раз, работая с клиентами-детьми, выяснять, в каком полушарии появляются эйдетические образы. У многих левшей спящей рукой оказывается правая, поскольку локализация функций (в их числе эйдетических образов) и, по сути дела, всех церебральных функций с точки зрения полушарий будет обратной.

Это можно легко проверить с помощью ключей доступа, например, попросив ребенка представить себе дом, в котором он живет. Если глаза перемещаются вверх и вправо, значит вы имеете дело с обратным случаем, и церебральная конкуренция между эйдетическими образами и *K*-системой будет максимальной, когда поднимается правая рука. Если глаза ребенка перемещаются вверх и влево, как у большинства правшей, тогда его спящей рукой будет левая. Если это приемлемо, руку ребенка можно аккуратно остановить (тем самым останавливая эйдетические образы) и вставить «психологическую рекламу», например: «А ты удивишься, обнаружив, насколько приятнее спать в сухой постели?» Когда «реклама» вставлена, рука освобождается и последовательность эйдетических образов возобновляется. Обычно у ребенка не будет возникать сознательной репрезентации «рекламы». Это также хорошо помогает в качестве индукции в случае многих конгруэнтных взрослых клиентов. Как правило, далее мы просим их визуализировать первую сцену из их любимого фильма, а затем приподнимаем им руку и конгруэнтно говорим им, чтобы они позволили своей руке опуститься, но не раньше чем закроют глаза и погрузятся в расслабленное состояние, посмотрев этот фильм от начала до конца. Время от времени мы проводим демонстрацию, задавая одному из слушателей, находящихся в пределах досягаемости, вопрос о чем-то требующем визуализации — например, просим подробно описать дом, в котором человек жил в юности. Конгруэнтно спрашивая о все новых и новых деталях, относящихся к визуальным параметрам дома, один из авторов приподнимает левую руку человека (если он правша), с которым мы разговариваем. В то время как слушатель продолжает свое вербальное описание визуального образа, его левая рука остается каталептически подвешенной в воздухе, пока описание не заканчивается и взгляд человека не перефокусируется. Мы имеем возможность использовать каталепсию в качестве начала наведения транса, если этот маневр адекватен ситуации. Данная модель для упорядочения четырехкортежностей является отменным способом наведения транса либо непосредственным, либо косвенным путем. Описание переживаний, которые сами по себе служат якорями для внутреннего опыта, все более и более приближает человека к требуемому измененному состоянию. Если вы хотите использовать собственные творческие способности и внутренние ресурсы своих клиентов, имейте в виду, что возможным способом применения модели этого типа, которая направляет ваши действия как гипнотизера, просто нет предела.

Модель слежения III — конструирование четырёхкортежностей

Третьей возможностью организации вашего опыта при проведении гипноза является модель слежения для конструирования четырёхкортежностей. Снова в согласии с эриксоновским принципом, гласящим, что где-то в личной истории клиента имеются ресурсы, позволяющие произвести изменения, ради которых клиент обратился к гипнотизеру за помощью, гипнотизер может использовать принципы трансдеривационного поиска и найти эти прошлые четырёхкортежности, которые уже образуют элементы поведения, требуемого для новой возможности или опыта, желательного клиенту. Третья модель отличается от моделей слежения I и II тем, что в опыте клиента нет специфической четырёхкортежности, который ему требуется, и представляет собой новую возможность или опыт, ради приобретения которых клиент обратился к гипнотизеру за помощью. Тем самым гипнотизер должен получить доступ к ряду других прошлых четырёхкортежностей из личной истории клиента, каждый из которых включает элемент четырёхкортежности, над созданием которого работают клиент и гипнотизер. К примеру, клиент — молодая женщина, которой очень трудно вести себя уверенно с мужчинами старше ее. Гипнотизер может выбрать модель слежения III и начать задавать клиентке подробные вопросы, связанные с номинализацией «уверенность»: иначе говоря, он выясняет, какой специфический набор чувств, тональных, темповых и мелодических качеств голоса, способов визуальной подачи себя составляет уверенное поведение с мужчинами более старшего возраста. Когда гипнотизер будет обсуждать это с клиенткой, та продемонстрирует

ет свое понимание уверенности, основанное на ее прошлом опыте. В качестве естественной части этого коммуникативного взаимодействия гипнотизер может спросить клиентку, приходилось ли ей испытывать определенное чувство или говорить в определенной манере и т. д. Как правило, клиентка отвечает, что действительно приходилось, но не со старшими мужчинами, или ни разу после того, как она стала молодой девушкой. Иначе говоря, она предложит ряд отрицаний, которые не позволяют считать ни одно из ее прошлых переживаний адекватной моделью четырехкортежности для придания ей уверенности в нынешних отношениях со взрослыми мужчинами. В ходе этого взаимодействия гипнотизер установит ряд якорей (либо явных, либо скрытых) для индивидуальных элементов ряда четырехкортежностей, каждый из которых содержит элемент желаемой четырехкортежности. Когда эти компоненты желаемой четырехкортежности извлечены из ряда частично адекватных четырехкортежностей и затем заякорены, гипнотизер может инициировать их, тем самым создавая объединенную новую четырехкортежность, которая желательна для клиента. Согласно нашему опыту, когда используется этот подход к изменению, важно, чтобы гипнотизер тщательно проверил свою работу. В предложенном нами примере автор, который работал с клиенткой и сформировал четырехкортежность, передал контроль над установленными якорями для только что созданной четырехкортежности клиентке и откланялся. После того как клиентка несколько минут просидела в кабинете одна, в кабинет вошел второй автор (старше, чем клиентка) и спросил ее, где первый автор. Когда она ответила, что не знает, он сразу же атаковал ее вербально в грубой манере. Сначала у нее перехватило дыхание, она побледнела и начала извиняться; однако ее правая рука сползла на ее колено (где был установлен якорь для только что созданной четырехкортежности) в типичном неосознанном движении. Как только ее рука коснулась колена, вся ее коммуникация изменилась — она обрела уверенность; интонация, темп и мелодика ее голоса, ее поза и жесты — все поменялось на значения четырехкортежности, которую она создала с первым автором. В разгар продолжавшейся переналки она посмотрела вниз, заметила, что ее рука твердо сжимает колено, и хихикнула. Затем она поднялась, одарила второго автора удивленной улыбкой и покинула кабинет в приподнятом настроении. Это техника для проверки эффективности только что сконструированной четырехкортежности — мы называем её живой метафорой (она будет подробно обсуждаться в томе III «*Паттернов гипнотических техник Милтона Эриксона*») — лишь одна из ряда

техник, гарантирующих, что работа, проделанная в измененных состояниях и в довольно ограниченном контексте кабинета, будет перенесена в полном объеме на паттерны преодоления трудностей, которые клиент использует в мире повседневного опыта.

Модель слежения III — это также прекрасная возможность для наведения транса в работе с наивными клиентами. Либо клиента консультируют непосредственно, либо гипнотизер использует собственный личный опыт, чтобы выявить, сделать доступными и заякорить компоненты прошлых четырехкортежностей клиента, которые, сочетаясь, образуют желаемую четырехкортежность — глубокий транс. Поскольку гипнотизер и клиент охотно обсуждают эти вопросы в безобидном разговоре, обычно клиент не замечает, что производится индукция, пока глубокий транс (желаемая четырехкортежность) не становится свершившимся фактом. Гипнотизер, применяя модель четырехкортежности для организации своего опыта, систематически работает над каждой переменной в четырехкортежности, делает доступными и якорит компоненты прошлых четырехкортежностей клиента, наиболее приближенные к значениям переменных в желаемой четырехкортежности.

Одним из наиболее важных элементов информации, которую вы можете выявить в контексте гипнотической коммуникации с клиентом, является то, конгруэнтен ли клиент задаче, которую вы решаете. Если клиент конгруэнтен — т. е. все сообщения, передаваемые его позой, жестами, интонацией, темпом речи, синтаксисом, словами, дыханием и т. д., согласуются друг с другом, —

$$C(A_d < A_e, O, K, V >) \longrightarrow \text{Да},$$

то вам в четырехкортежности доступно множество возможностей, связанных с продолжением ваших действий. Три модели слежения, представленные в этом разделе, являются только простейшими приложениями модели четырехкортежности, хотя и весьма продуктивными.

При коммуникации с конгруэнтными клиентами сам гипнотизер-коммуникатор сможет наиболее эффективно осуществлять конгруэнтную коммуникацию и с сознанием, и с подсознанием клиента. Разумеется, у гипнотизера-коммуникатора по-прежнему имеется много интересных возможностей, относящихся к тому, как организовать свою коммуникацию. Одна такая интересная возможность связана с вопросом, хочет ли гипнотизер действовать в своей коммуникации открыто или незаметно. Например, в контексте наведения транса гипнотизер может предпочесть дей-

ствовать открыто, объявить о своем намерении помочь клиенту войти в измененное состояние. Он может даже описать клиенту, что будет делать дальше. Затем гипнотизер переходит к наведению транса посредством множественных сообщений, передаваемых через все каналы, каждое из которых подкрепляет и усиливает другие. К примеру, когда он говорит:

...и ваша рука начинает подниматься...

на слове «подниматься» его голос повышается. Одновременно он немного приподнимает собственную руку движением, характерным для подсознательных реакций. Если гипнотизер прикасается другой рукой к колену клиента, он может слегка надавить на колено, перед тем как произнести слово «подниматься», а затем ослабить это давление, в тот момент, когда произносит это слово. Тем самым он передает согласованные и усиливающие друг друга множественные сообщения одновременно по каналам A_d , A_r , K и V .

Гипнотизер-коммуникатор может предпочесть скрытую индукцию с конгруэнтным клиентом. В этом случае он организует свою коммуникацию несколько иначе. В ходе коммуникации с конгруэнтным клиентом, который направляет свое внимание на языковые и визуальные параметры коммуникации гипнотизера, т. е.

$$R(A_d < A_r, O, V, K >) \longrightarrow (A_d, V),$$

гипнотизер может рассказать клиенту о гипнозе и многочисленных техниках, с помощью которых он способен помочь клиенту войти в глубокий транс. Делая это, он согласовывает движения своего тела (видимые клиенту) со словами и предложениями, которые он произносит. Одновременно гипнотизер-коммуникатор маркирует компоненты вербального сообщения кинестетически (например, надавливая своей рукой на колено клиента), а также тональными и темповыми изменениями, чтобы привлечь внимание подсознания клиента (см. «Паттерны», том I, аналоговое маркирование), т. е. поскольку

$$\neg R(A_d < A_r, O, V, K >) \longrightarrow (O, K, A_r),$$

компоненты вербального сообщения, маркированные в системах K и A_r , станут доступными и вызовут у клиента определенную реакцию без какого-либо осознания. Тем самым в разгар обсуждения клиент необъяснимым образом оказывается в глубоком транс. Опять же, подобные маневры представляют собой то, что традиционно называют магией.

Смысловая коммуникация при гипнозе с неконгруэнтными клиентами

Как мы уже писали, мы, гипнотизеры-коммуникаторы, обычно сталкиваемся с двумя видами неконгруэнтности. Первый из них — это одновременная неконгруэнтность, т. е. ситуация, в которой клиент предлагает в своей коммуникации ряд несовместимых сообщений: например, сообщение, передаваемое голосовой интонацией клиента (A_i), не соответствует сообщениям, передаваемым словами клиента (A_d), или сообщениям, передаваемым позой, частотой дыхания и движениями клиента (K , выявляемые гипнотизером в его V -системе), или любому другому из выходных каналов, которые клиент использует для самовыражения. В этом случае визуальная репрезентация, согласно нашей модели, будет следующей:

$C(A_d < A_i, K, V, O >) \longrightarrow$ Нет.

Второй случай относится к последовательной неконгруэнтности — когда клиент конгруэнтен в какой-то один момент времени t_1 и в какой-то более поздний момент времени t_i . Однако если сравнить передаваемые значения двух четырехкортежностей в моменты времени t_1 и t_i , окажется, что они не согласуются друг с другом:

$$\overline{C}(A_d < A_r, K, V, O >)_{t_1}, (C(A_d < A_r, K, V, O >)_{t_i} \longrightarrow \text{Нет}$$

где

$$C(A_d < A_r, K, V, O >)_{t_1} \longrightarrow \text{Да}$$

и

$$C(A_d < A_r, K, V, O >)_{t_i} \longrightarrow \text{Да.}$$

Наш опыт показывает, что один из наиболее полезных маневров, который гипнотизер-коммуникатор может произвести, сталкиваясь с последовательной неконгруэнтностью, — это превратить ее сначала в одновременную неконгруэнтность. Один из самых быстрых и легких способов достижения этого — якорение. В частности, гипнотизер-коммуникатор может заякорить (либо открыто, либо скрыто) любую из составляющих, которые выражают себя неконгруэнтно во времени (последовательно), а затем получить доступ к другой. Когда вторая станет доступной и будет выражена клиентом, гипнотизер-коммуникатор использует якорь, уже установленный для первой составляющей. Довольно типичным результатом этого маневра является глубоко измененное состояние сознания, когда клиент одновременно ощущает две неконгруэнтные составляющие. В нашей практике этот маневр всегда вызывал (как минимум) состояние сильной растерянности. Проницательный гипнотизер может затем легко использовать результирующее состояние растерянности, превращая его в глубокий транс. В оставшейся части этого раздела мы исходим из того, что гипнотизер работает с одновременно неконгруэнтным клиентом.

Возможно, наиболее действенный метод описания набора возможностей, которые наши модели предлагают для эффективной и творческой гипнотической коммуникации с неконгруэнтными клиентами, — это просто указать, что все паттерны, представленные в первом томе и вплоть до этого места во втором томе «Паттернов», приложимы в полной мере к неконгруэнтному клиенту, если гипнотизер-коммуникатор трактует каждую из составляющих (выраженную одним из ряда представленных согласующихся сообщений) клиента таким образом, как будто клиент независим и конгруэнтен. Иначе говоря, вы как гипнотизер и коммуникатор можете принять каждое из сообщений, которое вы получаете от неконгруэнтного клиента, за достоверную репрезентацию этого человека и прореагировать на каждое, используя те

же самые принципы и паттерны, которые вы применили бы к независимому конгруэнтному клиенту. Так, если один ряд сообщений, исходящих от неконгруэнтного клиента, передается словами (A_d), другой ряд — телесными движениями (K), а третий — тональными и темповыми паттернами голоса клиента (A_t), вы примените тот же самый первоначальный паттерн, который вы вызывали снова и снова — встретите клиента в его модели мира; в частности, вы прореагируете на каждую из составляющих клиента в репрезентативной системе и выходных каналах, в которых вы получили сообщения от этого клиента. Когда вы затем ответите клиенту, ваши слова будут соответствовать по своему содержанию ощущению слов (A_d), которое он вам предложил, тональные и темповые (A_t) качества вашего голоса будут приближаться к тем, которые вы получили от него, а ваши телесные движения (K) будут реакцией на движения, которые он продемонстрировал в предыдущей коммуникации с вами. Это простое приложение техники подстройки, состоящей в согласовании репрезентативных систем, гарантирует, что вы не столкнетесь с сопротивлением. Сопротивление — всего лишь сигнал, что гипнотизер-коммуникатор не сумел подстроиться к какой-то составляющей клиента. Принимая каждую из составляющих неконгруэнтного клиента за достоверную репрезентацию этого человека и реагируя на каждую с таким же вниманием и с помощью тех же паттернов, которые вы использовали бы с индивидуальными клиентами, вы быстро добьетесь доверия от каждой из этих составляющих и сопротивление станет невозможным. Это эксплицитная репрезентация одной из известных двойных и тройных реакций Эриксона.

Один из способов организации вашего мышления в отношении того, как прореагировать на неконгруэнтного клиента, — рассмотреть весь континуум возможных реакций, находящихся у вас, коммуникатора, в распоряжении в этой конкретной ситуации. На одном конце континуума возможных реакций — то, что психотерапевты называют метакомментированием. Например, в случае неконгруэнтного клиента, который произносит слова: «Да, я готов войти в глубокий транс», одновременно качая головой из стороны в сторону, метакомментарий коммуникатора будет примерно следующим: «Я слышал, как вы сказали, что готовы войти в глубокий транс, но когда вы говорили это, я заметил, как вы медленно качали головой из стороны в сторону... я немного озадачен. Не могли бы вы помочь мне, показав, что вы действительно этого хотите?» На другом конце континуума находится реакция от-

зеркаливания; т. е. коммуникатор реагирует, говоря: «Прекрасно, я рад, что вы готовы», одновременно качая головой из стороны в сторону. Первая возможность типична для того, что обычно называют инсайт-терапией, или психотерапией осознания. Ее результатом становится то, что до сознания клиентов доводится некоторый элемент их коммуникации, который находился за пределами их сознания до метакомментария коммуникатора. Типичной реакцией в этом случае бывает шок. Это не позволяет использовать каналы коммуникации, выбираемой клиентом (и сознательно, и подсознательно), для коммуникации различных составляющих своей личности. Согласно нашему опыту, вторая реакция — отзеркаливание — более типична для гипнотической коммуникации, особенно для коммуникации Милтона Эриксона. Как коммуникаторы, мы полагаем, что при коммуникации не бывает ошибок — имеются лишь результаты. Результатом метакомментирования становится шок и направление в сознание материала или составляющих, которые клиент прежде не осознавал. Результатом реакции отзеркаливания становится незамедлительная эффективная подстройка ко всем составляющим клиента, которые выражают себя, и недопущение сопротивления. Мы отдаем предпочтение тому, что считаем более изящным, — реакции отзеркаливания. Но каждый из нас троих сохраняет возможность использовать любую, в зависимости от контекста. Поскольку этот том посвящен гипнозу, возможные реакции на неконгруэнтных клиентов, которые мы рассмотрим, расположены ближе к концу континуума, на котором находится отзеркаливание. Для тех читателей, кто хочет иметь в своем распоряжении широкий спектр возможных реакций, которые группируются вокруг конца континуума, соответствующего метакомментированию, мы создали модель нескольких из них в части II тома II «Структуры магии».

Первый и, согласно нашему опыту, один из наиболее продуктивных вариантов гипнотической реакции на неконгруэнтного клиента — уже упомянутая реакция отзеркаливания. Чтобы эффективно выполнить эту технику, гипнотизер-коммуникатор должен овладеть всем диапазоном возможностей, относящихся к контролю своим вербальным и невербальным выходным каналам. Способность обеспечить адекватную реакцию отзеркаливания предполагает, что гипнотизер-коммуникатор обладает способностью выявлять неконгруэнтность, чтобы суметь отзеркалить ее. Эффективность этой реакции будет обусловлена тем,

насколько умело гипнотизер-коммуникатор повторяет конкретные паттерны неконгруэнтной коммуникации, предлагаемые клиентом. Обучая этой технике на наших учебных семинарах, мы просим людей копировать реакцию клиента только в одном выходном канале за раз, пока они не разовьют свою способность и уверенность в этой способности незаметно менять собственную коммуникацию и она не начнет соответствовать коммуникативным паттернам клиента. Чаще всего люди, обучаемые на наших семинарах, добиваются способности направить в сознание клиента какую-то иную составляющую или модель мира — обычно радикально отличающуюся от предыдущей. Мы называем это полярностью, а весь маневр — проигрыванием полярности (см. «Структура магии», том II, часть II). Те из вас, кто знаком с работой Джона Роузена, узнают в этой технике один из паттернов, которые он очень эффективно применяет при лечении шизофрении. Как сказал один наш знакомый, «Роузен настолько эффективно встречает клиента в его (клиента) модели мира, что полностью разрушает психоз клиента». Различие между этими двумя результатами (каждый из которых сам по себе полезен и прекрасен) состоит в тонкости, с которой коммуникатор повторяет паттерны неконгруэнтной коммуникации, предлагаемой клиентом. Если маневр выполняется с тонкостью, результатом становится незамедлительная и очень эффективная подстройка. Если клиент выявляет маневр в своем сознании, результатом будет быстрый доступ в поведение клиента какой-то составляющей клиента, которая прежде находилось за пределами сознания — маневр полярности.

Также на неконгруэнтных клиентов можно реагировать любым из вышеописанных скрытых техник индукции. Например, гипнотизер-коммуникатор может подробно расспросить клиента о его понимании того, на что похож глубокий транс (систематически обрабатывая переменные четырехкортежности). Делая это, он старается заметить реакции клиента и незаметно заякорить реакции, которые в сочетании дадут измененное состояние, полезное для целей гипнотического сеанса. Разумеется, клиент осознает только то, что он ведет с гипнотизером безобидный разговор. Когда компоненты измененного состояния, желательного для гипнотизера, прочно заякорены, ему необходимо только одновременно воспроизвести якоря для отдельных компонентов, и наступает измененное состояние. Когда гипнотизер-коммуникатор определяет, в какой системе установить якорь, принципиальный

и эффективный способ решения обеспечивается четырехкортежностью и связанным с ней *R*-оператором — в частности, при работе с неконгруэнтными клиентами следует устанавливать якорь в любой системе $\sim R$. Другая прекрасная возможность в работе с неконгруэнтными клиентами — спокойно побеседовать с клиентом на относительно безобидную тему, одновременно аналогово маркируя определенные элементы вербальной коммуникации, на которые должно быть направлено особое внимание на подсознательном уровне. Опять же *R*-оператор показывает, какую систему использовать для маркирования вербальных сообщений, т. е. ту или иную из $\sim R$ -систем. Третья группа скрытых индукций, которые эффективны с неконгруэнтными клиентами, — те, в которых используется соприкосновение *TOTE*, как оно описано в модели слежения II. Применяя эту модель с неконгруэнтными клиентами, гипнотизер/коммуникатор может с пользой для себя выбрать четырехкортежности, включающие *TOTE*, в которых соприкосновение происходит в одной из $\sim R$ -систем. К примеру, если вы как гипнотизер стараетесь добиться закрытия глаз у неконгруэнтного клиента, *R*-оператор которого — *V*, используя модель слежения II, вы можете вести разговор, в ходе которого помимо всего прочего обсуждаете наблюдение за восходом солнца, ныряние в холодную воду, ходьбу по пыльной, грязной дороге с интенсивным движением транспорта. Визуально (в сознании клиента) эти четырехкортежности накладываются друг на друга очень незначительно, но кинестетически каждый из них включает *TOTE*, который ведет к закрытию глаз.

Еще одна прекрасная возможность прореагировать на неконгруэнтных клиентов — индукция через удивление. Тот факт, что клиент неконгруэнтен, сигнализирует, что он не целостен в своей способности прореагировать. Вы можете использовать это, создав ситуацию, в которой клиент испытывает растерянность. Неспособность клиента действовать в целостной манере гарантирует, что его выход из этого состояния растерянности займет какое-то время. Существует множество видов индукции через удивление. Мы советуем вам живо обсудить с клиентом вопрос, в отношении которого он неконгруэнтен. В то время как он активно проявляет неконгруэнтность, вам нужно только выявить любой повторяющийся паттерн движений клиента и прервать его. Индукция с помощью прерывания рукопожатия, которую мы обсуждали в начале этого тома, является примером-парадигмой. В нашей культуре рукопожатие — автоматическая реакция, которая восприни-

мается в сознании как единый блок поведения. Его прерывание оставляет клиента на мгновение без программы: следует состояние растерянности, которое можно затем использовать для индукции любого полезного измененного состояния. Любые повторяющиеся моторные паттерны, предлагаемые клиентом, предоставляют про- ницательному гипнотизеру-коммуникатору аналогичную возможность.

Возможность использовать метафору с неконгруэнтными клиентами, согласно нашему опыту, является одной из наиболее продуктивных, особенно техника нагромождения реальностей — эти паттерны описываются в томе III серии «Паттернов». Наконец, мы упомянем о возможности рефрейминга — либо метафорического, либо буквального. Это обширная область, содержащая множество интересных паттернов, некоторые из которых будут описаны в готовящейся публикации (*Neuro-Linguistic Programming I*).

Каждая из вышеописанных возможностей в качестве творческой и эффективной реакции на неконгруэнтных клиентов представляет собой формальный паттерн — паттерн процесса. Как таковые они предлагают гипнотизеру-коммуникатору потенциально бесконечное количество возможностей в его работе с обращающимися за помощью неконгруэнтными клиентами.

Итоги

Один из навыков, которые выделяют Милтона Эриксона среди других практиков гипноза и искусства изменения, является его признанная во всем мире способность добиваться успеха с «безнадежными» клиентами — теми, кому не помогли все традиционные медицинские, стоматологические, психотерапевтические, гипнотические и религиозные способы оказания им помощи и кто так и не сумел добиться желаемых изменений. Одной их характеристик подобных клиентов (как в описаниях Эриксона, так и согласно нашему опыту работы с этими людьми) является то, что они кажутся совершенно неконгруэнтными. Обычно они требуют или просят, чтобы им предоставили помощь, которой они вербально желают, однако в их поведении присутствуют элементы, доступные проницательному коммуникатору, которые показывают, что у этих клиентов имеются составляющие (как правило, за пределами их сознания), которым присущи потребности, желания и цели, отличающиеся от описанных вербально.

Можно охарактеризовать многими способами уникальные особенности человека по имени Милтон Эриксон, которые объясняют эту феноменальную способность. Два тома серии «Паттернов» — одна из таких попыток; другую предпринял Джей Хейли — речь идет о книге «Необычная психотерапия» (*Uncommon Therapy*). В наших книгах мы неоднократно указывали на протяжении этой серии, что паттерны, представленные в нашей модели, — это лишь один из способов организации огромного и изумительного мира эриксоновской коммуникации; как таковые, они, на наш взгляд, могут быть оценены наиболее адекватно с точки зрения их полезности для овладения теми же действенными гипнотическими навыками коммуникации, которыми обладает Эриксон. То есть

они представляют собой ряд возможностей, которые могут быть *усвоены* и *использованы* вами как практиком, чтобы определить через свой опыт, насколько эти модели полезны для вашей работы. Наше знакомство с Эриксоном, а также наш опыт использования в своей работе многочисленных техник, которым мы у него научились, позволяет нам определить две характеристики, которыми Эриксон обладает, и которые, на наш взгляд, во многом объясняют его феноменальный успех:

1. Эриксон полагает, что ресурсы, которые нужны клиенту для обеспечения желаемого изменения, уже находятся в его распоряжении.

2. Эриксон принимает и использует всю коммуникацию/поведение, предлагаемые его клиентами.

Можно добавить, что мы также находим крайне полезным включение этих двух принципов в качестве исходных предпосылок в нашу коммуникацию и поведение.

Отметьте, что если принять эти два принципа в качестве исходных предпосылок коммуникации и поведения на гипнотическом сеансе, из них вытекают совершенно естественным образом многие паттерны поведения Эриксона, в противном случае непонятные. Рассмотрим первый из принципов. Если принять его за предпосылку гипнотической коммуникации, то возникает релевантный вопрос, как именно задействовать эти ресурсы и передать контроль над ними клиенту либо на сознательном, либо на подсознательном уровне деятельности. В серии «Паттернов» мы идентифицировали ряд подобных техник: вербальные паттерны, подробно описанные в томе I, продуктивные паттерны четырехкортежности, трансдеривационный поиск, якорение и т. д. — в томе II «Паттернов». Второй из выделенных нами принципов — принятие и использование предлагаемого поведения — ведет естественным образом к двум вопросам: во-первых, как выявить предлагаемые клиентом коммуникацию или поведение и, во-вторых, как использовать подобную коммуникацию и поведение, когда они выявлены. В сущности, ответом на первый вопрос является стратегия коммуникации, которую мы назвали в этой книге стратегией «аптайм» — стратегия коммуникации, при которой коммуникатор или гипнотизер использует свои 7 ± 2 чанка внимания для выявления внешне генерируемого сенсорного опыта, а точнее, коммуникативного поведения клиента. Эта стратегия позволяет ему выявить предлагаемые клиентом сообщения. Встречаются особенно важные группы сообщений, которые эффектив-

ный и творческий коммуникатор-гипнотизер найдет полезными: информация, которая позволяет вам определить, какую часть мира потенциально бесконечно богатого сенсорного и внутренне генерируемого опыта клиент осознает, — *R*-оператор клиента. Коммуникатор-гипнотизер может эффективно и комфортно достичь этой цели, научившись слышать предикаты, которые идентифицируют репрезентативную систему. Второй полезной группой сообщений, предлагаемых клиентом, являются те, которые позволяют гипнотизеру-коммуникатору определить, как клиент формирует или организует свой опыт, — *L*-оператор клиента. Опять же этого можно легко добиться, если научиться распознавать используемые клиентом ключи доступа, которые показывают, какую ведущую систему клиент задействует в данный момент времени. Третья группа сообщений, которые становятся доступными коммуникатору-гипнотизеру, применяющему стратегию «аптайм», те, которые позволяют ему понять, согласуются друг с другом или нет сообщения, которые предлагает клиент, — *C*-оператор клиента. Эти три элемента информации играют решающую роль в искусстве эффективной, эффективной и творческой коммуникации и изменения.

Допустим, что *C*-оператор клиента — «да», т. е. сообщения, предлагаемые в качестве ответа коммуникатору-гипнотизеру, согласуются друг с другом. В этот момент времени коммуникатор-гипнотизер, которому также известен *R*-оператор клиента, имеет в своем распоряжении широкий спектр возможных техник для доступа и использования ресурсов клиента: принцип соприкосновения *R*-операторов, техника отслеживания и упорядочения четырехкортежей и т. д.

Допустим, что *C*-оператор клиента — «нет», т. е. сообщения, предлагаемые клиентом, не согласуются друг с другом. Именно в этом случае становятся особенно полезными действенные техники, предлагаемые моделью четырехкортежности. В согласии с эриксоновским принципом принятия и использования всей коммуникации или поведения, гипнотизер-коммуникатор принимает все конфликтующие сообщения за валидные репрезентации потенциально продуктивных составляющих клиента. Клиент с его ограниченной способностью воспроизводить в сознании свой текущий опыт, включая собственное коммуникативное поведение, осознает также только какой-то компонент множественных сообщений, которые гипнотизер-коммуникатор использует в ответ на множественные сообщения, предлагаемые клиентом. В целом гипнотизер-коммуникатор примет и прореагирует на компоненты подсознательной коммуни-

кации клиента таким образом, чтобы они остались за пределами сознания клиента; тем самым сохраняя возможность, предлагаемую клиентом, гипнотизер-коммуникатор эффективно подстраивается ко всем моделям мира клиента, что является первым шагом в успешной гипнотической коммуникации. В результате этой относительно простой операции термин «резистентный» клиент становится ненужным. Разумеется, это упрощенное описание некоторых из основных паттернов, предложенных на данный момент в этом томе, — использование коммуникации, состоящей из множественных сообщений, требует процесса научения, как и любой сложный навык. Это составляет структуру феноменов, называемых Эриксоном «двойной реакцией» и «тройной реакцией».

В сущности, заключительный раздел этой книги представляет собой интеграцию эксплицитных техник, предлагаемых четырехкортежностью и ее операторами. Он состоит из двух ранее не публиковавшихся транскриптов работы Эриксона с двумя клиентами, которые обратились к нему за психотерапевтической помощью. Видеозаписи, из которых взяты эти транскрипты, носят название «Мастерство Милтона Эриксона»; их можно заказать по следующему адресу: Herbert S. Lustig, M. D., P. O. Box 261, Haverford, PA 19041. Мы организовали транскрипт в виде трех колонок. В первой колонке представлена реальная работа, которую Эриксон проделал с клиентами. Во вторую колонку включено то, что мы называем мини-паттернами, — в сущности, это вербальные паттерны, идентифицируемые и представленные в этом томе «Паттернов». Мы настоятельно советуем вам обзавестись кассетой с фильмом «Мастерство Милтона Эриксона». Он отличается отменным качеством и вместе с комментарием, который составляет основу оставшейся части этого тома «Паттернов», представляет собой набор действенных ресурсов, которые сделают ваше использование эриксоновских техник эффективным, эффективным и творческим. Мы рекомендуем вам внимательно изучить эти паттерны, выбирая один или два из них для интенсивного использования в течение нескольких дней поочередно, пока они не станут частью вашей систематической, подсознательной коммуникации. В конце этих транскриптов мы сравниваем их, идентифицируя и предлагая следующий, более высокий уровень паттернов — к примеру, паттерны упорядочения четырехкортежностей (один из примеров эриксоновской модели слежения), когда Эриксон демонстрирует свое умение и возможности при принятии, использовании всей коммуникации или поведения и получении доступа к адекватным ресурсам у этих двух клиентов, чтобы помочь им в процессе изменения.

Примечания

Часть I, «Паттерны II»

1. Мы советуем читателям, которые искренне хотят сделать эти паттерны поведения частью своего коммуникативного репертуара, выбрать один или два из паттернов, предлагаемых ежедневно, и попрактиковаться в выявлении и использовании этих паттернов, пока им не будет понятен результат или последствия использования подобных паттернов. Когда вы пройдете через эту процедуру, паттерны станут частью вашего неосознанного поведения, освобождая вас для выявления и использования нового набора. В тот период, когда вы будете практиковать эти паттерны, используйте в качестве учебного подспорья наиболее ценную вами репрезентативную систему.

2. Рекомендуем прекрасную статью Грегори Бейтсона, посвященную различиям: «Form, Substance and Difference» в книге «Steps to an Ecology of Mind», p. 448–466 (Ballantine Books, New York, 1972).

3. Термин «бит информации» имеет строго определенное техническое значение (см. любое описание теории информации).

4. Проницательный читатель заметит, что наличие у переменных и надстрочного индекса i или e , и подстрочного индекса времени-пространства предполагает определенную степень избыточности. В частности, всякий раз, когда надстрочный индекс переменной — e , координата времени-пространства обязательно — здесь и сейчас. Иначе говоря, когда человек направляет свое внимание на сенсорный опыт (внешне генерируемый опыт), он ощущает сенсорные особенности, которые имеют место в текущий момент и в данном месте. Только в том случае, если надстрочный индекс четырехкор-

тежности — i , координаты времени-пространства могут быть иными, чем здесь и сейчас. Таким образом, менее избыточная репрезентация (и, следовательно, более совершенная, согласно критериям моделирования) будет просто использовать подстрочные индексы в виде координаты времени-пространства; если у одной из переменных четырехкортежности подстрочные индексы отсутствуют, предполагается, что координата этих переменных — здесь и сейчас. Мы сохраняем избыточность в четырехкортежности, представленной в тексте, поскольку мы считаем полезным, с педагогической точки зрения, обучать людей на наших семинарах и занятиях использовать при работе с четырехкортежностью обе эти репрезентации.

5. Еще один способ понимания стратегии «аптайм» с точки зрения модели четырехкортежности таков: человек, действующий исходя из стратегии «аптайм», накладывает ограничение на R -оператор. В частности, это ограничение можно представить в виде фильтра, который позволяет человеку воспринимать и воспроизводить в сознании только внешне генерируемый опыт. Мы можем показать это визуально следующим образом:

$$R^e(A_d < V, K, A_r, O >).$$

Эта репрезентация предполагает, что человек, действующий исходя из стратегии «аптайм», может генерировать или не генерировать внутренний опыт. В любом случае он организует себя так, что направляет в сознание только часть своего внешне генерируемого опыта. Это более конгруэнтно нашей практике использования и обучения стратегии «аптайм». Мы выражаем благодарность Полу Картеру за указание на этот момент и за другие замечания.

6. Это репрезентация гипотезы Сепира—Уорфа, касающейся влияния, которое языковые системы оказывают на восприятие и опыт пользователей данных языковых систем.

7. Полная модель того, как идентифицировать и использовать формальные паттерны вербальной коммуникации, чтобы помочь клиенту связать языковые репрезентации с опытом.

8. Другой способ понимания особенности взаимодействия операторов A_d и R — допустить, что R -оператор прилагается сначала к четырехкортежности (первичный опыт):

$$R < V, K, A_r, O > \longrightarrow (V),$$

показывая, к примеру, что клиент в данный момент времени направляет внимание на визуальные параметры опыта. Затем, ког-

да это произошло, клиент воспроизводит (для себя и для других) осознаваемую им часть опыта в языковых формах.

$$A_d (R<V, K, A_t, O>) \longrightarrow A_d (V).$$

Если операторы A_d и R применяются в этом порядке, то четырехкортежность служит в качестве модели для продуцирования лингвистических форм. В частности, это объясняет то, как люди, которые систематически направляют свое сознательное внимание на визуальный параметр опыта, обычно используют предикаты, предполагающие визуальную репрезентацию опыта. Так, когда модель четырехкортежности используется в целях построения модели того, как люди воспроизводят тот или иной элемент сообщений, которые они получают от какого-то другого человека, полезно приложить R -оператор ко всей совокупности.

$$A_d <V, K, A_t, O> ,$$

т. е.

$$R (A_d <V, K, A_t, O>).$$

Однако если модель четырехкортежности используется в целях понимания отношений между наиболее ценимой человеком репрезентативной системой и языковыми формами, которые человек выбирает (подсознательно) и использует в своей вербальной коммуникации, то наиболее полезным порядком приложения будет следующий:

$$A_d (R<V, K, A_t, O>).$$

Часть II

Транскрипт I

Нижеследующие транскрипты и комментарии, ранее не публиковавшиеся, демонстрируют, как Милтон Эриксон сочетает гипнотические и психотерапевтические техники. Транскрипты иллюстрируют эффективное и систематическое использование Эриксоном языковых паттернов, а также тот изящный способ, которым эти паттерны низшего уровня группируются с целью эффективного доступа и использования собственных ресурсов клиента при наведении и использовании транса. Эти технические навыки делают его работу продуктивной, эффективной и незаметной. Полезно помнить, что Эриксон необычайно восприимчив к невербальной коммуникации и искусно ее использует.

Монд (М) 32 года, она замужем и имеет троих детей. В предыдущие 6 месяцев Эриксон (Э) провел с ней три психотерапевтических сеанса, на которых она показала себя прекрасным гипнотическим субъектом, проявив свою способность демонстрировать феномены глубокого транса. Ее основной проблемой

была неуверенность в отношении себя как человека, жены и матери.

Нику (Н) 20 лет, он холост и ранее не подвергался гипнозу или психотерапии. Его единственная встреча с Эриксоном произошла накануне описанного здесь сеанса, в социальной обстановке. Ник вызвался участвовать в демонстрационном сеансе гипноза. Работа Эриксона с Ником носит столь же систематичный характер, как и его работа с Монд.

Нижеследующие транскрипты содержат три уровня паттернов:

1. Вербальные паттерны, выделенные в томе I «Паттернов гипнотических техник Милтона Эриксона» Ричардом Бэндлером и Джоном Гриндером.

2. Паттерны второго уровня, связанные с доступом и использованием прошлого опыта клиента, четырехкортежностей, которые содержат ресурсы, необходимые каждому из клиентов для осуществления желаемых изменений. В сущности, данный уровень паттернов — это группирование паттернов первого уровня по естественным категориям в целях наведения и использования транса. Например, паттерны первого уровня, скажем, опущение, причинно-следственное лингвистическое моделирование, номинализация, разговорный постулат, отсутствующий референтный индекс и т. д., сочетаясь, образуют инструкции, предписывающие клиенту использовать паттерны трансderivационного поиска, относящиеся к более высокому уровню, в качестве интегральной части гипнотического сеанса.

3. Третий уровень паттернов последовательностей четырехкортежностей. Один из отрядных результатов применения модели четырехкортежности для более глубокого понимания работы Эриксона состоит в том, что два транскрипта, которые кажутся столь различными, имеют параллельную (изоморфную) структуру на этом третьем уровне формирования паттернов. Следовательно, паттерны этого очень продуктивного уровня обеспечивают гипнотизера эксплицитной общей формальной стратегией организации своей гипнотической коммуникации. Этот уровень паттернов будет обсуждаться отдельно в конце транскрипта и комментария к паттернам первых двух уровней.

Транскрипт I

Э:

(1)

Хорошо, Монд, на этот раз я хочу, чтобы вы не торопясь вошли в транс.

(2)

Я не хочу, чтобы вы вошли в транс слишком быстро.

(3)

И вы знаете, насколько это для вас легко.

(Э обращается к Н)

(4)

И пока Ник здесь, я хотел бы, чтобы вы *понаблюдали*, как лицо Монд...

(5)

И ваше подсознание *научится* очень многому.

(6)

Поэтому *повернитесь* так, чтобы вам было ее видно.

(Э обращается к М)

(1)

Пресуппозиция: *на этот раз... не торопясь вошли*

(2)

Пресуппозиция: *в транс слишком быстро*

(3)

Чтение мыслей: *...вы знаете*, пресуппозиция: *...знаете, насколько легко...*, отсутствующий референтный индекс: *это*, причинное моделирование — связка: *И вы знаете*

(4)

Причинное моделирование — связка: *И пока Ник*, подразумеваемый каузатив: *пока*; фрагмент предложения: *я хотел бы, чтобы вы наблюдали, как лицо Монд*, встроенная команда: *понаблюдали, как лицо...*

(5)

Причинное моделирование — связка: *И ваше*, встроенная команда: *научится очень многому*, номинализации: *подсознание, многое*, пресуппозиция: *научится очень многому*

(6)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *Поэтому повернитесь*, встроенная команда: *повернитесь*

(1, 2, 3)

Трансдеривационный поиск прошлого опыта транса с вербальной подсказкой

(4, 5, 6)

Трансдеривационный поиск клиентом (М) прошлой четырехкортежности транса, инструктирование (Н) использовать визуальную подсказку: подстройка к наблюдаемому и ненаблюдаемому поведению

(7)	(7)	(7, 8, 9)
Не так быстро, Монд.	Пресуппозиция: <i>так быстро</i> , опущение: <i>что не быстро?</i>	Фракционирование и наращивание потенциала реакции (инструкция клиенту (М) пока не переживать полностью ставшую доступной четырехкортежность)
(8)	(8)	
Давайте сначала проведем небольшую беседу, так как я хочу, чтобы в трансе вы проделали нечто для вас важное.	Номинализации: <i>беседа, транс, важное</i> , пресуппозиция: <i>сначала... в трансе</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>нечто важное</i>	
(9)	(9)	
И именно для вас.	Пресуппозиция: <i>именно</i> , пропуск: <i>что именно для вас?</i> причинное моделирование — связка: <i>И</i>	
(10)	(10)	(10–14)
И лишь ожидание...	Причинное моделирование — связка: <i>И</i> , пресуппозиция: <i>лишь</i> , чтение мыслей: <i>ожидание</i> , опущение: <i>кто ждет кого/чего?</i> Фрагмент предложения: <i>И лишь ожидание</i>	Подстройка к наблюдаемому и ненаблюдаемому поведению клиента (М)
(11)	(11)	
И вы знаете, почему я жду.	Причинное моделирование — связка: <i>И вы</i> , фрагмент предложения: <i>И вы знаете, почему я жду</i> ; чтение мыслей: <i>вы знаете</i> , опущение: <i>жду чего?</i>	
(12)	(12)	
Так хорошо. (Лицо М разглаживается).	отсутствующий референтный индекс: <i>Так</i> , пропуск: <i>хорошо для кого/чего?</i>	
(13)	(13)	
Так хорошо.	Отсутствующий референтный индекс: <i>Так</i> , опущение: <i>хорошо для кого/чего?</i>	

(14)

Все время закрыты.
(Глаза М закрыты).

(14)

Опущение: *что все время закрыто?* Пресуппозиция: *все время*, фрагмент предложения: *Все время закрыты*; номинализация: *время*

(15)

Теперь погрузитесь в глубокий транс, чтобы ваше подсознание могло *связаться* с тем огромным хранилищем воспоминаний, которые у вас имеются.

(15)

Пресуппозиция: *глубокий, огромный, воспоминания, которые у вас имеются*; номинализации: *транс, хранилище, воспоминания, подсознание*, причинное моделирование — встроенный каузатив: *чтобы*, встроенная команда: *связаться с тем...*

(15–17)

Просит клиента направить внимание на К-переменную (R-оператор) ставшей доступной четырехкортежности: полярный переход

(16)

И я хотел бы, чтобы вы *чувствовали* себя очень комфортно.

(16)

Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиция: *комфортно, очень комфортно*, встроенная команда: *чувствовали себя комфортно*

(17)

И пока вы в трансе, я хочу, чтобы вы *почувствовали* прохладу, не чрезмерный холод, а лишь прохладу — лишь небольшую прохладу, чтобы вам захотелось лишь чуть больше тепла.

(17)

Причинное моделирование — союз: *И*, встроенный каузатив: *пока*, *чтобы*, пресуппозиция: *пока вы в, лишь, лишь, небольшую, лишь, чуть*, опущение: *чрезмерный холод для чего/кого?* *Больше тепла по сравнению с чем/с кем?* Номинализации: *транс, прохлада, прохлада, прохлада, тепло*, встроенная команда: *почувствовали прохладу*

(18)

Теперь, когда вы входите глубже и глубже в транс, кажется, что вы едете по шоссе, минуя эту сцену, ту сцену из вашей жизни.

(18)

Номинализации: *транс, сцена, сцена, жизнь*, причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *когда*, неопределенность границ: *из*

(18–23)

Подстроечная возрастная регрессия, инструктирование клиента направить внимание на визуальную переменную (R-оператор)

вашей жизни, пресуппозиция: *глубже и глубже*, отсутствующий референтный индекс: *эта сцена, та сцена, шоссе*, встроенная команда: *входите глубже*, неконкретный глагол: *едете, минуя*

ставшей доступной четырехкортежности, использование метафоры

(19)

И, возможно, нечто очень приятное, что вы можете вспомнить, о чем вы не думали годами.

(19)

Причинное моделирование — союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *нечто очень приятное*, фрагмент предложения: *И возможно, годами*, неконкретный глагол: *вспомнить, думали*

(20)

И я думаю, было бы интереснее всего, если бы вы *обнаружили* какое-то детское, младенческое воспоминание, о котором вы не думали годами, — например, случай, когда вы поняли, что можете встать, и весь мир кажется другим.

(20)

Причинное моделирование — союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *какое-то детское, младенческое воспоминание, о котором*, пресуппозиция: *интереснее всего*, номинализация: *воспоминание*, причинное моделирование — встроенный каузатив: *например*, отсутствующий референтный индекс: *случай*, неконкретный глагол: *обнаружили*, пресуппозиция: *вы обнаружили*, опущение: *кажется другим кому/в чем другим?* пресуппозиция: *кажется другим*, номинализация: *мир*

(21)

Мир внезапно приобретает удивительный *вид*, когда вы встаете и больше не ползаете.

(21)

Номинализация: *мир*, неконкретный глагол: *приобретает*, пресуппозиция: *приобретает*, встроенная команда: *приобретает удивительный вид, когда...* пресуппозиция: *встает*

(22)

А став старше, вы нагибались и смотрели на мир через просвет между вашими ногами.

(23)

Так что вам открывался еще один вид на этот мир, на который вы смотрели и который находили столь интересным.

(24)

Я хотел бы, чтобы вы *выбрали* какой-то один предмет, о котором вы могли бы со мной поговорить, о котором вы могли бы поговорить с незнакомыми людьми, которым вы могли бы поделиться.

(25)

Что-то очень приятное, очень привлекательное...

(26)

И подобно тому как вы распространяете ощущение прохладного комфорта, вы можете *распростра-*

те, подразумеваемый каузатив: *когда*

(22)

Причинное моделирование — союз: *А*, опущение: *старше, чем кто?*

(23)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *так что, и*, встроенная команда: *вам открывался... вид*, неконкретный глагол: *открывался*, референтный индекс: *этот мир*, неконкретный глагол: *находили*, опущение: *находили интересным насколько?* пресуппозиции: *открывался, вы смотрели*

(24)

Встроенная команда: *выбрали... предмет*, отсутствующий референтный индекс: *предмет*, неконкретный глагол: *выбрали*, подразумеваемый каузатив: *о котором, о котором, которым*, встроенная команда: *вы могли бы поделиться*, неконкретный глагол: *поделиться*

(25)

Фрагмент предложения: *что-то, привлекательное*, отсутствующий референтный индекс: *что-то*, пресуппозиции: *очень, очень*

(26)

Подразумеваемый каузатив: *И подобно тому как*, пресуппозиция: *распространяете*, встроенная команда: *вы*

(24–26)

Инструкция сделать доступным (транскрипционный поиск) прошлую приятную четырехкортежность (кинестетическая переменная — R-оператор)

нить ощущение тепла и комфорта на свои переживания, поскольку они могут излучать.

можете распространить, неконкретный глагол: *излучать*, *распространить*, номинализация: *ощущение, переживания*, ограничение на сочетаемость: *распространить ощущение... на переживания*, опущение: *излучать что/кому?*

(27)

Теперь вы *припоминаете*, что наблюдали за тем, как руки Ника (мужа) поднимались вверх.

(27)

Встроенная команда: *теперь вы припоминаете, поднимались вверх*, неконкретный глагол: *припоминаете*, пресуппозиция: *припоминаете*, опущение: *поднимались когда/где?*

(27)

Нахождение (трансдеривационный поиск — *L*-оператор [*V*]) четырехкортежности, ведущей к левитации руки

(28)

Интересно, знаете ли вы, какая из ваших рук готова переместиться вверх к вашему лицу?..

(28)

Пресуппозиция: *знаете ли вы*, неконкретный глагол: *знаете, переместиться*, пресуппозиция: *переместиться*, встроенный вопрос: *интересно, какая из... рук*

(28)

Инструкции: наложить *V* переменную ставшей доступной четырехкортежности на *K* переменную (*R*-оператор). Подстройка к наблюдаемому поведению, продолжение левитации руки

(29)

И у меня возникает это сомнение, она готова приподняться и быстро *переместиться*, вверх к вашему лицу.

(29)

Подразумеваемый каузатив: *и*, номинализация: *сомнение*, отсутствующий референтный индекс: *она*, встроенная команда: *она готова переместиться*, глаголы: *приподняться и переместиться*, пресуппозиция: *быстро*

(29–35)

Подстройка к наблюдаемому и ненаблюдаемому поведению, продолжение левитации руки

(30)

Вы только сейчас начинаете сознать, какая из них, поскольку вы не можете быть уверены, пока она не оторвется от вашего бедра.

(30)

Пресуппозиция: *сознать*, отсутствующий референтный индекс: *какая из них, она*, подразумеваемый каузатив: *поскольку*, пресуппозиция: *не*

можете быть уверены,
встроенный каузатив:
пока

(31)

Она идет вверх. Быстрее. Еще быстрее.
(*Левая кисть и предплечье М немного приподнимаются.*)
Теперь вы знаете.
А знать приятно.

(32)

И это похоже на то чувство — вверх к вашему лицу — то чувство, когда однажды в младенчестве вы обнаружили, что ваша рука принадлежит вам.

(33)

А *узнать* это приятно — вверх к вашему лицу.

(34)

И ваше подсознание демонстрирует это отрывистое движение, поскольку ваше подсознание позволяет вашему сознанию использовать плавное движение.

(35)

И ваше подсознание делает это в более или

(31)

Отсутствующий референтный индекс: *она*, неконкретный глагол: *идет*, опущение: *знаете что?* подразумеваемый каузатив: *и*, пресуппозиция: *знать*

(32)

Подразумеваемый каузатив: *И*, отсутствующий референтный индекс: *это, то чувство*, номинализация: *чувство*, отсутствующий референтный индекс: *однажды*, пресуппозиция: *обнаружили*, неконкретный глагол: *обнаружили*, *похоже*

(33)

Подразумеваемый каузатив: *А*, отсутствующий референтный индекс: *это*, встроенная команда: *узнать это*, неконкретный глагол: *узнать*, пресуппозиция: *узнать*, опущение: *узнать что?*

(34)

Подразумеваемый каузатив: *И*, отсутствующий референтный индекс: *это... движение*, причина-следствие: *поскольку*, номинализация: *подсознание, сознание, движение*, пресуппозиция: *использовать*, неконкретный глагол: *демонстрировать, использовать*

(35)

Подразумеваемый каузатив: *и*, номинали-

менее рефлекторной манере. (*Левая кисть и предплечье М продолжают медленно подниматься.*)

(36)

И рано или поздно, я не знаю, когда именно, вы *будете удивляться* чему-то, что вы хотите увидеть.

(37)

Я не знаю, можете ли вы открыть глаза и увидеть это; может быть, вы увидите это с закрытыми глазами.

(38)

И нечто, что вы не видели долгое время, что радовало вас тогда и о чем вы забыли.

(39)

На днях я разговаривал с молодой женщиной, и она *знает*, что это за хорошее чувство.

зация: *подсознание*, отсутствующий референтный индекс: *это*, неконкретный глагол: *делает*, пресуппозиция: *делает это... в манере*

(36)

Подразумеваемый каузатив: *И*, встроенная команда: *будете удивляться*, неконкретный глагол: *будете удивляться*, отсутствующий референтный индекс: *чему-то*, встроенная команда: *вы хотите увидеть*, пресуппозиция: *хотите увидеть*

(37)

Встроенный вопрос: *я не знаю, открыть глаза*, союз: *и*, отсутствующий референтный индекс: *это, это*, пресуппозиция: *открыть глаза, увидеть это, с закрытыми глазами*

(38)

Отсутствующий референтный индекс: *нечто*, пресуппозиция: *не видели*, неконкретный глагол: *радовало*, пресуппозиция: *радовало*, отсутствующий референтный индекс: *тогда*, подразумеваемый каузатив: *и*, пресуппозиция: *забыли*, неконкретный глагол: *забыли*

(39)

Отсутствующий референтный индекс: *на днях, молодая женщина, она*, встроенная команда: *она знает, что это за хорошее чувство*, номинализация: *хоро-*

(36–38)

Доступ (трансderivационный поиск, V-переменная — L-оператор) к четырехкортежности с целью возрастной регрессии и позитивной галлюцинации

(39–41)

Продолжение метафоры (из 18), доступ (трансderivационный поиск, L-оператор — V) к четырехкортежности, возрастной регрессии и приятно-

	<i>шее чувство, неконкретный глагол: знает, пресуппозиция: знает</i>	му воспоминанию (R-оператор — K)
(40)	(40)	
У нее была собака, и это было до того, как она пошла в школу.	Отсутствующий референтный индекс: <i>Она, это, она</i> , подразумеваемый каузатив: <i>и</i>	
(41)	(41)	
И кое-какие надежды, которые были у вас (<i>Э слегка надавливает снизу вверх на стороны правого запястья М.</i>) в детстве. (<i>Правая кисть и предплечье М приподнимаются</i>).	Подразумеваемый каузатив: <i>И</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>кое-какие</i> , номинализация: <i>надежды</i> , неконкретный глагол: <i>были</i> , пресуппозиция: <i>были у вас в детстве</i> , фрагмент предложения: <i>и кое-какие... в детстве</i>	
(42)	(42)	(42–44)
И готова коснуться вашего лица; и когда она коснется вашего лица, вы не сможете удержать свою левую, свою правую руку в этом положении.	Союз: <i>И</i> , встроенная команда: <i>готова коснуться вашего лица</i> , причина- следствие: <i>и когда... вы не сможете</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>она</i> , пресуппозиция: <i>не сможете</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>в этом положении</i>	Подстройка (L-оператор — V), доступ к четырехкортности с ограниченным зрительным восприятием и позитивной галлюцинацией
(43)	(43)	
Вы не можете опустить ее сейчас, ваша левая рука должна сначала коснуться вашего лица... Она идет вверх.	Пресуппозиция: <i>не можете опустить ее</i> , неконкретный глагол: <i>не можете опустить</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>ее</i> , пресуппозиция: <i>должна коснуться</i> , причина-следствие: <i>должна сначала</i> , пресуппозиция: <i>вверх</i>	
(44)	(44)	
Теперь вы и я можем быть здесь совершенно одни. Что хорошо. И я могу говорить,	Пресуппозиция: <i>совершенно одни</i> , неконкретный глагол: <i>можем быть</i> , разговор-	

с кем пожелаю.

(Обращается к Нику.)

(45)

И, Ник, я не хочу, чтобы вы пока входили в транс. Но ваше подсознание усваивает прямо сейчас очень многое.

(46)

Только вы не знаете, что именно оно усваивает.

(47)

Я назову вам одну из вещей, которые вы усваиваете.

(48)

И это то, что ваша левая рука начинает подниматься без вашего намерения.

(49)

А теперь ваши веки причиняют вам трудности, и ваше лицо разглаживается.

(Обращается к Монд.)

ный постулат: *можем быть здесь совершенно одни*, подразумеваемый каузатив: *и*, отсутствующий референтный индекс: *с кем*

(45)

Союз: *И*, пресуппозиция: *пока*, неконкретный глагол: *входили*, номинализация: *подсознание*, пресуппозиция: *очень многое*, неконкретный глагол: *усваивает*, опущение: *усваивает что?*

(46)

Пресуппозиция: *именно*, неконкретный глагол: *не знаете*, отсутствующий референтный индекс: *оно*, пресуппозиция: *усваивает*, неконкретный глагол: *усваивает*, опущение: *что?*

(47)

Отсутствующий референтный индекс: *одна вещь*, пресуппозиция: *вы усваиваете*, неконкретный глагол: *вы усваиваете*

(48)

Подразумеваемый каузатив: *И*, пресуппозиция: *начинает подниматься*, неконкретный глагол: *начинает*

(49)

подразумеваемый каузатив: *А*, неконкретный глагол: *причиняют*, пресуппозиция: *причиняют*, подразумеваемый каузатив: *и*, неконкретный глагол: *разглаживается*, пресуппозиция: *разглаживается*

(45–49)

Подстройка к наблюдаемому и ненаблюдаемому поведению, продолжение левитации руки

(50)

И пока я говорил о другом, Монд, вы погружались глубже и глубже в сон.

(51)

А теперь давайте переместим эту левую руку вверх к вашему лицу, чтобы ваша правая рука могла пойти вниз.

(52)

Ближе и ближе. Осталось только около восьми сантиметров; семь с половиной. (М улыбается.) Правильно, вам это нравится.

(53)

И это может стать для вас сюрпризом: что ваша правая рука раньше вас узнает, когда ваша левая рука коснется вашего лица.

(50)

Подразумеваемый каузатив: *И пока*, отсутствующий референтный индекс: *о другом*, пресуппозиция: *погружались*, неконкретный глагол: *погружались*

(51)

Союз: *А*, неконкретный глагол: *переместим*, причина-следствие: *чтобы*, встроенная команда: *правая рука могла пойти вниз*, неконкретный глагол: *пойти*, пресуппозиция: *переместим*, *пойти*

(52)

Пресуппозиция: *ближе и ближе*, опущение: *что ближе?* пресуппозиция: *только*, неконкретный глагол: *осталось*, отсутствующий референтный индекс: *так*, пресуппозиция: *хорошо*, пресуппозиция: *нравится*, неконкретный глагол: *нравится*

(53)

Союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *это*, пресуппозиция: *может стать*, неконкретный глагол: *может стать*, разговорный постулат: *и это может стать для вас сюрпризом*, причина-следствие: *что*, ограничение на сочетаемость: *правая рука узнает*, неконкретный глагол: *узнает*, пресуппозиция: *узнает*, пресуппозиция: *коснется*, разговорный постулат: *коснется вашего лица*

(50–67)

Подстройка — от левитации руки (*L*-оператор — *V*) к четырехкортежности возрастной регрессии (*R*-оператор — *K*)

(54)

Ближе и ближе.

(54)

Пресуппозиция: *ближе и ближе*, опущение: *что ближе к чему?*

(55)

И, возможно, вы можете прибегнуть к небольшому обману, только вы не знаете, что я имею в виду. Правильно, вы начинаете обманывать.

(55)

Союз: *И*, пресуппозиция: *можете прибегнуть*, неконкретный глагол: *можете прибегнуть*, разговорный постулат: *прибегнуть к небольшому обману*, отсутствующий референтный индекс: *небольшой обман*

(56)

Только вы не знаете, что я имею в виду.

(56)

Пресуппозиция: *не знаете*, неконкретный глагол: *не знаете*, опущение: *что*

(57)

Но ваше подсознание знает, и я докажу это вам.

(57)

Подразумеваемый каузатив: *но ваше...* номинализация: *подсознание*, пресуппозиция: *знает*, неконкретный глагол: *знает, докажу*, отсутствующий референтный индекс: *это*, союз: *и, докажу*

(58)

Вы перемещаете голову едва заметно вниз, навстречу своей руке (*М улыбается*).

(58)

Пресуппозиция: *перемещаете*

(59)

И, я надеюсь, это доставляет вам такое же удовольствие, как и мне.

(59)

Союз: *И*, пресуппозиция: *доставляет... удовольствие*, неконкретный глагол: *доставляет*, отсутствующий референтный индекс: *это*, подразумеваемый каузатив: *такое же... как*

(60)

И, вероятно, вы получите от этого еще большее удоволь-

(60)

союз: *И*, пресуппозиция: *получите... удовольствие*, неконкрет-

ствие, чем я могу
предположить.

(61)

Чем это завершится...

(62)

Ваша голова готова
переместиться вниз
и *коснуться* вашей
руки, ваша рука готова
переместиться вверх
и *коснуться* вашего
лица?

(63)

Вы на самом деле
не знаете, но хотите
выяснить.

(64)

Итак, как же это
произойдет?

ный глагол: *получите*,
предположить, отсут-
ствующий референт-
ный индекс: *от этого*,
подразумеваемый
каузатив: *большее... чем*

(61)

Отсутствующий
референтный индекс:
это, пресуппозиция:
завершится

(62)

Встроенный вопрос:
*голова готова перемес-
титься вниз и коснуть-
ся вашей руки?* пресуп-
позиция: *готова*
переместиться, некон-
кретный глагол: *готова*
переместиться, встро-
енная команда: *кос-
нуться вашей руки*,
неконкретный глагол:
коснуться. (62a)
встроенный вопрос:
рука... переместиться
вверх... лица? пресуппо-
зиция: *готова...*, некон-
кретный глагол: *готова*
переместиться, встро-
енная команда: *кос-
нуться вашего лица*,
опущение: *коснуться*
где? пресуппозиция:
коснуться

(63)

Пресуппозиция: *не*
знаете, неконкретный
глагол: *знаете*, подра-
зумеваемый каузатив:
но... пресуппозиция:
выяснить, неконкрет-
ный глагол: *хотите*,
фрагмент предложения

(64)

Пресуппозиция: *про-
изойдет*, неконкретный
глагол: *произойдет*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *это*,

	опущение: <i>как произойдет что?</i>	
(65)	(65)	
Вам показалось на мгновение, что это будет ваша рука.	Пресуппозиция: <i>показалось</i> , неконкретный глагол: <i>показалось</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>это</i>	
(66)	(66)	
По-прежнему думаете, что это ваша рука.	Пресуппозиция: <i>по-прежнему думаете</i> , неконкретный глагол: <i>думаете</i> , опущение: <i>кто думает о чем?</i> фрагмент предложения	
(67)	(67)	
И когда она коснется, ваша правая рука опустится. (<i>Левая рука и лицо М соприкасаются; ее правая рука возвращается к ее бедру.</i>)	Подразумеваемый каузатив: <i>и когда</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>она</i> , пресуппозиция: <i>коснется</i> , неконкретный глагол: <i>коснется</i> , пресуппозиция: <i>опустится</i> , неконкретный глагол: <i>опустится</i> , опущение: <i>коснется где, когда?</i>	
(68)	(68)	(68–72)
И очень глубоко.	Фрагмент предложения: опущения: <i>очень глубоко что/ где?</i>	Позитивная галлюцинация, инструкция в отношении диссоциации V/K
(69)	(69)	
Теперь откуда-то из прошлого перед вами предстанет счастливая сцена.	Отсутствующий референтный индекс: <i>откуда-то</i> , пресуппозиция: <i>предстанет</i> , неконкретный глагол: <i>предстанет</i> , опущение: <i>сцена чего?</i> Отсутствующий референтный индекс: <i>счастливая сцена</i> , номинализация: <i>сцена</i>	
(70)	(70)	
И я хочу, чтобы вы ее визуализировали. Счастливую сцену.	Союз: <i>И</i> , встроенная команда: <i>хочу, чтобы вы ее визуализировали</i> , пресуппозиция: <i>ее</i>	

- (71) *визуализировали, отсутствующий референтный индекс: счастливую цену, опущение: визуализировали что/где?*
- (71) Ограничение на сочетаемость, встроенные команды: *потянитесь, схватите ее, извлеките ее*, пресуппозиции: *потянитесь, схватите, извлеките*, отсутствующий референтный индекс: *ее, ее*, опущение: *для кого/чего?*
- (72) *Вам не нужно охватывать все, только счастье.*
- (72) Пресуппозиция: *охватывать*, неконкретный глагол: *охватывать*, отсутствующий референтный индекс: *все*, номинализация: *счастье*
- (73) *Давайте посмотрим, можете ли вы открыть глаза чуть-чуть и быть наедине со мной.*
- (73) Разговорный постулат: *давайте посмотрим, можете ли вы... чуть-чуть*, пресуппозиция: *открыть*, неконкретный глагол: *открыть*, подразумеваемый каузатив: *и*, встроенная команда: *быть наедине со мной*, пресуппозиция: *быть наедине*, неконкретный глагол: *быть наедине*
- (73–81) Сохранение диссоциации V/K, отсылка в четырехкортежности к ограниченному зрительному восприятию, позитивные и негативные галлюцинации (L-оператор – V)
- (74) *И неважно, где мы. (М приоткрывает глаза.)*
- (74) Союз: *И*, опущение: *неважно для кого?*
- (75) *Вы помните последний случай — вы знали, что видите все.*
- (75) Пресуппозиция: *Вы помните*, неконкретный глагол: *помните*, референтный индекс: *последний случай*, неконкретный глагол: *знали*, встроенная команда: *видели все*,

(76)

Но вы видели ту видеозапись, сцену, которую вы не вспомнили.

(77)

Как Херб держал табличку, которую я должен был прочитать; а вы вообще ее не видели.

(78)

И я хочу, чтобы ваше внимание было только на мне, пока вы ощущаете и видите ту сцену из прошлого.

(79)

Ваша голова отклонится назад, чтобы вы могли смотреть на меня. (*Голова М движется вверх и назад, ее глаза полностью открыты и направлены на Э, а ее левая рука остается поднятой возле ее лица.*)

(80)

И вы готовы пройти через опыт научения и видеть только меня

пресуппозиция: *видели*, отсутствующий референтный индекс: *все*

(76)

Подразумеваемый каузатив: *Но*, отсутствующий референтный индекс: *ту видеозапись, сцену*, пресуппозиция: *не вспомнили*, неконкретный глагол: *вспомнили*.

(77)

Отсутствующий референтный индекс: *табличку*, опущение: *когда?* союз: *а*, пресуппозиция: *не видели*

(78)

Союз: *И*, номинализация: *внимание, сцена, прошлого*, опущение: *внимание было только на мне как/когда?* подразумеваемый каузатив: *пока*, пресуппозиция: *ощущаете*, неконкретный глагол: *ощущаете*, пресуппозиция: *видите*, отсутствующий референтный индекс: *ту сцену*, опущение: *чьего прошлого?* встроенная команда: *видите*

(79)

Пресуппозиция: *отклонится назад*, опущение: *когда?* подразумеваемый каузатив: *так чтобы*

(80)

Союз: *И*, пресуппозиция: *готовы пройти*, неконкретный глагол:

пройти, номинализация: *опыт*, встроенная команда: *видеть только меня*, отсутствующий референтный индекс: *опыт научения*

(81)

И это все. Вы слышите мой голос. И теперь вам на ум придет какой-то очень приятный, счастливый случай из вашего детства.

(81)

Союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *это*, опущение: *все что?* пресуппозиция: *слышите*, союз: *и*, пресуппозиция: *придет*, неконкретный глагол: *придет*, отсутствующий референтный индекс: *какой-то очень приятный, счастливый опыт*, номинализация: *опыт, детство*, пресуппозиция: *из вашего детства*

(82)

И я прошу вас описать его.

М: Плескание в воде.

Э: Плескание в воде?

М: Озеро.

Э: Расскажите мне об этом подробнее.

М: Я делаю это, совершенно забывшись.

Э: Вы что?

М: Я играю, совершенно забывшись.

Э: Совершенно забывшись. А где вода? Или вы еще не знаете наверняка?

М: Это озеро, не океан. Я очень маленькая.

Э: Вы метр ростом?

Или вы даже не знаете, что значит метр?

М: Мне около двух лет.

Э: О, два года

(83)

Итак, весело ли проводит время

(82)

Союз: *И*, пресуппозиция: *описать*, отсутствующий референтный индекс: *его*

(82)

Диалог. Подстройка

(83)

Неконкретный глагол: *проводит*, отсутствующий

(83–88)

Инструкции клиенту (М) направить внима-

двухлетняя Монд?

ший референтный
индекс: *время*

ние на *V*-переменную
(*R*-оператор) ставшей
доступной четырехкор-
тежности, затем нало-
жить *R*-оператор на
K-переменную. Про-
должение метафоры,
Метаинструкции

(84)

И запомните все эти
приятные чувства,
поскольку их очень
много.

(84)

Союз: *И*, неконкретный
глагол: *запомните*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *все*
эти приятные чувства,
номинализация: *чув-*
ства, пресуппозиция:
очень много, отсутству-
ющий референтный
индекс: *их*, причина-
следствие: *поскольку*

(85)

Это научение.

(85)

Отсутствующий
референтный индекс:
это, научение, номина-
лизация: *научение*

(86)

Подобно тому как
изучение алфавита и
научение различению
букв и цифр является
основой для всего
будущего чтения,
письма, счета.

(86)

Подразумеваемый
каузатив: *подобно тому*
как, пресуппозиция:
изучение алфавита,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
алфавит, буквы, цифры,
неконкретный глагол:
является, опущения:
чтения, письма, счета
чего?

(87)

То же относится и к
приятному чувству
плескания, совершен-
но забывшись, в воде.

(87)

Ограничение на сочета-
емость: подразумевае-
мый каузатив: *тоже*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
приятное чувство,
опущение: *чье чувство?*

(88)

К чему-то, что вы
усвоили и что останет-
ся с вами в последую-
щей жизни и будет

(88)

Отсутствующий рефе-
рентный индекс: *к чему-*
то, встроенная команда:
к чему-то, что вы

использовано направленным образом.

усвоили, неконкретный глагол: *усвоили*, пресуппозиция: *вы усвоили и что останется*, референтный индекс: *последующей жизни*, неконкретный глагол: *использовано*, пресуппозиция: *будет использовано... образом*, отсутствующий референтный индекс: *направленным образом*, номинализация: *образом*, опущение: *кто/как использовал научение?*

(89)

А теперь я хотел бы, чтобы вы увидели себя вот там. (*Э отрывистым жестом указывает на левый бок М; она смотрит на свой левый бок.*)

(89)

Причинное моделирование — союз: *А*, встроенная команда: *увидели себя вот там*, пресуппозиция: *увидели себя*, отсутствующий референтный индекс: *вот там*

(89–92)

Инструктирует клиента (*М*) задействовать (*М*) оператор — (*V*) четырехкортность с позитивной *K*, направляя внимания (*R*-оператор — *V*) на *V*- переменную, соприкосновение (*R*-оператор) с переходом к *K*-переменной

(90)

Сделав нечто иное, очень приятное...

(90)

Пресуппозиция: *сделав*, отсутствующий референтный индекс: *нечто иное*, неконкретный глагол: *сделав*, опущение: *приятное для кого?*

(91)

Сейчас оно прояснится; вы его ясно увидите.

(91)

Встроенная команда: *прояснится*, ясно увидите, отсутствующий референтный индекс: *оно, его*, пресуппозиция: *прояснится*, неконкретный глагол: *прояснится*

(92)

Скажите мне, что это. М: Погоня за утками. Э: Погоня за уткой? М: Стайкой уток. Э: Стайкой уток. И так, как вам нравится вид маленькой Монд?

(92)

опущение: *сказать когда?* Отсутствующий референтный индекс: *скажите мне, что это*

М: Она совершенно беззаботна.

Э: Как?

М: Совершенно беззаботна.

Э: Совершенно беззаботна.

(93)

И это — то, что маленькая Монд сможет использовать в будущем, не так ли?

(94)

И ей необходимо усвоить эту радость.

(95)

Поскольку жизненный путь полон разных вещей и вам необходимо усвоить эти вещи.

(96)

И выяснить позже, как вы можете использовать эти знания. Вам не холодно, нет?

М: Нет.

Э: Удобно?

М: Да.

Э: Хорошо, когда

(93)

Союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *это, то*, встроенная команда: *Монд сможет использовать в будущем*, неконкретный глагол: *сможет использовать*, пресуппозиция: *сможет использовать*

(94)

Союз: *И*, встроенная команда: *необходимо усвоить*, пресуппозиция: *необходимо усвоить*, неконкретный глагол: *усвоить*, отсутствующий референтный индекс: *эту радость*

(95)

Подразумеваемый каузатив: *поскольку*, номинализация: *жизненный путь*, отсутствующий референтный индекс: *разных вещей*, союз: *и*, встроенная команда: *необходимо усвоить эти вещи*, неконкретный глагол: *усвоить*, пресуппозиция: *необходимо усвоить*, отсутствующий референтный индекс: *вещи*

(96)

Союз: *и*, пресуппозиция: *выяснить позже*, неконкретный глагол: *выяснить*, опущение: *выяснить когда/где/как?* пресуппозиция: *можете использовать*, неконкретный глагол:

(93–96)

Метаинструкции заякорить позитивную *К*-переменную ставшей доступной четырехкортежности для последующего использования; продолжение метафоры. Присоединенный вопрос (полятность)

удобно, не так ли?

(97)

Теперь подумайте о чем-то плохом, до шести лет; и посмотрите, как вы делаете это.

(98)

Поскольку до шести лет вы не могли делать ничего по-настоящему плохого.

М: Я разбила окно.

Э: Вы что?

М: Разбила окно.

Э: Вы получили удовольствие от этого?

М: Я была в шоке от того, что оно разбилось.

Э: Вы были в шоке от того, что оно разбилось.

(99)

Приятно узнать, что такое шок, не так ли? (М смеется.)

(100)

А взрослые понятия основаны на понятиях, которые мы получаем. Что вы чувствуете, находясь здесь и там? (М смотрит налево, а затем снова на Э.)

М: Это кажется естественным.

использовать, отсутствующий референтный индекс: *эти знания*, номинализация: *знания*, присоединенный вопрос: *нет*

(97)

Пресуппозиция: *подумайте о чем-то плохом*, неконкретный глагол: *подумайте*, опущение: *плохом для кого?* отсутствующий референтный индекс: *о чем-то плохом*, союз: *и*, пресуппозиция: *посмотрите, как вы делаете это*, отсутствующий референтный индекс: *это*

(98)

Подразумеваемый каузатив: *поскольку*, пресуппозиция: *не могли делать ничего по-настоящему плохого*, неконкретный глагол: *делать*, отсутствующий референтный индекс: *ничего по-настоящему плохого*, опущение: *плохого для кого?*

(99)

Краткий общий вопрос: *не так ли*, неконкретный глагол: *узнать*, номинализация: *шок*

(100)

Союз: *А*, отсутствующий референтный индекс: *там*, *взрослые понятия*, *понятиях*, опущение: *получаем от кого/где?* неконкретный глагол: *основаны*, *получаем*

(97–100)

Инструктирует клиента (М) задействовать (L-оператор – V) четырехкортежность с негативной K, направляя внимание (R-оператор) на V-переменную; замена значения K четырехкортежности с негативным K-значением ранее заякоренного позитивного K. Подстроечный краткий общий вопрос

Э: Совершенно естественным. И какого роста вы там? (Э бросает быстрый взгляд на левый бок М; М смотрит на свой левый бок.)... Где же окно?

М: Это школьное окно.

Э: А где разбитое стекло?

М: В кафетерии.

Э: Кто-то находится рядом?

М: Я была слишком маленькой, чтобы есть там завтрак, но в буфете полно людей. И на мне красный дождевик. А моя мама забирает меня в 12 часов. И со мной должна случиться какая-то неприятность.

Э: Вы очень голодны?

М: Я не голодна, я испугана.

Э: Сильно испуганы. Испуганная маленькая Монд.

М: Да.

(101)

Э: А ужас маленького ребенка *выглядит* иным, чем его реальное восприятие ребенком?

(102)

Ребенок видит нечто очень большое, и вы можете улыбнуться по этому поводу.

(101)

Союз: А, встроенная команда: *ужас маленького ребенка выглядит иным, чем...* отсутствующий референтный индекс: *ужас маленького ребенка, ребенком*, presupпозиция: *ужас... выглядит*, номинализация: *ужас*

(102)

Отсутствующий референтный индекс: *ребенок, нечто очень большое*, presupпозиция: *ребенок видит нечто, вы можете улыбнуться*, союз: *ребенок видит... и... вы можете улыбнуться...*

(101–102)

Инструктирует клиента (М) задействовать (L-оператор – V) четырехкортежность с позитивной K, направление внимания (R-оператор – V), соприкосновение (R-оператор – V) с переходом к K-переменной

(103)

Теперь давайте перейдем к какому-нибудь счастливому событию, когда вам было около десяти лет, — к чему-то, что вы давно забыли... Хотите рассказать мне об этом?

М: Я поймала свою первую рыбу.

Э: Рыба была большой?

М: Это была маленькая медуза.

Э: Маленькая медуза.

(104)

Почему вы не показали мне размеры медузы? Сейчас с вами происходит нечто странное, не так ли? Я могу сделать так. (*Э быстро разводит руки в стороны.*)

М: Я чувствую себя совершенно оторванной от остальной части своего тела.

(105)

Э: Вы оторваны от своего тела. (*М смотрит на Э.*) Другими словами, вы хотели бы увидеть свое взрослое тело сидящим (*Э отрывистым жестом указывает на левый бок М; М смотрит на свой левый бок*) в том кресле вон там? Ваше подсознание вот здесь (*Э быстро поворачивается всем телом налево, указывает на левый бок М и продолжает указывать*), а ваше тело вон там? Опишите мне положение, в котором вы сидите. (*Э быстро*

(103)

Отсутствующий референтный индекс: *какое-то счастливое событие, к чему-то, давно*, пресуппозиция: *давайте перейдем, вы... забыли*, неконкретный глагол: *перейдем, забыли*, опущение: *счастливое для кого?*

(104)

Пресуппозиция: *Почему вы не показали мне...* отсутствующий референтный индекс: *происходит нечто странное*, краткий общий вопрос: *не так ли*, пресуппозиция: *с вами происходит нечто странное*

(105)

Пресуппозиция: *Вы оторваны...* неконкретный глагол: *оторваны*, пресуппозиция: *вы хотели бы увидеть*, номинализация: *подсознание*

(103–105)

Трансderivационный поиск (*L*-оператор — *V*) *K*-переменной доступной четырехкортежности, сохранение диссоциации *V/K*

поворачивает голову
в сторону левого бока
М.)

М: Мои ноги на полу.

Э: Как?

М: Мои ноги на полу.

Э: Ваши ноги на полу,
так.

М: Мои стопы повер-
нуты внутрь.

Э: *(Руки Э возвращают-
ся в спокойное сцеп-
ленное положение.)*

Теперь я хотел бы...

М: Я наклоняюсь
влево.

Э: Как?

М: Я наклоняюсь
влево.

Э: Я расскажу вам
другую интересную
вещь — ладно?

М: Моя рука по-
прежнему поднята.

(106)

Э: Ваша рука по-
прежнему поднята;
и теперь вы знаете,
что не можете ее
опустить. *(М смеется.)*

(107)

Вы можете ее опустить,
только если правая ру-
ка переместится вверх
с той же скоростью,
с какой левая перемес-
тится вниз... О, вы мо-
жете приложить боль-
ше усилий *(М смотрит
на Э, а затем налево)* —
намного больше. Я хо-
чу увидеть действия.

М: Мне кажется,
я слишком ленива?

Э: Как?

М: Мне кажется,
я слишком ленива.

Э: Вам кажется, вы
слишком ленивы?

М: Мне удобно.

Э: Вам удобно, очень
удобно.

М: Да...

(106)

Союз: *и*, пресуппози-
ция: *вы знаете, что не
можете ее опустить*,
неконкретный глагол:
знаете

(107)

Причина-следствие: *Вы
можете... только если*,
пресуппозиции: *вы
можете опустить*,
*правая рука перемес-
тится вверх, левая
переместится вниз*,
неконкретный глагол:
переместится, встроен-
ная команда: *перемес-
тится вверх с той же
скоростью, с какой...*

(106–107)

Подстройка, левитация
руки и диалог

(108)

Э: Приятно быть в таком состоянии, сейчас, в будущем. В настоящий момент, хотя вы не можете двигать руками, за небольшим исключением, вы можете чувствовать себя комфортно, не так ли?
М: Да.

(109)

Э: И вы могли бы чувствовать себя комфортно в толпе?..

(110)

Я хотел бы сообщить вам кое-что. Каждый подобен своим отпечаткам пальцев.

(111)

Они единственные в своем роде. И никогда не будет второй такой же, как вы. И вы должны только радоваться, что являетесь самой собой.

(112)

И вы не можете это изменить — как не могут быть изменены отпечатки пальцев.

(108)

Отсутствующий референтный индекс: *в таком состоянии, в будущем, за небольшим исключением*, подразумеваемый каузатив: *хотя*, пресуппозиция: *приятно, не можете двигать руками, можете чувствовать себя комфортно*, неконкретный глагол: *двигать, чувствовать*, краткий общий вопрос: *не так ли?*

(109)

Союз: *И*, пресуппозиция: *могли бы чувствовать себя комфортно*, неконкретный глагол: *чувствовать*, отсутствующий референтный индекс: *в толпе*

(110)

Отсутствующий референтный индекс: *кое-что, каждый*, пресуппозиция: *подобен*, неконкретный глагол: *подобен*

(111)

Отсутствующий референтный индекс: *они единственные...* опущение: *для кого?* союз: *и*, отсутствующий референтный индекс: *второй*, пресуппозиция: *должны радоваться*, неконкретный глагол: *радоваться*

(112)

Союз: *И*, пресуппозиция: *вы не можете это изменить*, неконкретный глагол: *изменить*, отсутствующий референтный индекс: *это*, подразумеваемый каузатив: *как*, пресуппо-

(108–115)

Метафора, метаинструкции (*Я*-оператор — *К*-переменная) для будущего использования. Подстройка с помощью полярности

зиция: *не могут быть изменены отпечатки пальцев*, неконкретный глагол: *изменены*

(113)

И я хочу, чтобы вы испытывали то же чувство безопасности, как тогда, когда вы плескались в воде, когда вы поймали свою медузу.

(113)

Союз: *И*, пресуппозиция: *испытывали то же чувство безопасности, как тогда, когда вы плескались*, неконкретный глагол: *испытывали*, отсутствующий референтный индекс: *то же чувство безопасности*, номинализация: *чувство безопасности*, подразумеваемый каузатив: *когда*

(114)

То же чувство безопасности, которое вы испытываете даже сейчас, когда вы не можете двинуть рукой, за тем исключением, которое я определил.

(114)

Отсутствующий референтный индекс: *то же чувство безопасности*, номинализация: *чувство безопасности*, пресуппозиция: *испытываете даже сейчас, не можете двинуть рукой*, неконкретный глагол: *испытываете, двинуть, определил*, подразумеваемый каузатив: *когда*

(115)

И вы можете чувствовать себя комфортно в любой момент по своему желанию. (*М смотрит на Э.*)

(115)

Союз: *И*, встроенная команда: *можете чувствовать себя комфортно*, пресуппозиция: *можете чувствовать себя комфортно в любой момент по своему желанию*, неконкретные глаголы: *чувствовать*, отсутствующий референтный индекс: *в любой момент*

(116)

Вы полагаете, я должен доказать это вам? Хорошо.

(116)

Чтение мыслей: *вы полагаете, я должен...* пресуппозиция: *доказать это*, неконкретные глаголы: *полагаете*,

(116–122)

Метаинструкции, связывающие закрытие глаз с негативной К-переменной, а открытие глаз —

	доказать, отсутствующий референтный индекс: <i>это</i> , опущение: <i>что хорошо для кого?</i>	позитивной <i>K</i> -переменной
(117)	(117)	
Как только вы закроете глаза, то почувствуете дискомфорт. (Глаза <i>M</i> закрываются.)	Причина-следствие: <i>Как только... то почувствуете</i> , пресуппозиция: <i>закроете глаза, почувствуете</i> , неконкретный глагол: <i>почувствуете</i>	
(118)	(118)	
И вы почувствуете себя комфортно, как только вы их откроете.	Связка: <i>И</i> , причина-следствие: <i>вы почувствуете... как только...</i> , пресуппозиция: <i>вы почувствуете себя комфортно, вы их откроете</i> , неконкретный глагол: <i>почувствуете</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>их</i>	
(119)	(119)	
Но вы не можете открыть их прямо сейчас. И вы действительно почувствуете дискомфорт — причем сильный. (<i>M</i> морщится; глаза <i>M</i> мигают.)	Союз: <i>И</i> , подразумеваемый каузатив: <i>но вы...</i> , пресуппозиция: <i>не можете их открыть</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>их</i> , пресуппозиция: <i>вы действительно почувствуете</i> , неконкретный глагол: <i>почувствуете</i>	
(120)	(120)	
Теперь (глаза <i>M</i> открыты и смотрят налево) вы знаете, что нужно делать, чтобы чувствовать себя комфортно (<i>M</i> смотрит на Э), поэтому у вас будет больше мужества, не так ли? (<i>M</i> улыбается и смотрит налево.)	Пресуппозиция: <i>вы знаете, что нужно делать</i> , неконкретизированный глагол: <i>знаете, чувствовать</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>что нужно делать</i> , подразумеваемый каузатив: <i>поэтому</i> , пресуппозиция: <i>будет больше мужества</i> , неконкретный глагол: <i>будет</i> , номинализация: <i>мужество</i> , краткий общий вопрос: <i>не так ли?</i>	

(121)

Вы испытывали дискомфорт, разве нет?
(М кивает головой.)

(121)

Пресуппозиция: *вы испытывали*, краткий общий вопрос: *разве нет?* опущение: *дискомфорт в отношении чего?*

(122)

На что (М смотрит на Э) это было похоже?
М: Как будто я только что должна была (М качает головой, на мгновение закрывает глаза, затем глядит на Э) сделать движение своими руками.
Э: Как будто вы должны были сделать движение своей рукой.

(122)

Отсутствующий референтный индекс: *это*, опущение: *похоже для кого?* пресуппозиция: *было похоже*

(123)

А что, если подобрать что-то иное, еще более дискомфортное?

(123)

Пресуппозиция: *А что если подобрать что-то... дискомфортное*, отсутствующий референтный индекс: *что-то*, опущение: *более дискомфортное, чем что/для кого?*

(123–131)

Трансderivационный поиск (*L*-оператор не конкретизирован) четырехкортежности с негативным *K* (*R*-оператор). Метаинструкции, привязывающие закрытие глаз к четырехкортежности с негативным *K*, открытие глаз — к четырехкортежности с позитивным *K*; диалог

(124)

Одну из наихудших вещей, которую вы можете себе представить.

(124)

Отсутствующий референтный индекс: *Одну из наихудших вещей*, пресуппозиция: *вы можете себе представить*, неконкретный глагол: *представить*

(125)

Закройте глаза и почувствуйте этот дискомфорт, зная, что вы можете контролировать его открытием глаз.

(125)

Пресуппозиция: *закройте глаза, почувствуйте, зная, что вы можете контролировать*, отсутствующий референтный индекс: *этот дискомфорт, его*,

(126)

Теперь вы впервые чувствуете его сполна, самое неприятное чувство, которое вы когда-либо испытывали.

(127)

Закройте глаза и прочувствуйте его...
(М закрывает глаза.)

(128)

И вы можете позволить себе пострадать и почувствовать себя жалкой, поскольку знаете, что когда вы действовали его сполна, то можете открыть глаза и прогнать его...

(129)

Но исследуйте по-настоящему это неприятное чувство...

неконкретные глаголы:
почувствуйте, зная,
номинализация: *дис-*
комфорт

(126)

Встроенная команда:
вы впервые чувствуете
его, пресуппозиция:
вы... чувствуете его,
самое неприятное
чувство, неконкретный
глагол: *чувствуете*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *его*,
самое неприятное
чувство

(127)

Пресуппозиция:
Закройте глаза, про-
чувствуйте его, некон-
кретный глагол:
прочувствуйте, отсут-
ствующий референт-
ный индекс: *его*

(128)

Союз: *И*, пресуппози-
ции: *вы можете*
позволить себе пост-
радать и почувство-
вать себя жалкой, вы
знаете, открыть глаза
и прогнать, неконк-
ретные глаголы:
позволить, почувство-
вать, знаете, почув-
ствовали, прогнать,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
почувствовали его,
прогнать его, подразу-
меваемый каузатив:
поскольку

(129)

Причинный союз: *Но*,
пресуппозиция: *иссле-*
дуйте по-настоящему,
неконкретный глагол:
исследуйте, отсутству-
ющий референтный
индекс: *это неприятное*
чувство

(130)

Оно не такое угрожающее, как вам казалось... Вы преодолеваете его...

(130)

Отсутствующий референтный индекс: *оно*, пресуппозиция: *оно не такое угрожающее*, опущение: *угрожающее кому?* чтение мыслей: *как вам казалось*, неконкретный глагол: *преодолеваете*, отсутствующий референтный индекс: *его*

(131)

Ведь оно вам надоело? (*М улыбается и кивает головой.*) Вы (*М открывает глаза и смотрит налево*) знаете, что нужно делать. Теперь я хотел бы, чтобы вы посмотрели на двухлетнюю Монд... Что она делает сейчас?

М: Бегаёт.

Э: Бегаёт? Теперь давайте посмотрим на нее с утками... Что она делает?

М: Кормит их хлебными крошками.

Э: Кормит их хлебными крошками... Отчетливо ли вы видите уток?

М: Очень четко.

Э: Сколько их?

М: Около двенадцати.

Э: Вы говорите, около двенадцати. Вы умеете считать до двенадцати?

М (*смеется*): Умею считать до десяти.

(131)

Разговорный постулат: *Ведь оно вам надоело*, отсутствующий референтный индекс: *оно*, пресуппозиция: *вы знаете*, неконкретный глагол: *знаете*, отсутствующий референтный индекс: *что нужно делать*

(132)

Э: Вы считаете до десяти. Это неплохо... Вы можете представить себе что угодно и освоить это... Итак, то разбитое стекло — ваша мама отшлепала вас?

(132)

Отсутствующий референтный индекс: *Это*, опущение: *неплохо для кого?* пресуппозиция: *вы можете представить... и освоить*, неконкретные глаголы: *представить*, *освоить*, отсутствующий рефе-

(132–149)

Метаинструкции; трансderivационный поиск (*L*-оператор — *K*; *R*-оператор — *K*) четырехкортежности с негативной *K*; привязывает четырехкортежность с негативной *K* к закрытию глаз;

М: Да.

Э: Закройте...

М: Она заставила меня заплатить за него.

Э: Закройте глаза.

М: Из моих карманных денег.

(133)

Э: Закройте глаза (*М закрывает глаза*), почувствуйте те шлепки прямо сейчас. (*М морщится.*) Почувствуйте их со всей интенсивностью...

(134)

Хорошая взбучка, не так ли? (*М открывает глаза, смотрит налево, затем на Э.*)

(135)

Каково это было, получить взбучку? (*М смотрит налево.*) М: Хуже всего до ее начала, чем во время (*М смотрит на Э*) или после нее. (*М на мгновение закрывает глаза, улыбается и смотрит на Э.*)

(135а)

Э: И во время нее вам кажется, что вы ее не вынесете, правда? (*М смеется и смотрит налево.*) Не относится ли это к любым неприятностям?
М: Гм...

(136)

Э: Но вы все же вынесли ту взбучку... И вы можете вынести

рентный индекс: *что угодно, это*, встроенная команда: *освоить это*

(133)

Пресуппозиция: *почувствуйте те шлепки, почувствуйте их со всей интенсивностью*, отсутствующий референтный индекс: *те шлепки, их*

(134)

Пресуппозиция: *Хорошая взбучка*, отсутствующий референтный индекс: *хорошая взбучка*, краткий общий вопрос: *не так ли*

(135)

Пресуппозиция: *получить взбучку*, отсутствующий референтный индекс: *это*, опущение: *взбучку от кого?*

(135а)

Причинный союз: *и во время*, пресуппозиция: *вам кажется, что вы ее не вынесете*, неконкретные глаголы: *кажется, вынесете*, краткий общий вопрос: *правда?* отсутствующий референтный индекс: *это, любым неприятностям*, номинализация: *неприятностям*

(136)

Причинный союз: *Но*, неконкретный глагол: *вынесли*, отсутствующий

подстройка; привязывает позитивную К к открытию глаз; краткий общий вопрос, изменение времени

(М смотрит на Э)
другие неприятности...

референтный индекс: *ту взбучку*, союз: *и*, пресуппозиция: *вы можете вынести*, неконкретный глагол: *вынести*, отсутствующий референтный индекс: *другие неприятности*, номинализация: *неприятности*

(137)

Как бы вам понравилась еще одна взбучка? (М смотрит налево, улыбается и мотает головой.)

(137)

Разговорный постулат:
Как бы вам... опущение:
взбучка от кого?

(138)

Так вот, вам предстоит получить еще одну... (М смотрит на Э.) И очень сильную. И вы получите ее, как только закроете глаза.

(138)

Пресуппозиция: *вам предстоит получить...* и очень сильную, отсутствующий референтный индекс: *еще одну...* очень сильную, союз: *и*, пресуппозиция: *вы получите ее*, неконкретный глагол: *получите*, отсутствующий референтный индекс: *ее*, причина-следствие: *как только*, встроенная команда: *закроете глаза*

(139)

И вам хочется думать, что они не закроются. М (смотрит налево): Нет, я хочу знать, кто собирается отшлепать меня.
Э: Вы хотите знать?

(139)

Союз: *И*, пресуппозиция: *вам хочется думать*, неконкретный глагол: *думать*, встроенная команда: *закроются*

(140)

Вы узнаете, когда ваши глаза будут закрыты... Это будет сильная взбучка. (М смотрит на Э, а затем налево.)

(140)

Пресуппозиция: *Вы узнаете*, неконкретный глагол: *узнаете*, подразумеваемый каузатив: *когда*, пресуппозиция: *будет сильная взбучка*, опущение: *сильная для кого?*

(141)

И пытаюсь избежать этой взбучки, ваши

(141)

Союз: *И*, пресуппозиции: *пытаюсь избе-*

глаза *закрываются* и
остаются *закрытыми*.
Веки опускаются. Ну!
(Глаза *М* *закрываются*,
и она морщится.)

(142)

И у вас готова по-
явиться *ненависть* к
этой взбучке — нена-
висть, гнев и боль...

(143)

И ощущение всего
этого... (На оба ее
глаза *наворачиваются*
слезы.)

(144)

И у вас возникает
чувство «никогда
больше»...

(145)

А теперь вас появляет-
ся чувство «я могу
вынести это и никогда
больше не столкнусь с
этой взбучкой и этой
ненавистью, и этим
гневом»...

(146)

И пусть ваш зад ноет —
по-прежнему ноет,
после того как вы

жать, неконкретный
глагол: *пытаясь*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *этой*
взбучки, встроенная
команда: *глаза закрыва-
ются и остаются*
закрытыми, пресуппо-
зиция: *закрываются*,
остаются закрытыми

(142)

Союз: *И*, пресуппози-
ция: *готова появиться*
ненависть... *гнев и боль*,
неконкретный глагол:
появиться, номинализа-
ции: *ненависть, гнев*,
боль, отсутствующий
референтный индекс:
к этой взбучке, опуще-
ние: *взбучке от кого?*

(143)

Союз: *И*, пресуппози-
ция: *ощущение всего*
этого, отсутствующий
референтный индекс:
всего этого

(144)

Союз: *И*, пресуппози-
ция: *у вас возникает*
чувство, номинализа-
ция: *никогда больше*

(145)

Союз: *А теперь*, пресуп-
позиция: *у вас появля-
ется чувство «я могу*
вынести... и никогда
больше не столкнусь...»,
неконкретный глагол:
вынести, отсутствующий
референтный
индекс: *это, этой*
*взбучкой, этой ненавис-
тью, этим гневом*,
номинализации: *взбуч-
кой, ненавистью, гневом*

(146)

Союз: *И*, подразумева-
емый каузатив: *после*
того как, пресуппози-

откроете глаза... (Глаза М открываются.)

(147)

И расскажите мне о (глаза М смотрят направо) ноющем чувстве... (Глаза М смотрят налево.)

(148)

Вам не нужно вспоминать тот случай, но вы можете вспомнить чувства... (М смотрит на Э, кивает головой и смотрит налево.)

(149)

Как чувствует себя ваш зад? (М смотрит на Э, а затем налево.)

М: Боль от щетки.

Э: Как будто была использована щетка

(150)

Вы не против того (М смотрит на Э), чтобы рассказать мне и незнакомым людям об этом случае? (М смотрит налево.)

(151)

Ваше подсознание знает все (М смотрит на Э) об этом — вероятно, больше чем ваше сознание.

ции: зад ноет, по-прежнему ноет, встроенная команда: откроете глаза

(147)

Союз: И, пресуппозиция: расскажите мне о ноющем... отсутствующий референтный индекс: ноющее чувство у кого?

(148)

Пресуппозиция: не нужно вспоминать, вы можете вспомнить, неконкретный глагол: вспоминать, номинализация: случай, чувства, встроенная команда: вы можете вспомнить чувства

(149)

Пресуппозиция: чувствует себя ваш зад

(150)

Разговорный постулат: Вы не против того, чтобы рассказать, пресуппозиция: рассказать мне, отсутствующий референтный индекс: незнакомым людям об этом случае, номинализация: случае

(151)

Пресуппозиция: Ваше подсознание знает... больше чем ваше сознание, неконкретный глагол: знает, номинализации: подсознание, сознание, отсутствующий референтный индекс: об этом

(150–155)

Метаинструкции для будущего использования позитивной (заякоренной на закрытие и открытие глаз) К-переменной четырехкортежности; амнезия; начало повторной интеграции всех задействованных четырехкортежностей; переориентация на взрослую Мوند

(152)

И ваше подсознание может *утаить* от вас, от вашего сознания, все, что, на его взгляд, вы не должны знать.

(153)

И благодаря этому вы можете *унять* боль. Это приемлемо? (*М кивает.*)

(154)

И вы сможете сделать это в будущем. Или многие вещи...

(155)

И теперь двухлетняя Монд и Монд, бьющая окна, и Монд, преследующая уток, Монд, кормящая уток, превращается во взрослую Монд. М: Еще не превратилась. (*М смотрит на Э.*)

(156)

И она собирается *встретиться со мной*.

(152)

Союз: *И*, пресуппозиция: *подсознание может утаить от сознания все, что...* неконкретные глаголы: *утаить, знать*, отсутствующий референтный индекс: *все*, номинализации: *подсознание, сознание*, встроенная команда: *может утаить от вас*

(153)

Союз: *И*, отсутствующий референтный индекс: *этому*, пресуппозиция: *вы можете унять*, неконкретный глагол: *унять*, номинализация: *боль*, отсутствующий референтный индекс: *это*, опущение: *приемлемо для кого?* встроенная команда: *можете унять боль*

(154)

Союз: *И*, пресуппозиция: *вы можете сделать это*, неконкретный глагол: *сделать*, отсутствующий референтный индекс: *это в будущем, многие вещи*, номинализация: *будущее*, фрагмент предложения

(155)

Союз: *И*, пресуппозиция: *двухлетняя... бьющая окна... преследующая уток... кормящая уток превращается во взрослую Монд*, неконкретный глагол: *превращается*

(156)

союз: *И*, встроенная команда: *она собирается встретиться со мной*, пресуппозиция:

(156–165)

Завершает интеграцию всех задействованных четырехкортежей; переориентация на

- (157) Только бьющая окна (*М смотрит на Э*), преследующая уток, плещущаяся в воде Монд не знает меня... А взрослая Монд знает.
- (158) Та, которая чувствует себя в безопасности и комфорте.
- (159) Зная, что когда вы столкнетесь с дискомфортом, то можете закрыть глаза, а затем открыть их.
- (160) И показать мне, как вы ведете себя, когда что-то вызывает у вас чувство неуверенности... (*Глаза М смотрят налево, медленно закрываются, медленно открываются, а затем быстро закрываются.*)
- (161) И вам нужно все это время, нужно? (*Глаза М открываются и смотрят налево.*)
- собирается встретиться, неконкретный глагол: встретиться*
- (157) Пресуппозиция: *разбивающая окно, плещущаяся в воде Монд не знает... взрослая Монд знает*, неконкретный глагол: *знает*
- (158) Отсутствующий референтный индекс: *та*, номинализация: *безопасность, комфорт*, пресуппозиция: *безопасность*
- (159) Пресуппозиция: *зная, что... вы можете закрыть глаза... затем открыть... неконкретные глаголы: зная, столкнетесь*, встроенные команды: *когда вы столкнетесь с дискомфортом... можете закрыть глаза, а затем открыть их*, подразумеваемый каузатив: *когда, затем*, номинализация: *дискомфорт*
- (160) Союз: *и*, пресуппозиция: *показать мне... вы ведете... у вас чувство... подразумеваемый каузатив: когда*, отсутствующий референтный индекс: *что-то*, неконкретные глаголы: *показать, вести себя*
- (161) Союз: *И*, пресуппозиция: *вам нужно все это время*, неконкретный глагол: *нужно*, отсутствующий референт-
- взрослую Монд; проверяет якорную связь между открытием глаз и четырехкортежностью с позитивной К

	<p>ный индекс: <i>все это время</i>, номинализация: <i>время</i>, краткий общий вопрос: <i>нужно?</i></p>	
(162)	(162)	
<p>Покажите мне, насколько быстро вы можете закрыть (<i>М смотрит на Э</i>) глаза и прогнать дискомфорт.</p>	<p>Пресуппозиция: <i>покажите... насколько быстро... можете закрыть... и прогнать...</i> неконкретные глаголы: <i>покажите, прогнать</i>, отсутствующий референтный индекс: <i>дискомфорт</i>, номинализация: <i>дискомфорт</i></p>	
(163)	(163)	
<p>И открыть их, когда дискомфорт уже исчез. (<i>М смотрит налево и моргает.</i>)</p>	<p>Союз: <i>и</i>, пресуппозиция: <i>открыть их...</i> <i>дискомфорт... исчез</i>, неконкретный глагол: <i>исчез</i>, отсутствующий референтный индекс: <i>дискомфорт</i>, номинализация: <i>дискомфорт</i></p>	
(164)	(164)	
<p>Вам даже не нужно вспоминать, что это был за дискомфорт. (<i>М смотрит на Э.</i>)</p>	<p>Пресуппозиция: <i>даже не нужно</i>, отсутствующий референтный индекс: <i>дискомфорт</i>, номинализация: <i>дискомфорт</i></p>	
(165)	(165)	
<p>Кстати, вам комфортно? М: Да.</p>	<p>Краткий общий вопрос: <i>кстати, вам комфортно?</i></p>	
(166)	(166)	(166–172)
<p>Э: Я намерен разбудить вас через очень короткое время.</p>	<p>Пресуппозиция: <i>намерен разбудить</i>, отсутствующий референтный индекс: <i>очень короткое время</i></p>	<p>Метаинструкция для будущей подстройки и проверки якорной связи (между движением руки и четырехкортежностью с позитивной К)</p>
(167)	(167)	
<p>И я хочу попросить вас кое о чем, что вызовет у вас дискомфорт. Ненадолго.</p>	<p>Союз: <i>И</i>, пресуппозиция: <i>попросить вас кое о чем... вызовет у вас...</i> отсутствующий референтный индекс: <i>кое о чем</i>, номинализация:</p>	

	<i>дискомфорт</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>ненадолго</i>	
(167a)	(167a)	
Это будет нормально? М: Да.	Опущение: <i>нормально для кого?</i>	
(168)	(168)	
Э: Я попрошу вас сделать две вещи; это будет нормально? (М кивает головой.)	Пресуппозиция: <i>от вас две вещи</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>две вещи, это</i> , опущение: <i>нормально для кого?</i>	
(169)	(169)	
После того как вы пробудитесь, я хочу, чтобы вы определили, насколько здесь жарко...	Встроенный каузатив: <i>после того как</i> , пресуппозиции: <i>вы пробудитесь... определили</i> , неконкретный глагол: <i>определили</i>	
(170)	(170)	
И что вы не можете двигать своей левой рукой...	Союз: <i>и</i> , пресуппозиция: <i>не можете двигать</i> , неконкретный глагол: <i>двигать</i>	
(171)	(171)	
И если вам захочется почувствовать и проявить раздражение в мой адрес из-за того, что так жарко, не сделаете ли вы это? М: Хорошо.	Встроенный каузатив: <i>и если</i> , пресуппозиция: <i>вам захочется проявить раздражение</i> , неконкретный глагол: <i>захочется</i> , номинализация: <i>раздражение</i> , краткий общий вопрос: <i>не сделаете ли вы это?</i>	
(172)	(172)	
Э: Я получу удовольствие от того, что вызову у вас <i>раздражение</i> . Теперь закройте глаза. (М закрывает глаза.)	Пресуппозиция: <i>у вас раздражение</i> , <i>закройте</i> , неконкретный глагол: <i>получить удовольствие</i> , встроенная команда: <i>у вас раздражение</i>	
(173)	(173)	(173–179)
Ваше подсознание научилось очень многому — оно знает, что может действовать самостоятельно.	Пресуппозиции: <i>подсознание научилось, оно знает, может действовать самостоятельно</i> , неконкретные глаголы:	Амнезия; метаинструкции; подстройка к будущему; полярная подстройка

174)

Ваше сознание может *научиться* у него, может воспользоваться знаниями, которыми обладает подсознание...

(175)

...а также знаниями, которые ваше подсознание может извлечь из прошлого: какую-то одну вещь, две вещи, три вещи — даже двенадцать уток.

(176)

Я дал вам задание, два задания. Дискомфорт и обездвиженная рука.

(177)

И от чего, как вы думаете, вам захочется *освободиться* сначала? От дискомфорта или от руки?

научилось, знает, действовать, отсутствующий референтный индекс: *многому*, номинализация: *подсознание*

(174)

Пресуппозиция: *может научиться... может воспользоваться знаниями, которыми обладает подсознание*, неконкретные глаголы: *научиться, воспользоваться*, отсутствующий референтный индекс: *у него, знаниями*, номинализация: *сознание, знаниями, подсознание*, встроенная команда: *может научиться у него, может воспользоваться знаниями*

(175)

подразумеваемый каузатив: *а также*, пресуппозиция: *может извлечь*, отсутствующий референтный индекс: *знаниями, из прошлого, одну вещь, две вещи, три вещи*, ограничения на сочетаемость: *двенадцать уток*, номинализации: *знания, вещи, подсознание*

(176)

Пресуппозиция: *дал вам задание, два задания, дискомфорт, обездвиженная рука*, неконкретный глагол: *дал*, отсутствующий референтный индекс: *задание, два задания*, номинализации: *задание, задания, дискомфорт*

(177)

Союз: *И от чего*, пресуппозиция: *вы думаете, вам захочется освободиться*, неконкретные глаголы: *думаете, захочется, освободиться*, отсутствующий

(178)

И вы не знаете; но ваше подсознание поможет вам определить это.

(179)

Теперь почувствуйте себя легко и комфортно и пробудитесь. (М открывает глаза, улыбается, поворачивает голову направо и смотрит на Э.) Привет, Монд. М: Привет... (М смотрит на свою правую руку, двигает ею и смотрит по сторонам.) Как жарко. Э: Там что-то интересное? (М смотрит на Э.) М: Гм?

(180)

Э: У вас там что-то интересное? М: Вы имеете в виду мою правую руку? Э: Угу. М: Она вспотела. Э: Вспотела. (М смотрит на свою правую руку.) М: Да, здесь жарко.

(181)

Э: Жарко. (М смотрит на свою правую руку и двигает ею.) На какой руке линия жизни длиннее? (М поворачивает голову то налево, то направо, смотрит на правую ладонь и смеется.)

референтный индекс: *дискомфорта*, номинализация: *дискомфорта*

(178)

Союз: *И*, пресуппозиция: *подсознание поможет вам определить*, неконкретные глаголы: *знаете, определить*, опущение: *не знаете что*, подразумеваемый каузатив: *но*, отсутствующий референтный индекс: *это*, номинализация: *подсознание*

(179)

Неконкретный глагол: почувствуйте, пресуппозиция: *и пробудитесь, легко и комфортно*.

(179а) фрагмент предложения, отсутствующий референтный индекс: *там, что-то, интересное*

(180)

Отсутствующий референтный индекс: *там что-то интересное*, опущение: *интересное для кого?*

(181)

Отсутствующий референтный индекс: *жарко*, опущение: *жарко кому?* пресуппозиция: *на какой руке...*

(180–190)

Полярная подстройка; проверка якорной связи между движением руки и четырехкортежностью с позитивной *K* посредством поведенческих пресуппозиций

М: Не знаю; я не могу
взглянуть на другую.
(М опускает голову
вниз.)

(182)

Э: Что вы имеете в
виду под «я не могу
взглянуть на другую?»
Посмотрите мне в
глаза и скажите
(М поднимает голову
вверх и смотрит на Э),
что вы не можете
взглянуть на другую.

(183)

Вы думаете, я этому
поверю?
М: Да, думаю... Это
очень странное чув-
ство. Как будто вторая
рука мне не принадле-
жит. Она такая легкая.
Она просто висит там
на проволоке. Она не
прикреплена.

(184)

Э: Она не прикрепле-
на. Она ваша, не так
ли?
М: Думаю, да. (М
смотрит на левую руку,
а затем вниз.)

(185)

Э: Когда, как вы
думаете, вы сможете
ею двинуть?
М (смотрит на Э):
Когда ей станет
некомфортно?

(186)

Э: Когда ей станет
некомфортно...
(Э поворачивает голо-
ву направо, смотрит

(182)

Встроенные команды:
*не могу взглянуть, не
можете взглянуть,*
пресуппозиция: *не могу
взглянуть, не можете
взглянуть,* отсутствую-
щий референтный
индекс: *на другую*

(183)

Отсутствующий
референтный индекс:
этому, неконкретные
глаголы: *думаете,*
поверю

(184)

Отсутствующий
референтный индекс:
Она не прикреплена,
неконкретный глагол:
прикреплена, пресуппо-
зиция: *она ваша,*
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *она,*
краткий общий вопрос:
не так ли?

(185)

Пресуппозиция: *вы ду-
маете... сможете ей дви-
нуть,* неконкретный
глагол: *думаете,* встро-
енная команда: *вы смо-
жете ей двинуть,* отсут-
ствующий референтный
индекс: *ей*

(186)

Отсутствующий
референтный индекс:
ей, туда, неконкрет-
ный глагол: *станет*

налево от М, а затем на М.) Вы не подкатите мое кресло туда?

М: Поставить ваше кресло? (М указывает налево от себя правой рукой.) Должна ли я встать, чтобы подвинуть его?

(187)

Э: Я не знаю другого способа.

М (встает, а ее левая рука опускается вниз): Я только что пошевелила рукой.

(188)

Э: Вы можете двигать своими руками.

(М садится, сцепляет руки и смотрит на Э.) Это единственный способ, каким вы можете двигать своей рукой?

М: Казалось, что она не слишком реагирует. (М жестикулирует обеими руками.) Было такое ощущение, что она мне не принадлежит. Ей было очень комфортно; ей было очень хорошо одной.

(189)

Э: Как хорошо, когда один. Как ваша рука чувствует себя в данный момент?

М: Нормально.

Э: Нормально — усталости нет?

М: Нет.

Э: Здесь по-прежнему жарко?

М: Да, очень жарко. (М вытирает лоб левой рукой.)

(190)

Э: Не волнуйтесь, скоро подует ветерок. Хорошо...

(187)

Неконкретный глагол: *знаю*, опущение: *другого способа сделать что?* для кого? отсутствующий референтный индекс: *другой способ*.

(188)

Неконкретный глагол: *двигать*, отсутствующий референтный индекс: *единственный способ*, номинализация: *способ*

(189)

Опущения: *хорошо для кого?* неконкретный глагол: *чувствует*

(190)

Опущение: *не волнуйтесь по поводу чего?* *подует откуда?* неконкретные глаголы: *волнуйтесь, подует*

Транскрипт II

(1)

Э: Вы поняли, что вошли в транс, пока я работал с Мوند?

Н: Нет. Мне показалось, что я вошел, но я не был уверен.

(2)

Э: И это первый случай, когда вы столкнулись с гипнозом.

Н: Да.

(3)

Э: Так что вы *узнаете* много нового о себе.

(4)

Только вы действительно *поймете*, что обнаружили, не раньше, чем вы это обнаружите.

(5)

Вы всю жизнь знали, что можете *поднять* свою руку и опустить ее.

(1)

Подразумеваемый каузатив: *пока*, номинализация: *транс*, presupпозиция: *поняли*

(2)

Номинализация: *гипноз*

(3)

Подразумеваемый каузатив: *так что*, встроенная команда: *узнаете много*, отсутствующий референтный индекс: *нового*, неконкретный глагол: *узнаете*, опущение: *нового для кого?*

(4)

Фрагмент предложения: *Только вы действительно поймете... не раньше...* встроенная команда: *поймете, что вы...* presupпозиция: *поймете*, отсутствующий референтный индекс: *что обнаружили, это*, подразумеваемый каузатив: *не раньше*, неконкретный глагол: *поймете*

(5)

Неконкретный глагол: *знали*, встроенная команда: *поднять свою руку*, presupпозиция: *знали, можете*, чтение мыслей: *вы... знали*

(1–4)

Трансderivационный поиск четырехкортежности предыдущего транса Ника; метainструкции

(5–8)

Предполагает левитацию руки; полярное действие

(6)

Но кое-что вы усвоили
давным-давно,
а именно: что вы не
можете поднять свою
руку...

(7)

Что вы не знаете, что
это ваша рука...

(8)

Вы были младенцем,
а ваши руки были
всего лишь объектами.

(9)

И одна из первых
вещей, которую
совершает человек,
когда входит в транс, —
смотрит в какую-то
одну точку.

(10)

Ему не нужно двигать-
ся, ему не нужно
делать ничего —
только позволить
своему подсознанию
взять управление в
свои руки и все сде-
лать.

(11)

А сознанию не нужно
ничего делать —
обычно оно даже не
интересуется.

(6)

Полярность: *но*, рефе-
рентный индекс: *кое-*
что, пресуппозиция:
усвоили давным-давно,
пресуппозиция: *не*
можете

(7)

Отсутствующий
референтный индекс:
это, чтение мыслей: *вы*
не знаете, неконкрет-
ный глагол: *знаете*,
пресуппозиция: *знаете*

(8)

Пресуппозиция: *вы*
были...

(9)

Союз: *И... он смотрит...*
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *он*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *вещей*,
какую-то точку,
неконкретный глагол:
совершает

(10)

Отсутствующий
референтный индекс:
ему, ничего, опущение:
двигаться куда, встро-
енная команда: *подсоз-*
нанию взять управле-
ние в свои руки и все
сделать, опущения:
управление чем? отсут-
ствующий референт-
ный индекс: *все*,
неконкретные глаголы:
взять управление,
сделать

(11)

Союз причинного
моделирования: *А*,
опущение: *чьему*
сознанию? неконкрет-
ный глагол: *нужно*
делать, опущение: *не*
интересуется чем?

(9–16)

Подстройка к наблюда-
емому и ненаблюдаемо-
му поведению; внушает
амнезию; трансдерива-
ционный поиск (*L*- и
R-операторы — *K*)
четырёхкортежности
предыдущего трансa

	неконкретный глагол: <i>интересуется</i> , пресуп- позиции: <i>не нужно</i> , <i>интересуется</i>	
(12)	(12)	
И пока я говорил с вами, ваше дыхание изменилось, ваше сердцебиение изме- нилось.	Союз причинного моделирования: <i>И</i> , подразумеваемый каузатив: <i>пока</i> , пресуп- позиция: <i>изменилось</i> , неконкретный глагол: <i>изменилось</i> , опущение: <i>изменилось как?</i>	
(13)	(13)	
Я знаю из прошлого опыта, что ваше кровенное давление изменилось, ваш пульс изменился, ваш глазной рефлекс изменился.	Чтение мыслей: <i>Я знаю из прошлого опыта</i> , <i>что...</i> пресуппозиции, <i>кровенное давление изменилось, пульс изменился, глазной рефлекс изменился</i> . Во всех трех случаях глагол <i>изменился</i> неконкретизирован	
(14)	(14)	
И вам на самом деле нет необходимости держать глаза откры- тыми; вы можете <i>закрыть их сейчас...</i>	Союз причинного моделирования: <i>И</i> , встроенная команда: <i>закрыть их сейчас</i>	
(15)	(15)	
Однако небольшой комплимент.	Пресуппозиция: <i>однако</i> , пресуппозиция: <i>небольшой комплимент</i> , опущение: <i>что значит небольшой комплимент?</i> <i>комплимент кому?</i> фрагмент предложения	
(16)	(16)	
Учится <i>узнавать</i> себя на другом уровне бытия.	Фрагмент предложе- ния, опущение: <i>кто учится?</i> неконкретный глагол: <i>узнавать</i> , пресуппозиция: <i>учится</i> , встроенная команда: <i>узнавать</i>	
(17)	(17)	(17–18)
Теперь прежде всего я хотел бы, чтобы вы	Встроенная команда: <i>насладились комфор-</i>	Продолжение, R-оператор —

насладились комфор-
том.

(18)

Я хотел бы, чтобы вы
поняли: ваше чувство
комфорта постоянно
возрастает.

(19)

В глубине своего ума,
как принято говорить,
мы знаем много
вещей.

(20)

И иногда нам бывает
трудно направить эти
вещи в свое сознание.

(21)

Слово может вертеть-
ся на кончике нашего
языка, но мы не можем
его произнести: мы не
знаем, что это за
слово, но знаем, что
оно нам известно, мы
лишь не можем *вспом-*
нить его, но оно тут,
готовое к тому, чтобы
быть сказанным...

(22)

Потому что за него
цепляется подсозна-
ние.

том, неконкретный
глагол: *насладились*,
пресуппозиция: *насла-*
дились, номинализация:
комфортом

(18)

Неконкретный глагол:
поняли, пресуппозиции:
поняли, постоянно
возрастает, номинали-
зации: *чувство, ком-*
форта

(19)

Номинализация:
глубина, ума, ограниче-
ние на сочетаемость:
как принято говорить,
неконкретный глагол:
знаем, референтный
индекс: *мы*, опущение:
знаем много о чем?
пресуппозиция: *знаем*

(20)

Союз: *и*, референтный
индекс: *иногда, нам, эти*
вещи, неконкретный
глагол: *бывает трудно*,
направить, пресуппози-
ция: *бывает трудно*
направить, номинали-
зации: *сознание*

(21)

Отсутствующий
референтный индекс:
слово, пресуппозиции:
вертеться, не можем
произнести, не знаем,
знаем, не можем
вспомнить, встроенная
команда: *вспомнить его*,
опущение: *готовое*
к тому, чтобы быть
сказанным кому?

(22)

Причина-следствие:
потому что, неконк-
ретный глагол: *цепля-*
ется, опущение:
цепляется за него для
чего? номинализация:

К-переменная диги-
тального замешатель-
ства текущей четырех-
кортежности

(19–22)

Внушение амнезии;
смещение логических
уровней коммуникации
(«...в глубине ума, как
принято говорить...»)

	<i>подсознание, пресуппозиция: цепляется</i>	
(23) И вы знаете, понимает-ся — не так ли, Мوند, — что вы тоже в транс.	(23) Пресуппозиция: <i>знаете</i> , краткий общий вопрос — полярность: <i>не так ли</i> , пресуппозиция: <i>вы в транс</i> , номинализация: <i>транс</i>	(23–28) Метаинструкции обоим клиентам использовать последующий опыт
(24) Что же, наслаждайтесь трансом и <i>упрочьте</i> все те знания, которые я начал вам давать.	(24) Пресуппозиция: <i>наслаждайтесь</i> , неконкретный глагол: <i>наслаждайтесь</i> , номинализация: <i>трансом</i> , союз: <i>и</i> , неконкретный глагол: <i>упрочьте</i> , номинализация: <i>знания</i> , встроенная команда: <i>упрочьте знания</i>	
(25) И все, что я ему говорю, вы можете <i>адаптировать</i> для себя.	(25) Причинное моделирование, союз: <i>И</i> , пресуппозиция: <i>вы можете адаптировать</i> , неконкретный глагол: <i>адаптировать</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>все, что я ему говорю</i> , встроенная команда: <i>адаптировать</i>	
(26) Я могу предположить, что он <i>вспоминает</i> вкусный обед, а вы можете вспомнить какое-то другое приятное событие.	(26) Неконкретные глаголы: <i>вспоминает, вспомнить</i> , пресуппозиции: <i>вспоминает вкусный обед, вспомнить какое-то другое приятное событие</i> , союз причинного моделирования: <i>а</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>вкусный обед, какое-то событие</i> , встроенная команда: <i>вспомнить</i> , опущение: <i>приятное для кого?</i>	
(27) Поэтому видоизмените мои слова ему,	(27) Причинное моделирование — подразумевае-	

чтобы они подходили лично вам; а все, что я говорю вам, он приспособит к себе.

(28)

Теперь я знаю, что имеется определенная причина, по которой вы приехали в Финикс повидаться со мной.

(29)

У вас на уме была определенная цель, но я сомневаюсь, что вы хорошо понимали, что именно представляла собой эта цель.

(30)

Обычно вы не знаете причину, хотя ваше подсознание знает намного больше.

(31)

И ваше подсознание, зная этот дополнительный материал.

мый каузатив: *Поэтому, чтобы, а*, пресуппозиции: *видоизмените мои слова, они подходили вам, он приспособит*, неконкретные глаголы: *видоизмените, подходили, приспособит*, отсутствующий референтный индекс: *мои слова, они, все*

(28)

Пресуппозиции: *имеется определенная причина, по которой*, отсутствующий референтный индекс: *определенная причина*, чтение мыслей: *я знаю*, номинализация: *причина*, встроенная команда: *повидаться со мной*

(29)

Пресуппозиции: *у вас была определенная цель, вы хорошо понимали*, неконкретные глаголы: *была, сомневаюсь, понимали*, отсутствующий референтный индекс: *определенная цель, эта цель*, чтение мыслей, номинализации: *на уме, цель, цель*

(30)

Причинное моделирование: *обычно... хотя*, пресуппозиции: *вы не знаете, ум знает*, отсутствующий референтный индекс: *намного*, опущение: *больше чего?* встроенная команда: *подсознание знает*, номинализация: *подсознание*

(31)

Фрагмент предложения, причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиция: *ум*

(28–34)

Внушение диссоциации сознания и подсознания; органический язык для левитации руки («...совладать...»)

зная, неконкретный
глагол: *зная*, отсутствующий референтный индекс: *этот дополнительный материал*, номинализация: *подсознание*

(32)

И пусть же он медленно, постепенно проникнет в ваше сознание так, чтобы вы не волновались, не расстраивались.

(32)

Причинное моделирование, союз: *и*, пресуппозиции: *пусть же он медленно, постепенно проникнет... так чтобы вы не волновались, не расстраивались*, неконкретные глаголы: *проникнет, волновались, расстраивались*, отсутствующий референтный индекс: *он, так*, опущение: *волновались о чем? расстраивались из-за чего?*

(33)

Так, чтобы вы осознали, что можете совладать с происходящим и понять происходящее.

(33)

Пресуппозиция: *так, чтобы вы осознали... можете совладать... понять...* неконкретные глаголы: *осознали, совладать, понять*, отсутствующий референтный индекс: *так, происходящим, происходящее*, причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *чтобы... и...* встроенные команды: *вы осознали, можете совладать, понять*

(34)

И определить, что имеются некоторые вещи, которые вам не нравятся, и некоторые вещи, которые вам нравятся, и что существует множество различных представлений, которые вам доступны.

(34)

Причинное моделирование — союз: *и, и*, пресуппозиции: *определить, вещи, которые вам не нравятся, вещи, которые вам нравятся, существует множество... доступны вам*, неконкретные глаголы: *определить, не нравятся, нравятся*, отсутствующий

ющий референтный индекс: *некоторые вещи, множество различных представлений*, опущение: *доступны как/когда?* встроенная команда: *и определить*, номинализация: *представлений*

(35)

Поскольку я встретил вас и разговариваю с вами в первый раз, то знаю о вас немного, но ваше подсознание знает о вас намного больше, чем вы.

(35)

Подразумеваемый каузатив: *поскольку... но ваше подсознание знает... чем вы*, неконкретный глагол: *знаю*, опущения: *немного чего? разговариваю о чем?* отсутствующий референтный индекс: *немного, намного больше*, номинализация: *подсознание*

(35–48)

Внушение визуальной/кинестетической диссоциации; трансдеривационный поиск (*L*-оператор — *V*) четырехкортежности с негативным *K*, связанной с релевантной четырехкортежностью из предыдущего дня

(36)

Оно содержит все предшествующие годы учебы, чувств, мыслей и действий.

(36)

Пресуппозиции: *содержит все предшествующие годы учебы, чувств, мыслей и действий*, неконкретный глагол: *содержит*, отсутствующий референтный индекс: *оно*

(37)

И всю свою жизнь мы учимся различным вещам, учимся тому, как...

(37)

Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиции: *мы учимся, учимся тому, как*, встроенная команда: *мы учимся*, отсутствующий референтный индекс: *все свою жизнь, вещам*, неконкретные глаголы: *учимся, учимся*

(38)

Как дорожить ими, как оценивать их, как осмыслять их.

(38)

Пресуппозиции: *как дорожить, как оценивать, как осмыслять*, встроенные команды: *как дорожить, как оценивать, как осмыслять*, неконкретные

(39)

И сколько бы хороших вещей ни происходило в чьей-то жизни, случаются также и плохие...

(40)

И нет возможности избежать неприятностей.

(41)

И вам необходимо научиться смотреть на неприятные вещи — без страха, с готовностью понять, с готовностью узнать, насколько хорошо вы можете приспособиться.

глаголы: *дорожить, оценивать, осмыслять*, отсутствующий референтный индекс: *ими, их, их*

(39)

Союз: *И*, пресуппозиции: *сколько бы хороших вещей ни происходило... бывают также и плохие*, неконкретные глаголы: *происходило, случаются*, отсутствующий референтный индекс: *хороших вещей, чьей-то жизни, плохие*, опущения: *хорошие для кого? плохие для кого?* номинализация: *жизни*

(40)

Союз: *И*, пресуппозиция: *нет возможности избежать*, неконкретный глагол: *избежать*, опущение: *нет возможности у кого?* номинализации: *возможности, неприятностей*

(41)

Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиции: *необходимо научиться, смотреть на вещи, без страха, с готовностью понять, с готовностью узнать, вы можете приспособиться*, неконкретные глаголы: *научиться, понять, узнать, приспособиться*, встроенные команды: *научиться смотреть, понять, узнать*, опущения: *неприятные для кого? без страха перед чем/кем?* отсутствующий референтный индекс: *вещи*, номинализации: *страха, готовностью, готовностью*

(42)

И вы делаете это без чувства растерянности или страха...

(42)

Фрагмент предложения, причинное моделирование — союз: *вы делаете это без чувства растерянности или страха*, отсутствующий референтный индекс: *это*, номинализации: *чувства, растерянности, страха*, неконкретный глагол: *делаете*

(43)

Когда вас познакомили со мной вчера, вы испытали чувство страха. Этот страх был вам не нужен, но вы его испытали.

(43)

Чтение мыслей: *когда вас познакомили... вы испытали чувство страха*, пресуппозиция: *вы испытали чувство страха, был не нужен, вы его испытали*, неконкретные глаголы: *испытали, нужен, испытали*, отсутствующий референтный индекс: *чувство страха, этот страх, его*, номинализации: *чувство, страх*, причинное моделирование — союз: *но*, опущение: *страх кого/чего*

(44)

Хорошо, что испытали чувство страха, поскольку вам необходимо *знать* все свои чувства.

(44)

Пресуппозиция: *Хорошо, что вы испытали чувство, необходимо знать все свои чувства*, неконкретные глаголы: *испытали, знать*, отсутствующий референтный индекс: *чувство, все свои чувства*, номинализации: *чувство, страха, чувства*, встроенная команда: *вам необходимо знать*, причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *поскольку*

(45)

И если вы можете
посмотреть на страх в
отношениях со мной...

(45)

Фрагмент предложения,
причинное моделирова-
ние — союз: *И, если*,
встроенная команда:
можете посмотреть на
страх, пресуппозиции:
можете посмотреть на,
в отношениях с, ограни-
чение на сочетаемость:
посмотреть... страх,
номинализации: *страх*,
отношениях

(46)

А бояться меня не
было оснований...

(46)

Союз: *а*, пресуппози-
ция: *бояться нет*
оснований, номинализа-
ция: *оснований*, опущен-
ие: *бояться кому?*

(47)

Но вы все-таки испы-
тывали чувство страха.

(47)

Причинное моделирова-
ние — союз: *но*, пресуп-
позиция: *испытывали*
чувство страха, отсут-
ствующий референтный
индекс: *чувство страха*,
номинализации: *чув-*
ство, страха, неконк-
ретный глагол: *испытыв-*
вали

(48)

Теперь вы можете
посмотреть на этот
страх и поинтересо-
ваться, что именно
вызывало его в раз-
личных формах.

(48)

Пресуппозиции:
можете посмотреть на
этот страх, поинтере-
соваться, вызывало его,
неконкретные глаголы:
посмотреть, поинтере-
соваться, вызывало,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *этот*
страх, его, различных
формах, встроенная
команда: *поинтере-*
соваться, что именно...,
номинализации: *страх*,
формах

(49)

Быть может, здесь
становится жарко

(49)

Пресуппозиции:
становится жарко,
здесь, неконкретный

(49–60)

Оба клиента направля-
ют внимание
(*R*-оператор) на

- глагол: *становится*,
опущение: *жарко кому?*
- К-переменную текущей
четырёхкортежности;
метаинструкции сохра-
нять постоянной
К-переменную данной
четырёхкортежности,
осуществляя при этом
трансderivационный
поиск (L-операторы — V
и A) других четырёхкор-
тежностей, как позитив-
ных, так и негативных
- (50) Я полагаю, и вы и
Монд хотели бы
насладиться прохла-
дой и комфортом.
- (50) Пресуппозиции: *и вы...
насладиться прохладой
и комфортом*, неконк-
ретные глаголы: *пола-
гаю, наслаждаться*,
чтение мыслей: *полагаю,
что и вы... хотели бы*
- (51) Я полагаю, что это
очень хорошо.
- (51) Неконкретный глагол:
полагаю, отсутствую-
щий референтный
индекс: *это*, пресуппо-
зиция: *очень*, опущение:
хорошо для кого?
- (52) Поскольку вы здесь,
крепко уснув в посте-
ли, наслаждаетесь
купанием в океане или
озере, или в плава-
тельном бассейне.
- (52) Причина-следствие:
поскольку, пресуппози-
ции: *крепко уснув,
наслаждается купани-
ем, в океане, в озере,
в плавательном бассей-
не*, неконкретные
глаголы: *уснув, наслаж-
дается*, отсутствую-
щий референтный
индекс: *в постели,
купанием, океане, озере,
плавательном бассейне*,
фрагмент предложения
- (53) Вы можете *встретить-*
ся с друзьями в своих
снах, вы можете
услышать их разговор
и можете поговорить
с ними, вы можете
прокатиться на
автомобиле, *совер-*
шить полет на само-
- (53) Пресуппозиции: *можете
встретиться с друзьями
в своих снах, можете
услышать их, можете
поговорить с ними,
можете прокатиться на
автомобиле, совершить
полет на самолете,
побродить по лесу,*

лете, *побродить* по лесу.

встроенные команды:
можете встретиться с друзьями, можете услышать их... совершить... побродить, неконкретные глаголы: *встретиться, совершить*, отсутствующий референтный индекс: *друзьями, в своих снах, их, с ними, автомобиле, полет на самолете, лесу*

(54)

Но пока все это происходит, вы по-прежнему лежите в постели.

(54)

Подразумеваемый каузатив: *но*, пресуппозиции: *это происходит, по-прежнему лежите в постели*, неконкретные глаголы: *происходит, лежите*, отсутствующий референтный индекс: *все это, в постели*

(55)

Вы не двигаетесь, не разговариваете.

(55)

Пресуппозиции: *не двигаетесь, не разговариваете*, опущение: *не двигаетесь как? не разговариваете с кем о чем?* неконкретные глаголы: *двигаетесь, разговариваете*

(56)

Ваше подсознание хранит множество воспоминаний и множество представлений, а ваши сны — это сны, в которых вы обзреваете свой опыт...

(56)

Пресуппозиции: *подсознание хранит, сны — это сны, в которых вы обзреваете*, встроенная команда: *обзреваете свой опыт*, отсутствующий референтный индекс: *множество воспоминаний, множество представлений, сны, сны, свой опыт*, неконкретные глаголы: *хранит, обзреваете*, номинализации: *подсознание, воспоминаний, представлений, сны, опыт*, опущения: *воспоминания о чем/ком? представления*

- о чем/ком? сны о чем?
опыт чего?
- (57) ...и во сне вы также объединяете идеи ради лучшего понимания...
- (57) Причинное моделирование — союз: *и*, пресуппозиция: *во сне вы объединяете*, встроенная команда: *объединяете идеи*, неконкретный глагол: *объединяете*, номинализации: *сне, идеи, понимания*, опущения: *идеи о чем? понимания чего?* отсутствующий референтный индекс: *сне, идеи, лучшего понимания*
- (58) Вам снится, что вы попали в снежную бурю и вам очень холодно, а на самом деле вы в теплой постели.
- (58) Пресуппозиции: *вам снится, вы в теплой постели*, встроенная команда: *и вам очень холодно*, причинное моделирование — союз: *и, а*, неконкретный глагол: *снился*, отсутствующий референтный индекс: *снежную бурю, в постели*, фрагмент предложения
- (59) Вам может *сниться*, что вы очень голодны, хотя вы плотно поужинали.
- (59) Пресуппозиция: *может сниться, очень голодны, вы плотно поужинали*, неконкретный глагол: *сниться*, встроенная команда: *вам может сниться*, подразумеваемый каузатив: *хотя*
- (60) Все, что происходит с вами, может *проявиться* в виде сна, и вам совершенно не нужно *волноваться* из-за этого.
- (60) Пресуппозиции: *может проявиться, в виде сна, совершенно не нужно волноваться*, встроенная команда: *может проявиться, совершенно не нужно волноваться*, неконкретные глаголы: *проявиться, волноваться*, отсутствующий

референтный индекс:
все, сна, из-за этого

(61)

Поскольку ваше подсознание сортирует ваши воспоминания, ваши представления, ваши надежды, ваши предчувствия, ваши желания.

(61)

Причинное моделирование — причина-следствие: *поскольку*, presupпозиции: *подсознание сортирует*, неконкретный глагол: *сортирует*, номинализации: *подсознание, воспоминания, представления, надежды, предчувствия, желания*, отсутствующий референтный индекс: *ваши воспоминания, ваши представления, ваши надежды, ваши предчувствия, ваши желания*

(61–63)

Метаинструкции реорганизовать предыдущие четырехкортежности

(62)

И пытается *придать* новый порядок всему, что вы усвоили.

(62)

Причинное моделирование — союз: *и*, presupпозиции: *пытается придать, что вы усвоили*, неконкретные глаголы: *придать, усвоили*, встроенная команда: *придать новый порядок*, отсутствующий референтный индекс: *новый порядок, всему*, номинализация: *порядок*

(63)

Новый порядок, который будет способствовать вашему благополучию и вашему удовлетворению.

(63)

Presupпозиции: *который будет способствовать вашему благополучию, вашему удовлетворению*, неконкретный глагол: *способствовать*, отсутствующий референтный индекс: *новый порядок*, номинализации: *порядок, благополучию, удовлетворению*

(64)

И очень хорошо, когда чувствуешь себя комфортно, непринуж-

(64)

Причинное моделирование — союз: *И*, presupпозиции: *очень*

(64)

Направление внимания (*R*-оператор) на *K*-переменную теку-

денно, ощущаешь
приятную прохладу.

(65)

И находясь в этом
состоянии, вы **обозре-**
ваете свои представ-
ления о жизненных
ценностях.

(66)

Вы приходите к пони-
манию, что каждая
удача заработана, и
если она дается вам,
она заслужена.

(67)

Поскольку нет такой
вещи, как бесплатный
дар; вы должны **зара-**
ботать его или должны
заслужить его.

хорошо, когда... комфо-
рно, непринужденно...
приятную прохладу,
неконкретные глаголы:
чувствуешь, ощущаешь,
номинализация: *про-*
хладу

(65)

Причинное моделирова-
ние — подразумеваемый
каузатив: *и находясь,*
пресуппозиции: *в этом*
состоянии, обозреваете
свои представления,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *этом*
состоянии, свои пред-
ставления, номинализа-
ции: *состоянии, пред-*
ставления, ценности,
неконкретный глагол:
обозреваете, встроенная
команда: *обозреваете*
свои представления

(66)

Пресуппозиции: пони-
манию, *удача зарабо-*
тана, если она дается... она
заслужена, неконкрет-
ные глаголы: *приходите,*
заработана, заслужена,
номинализации: *пони-*
манию, удача, отсутству-
ющий референтный
индекс: *пониманию,*
каждая удача, она,
опущение: *пониманию*
чего? дается кем?

(67)

Причинное моделиро-
вание — союз: *посколь-*
ку, пресуппозиции: *нет*
такой вещи, как бес-
платный дар, должны
заработать, должны
заслужить, неконкрет-
ные глаголы: *зарабо-*
тать, заслужить,
встроенная команда:
должны заработать,
должны заслужить,
отсутствующий рефе-

шей четырехкортежно-
сти

(65–68)

Метаинструкции
реорганизовать преды-
дущую четырехкортеж-
ность (L-оператор — V)

	рентный индекс: <i>такой вещи, бесплатный дар, его, его</i>	
(68)	(68)	
А заслуги требуют труда и усилий с вашей стороны.	Причинная союз: <i>А</i> , пресуппозиция: <i>заслуги требуют труда, усилий, с вашей стороны</i> , неконкретный глагол: <i>требуют</i> , номинализации: <i>заслуги, труда, усилий</i>	
(69)	(69)	(69–73)
И что может вызвать у вас страх?	Причинное моделирование — союз: <i>И</i> , неконкретный глагол: <i>вызвать</i> , номинализация: <i>страх</i> , опущение: <i>страх чего?</i>	Метафора
(70)	(70)	
Страх может вызвать у вас очень немного.	Пресуппозиции: <i>очень немного, вызвать у вас страх</i> , неконкретный глагол: <i>вызвать</i> , номинализация: <i>страх</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>очень немного</i> , опущение: <i>страх чего?</i>	
(71)	(71)	
Всю жизнь я встречал людей, которые боялись умереть от голода.	Пресуппозиция: <i>которые боялись умереть от голода</i> , неконкретные глаголы: <i>встречал, боялись</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>людей</i> , номинализация: <i>голода</i>	
(72)	(72)	
Но за все годы своей врачебной практики я ни разу не видел человека, который бы умер от голода.	Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: <i>Но</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>все годы, человека</i> , номинализация: <i>врачебной практики, голода</i>	
(73)	(73)	
Требуются огромные усилия, чтобы сделать это.	Пресуппозиция: <i>требуются огромные усилия</i> , неконкретный	

- глагол: *требуются*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
огромные усилия, это,
номинализация: *усилия*,
встроенная команда:
сделать это
- (74) Неудач и так может случиться достаточно, поэтому вам не нужно *добавлять* их самому.
- (74) Пресуппозиции: *может случиться достаточно, не нужно добавлять*, неконкретные глаголы: *случиться, добавлять*, номинализация: *неудач*, встроенная команда: *не нужно добавлять*
- (74–82) Метаинструкции реорганизовать предыдущие четырехкортежности с негативным *K*; внушение амнезии
- (75) У вас всегда будет полный набор этого, но вам всегда нужно *развивать* успехи, которых вы *добиваетесь*.
- (75) Пресуппозиции: *всегда полный набор, всегда нужно развивать, успехи, вы добиваетесь*, встроенная команда: *развивать успехи, которых вы добиваетесь*, неконкретные глаголы: *будет, развивать, добиваетесь*, номинализации: *набор, успехи*
- (76) И вы *добьетесь* этого за счет собственных заслуг...
- (76) Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиция: *вы добьетесь этого, за счет собственных заслуг*, неконкретный глагол: *добьетесь*, отсутствующий референтный индекс: *этого*, номинализация: *заслуг*, встроенная команда: *добьетесь*
- (77) И тем самым вы по-настоящему *насладитесь* всем.
- (77) Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиция: *по-настоящему насладитесь всем*, неконкретный глагол: *насладитесь*, отсутствующий референтный индекс:

- (78) Сейчас мне не нужно говорить все время...
- (78) *тем самым, всем, встроенная команда: по-настоящему насла- дитесь*
- (79) Вам важно понять, что ваше подсознание может запустить цепочку мыслей...
- (79) *Опущение: говорить о чем/ком, говорить с кем? отсутствующий референтный индекс: все время, номинализа- ция: время*
- (80) И развить ее без вашего осознания.
- (80) *Пресуппозиции: важно понять, подсознание может запустить, неконкретные глаголы: понять, запустить, отсутствующий рефе- рентный индекс: цепочку мыслей, номи- нализация: подсозна- ние, мыслей, встроенная команда: подсознание может запустить*
- (81) И прийти к заключени- ям, и позволить вашему сознанию воспринять эти заклю- чения...
- (81) *Причинное моделиро- вание — союз: и, пресуппозиции: раз- вить ее, без вашего осознания, неконкрет- ный глагол: развить, встроенная команда: и развить ее, отсут- ствующий референт- ный индекс: ее, номи- нализация: осознания*
- (81) *Причинное моделиро- вание — союз: и, и, пресуппозиции: прийти к заключениям, воспри- нять, неконкретные глаголы: прийти, воспринять, отсутству- ющий референтный индекс: заключениям, эти заключения, номинализации: заключениям, сознанию, встроенная команда: прийти к заключениям*

(82)

И вы можете *насла-*
диться открытием
столь многих вещей,
которые вам доступны.

(82)

Причинное моделиро-
вание — союз: *И*,
пресуппозиции: *може-*
те наслаждаться откры-
тием, вещей, которые
вам доступны, встроен-
ная команда: *можете*
наслаждаться открыти-
ем, неконкретные
глаголы: *наслаждаться*,
доступны, отсутствующий
референтный
индекс: *столь многих*
вещей

(83)

Когда я принимаю
пациентов, мне очень
хочется, чтобы они
серьезно *поразмыш-*
ляли...

(83)

Причинное моделиро-
вание — подразумевае-
мый каузатив: *когда*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
пациентов, они, серье-
зно, встроенная команда:
серьезно поразмышляли,
неконкретный глагол:
поразмышляли

(83–94)

Метафора

(84)

Поскольку я не знаю,
что хорошо для них.

(84)

Причинное моделирова-
ние — причина-след-
ствие: *поскольку*, отсут-
ствующий референтный
индекс: *что хорошо, для*
них, неконкретный
глагол: *знаю*

(85)

Они должны *достичь*
этого через понима-
ние того, что они
знают, что пережили.

(85)

Отсутствующий рефе-
рентный индекс: *они*,
этого, понимание, они,
пресуппозиции: *должны*
достичь, через понима-
ние, они знают, пережи-
ли, неконкретные
глаголы: *достичь, знают*,
пережили, встроенная
команда: *должны*
достичь этого, номина-
лизация: *понимание*

(86)

И каждый человек
может *объединить*

(86)

Причинное моделирова-
ние — союз: *и*, пресуппо-

прошлый опыт и знания некоторым удовлетворительным образом...

(87)

Сейчас вы сидите здесь в комфортных условиях...

(88)

...и познаете себя, не понимая того, как именно вы познаете.

(89)

В нашей современной культуре много говорят о медитации.

(90)

А это означает лишь то, что мы все должны немного поразмышлять, кое-что понять.

(91)

И нам не нужно *делать* это каким-то фиксированным способом.

зиция: *человек может объединить*, неконкретный глагол: *объединить*, опущение: *удовлетворительным для кого?* номинализации: *опыт, знания, образом*, отсутствующий референтный индекс: *каждый человек, прошлый опыт и знания, образом*, встроенная команда: *объединить прошлый опыт и знания*

(87)

Пресуппозиция: *в комфортных условиях*, номинализация: *условия*, чтение мыслей: *вы сидите в комфортных условиях*

(88)

Причинное моделирование — союз: *и*, пресуппозиции: *познаете себя, не понимая как именно*, неконкретные глаголы: *познаете, понимая, познаете*, опущение: *познаете что?*

(89)

Номинализации: *культуре, медитации*, опущения: *много говорит кто?*

(90)

Пресуппозиции: *все должны поразмышлять*, неконкретные глаголы: *поразмышлять, понять*, референтный индекс: *мы, немного, кое-что*

(91)

Причинное моделирование — союз: *И*, пресуппозиции: *не нужно делать, каким-то фиксированным способом*, отсутствующий референтный

	индекс: <i>нам, это, каким-то фиксированным способом</i> , неконкретный глагол: <i>делать</i> , номинализация: <i>способом</i> , встроенная команда: <i>делать это</i>	
(92)	(92)	
Мы можем воспользоваться своими силами, мы можем воспользоваться свободным временем.	Пресуппозиции: <i>можем воспользоваться своими силами, можем воспользоваться свободным временем</i> , неконкретные глаголы: <i>воспользоваться, воспользоваться</i> , опущения: <i>силами о чем/ком?</i> номинализации: <i>силами, временем</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>мы, мы</i> , встроенная команда: <i>воспользоваться своими силами, воспользоваться свободным временем</i>	
(93)	(93)	
Но нам не нужно превращать медитацию в шоу.	Причинное моделирование — союз: <i>Но</i> , номинализации: <i>медитацию, шоу</i> , пресуппозиция: <i>не нужно превращать</i>	
(94)	(94)	
Медитация — это размышление для себя, с самим собой, размышление свободное и непринужденное, всего лишь вопросы о том, что «я» должно предложить «я».	Пресуппозиции: <i>размышление для себя, с самим собой, свободное, непринужденное</i> , номинализации: <i>медитация, размышление, «я», «я»</i> , неконкретный глагол: <i>предложить</i> , опущения: <i>размышление о чем/ком?</i> отсутствующий референтный индекс: <i>для себя, с самим собой</i>	
(95)	(95)	(95–96)
Теплое помещение создает комфорт, но вы можете допустить в свое сознание только холодные мысли.	Пресуппозиции: <i>создает комфорт, можете допустить только холодные мысли</i> , неконкретный глагол: <i>допустить</i> , номинали-	Связывает метафору (83–94) с текущей четырехкортежностью

зации: *комфорт*,
 сознание, *мысли*,
 отсутствующий рефе-
 рентный индекс:
теплое помещение,
холодные мысли,
 встроенная команда:
допустить только...
 подразумеваемый
 каузатив: *но*, ограниче-
 ние на сочетаемость,
 опущение: *теплое для*
кого, холодные для кого?

(96)

Вы можете *допустить* в
 свое сознание спокой-
 ные мысли. Вы можете
 допустить безболез-
 ненные мысли.

(96)

Пресуппозиции: *может*
те допустить спокой-
ные мысли, допустить
безболезненные мысли,
 встроенная команда:
допустить спокойные
мысли, неконкретные
 глаголы: *допустить*,
допустить, номинали-
 зации: *мысли, мысли*,
 опущения: *спокойные*
для кого, безболезненные
для кого? ограничения
 на сочетаемость

(97)

Сейчас я скажу вам
 нечто, что можете
 понять вы оба.

(97)

Пресуппозиция: *можете*
понять вы оба, неконк-
 ретный глагол: *понять*,
 отсутствующий рефе-
 рентный индекс: *нечто*

(97–114)

Метафора с прямыми
 цитированием

(98)

Ко мне была доставле-
 на пациентка на
 «скорой помощи».

(98)

Отсутствующий
 референтный индекс:
пациентка, опущение:
доставлена когда, кем,
для чего?

(99)

Пациентке, возможно,
 оставалось жить не
 более трех месяцев.

(99)

Отсутствующий
 референтный индекс:
пациентке

(100)

И пациентка испыты-
 вала очень сильную
 боль, а лекарства, по-
 видимому, совсем не
 помогали.

(100)

Пресуппозиция: *очень*
сильную боль, неконк-
 ретный глагол: *помога-*
ли, отсутствующий
 референтный индекс:

	<i>пациентка, очень сильную боль, лекарства, номинализация: боль</i>
(101)	(101)
И она не принимала лекарств в течение более восьми часов, перед тем как попасть ко мне.	Причинное моделирование — союз: <i>И</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>она, лекарств</i> , неконкретный глагол: <i>попасть</i>
(102)	(102)
И ее ввезли на коляске, и она сказала.	Причинное моделирование — союз: <i>И, и</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>ее, она</i> , опущение: <i>ввез кто, сказала кому?</i>
(103)	(103)
«Мой врач сказал, что вы <i>примените</i> гипноз, чтобы снять мою боль».	Цитирование — встроенная команда: <i>примените гипноз</i> , неконкретный глагол: <i>снять</i> , номинализация: <i>боль</i>
(104)	(104)
«А я полагаю, что это смешно».	Продолжение цитирования — каузальная союз: <i>А</i> , неконкретный глагол: <i>полагаю</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>это</i> , опущение: <i>смешно для кого?</i>
(105)	(105)
«Мую боль не <i>снимают</i> даже лекарства».	Продолжение цитирования — встроенная команда: <i>снять мою боль</i> , референтный индекс: <i>лекарства</i> , неконкретный глагол: <i>снимают</i> , номинализация: <i>боль</i>
(106)	(106)
«И, откровенно говоря, это звучит смешно».	Продолжение цитирования — каузальная союз: <i>И</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>это</i> , опущение: <i>смешно для кого?</i>

(107)

Я сказал: «Мадам, послушайте меня и посмотрим, сможете ли вы *понять*, что я имею в виду».

(107)

Цитирование, встроенная команда: *сможете понять*, неконкретный глагол: *понять*, опущение: *послушайте, как я говорю что?* отсутствующий референтный индекс: *что я имею в виду*

(108)

«Если бы, сидя здесь, вы увидели, как в эту комнату входит тигр, кажащийся очень голодным, смотрит на вас и облизывается, сильную ли боль вы бы испытали, на ваш взгляд?».

(108)

Цитирование, причинное моделирование — союз: *если бы*, отсутствующий референтный индекс: *вы, здесь, эту комнату, тигр кажащийся голодным, вас, сильную боль, вы*, номинализации: *голодным, боль*

(109)

Она сказала: «Я бы не испытала никакой боли, я бы думала о тигре. И сейчас я замечаю, что не испытываю никакой боли, поскольку я стала смотреть на вещи по-новому».

(109)

Цитирование, референтный индекс: *она*, опущение: *сказала кому/когда?* отсутствующий референтный индекс: *тигре, вещи*, подразумеваемый каузатив, союз: *и, поскольку*, неконкретный глагол: *думаю, замечаю*, номинализации: *боли, боли*

(110)

И когда она уходила, я спросил ее, что она собирается делать.

(110)

Союз: *и, когда*, неконкретный глагол: *уходила, собирается*, отсутствующий референтный индекс: *ее, что, она*, опущение: *делать с чем, для кого?*

(111)

И она сказала: «Я собираюсь хорошо *провести* время, но я не думаю, что медсестры *поймут* мою затею с тигром, которого я собираюсь *держат* под своей кроватью».

(111)

Союз: *и, но*, референтный индекс: *она*, цитирование, встроенные команды: *хорошо провести время, поймут, держать*, отсутствующий референтный индекс: *время, медсест-*

- ры, тигром*, неконкретные глаголы: *провести, думаю, поймут*
- (112) Я не думаю, что и врач *поймет* меня».
- (112) Цитирование, встроенная команда: *поймет*, отсутствующий референтный индекс: *врач*, неконкретные глаголы: *думаю, поймет*, опущение: *поймет что?*
- (113) И всякий раз, когда ее спрашивали, не нужно ли ей лекарство от боли, она говорила:
- (113) Союз: *и*, отсутствующий референтный индекс: *всякий раз, ее, ей, она*, неконкретный глагол: *нужно*, номинализации: *лекарство, боли*
- (114) «Нет, я держу там тигра — на тот случай, если он мне понадобится»...
- (114) Цитирование, отсутствующий референтный индекс: *там, тигра, тот случай*, неконкретные глаголы: *держу, понадобится*
- (115) Итак, в вашем распоряжении имеется множество вещей, которые могут вам помочь, *держите* их под рукой — на все случаи жизни.
- (115) Пресуппозиция: *имеется множество, держите их под рукой*, неконкретные глаголы: *имеется, держите*, отсутствующий референтный индекс: *вещей, их, все случаи жизни*, опущение: *под какой рукой?* номинализация: *случаи*, встроенная команда: *держите их под рукой*
- (115–116) Метаинструкции для использования прошлых четырехкортежей; органический язык для левитации руки
- (116) И помните, что ваши потребности могут быть *удовлетворены* реакциями клеток вашего собственного мозга...
- (116) Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *и*, неконкретные глаголы: *помните, удовлетворены*, номинализации: *потребности, реакциями*, ограничение на сочетаемость, отсутствующий референт-

	ный индекс: <i>ваши потребности, клеток собственного мозга.</i>	
(117)	(117)	(117–126)
Сейчас, когда Мوند была в трансе, вы испытывали трудности с дыханием...	Пресуппозиция: <i>испытывали трудности</i> , неконкретный глагол: <i>испытывали</i> , номинализация: <i>трудности</i> .	Связывает использование прошлых четырехкортежных с текущей четырехкортежностью (дыханием) клиента (Ника)
(118)	(118)	
Вы дышали очень громко.	Опущения: <i>громко для кого/в сравнении с чем? кем?</i> пресуппозиция: <i>очень громко</i> .	
(119) Вот сейчас вы дышите очень хорошо, очень спокойно	(119)	
	Пресуппозиции: <i>вот сейчас, дышите очень хорошо, спокойно</i> , опущения: <i>хорошо для кого, спокойно для кого?</i>	
(120)	(120)	
И почему бы нет. Вы знаете, как.	Подразумеваемый каузатив: <i>И</i> , опущения: <i>почему бы нет что, знаете, как делать что, когда?</i> пресуппозиция: <i>вы знаете как</i> , неконкретный глагол: <i>знаете</i>	
(121)	(121)	
И мне очень приятно, что вам не требовалось думать, что вы должны дышать так громко, как вы делали это прежде...	Подразумеваемый каузатив: <i>и</i> , пресуппозиции: <i>вам не требовалось, так громко</i> , неконкретные глаголы: <i>требовалось, думать</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>так громко</i> , опущение: <i>прежде чего? когда?</i>	
(122)	(122)	
И вам может быть приятно.	Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: <i>и</i> , пресуппозиция: <i>может быть приятно</i>	
(123)	(123)	
Ваше подсознание знает	Пресуппозиции: <i>подсознание знает, множество</i>	

множество
вещей.

вещей, неконкретный
глагол: *знает*, номина-
лизация: *подсознание*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *множе-
ство вещей*, опущение:
*знает множество вещей
о чем/ком?*

(124)

И я склонен думать,
что это громкое
дыхание, с вашей
стороны, было привне-
сением чего-то, что вы
могли *заметить*.

(124)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и*,
пресуппозиции: *было
привнесением*, *могли
заметить*, неконкрет-
ные глаголы: *думать*,
заметить, отсутствую-
щий референтный
индекс: *это громкое
дыхание*, *привнесением
чего-то*, опущение:
громкое для кого?,
чтение мыслей, встро-
енная команда: *чего-то*,
что вы могли заметить

(125)

Чего-то, что вы могли
заметить, как отсут-
ствующее, когда я
работал с вами непо-
средственно...

(125)

Пресуппозиции: *чего-
то*, *вы могли заметить*,
как отсутствующее,
неконкретные глаголы:
заметить, *работал*,
референтный индекс:
чего-то, причинное
моделирование —
подразумеваемый
каузатив: *когда*, опуще-
ние: *непосредственно*,
встроенная команда:
чего-то, *что вы могли
заметить*, фрагмент
предложения

(126)

И на вашем лице
появилась едва замет-
ная улыбка, когда я
упомянул об этом.

(126)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и*, *когда*,
референтный индекс:
едва заметная улыбка,
об этом

(127)

Хорошо знать, что мы
знаем больше того,
о чем мы знаем

(127)

Пресуппозиции:
*хорошо знать, что мы
знаем, больше того, о
чем мы знаем*, неконк-

(127–130)

Дигитальное замеша-
тельство; метаинструк-
ции направить внима-
ние (*R*-оператор) на

ретные глаголы: *знать, знаем, знаем*, отсутствующий референтный индекс: *мы, мы*, опущения: *хорошо для кого, мы знаем больше чего/о чем /ком?*

K-переменную четырехкратности с позитивным *K*

(128)

И мы можем *понять* больше того, что, как нам кажется, мы *понимаем*.

(128)

Причинное моделирование — союз: *и*, пресуппозиции: *мы можем понять, больше того, что... мы понимаем*, неконкретные глаголы: *понять, кажется, понимаем*, отсутствующий референтный индекс: *мы, нам, мы*, опущения: *больше чего именно?*, встроенная команда: *мы можем понять*

(129)

И мы можем *испытать удовольствие* в ситуациях, когда, как нам кажется, это невозможно.

(129)

Пресуппозиции: *испытать удовольствие, в ситуациях*, неконкретные глаголы: *испытать, кажется*, отсутствующий референтный индекс: *мы, в ситуациях, нам*, номинализация: *удовольствие*, встроенная команда: *испытать удовольствие*

(130)

И мы должны быть *готовы испытать* сполна удовольствия и радости, которые нам нужны, поскольку мы сами формируем все свои чувства.

(130)

Причинное моделирование — союз: *и, поскольку*, пресуппозиции: *готовы испытать сполна, сами формируем свои чувства*, неконкретные глаголы: *готовы, испытать, нужны, формируем*, отсутствующий референтный индекс: *мы, удовольствия, радости, мы сами, свои чувства*, номинализации: *удовольствия, радости*, встроенная команда: *готовы испытать*

(131)

Мы можем использо-
вать в качестве стиму-
лов других людей.

(131)

Пресуппозиции: *можем использовать других людей, в качестве стимулов*, референтный индекс: *мы, других людей, в качестве стимулов*, опущение: *стимулов чего?* неконкретный глагол: *использовать*, номинализация: *стимулов*

(131–139)

Метафора; метаинструкции использовать прошлые четырехкортежности, заякоренные на Аризоне

(132)

Вы встречаете замеча-
тельного учителя, и он
может познакомить
вас со множеством
новых идей.

(132)

Пресуппозиции: *встречаете замечательного учителя, он может познакомить вас, со множеством новых идей*, неконкретные глаголы: *встречаете, познакомить*, отсутствующий референтный индекс: *замечательного учителя, он, множеством новых идей*, номинализация: *идей*, опущение: *множество в сравнении с чем?*

(133)

Появляется стимул
перенять обилие его
собственных идей.

(133)

Встроенная команда: *появляется стимул*, пресуппозиции: *перенять, обилие его идей*, неконкретный глагол: *перенять*, отсутствующий референтный индекс: *обилие его идей*, номинализации: *обилие, идей*

(134)

Вы узнали кое-что об
Аризоне сегодня; вы
узнаёте намного
больше о себе.

(134)

Пресуппозиции: *вы узнали кое-что, об Аризоне, сегодня, вы узнаёте намного больше, о себе*, неконкретные глаголы: *узнали, узнаёте*, отсутствующий референтный индекс: *кое-что об*

(135)

И *вспоминая* Аризону, вы *вспомните* некоторые из приобретенных вами знаний — массу знаний.

(136)

Поскольку вы приобрели их в Аризоне, а вы никогда не сможете забыть Аризону.

(137)

И ваши новые представления, новые знания *связаны* — *привязаны*, *встроенны* — поскольку они являются частью большего знания.

(138)

И то же самое относится к вам, Монд.

Аризоне, намного больше

(135)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *и*, пресуппозиции: *вспоминая Аризону, вспомните некоторые, знаний, массу*, встроенная команда: *вспоминая Аризону*, неконкретные глаголы: *вспоминая, вспомните*, отсутствующий референтный индекс: *некоторые из знаний, массу*, номинализации: *знаний, знаний*

(136)

Причинное моделирование — причина-следствие: *поскольку*, пресуппозиции: *вы приобрели их в Аризоне, никогда не сможете забыть Аризону*, неконкретные глаголы: *приобрели, забыть*, отсутствующий референтный индекс: *их*

(137)

Причинное моделирование — причина-следствие: *поскольку*, пресуппозиции: *связаны, привязаны, встроенны*, неконкретные глаголы: *связаны, привязаны, встроены*, отсутствующий референтный индекс: *новые представления, новые знания, они, большего знания*, номинализации: *представления, знания*, ограничение на сочетаемость, встроенная команда: *связаны, привязаны, встроены*

(138)

Причинное моделирование — союз: *и*, пресуп-

(139)

Вы узнаете многое; это всегда становится частью вас; и вам необходимо, чтобы все позитивные новые знания стали частью вас.

(140)

Так или иначе, ваше подсознание поняло, что вы войдете в транс, пока я направлял Мوند.

(141)

Как же ваше подсознание поняло, заранее, как вам *направить* внимание только на вашу руку?

(142)

Но ему это удалось.

позиция: *то же самое относится*, опущение: *относится как?*

(139)

Пресуппозиции: *узнаете многое, всегда становится частью вас, необходимо, чтобы все... стали частью вас*, неконкретные глаголы: *узнаете, становится, необходимо, стали*, отсутствующий референтный индекс: *многое, это, частью, все позитивные новые знания, частью*, номинализации: *частью, знания*, опущение: *многое в сравнении с чем?*

(140)

Пресуппозиции: *так или иначе... ум понял, что вы войдете в транс, пока...* неконкретные глаголы: *понял, войдете, направлял*, отсутствующий референтный индекс: *так или иначе*, причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *пока*, номинализации: *подсознание, транс*, опущение: *направлял куда? как?*

(141)

Пресуппозиция: *подсознание поняло заранее... направить внимание только на вашу руку*, неконкретные глаголы: *понял, направить*, номинализации: *подсознание, внимание*, встроенная команда: *направить внимание только на вашу руку*

(142)

Причинное моделирование: *но*, отсутствующий

(140–144)

Диссоциация сознания/подсознания; трансderivационный поиск предыдущей четырехкортежности, связанной с трансом; внушение левитации руки

	<p>ший референтный индекс: <i>ему, это</i>, опущение: <i>удалось что?</i> <i>когда? с кем?</i></p>	
(143)	(143)	
И тем самым вы упустили множество вещей, которые нужно было <i>узнать</i> вашему подсознанию.	Причинное моделирова- ние — союз: <i>и</i> , пресуп- позиции: <i>тем самым</i> , <i>упустили, нужно было</i> <i>узнать</i> подсознанию, неконкретные глаголы: <i>упустили, нужно</i> , <i>узнать</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>тем самым, множество</i> <i>вещей</i> , номинализация: <i>подсознание</i> , встроенная команда: <i>узнать</i>	
(144)	(144)	
А оно позаботилось и узнало.	Причинное моделиро- вание — союз: <i>а</i> , пресуппозиции: <i>оно</i> <i>позаботилось, узнало</i> , неконкретные глаголы: <i>позаботилось, узнало</i> , отсутствующий рефе- рентный индекс: <i>оно</i>	
(145)	(145)	(145–150)
Теперь я хочу, чтобы вы оба <i>осознали</i> огромную значимость комфорта и непринуж- денности.	Встроенная команда: <i>осознали</i> , пресуппози- ция: <i>осознали</i> , неконк- ретные глаголы: <i>хочу</i> , <i>осознали</i> , номинализа- ции: <i>комфорта, непри-</i> <i>нужденности</i> , отсут- ствующий референтный индекс: <i>огромную</i> <i>значимость</i> , опущение: <i>значимость для кого?</i>	Обоим клиентам дают инструкцию направить внимание (<i>R</i> -оператор) на <i>K</i> -переменную четырёхкортежностей с позитивным <i>K</i> ; метаин- струкции использовать прошлые четырёхкор- тежности; органичес- кий язык, используе- мый для внушения левитации руки
(146)	(146)	
Чувства безопасности, чувства готовности...	Фрагмент предложе- ния, номинализации: <i>чувства, чувства</i> , опущения: <i>безопаснос-</i> <i>ти для кого? готовнос-</i> <i>ти к чему?</i>	
(147)	(147)	
...уверенности в том, что, будь что будет, вы сможете <i>принять</i> это	Пресуппозиции: <i>вы</i> <i>сможете принять...</i> <i>совладать... получить</i>	

и **совладать** с этим —
и **получить** удоволь-
ствие, **делая** это.

удовольствие... встроен-
ная команда: сможете
принять это и совла-
дать с этим, получить
удовольствие делая
это, неконкретные
глаголы: будет, при-
нять, совладать,
получить, отсутствующ-
ий референтный
индекс: будь что будет,
это, с этим, это

(148)

Это также хороший
урок, который можно
применить в ситуации,
с которой вы не
можете **совладать** — а
затем позже **обдумать**
ее и **понять**, что это
также был урок,
полезный во многих,
многих отношениях.

(148)

Отсутствующий рефе-
рентный индекс: *хоро-*
ший урок, в ситуации,
ее, это, урок полезный
во многих отношениях,
встроенная команда:
применить, обдумать,
понять, пресуппозиции:
позже обдумать ее и
понять, опущение:
хороший для кого?
полезный для кого/чем?,
неконкретные глаголы:
применить, совладать,
обдумать, понять,
номинализации: *урок,*
ситуации, урок, отноше-
ниях

(149)

Это позволяет вам
оценить свои силы.

(149)

Пресуппозиции:
позволяет вам оценить,
отсутствующий рефе-
рентный индекс: *это,*
неконкретные глаголы:
позволяет, оценить,
номинализации: *силы,*
встроенная команда:
оценить свои силы

(150)

Это также позволяет
вам **определить**
области, в которых
вам нужно **прибегнуть**
к большей безопасно-
сти, заключенной
внутри вас.

(150)

Пресуппозиции: *также*
позволяет вам опреде-
лить... нужно прибег-
нуть к... безопасности...
внутри вас, неконкрет-
ные глаголы: позволя-
ет, определить, нужно,
номинализации:
области, безопасности,
встроенная команда:

	<i>определить области, отсутствующий референтный индекс: это, области</i>	
(151)	(151)	(151–159)
И всегда помните, что вы уникальны...	Причинное моделирование — союз: <i>и</i> , пресуппозиция: <i>всегда помните</i> , неконкретный глагол: <i>помните</i> , опущение: <i>уникальны в чем?</i>	Метафора с прямой речью
(152)	(152)	
И все, что вам нужно сделать, — это <i>показать</i> людям, что вы — это вы.	Причинное моделирование — союз: <i>и</i> , пресуппозиция: <i>все что вам нужно сделать</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>все, людям</i> , встроенная команда: <i>показать, что вы...</i> неконкретный глагол: <i>сделать</i>	
(153)	(153)	
Вот одна из вещей, которые я узнал очень рано: во время вызова на дом я <i>увидел</i> маленького ребенка, нарядно одетого, причесанного...	Отсутствующий референтный индекс: <i>одна из вещей, очень рано, вызова на дом, маленького ребенка</i> , неконкретный глагол: <i>узнал</i> , встроенная команда: <i>увидел</i>	
(154)	(154)	
...но лицо ребенка говорило: «Никто меня не любит, совсем никто»...	Причинное моделирование — союз: <i>но</i> , чтение мыслей, отсутствующий референтный индекс: <i>ребенка, никто, совсем никто</i> , неконкретный глагол: <i>любит</i>	
(155)	(155)	
И ребенок был прав.	Причинное моделирование — союз: <i>и</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>ребенок</i> , опущение: <i>прав в отношении чего?</i> пресуппозиция: <i>был прав</i> , номинализация: <i>прав</i>	

(156)

Зайдите в другой дом, и вы увидите маленького ребенка с грязным лицом, неопрятного, со спутанными волосами, и ребенок издает крик радости и бросается вам навстречу.

(157)

А лицо говорит: «Меня все любят».

(158)

И этот ребенок прав, все так и поступают...

(159)

Иметь такую установку — драгоценный дар, и вы его заслуживаете.

(160)

В качестве общего представления об Аризоне: индеец встречает гремучую змею и говорит: «Ты иди своей дорогой, сестрица, а я пойду своей».

(156)

Отсутствующий референтный индекс: *другой дом, маленького ребенка, ребенок*, номинализация: *радости*, неконкретные глаголы: *издает, бросается*

(157)

Причинное моделирование — союз: *а*, отсутствующий референтный индекс: *лицо*, цитирование, референтный индекс: *все*, неконкретный глагол: *говорит*

(158)

Причинное моделирование: *и*, пресуппозиция: *ребенок прав*, отсутствующий референтный индекс: *этот ребенок, все*, номинализация: *прав*, опущение: *прав в отношении чего? поступают как?*

(159)

Встроенная команда: *иметь такую установку*, пресуппозиция: *вы заслуживаете*, отсутствующий референтный индекс: *такую установку, драгоценный дар, его*, неконкретные глаголы: *иметь, заслуживаете*, номинализация: *установку*

(160)

Ограничение на сочетаемость, причинное моделирование: *в качестве*, отсутствующий референтный индекс: *общего представления, индеец, гремучая змея*, цитирование, референтный индекс: *своей дорогой*,

(160–162)

Метафора с прямой речью

	встроенная команда: <i>иди своей дорогой</i>	
(161)	(161)	
И змея, и индеец сохраняют достоин- ство и права.	Причинное моделиро- вание — союз: <i>и</i> , пресуппозиция: <i>сохра- няют достоинство и права</i> , отсутствующий референтный индекс: <i>змея, индеец</i> , номина- лизация: <i>права</i>	
(162)	(162)	
И каждый идет своей дорогой с достоин- ством, <i>в безопаснос- ти</i> , спокойно, с уваже- нием.	Причинное моделирова- ние — союз: <i>и</i> , отсут- ствующий референтный индекс: <i>каждый, своей дорогой</i> , неконкретный глагол: <i>идет</i> , пресуппо- зиции: <i>с достоинством, в безопасности, спокой- но, с уважением</i> , номи- нализации: <i>достоин- ством, безопасности, уважением</i>	
(163)	(163)	(163–168)
И, я полагаю, с само- уважением и уверен- ностью, что вы <i>облада- ете самоуважением</i> .	Фрагмент предложе- ния, причинное моде- лирование — союз: <i>и</i> , встроенная команда: <i>обладаете самоуваже- нием</i> , неконкретный глагол: <i>полагаю, обла- даете</i> , номинализации: <i>самоуважением, уверен- ностью, самоуважени- ем</i> , референтный индекс: <i>уверенностью</i>	Трансderivационный поиск четырехкортеж- ностей с негатив- ным <i>K</i> , заякоренных на Аризоне
(164)	(164)	
И вы должны обрести ее, поскольку вы живы и готовы <i>делать</i> то, что вам больше всего интересует, и <i>делать это хорошо</i> .	Причинное моделиро- вание — союз: <i>и</i> , встроенные команды: <i>делать то, делать это хорошо</i> , пресуппози- ция: <i>хорошо</i> , отсут- ствующий референт- ный индекс: <i>ее, то, это</i> , неконкретные глаголы: <i>обрести, готовы, делать, инте- ресует, делать</i>	

(165)

В прошлом вам обоим
была присуща *неуве-*
ренность.

(165)

Пресуппозиция: *обоим*
была присуща неуверен-
ность, опущение:
неуверенность в чем?
неконкретный глагол:
присуща, отсутствующий
референтный
индекс: *в прошлом*,
номинализация: *неуве-*
ренность

(166)

Вы можете *избавиться*
от этой неувереннос-
ти.

(166)

Пресуппозиция: *можете*
избавиться, неконк-
ретный глагол: *изба-*
виться, отсутствующий
референтный индекс:
этой неуверенности,
встроенная команда:
избавиться, номинали-
зация: *неуверенности*

(167)

Вы можете *оставить* ее
в Аризоне.

(167)

Пресуппозиция:
оставить ее, неконк-
ретный глагол: *оста-*
вить, референтный
индекс: *ее*, встроенная
команда: *оставить* ее

(168)

Это не изменит Аризо-
ну, это изменит вас.

(168)

Пресуппозиция: *это*
изменит вас, неконкрет-
ный глагол: *изменит*,
изменит, отсутствующий
референтный
индекс: *это, это*

(169)

И я когда-то был маль-
чиком с фермы, преж-
де в Висконсине, —
если бы я мог вернуть-
ся назад, то взял бы те
вещи, поскольку они
были хорошие.

(169)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и*,
причина-следствие:
поскольку, референтный
индекс: *те вещи, они*,
опущение: *хорошие для*
кого?

(169–177)

Метафора; метаинст-
рукции использовать
V-переменную
в качестве ключа
(*L*- и *R*-операторы — *V*)
к четырехкортежност-
ям с негативным *K*,
сохраняя диссоциацию
V/K

(170)

А их больше нет со-
мной...

(170)

Причинное моделиро-
вание — союз: *а*,
референтный индекс:
их, больше

(171)

А неприятности и несчастья прошлого — *оставьте* их в прошлом, в далеком прошлом.

(171)

Причинное моделирование — союз: *а*, отсутствующий референтный индекс: *неприятности, несчастья, прошлого, их, в прошлом, в далеком прошлом*, встроенная команда: *оставьте их*, неконкретный глагол: *оставьте*, номинализации: *неприятности, несчастья*

(172)

И предвкушайте грядущие хорошие дни, новые ощущения, новые впечатления.

(172)

Причинное моделирование: *и*, пресуппозиция: *предвкушайте, грядущие хорошие дни, новые ощущения, новые впечатления*, неконкретный глагол: *предвкушайте*, референтный индекс: *грядущие хорошие дни, новые ощущения, новые впечатления*, номинализации: *ощущения, впечатления*

(173)

И осознайте, что вы можете *оглянуться* в сорокалетнем возрасте на свое непонимание того, какое счастье можно испытывать в сорок лет.

(173)

Причинное моделирование — союз: *и*, пресуппозиция: *что вы можете оглянуться, в сорокалетнем возрасте, свое непонимание*, неконкретный глагол: *осознайте, оглянуться, испытывать*, референтный индекс: *непонимание*, опущение: *счастье для кого?* номинализация: *счастье*, встроенная команда: *вы можете оглянуться*

(174)

Подобно тому, как в десятилетнем возрасте вы, вероятно, не могли *понять*, какое счастье испытываешь в двадцать, какое

(174)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *подобно тому как*, референтный индекс: *счастье в двадцать, счастье в юности*,

счастье испытываешь
в юности...

пресуппозиции: *вероятно не могли понять, счастье в двадцать, счастье в юности*, неконкретный глагол: *понять*, встроенная команда: *понять*, номинализации: *счастье, юности*, фрагмент предложения

(175)

А сломанные игрушки
в вашем детстве —
было так жалко терять
их, *видеть* их сломан-
ными.

(175)

Причинное моделиро-
вание — союз: *а*,
референтный индекс:
сломанные игрушки,
в вашем детстве,
пресуппозиция: *так*
жалко, неконкретные
глаголы: *жалко, видеть*,
встроенная команда:
видеть их сломанными

(176)

Когда мы все *подрас-
таем*, утрачивая какие-
то вещи, о которых мы
забываем...

(176)

Причинное моделиро-
вание — подразумевае-
мый каузатив: *когда*,
референтный индекс:
мы, какие-то вещи,
встроенная команда:
подрастает, забываем,
неконкретные глаголы:
*подрастает, утрачи-
вая, забываем*, пресуп-
позиции: *утрачивая*
какие-то вещи,
о которых забываем

(177)

И если мы все-таки
вспомним о них, то
увидим их иными, чем
тогда, когда это было.

(177)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и если*,
пресуппозиции: *увидим*
их иными, неконкрет-
ные глаголы: *вспомним*,
было, опущение: *иными*
для кого? отсутствующ-
ий референтный
индекс: *о них, их, когда*
это, встроенная коман-
да: *увидим их иными*

(178)

И то открытое окно,
Монд, имело тогда
один смысл и такой

(178)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и, и*,
пресуппозиции: *имело*

(178–183)

Трансderivационный
поиск (*L*-оператор — *V*)
предыдущей четырех-

приятный смысл
сейчас: совершенно
иной опыт, новое
понимание.

*тогда один смысл,
приятный смысл
сейчас, иной опыт,
новое понимание,
референтный индекс:
то открытое окно,
один смысл, приятный
смысл, иной опыт,
новое понимание,
номинализации: смысл,
смысл, опыт, понима-
ние, опущение: прият-
ный для кого?*

кортежности с негатив-
ным K (для Монд),
сохраняя заякоренную
позитивную K -пере-
менную (R -оператор)

(179)

И та взбучка, когда вы
разбили окно, —
теперь вы можете
оглянуться, посмот-
реть на взбучку во
многом иначе, чем
тогда, когда вы ее
получили.

(179)

Отсутствующий рефе-
рентный индекс: *та
взбучка, окно, взбучку,
во многом иначе*, пре-
суппозиция: *можете
оглянуться, посмотреть
на взбучку иначе*,
неконкретные глаголы:
*оглянуться, посмот-
реть, получили*, причин-
ное моделирование —
союз: *и*

(180)

И вы можете оглянуть-
ся с подлинным
удовольствием, и
вспомнить, как вам
было больно после
взбучки, как вы почув-
ствовали слезы.

(180)

Причинное моделирова-
ние — союз: *и*, пресуп-
позиции: *можете
оглянуться, с удоволь-
ствием, вспомнить, как
было больно после
взбучки, вы почувство-
вали слезы*, неконкрет-
ные глаголы: *оглянуть-
ся, вспомнить,
почувствовали*, номина-
лизация: *удовольствием*,
отсутствующий рефе-
рентный индекс:
взбучки, слезы, встроен-
ная команда: *вспомнить*

(181)

Сравнение со слезами
только доказывало,
что вы были живы,
с хорошей нервной
системой.

(181)

Опущение: *сравнение
чего со слезами? хоро-
шей для кого?* пресуппо-
зиция: *только доказы-
вало*, неконкретные
глаголы: *доказывало,
живы*, номинализация:
системой, отсутствующий

(182)

И было бы ужасно, если бы вы не смогли почувствовать ту взбучку — ужасно, если бы вы не смогли расплакаться.

(183)

Иначе говоря, реагировать на хорошее и плохое и адекватно относиться к этому — вот настоящая радость в жизни.

(184)

Теперь я хочу, чтобы вы оба, в собственных мыслях, в собственных представлениях продолжили *рассматривать* все, что вы желаете, *достигли* понимания, которого вы способны достичь.

(185)

Монд, вы могли бы взглянуть на маленькую девочку, бегающую за утками и кормящую уток хлебными крошками, на ребенка, шлепающего ногами по

щий референтный индекс: *слезами, хорошей нервной системой*

(182)

Причинное моделирование — союз: *и*, опущение: *ужасно для кого/чем?* пресуппозиции: *было бы ужасно, ужасно*, отсутствующий референтный индекс: *ту взбучку*, неконкретный глагол: *почувствовать*

(183)

Отсутствующий референтный индекс: *иначе говоря, хорошее, плохое, к этому, настоящая радость в жизни*, опущения: *адекватно для кого? настоящая радость для кого/когда?* номинализации: *хорошее, плохое, радость*, неконкретные глаголы: *реагировать, относиться*

(184)

Пресуппозиции: *продолжили рассматривать все, достигли, вы способны*, неконкретные глаголы: *продолжили, рассматривать, желаете, достигли, способны, достичь*, номинализации: *мыслях, представлениях, понимания*, отсутствующий референтный индекс: *все*, встроенная команда: *рассмотрели, достигли*

(185)

Отсутствующий референтный индекс: *маленькую девочку, утками, уток, ребенка*, номинализации: *чувство, свободы, чувство, свободы*,

(184–186)

Метаинструкции перенести паттерн V/K, заданный в 178–183

воде, — это прекрасное чувство свободы — или вы могли бы *испытать* прекрасное чувство свободы сейчас.

(186)

Тогда вы смогли бы *поразмьшлять* о множестве вещей, в которых вы не нуждались.

(187)

И я знаю по собственному опыту, что замечательно находиться в инвалидной коляске — и я встречаю хороших людей...

(188)

И я думаю, жизнь была бы очень-очень скверной, если бы я не смог испытать удовольствие от встречи с вами обоими — и я благодарю вас

(189)

Вам нужно *сохранить* Аризону как драгоценную часть во всех приобретенных знаниях — как драгоценную часть своей жизни.

(190)

И *использовать* эти знания для исполне-

опущение: *прекрасное для кого?* рамочная неопределенность: *сейчас*

(186)

Подразумеваемый каузатив: *тогда*, встроенная команда: *поразмьшлять*, неконкретные глаголы: *смогли, поразмьшлять, нуждались*, отсутствующий референтный индекс: *множестве вещей*, номинализация: *вещей*

(187)

Причинное моделирование — союз: *и, и*, неконкретные глаголы: *знаю, находится*, номинализация: *опыту*, опущение: *замечательно для кого?* отсутствующий референтный индекс: *хороших людей*

(188)

Причинное моделирование — союз: *и*, неконкретный глагол: *думаю*, номинализации: *жизнь, удовольствие*, опущения: *скверной для кого? благодарю за что?*

(189)

Встроенная команда: *сохранить Аризону как*, пресуппозиция: *вам нужно*, неконкретные глаголы: *нужно, сохранить*, отсутствующий референтный индекс: *всех приобретенных знаниях*, опущение: *драгоценную для кого?* номинализации: *знаниях, жизни*

(190)

Причинное моделирование — союз: *и*,

(187–196)

Заякоривает паттерн, заданный в 178–183 и перенесенный в 184–186 на Аризону

ния своих желаний,
своих потребностей,
для создания комфорта.

встроенная команда:
использовать эти
знания, неконкретный
глагол: использовать,
номинализации:
знания, желаний,
потребностей, комфор-
та, отсутствующий
референтный индекс:
эти знания

(191)

А вам комфортно, не
так ли, Монд? Так
приятно, когда чув-
ствуешь себя ком-
фортно.

(191)

Союз: *а*, пресуппози-
ция: *вам комфортно*,
краткий общий вопрос:
не так ли? неконкрет-
ный глагол: *чувству-*
ешь, опущение: *прият-*
но кому?

(192)

И вам комфортно, не
так ли, Ник?

Н: Да.

(192)

Союз: *и*, пресуппози-
ция: *вам комфортно*,
краткий общий вопрос:
не так ли? неконкрет-
ный глагол: *комфортно*

(193)

Э: Не хотите ли вы
задать мне какой-
нибудь вопрос?

Н: Нет.

(193)

Референтный индекс:
какой-нибудь вопрос,
опущение: *вопрос*
о чем?

(194)

Э: Вы будете *наслаж-*
даться своими мысля-
ми?

Н: Да.

(194)

Встроенная команда:
наслаждаться своими
мыслями, неконкрет-
ный глагол: *наслаж-*
даться, опущение:
мыслями о чем?

(195)

Э: И вы *добьетесь*
лучшего понимания?

Н: Да.

(195)

Причинное моделиро-
вание — союз: *и*,
встроенная команда:
добьетесь лучшего
понимания, опущение:
лучшего, чем что? для
кого? номинализация:
понимания

(196)

Э: С меньшим страхом
и большим рвением?

Н: Да.

(196)

Фрагмент предложе-
ния, номинализации:
страхом, рвением,

	опущение: <i>страхом чего? большим рвением в чем?</i> пресуппозиции: <i>меньшим страхом, большим рвением</i>	
(197)	(197)	(197–206)
Э: Было приятно работать с вами обоими.	Неконкретный глагол: <i>работать</i> , опущение: <i>приятно кому?</i>	Переориентация на текущую четырехкортежность; инструкции
(198)	(198)	
И я хочу сердечно поблагодарить вас обоих за то, что вы работали со мной.	Причинное моделирование — союз: <i>и</i> , опущение: <i>работали как?</i> неконкретный глагол: <i>поблагодарить</i>	
(199)	(199)	
Всегда приятно проделать хорошую работу и <i>проделать</i> хорошую работу с хорошим материалом.	Опущения: <i>приятно кому? хорошую для кого/в сравнении с чем?</i> встроенная команда: <i>проделать хорошую работу</i> , неконкретный глагол: <i>проделать</i> , номинализации: <i>работу, материалом</i>	
(200)	(200)	
Это редкое удовольствие.	Опущение: <i>удовольствие для кого?</i> референтный индекс: <i>это</i> , номинализация: <i>удовольствие</i> , пресуппозиция: <i>редкое</i>	
(201)	(201)	
А сейчас я устал и думаю, я позволю вам <i>пробудиться</i> в вашем собственном ритме, вашим собственным способом.	Встроенная команда: <i>пробудиться</i> , пресуппозиция: <i>в вашем собственном ритме, вашим собственным способом</i> , номинализации: <i>ритме, способом</i> , неконкретный глагол: <i>думаю, пробудиться</i> , опущение: <i>устал от чего?</i>	
(202)	(202)	
Сначала закройте глаза, Монд, а затем <i>пробудитесь</i> в собственном	Пресуппозиция: <i>сначала</i> , причинное моделирование — союз: <i>а</i>	

ритме, собственным
способом

(203)

Глаза были закрыты у
вас обоих. Поэтому
теперь вы можете
сами выбрать время и
пробудиться.

(204)

Ник, потратьте немно-
го времени на то,
чтобы снова собрать
себя воедино... И на ту
переориентацию на
свои кисти, почувство-
вав их снова.

(205)

И собрав свои ноги,
свои руки воедино,
вернув на место свою
голову... Узнав свое
тело...

(206)

Я полагаю, здесь
слишком комфортно.
Н: Я все еще в трансе.
М: Вы не хотите из
него выйти.
Н: Гм.

(207)

Э: Да, вы не *хотите*
выйти из транса.

(208)

Вы не *хотите*, чтобы
окончился очарова-
тельный фильм, вы не

(203)

Изменение времени:
были, опущение: *глаза*
были закрыты когда?
подразумеваемый
каузатив: *поэтому*
теперь, и, пресуппози-
ции: *можете выбрать*
время, пробудиться,
неконкретные глаголы:
выбрать, пробудиться

(204)

Фрагмент предложения,
причинное моделирова-
ние — союз: *и*, референ-
тный индекс: *немного*
времени, ту переориен-
тацию, неконкретные
глаголы: *потратьте*,
собрать, почувствовав,
пресуппозиция: *снова*
себя воедино, почув-
ствовав их снова

(205)

Фрагмент предложе-
ния, причинное моде-
лирование — союз: *и*,
неконкретные глаголы:
сбрав, вернув, узнав

(206)

Неконкретный глагол:
полагаю, опущение:
слишком комфортно
кому? референтный
индекс: *здесь*

(207)

Встроенная команда:
хотите выйти, пресуп-
позиция: *вы хотите*
выйти, номинализация:
транса, неконкретные
глаголы: *хотите, выйти*

(208)

Встроенные команды:
хотите чтобы окончил-
ся, хотите, нравится

(207–211)

Метафора

хотите, чтобы цветок завял, но вам все-таки нравится реальность.

реальность, неконкретные глаголы: *хотите, окончился, хотите, нравится*, отсутствующий референтный индекс: *очаровательный фильм, цветок*, номинализация: *реальность*, опущение: *очаровательный для кого?*

(209)

И все, что я могу сделать, — это *полюбопытствовать*, каким очаровательным вы будете в 40, 50 и 60... Я могу *полюбопытствовать* о всем том новом, что вы *обнаружите* в 40, 50 и 60; и я хочу выяснить, насколько приятна жизнь в 80.

(209)

Встроенный вопрос: *полюбопытствовать*, неконкретные глаголы: *полюбопытствовать, полюбопытствовать, обнаружите, хочу, выяснить*, отсутствующий референтный индекс: *о всем том новом, жизнь*, встроенная команда: *обнаружите*

(210)

Один из моих сыновей сказал мне: «Я буду вечно благодарен дедушке и бабушке. Конечно, они говорили мне о добрых старых временах, но и научили меня тому, что понастоящему добрые времена еще ждут их впереди».

(210)

Отсутствующий референтный индекс: *один из моих сыновей, добрых старых временах, добрые времена, они, их*, цитирование, неконкретные глаголы: *сказал, благодарен, научили*, номинализации: *времена, времена*

(211)

Когда я впервые научился ездить верхом, я не знал, что однажды полечу на реактивном самолете; я даже не знал, что есть самолеты.

(211)

Отсутствующий референтный индекс: *впервые, однажды, реактивном самолете, самолеты*, неконкретный глагол: *научился*, *знал, знал*, пресуппозиции: *впервые, даже*

(212)

Теперь я разрешаю вам *медленно пробудиться*, поскольку необходимо — всем людям — *медленно*

(212)

Встроенные команды: *медленно пробудиться, медленно пробудиться, позволить... знаниям упрочиться*, опущения: *необходимо кому?*

(212–213)

Переориентация на текущую четырехкортежность; метафора

пробудиться и позволить приобретенным в трансе знаниям и мыслям упрочиться.

(213)

Подобно тому как гипсу требуется некоторое время, чтобы *затвердеть*. И после того как ваши знания *упрочатся*, они будут затем сопровождать вас всю оставшуюся жизнь.

(214)

Что касается остальной части дня, то не беспокойтесь, если вам покажется, что вы не полностью контролируете происходящее. Вы обретете адекватный контроль для собственного благополучия и безопасности.

(215)

Но ваше подсознание будет *расходовать* в больших количествах вашу энергию, сортируя все свои прошлые знания, представления и мысли.

медленно для кого?
референтный индекс: *всем людям, приобретенным в трансе знаниям, мыслям,*
неконкретные глаголы: *пробудиться, пробудиться, упрочиться*

(213)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *подобно, после того как, затем,* встроенные команды, *затвердеть, упрочатся, сопровождать,* неконкретные глаголы: *требуется, затвердеть, упрочатся, сопровождать,* номинализация: *знания,* отсутствующий референтный индекс: *некоторое время, ваши знания, всю оставшуюся жизнь,* пресуппозиция: *всю оставшуюся жизнь,* ограничение на сочетаемость

(214)

Неконкретные глаголы: *беспокойтесь, покажется, контролируете,* отсутствующий референтный индекс: *происходящее,* пресуппозиция: *остальной части дня,* опущение: *адекватного для кого?* номинализации: *благополучия, безопасности*

(215)

Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *но,* встроенная команда: *расходовать,* номинализации: *подсознание, энергию, знания, представления, мысли,* отсутствующий референтный индекс: *в больших количествах, свои прошлые знания...*

(214–223)

Метаинструкции использовать четырехкортежности с приобретенными в трансе знаниями; постгипнотические внушения

- (216) И оно *сформирует из этого* нечто, что будет в вашем распоряжении.
- (217) Это займет некоторое время...
- (218) И к завтрашнему утру вы будете полностью пробуждены.
- (219) Я хочу, чтобы вы оба сладко поспали, сегодня ночью — и если *желаете*, увидели *приятный* сон, который можете вспомнить или не вспомнить.
- (220) И я полагаю, ваше подсознание может доставить вашему сознанию одно особое
- мысли, неконкретные глаголы: расходовать, сортируя*
- (216) Причинное моделирование — союз: *и*, встроенная команда: *сформирует из этого*, отсутствующий референтный индекс: *оно, из этого, нечто*, неконкретные глаголы: *сформирует, будет*
- (217) Опускание: *некоторое время для чего/кого?* отсутствующий референтный индекс: *это, некоторое время*, номинализация: *время*, неконкретный глагол: *займет*
- (218) Причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *и к*, пресуппозиция: *к завтрашнему утру*, опускание: *полностью для кого?* неконкретный глагол: *пробуждены*
- (219) Неконкретные глаголы: *хочу, желаете, вспомнить*, встроенная команда: *желаете...* *приятный*, опускание: *приятный для кого?* причинное моделирование — подразумеваемый каузатив: *и если*, отсутствующий референтный индекс: *приятный сон*, номинализация: *сон*
- (220) Причинное моделирование — союз: *и*, встроенная команда: *доставить*, неконкрет-

удовольствие: что-то из того, что вы будете есть на ужин сегодня вечером, окажется необычайно вкусным.

(221)

Необычайно *вкусным* его сделает ваше подсознание.

(222)

И конечно же, ваше подсознание может *обуславливать* не только ужин; оно может *обусловить* ощущение простыней; нечто, что вы видите, и ваше подсознание заставит вас *испытать* необычайное удовольствие.

(223)

А теперь попрощайтесь со своим подсознанием и давайте беседовать и реагировать друг на друга на сознательном уровне. Привет. Привет.

ный глаголы: *полагаю, доставить*, номинализации: *подсознание, сознанию, удовольствие*, отсутствующий референтный индекс: *одно особое удовольствие, что-то, необычайно вкусным*, опущение: *вкусным для кого?*

(221)

Номинализация: *подсознание*, неконкретный глагол: *сделает*, встроенная команда: *необычайно вкусным*, отсутствующий референтный индекс: *его*, опущение: *необычайно вкусным для кого?*

(222)

Причинное моделирование — союз: *и*, встроенные команды: *обуславливать, обусловить, испытать необычайное удовольствие*, неконкретные глаголы: *обуславливать, обусловить, видите, заставит, испытать*, номинализации: *подсознание, подсознание*, отсутствующий референтный индекс: *ужин, простыней, нечто*, опущение: *необычайное в сравнении с чем?*

(223)

Причинное моделирование — союз: *и*, номинализации: *подсознанием, сознательном уровне*, неконкретные глаголы: *реагировать*, пресуппозиция: *попрощайтесь со своим подсознанием, реагировать, на сознательном уровне*, опущение: *беседовать о чем?*

Ниже приводится обсуждение третьего уровня паттернов, использованных Эриксоном, и описывается системный подход, который Эриксон применяет для оценки и якорения прошлых четырехкортежностей клиента, делая доступными необходимые ресурсы. Это обсуждение ни в коей мере не исчерпывает того, что содержится в работе Эриксона, и должно быть использовано в качестве дальнейшей помощи гипнотизеру-коммуникатору для понимания работы Эриксона и для организации собственной практики гипноза.

Как уже говорилось, одним из наиболее важных паттернов для агента изменения (психотерапевта, практикующего гипноз) является понимание того, что каждый из нас, людей, накопил в прошлом знания и представления, которые, если организовать их направленным образом, обеспечивают ресурсы, необходимые клиенту для осуществления желаемых изменений.

Эриксон использует и упорядочивает эти четырехкортежности, что позволяет ему вызвать изменение в подобной углубленной форме. Осмысляя коммуникацию гипнотизера, клиент в этот момент приобретет знания, которые обеспечат необходимые ресурсы, извлекая их из своей суммы прошлых четырехкортежностей. Этот опыт, текущие и прошлые четырехкортежности, затем реорганизуется эффективным способом для настоящего и будущего. Понимание четырехкортежности первичного опыта, трансderivационный поиск феноменов, якорение и эффективная подстройка (встреча клиента в его модели мира) заметно расширяют возможности гипнотизера в контексте измененных состояний коммуникации. Вот что говорит сам Эриксон:

...при терапевтическом использовании гипноза вы удовлетворяете потребности пациента главным образом на тех условиях, которые он сам предлагает; а затем вы направляете внимание пациента — проявляя адекватное уважение к его методу изложения проблемы и используя этот метод — на его собственные внутренние процессы психической деятельности. Это достигается с помощью сделанных вскользь, но определенно серьезных и искренних замечаний, внешне служащих в качестве объяснений, но нацеленных исключительно на стимулирование многочисленных собственных паттернов психической деятельности пациента, с тем чтобы он разрешил свои проблемы, используя знания, которые им уже приобретены или которые он выработает, когда продолжит прогрессировать.

Milton H. Erickson, *Techniques for Resistant Patients*,
Haley (ed.), p. 499.

Часть III

Приведенные выше транскрипты не только предлагают уникальную возможность понять эффективное использование Милтоном Эриксоном измененных состояний, но также представляют собой законченную модель слежения для наведения транса и изменения.

Сначала транскрипты выглядят очень непохожими, причем работа Эриксона с Монд отличается большей конкретностью, поскольку в ее случае в его распоряжении имеется больше источников вербальной и аналоговой обратной связи, которые могут помочь ей в глубоком трансе. Ник предлагает меньше в плане вербальной и аналоговой обратной связи и, соответственно, работа Эриксона менее конкретна. С Ником Эриксон более экстенсивно применяет в своей работе общие вербальные паттерны номинализации, неконкретные глаголы, отсутствующие референтные индексы и опущения, используя:

- доступ (*L*-оператор) к четырехкортежностям и их якорение;
- полярную подстройку (температура);
- визуально-кинестетическую диссоциацию;
- метафору/метаинструкции;
- конструирование новой четырехкортежности — создание референтного опыта;
- проверку эффективности работы.

В обоих случаях Эриксон начинает с доступа (*L*-оператор) к четырехкортежностям прошлых трансов,

Монд

Ник

1–3

1–2

когда и Ник, и Монд получают доступ к этим прошлым четырехкортежностям и воспроизводят их (*R*-оператор), реагируя на коммуникацию Эриксона. Они начинают заново переживать (операторы *R* и $\sim R$) феномены четырехкортежностей, связанных с прошлыми трансами (с помощью *L*-оператора трансдеривационного поиска). Другими словами, обеспечивается доступ к элементам четырехкортежностей прошлых трансов (*L*-оператор) и повторное переживание этих элементов (*R*-оператор).

Затем Эриксон дает обоим клиентам инструкцию направить внимание (*R*-оператор) на кинестетическую переменную четырехкортежности транса.

Монд	Ник
15–17	9–18
26	49–50
	63

Вторым метапаттерном является полярная подстройка. Подстраиваясь к текущему опыту клиента, гипнотизер часто сталкивается с несогласующимися сообщениями клиента (т. е. *С*-оператор — нет) в отношении опыта транса.

Возможно, Эриксон уловил разнородные сообщения в отношении гипнотического опыта со стороны Ника. Один из способов эффективной подстройки в этой ситуации — подстроиться к обоим предлагаемым составляющим. В данном случае полярная подстройка, связанная с температурой, может обеспечить эффективную подстройку к составляющей, которая желает транса, а также к составляющей, которая предлагает резистентное сообщение. Полярная подстройка, связанная с температурой, работает посредством метафоры во многом так же, как краткие общие вопросы («вам удобно, не так ли?») обеспечивают более непосредственную подстройку к обоим сообщениям, предлагаемым клиентом.

Здесь мы хотим напомнить читателю, что работа Эриксона отличается и утонченностью, и сложностью. Так, если мы скажем, что он использует «холодный комфорт в жаркой комнате» в качестве весьма изощренной полярной подстройки, то упустим другие возможные интерпретации. Это внимание к кинестетической переменной, а именно к четырехкортежности, эквивалентно следующему: «комфорт» создает для клиентов прецедент, из которого они могут извлечь общий формальный паттерн — «хотя здесь жарко, вам все равно может быть комфортно», «когда вам некомфортно, у вас имеется возможность создать комфорт». Эта конкретная подстройка «комфорт — прохлада, отсутствие комфорта — жара» сопряжена в данных транскриптах с проблемами, которые предлагают оба клиента; т. е. она имеет непосредственное приложение к проблеме. Возможно, важнее всего то, что в качестве непрерывной подстройки используется элемент текущего опыта клиента.

Третий паттерн, который можно извлечь, — это паттерн диссоциации и использования диссоциированных состояний. Он предполагает способность гипнотизера распознать переменную опыта, которую клиент в норме использует (*R*-оператор клиен-

та) для сознательной репрезентации, с тем чтобы найти точку пересечения с другими переменными четырехкортежностей, которые воспроизводятся за пределами сознания ($\sim R$). Например, Эриксон дает Монд инструкцию визуализировать (L -оператор) опыт ее мужа с левитацией руки, а затем просит ее представить, на что будут похожи эти чувства в ее случае (наложение репрезентативных систем), тем самым вызывая левитацию руки.

(27–28) В случае Монд Эриксон использует визуальную переменную в качестве ключа к повторному переживанию других элементов четырехкортежности. В каждом примере воскрешения приятного опыта Эриксон просит Монд сначала визуализировать этот опыт, а затем добавить кинестетический элемент четырехкортежности — чувства, привязанные к приятной четырехкортежности. (81–89, 89–92) Затем Эриксон предлагает Монд вспомнить неприятную четырехкортежность, снова используя визуальный ключ; однако он добивается того, чтобы она сохранила кинестетическую переменную комфорта (97–101).

Однако с Ником Эриксон использует его R -систему, которая является кинестетической и приводит к точке пересечения, в которой он добавляет визуальный компонент четырехкортежности (43–48). Когда Эриксон работает с Ником, он более расплывчат в своей гипнотической коммуникации; т. е. он не просит явным образом Ника вспомнить какую-либо конкретную четырехкортежность, а предлагает ему сохранить кинестетическую переменную (комфорт) и визуализировать любые переживания по его желанию, при этом удерживая постоянной K переменную (40–46) (49–50) (53–59).

Четвертая область, которую следует рассмотреть, — это метафора и метаинструкция. В обоих транскриптах Эриксон внушает клиентам новое понимание, новый способ восприятия мира. Он добивается этого, давая внушения непосредственно через метафору и через метаинструкции или с помощью приема, когда клиент может использовать с большим пониманием приобретенные в трансе знания и прошлые четырехкортежности. Этот прецедент создается на раннем этапе для обоих клиентов

Монд	Ник
83–99	83–94
93–96	97–109
174–175	115

гарантируя, что метаинструкции будут приняты клиентом, а также показывая клиенту, что у него имеется выбор. Важно продемонстрировать клиентам, что они обладают ресурсами для создания желаемой возможности — отсюда необходимость задать референтный (эталонный) опыт. Ниже приводится пример создания нового референтного опыта.

Эриксон систематически просит Монд визуализировать какую-то приятную прошлую четырехкортежность, а затем добавить кинестетическую переменную. Затем он предлагает ей визуализировать какую-то неприятную четырехкортежность и сохранить неизменной кинестетическую переменную (из первой четырехкортежности). Далее Эриксон показывает Монд, что она может контролировать происходящее, прося ее вспомнить неприятную четырехкортежность, используя визуальный ключ, добавляя соответствующую неприятную четырехкортежность, а затем, заменяя неприятные кинестетические ощущения на приятные кинестетические ощущения, которые ранее были заякорены на один из элементов поведения Монд (моргание). Это служит в качестве референтного опыта, который Монд может использовать в других случаях.

Монд

116–117

123–131

Работая непосредственно с Ником, Эриксон использует элемент поведения Ника (дыхание) в качестве иллюстрации и референтного опыта того, как Ник может осуществить контроль над своим поведением. Как указывает Эриксон, это нечто, что Ник мог заметить (а именно отсутствие громкого дыхания). Тем самым, создание референтной четырехкортежности обеспечивает клиентов четырехкортежностью, от которой они могут отталкиваться, и это дает гипнотизеру инструмент, с помощью которого он может проверить эффективность своей работы с клиентом. То есть снабжая клиентов референтной четырехкортежностью, которая использует компоненты их собственного поведения (моргание, громкое дыхание), гипнотизер может фактически заякорить контроль клиента (сознательный или подсознательный) над новыми возможностями. В обоих случаях Эриксон делает именно это. Он предлагает Монд осуществить самоякорение («моргание»), чтобы устранить дискомфорт.

С одной стороны, самоекорение в форме моргания привязывает процесс к какому-то элементу текущего опыта клиента (Монд), а с другой стороны, открытие и закрытие глаз, с тем чтобы ощутить новые возможности комфорта, может быть метафорой, позволяющей клиенту по-настоящему взглянуть на свои проблемы.

Однако в случае Ника Эриксон указывает на его способность контролировать дыхание как на референтную структуру скорее в начале транскрипта и внушает ему сохранение комфортного состояния во время визуализации различных четырехкортежностей. Наконец, он прямо спрашивает Ника, использует ли он новые знания, и получает от него недвусмысленный ответ. Здесь важно отметить, что на протяжении обоих транскриптов Эриксон дает внушения амнезии. Поэтому важно понять средства, с помощью которых в сознательное состояние привносятся только важные и полезные элементы опыта транса — преодоление разрыва в опыте. Это можно понять, только заставив клиента опробовать новые возможности как в измененном, так и в бодрствующем состоянии. Именно таким способом Эриксон может проверить эффективность своей работы, не вкладывая насильно новую информацию в сознание клиента. Эриксон добивается этого, внушая Монд, что она ощутит дискомфорт (обездвиженная рука, тепло), когда выйдет из транса. Затем Эриксон, используя поведенческую пресуппозицию («на какой руке более протяженные линии жизни?»), позволяет ей опробовать новые возможности при контроле дискомфорта.

В предыдущем разделе мы описали три уровня паттернов: лингвистические паттерны, которые лежат в основе использования Милтоном Эриксоном языка в гипнозе; второй уровень паттернов, который Эриксон использует для достижения желаемого уровня транса и желаемых последствий внушенного феномена; и третий уровень паттернов, который иллюстрирует упорядочение прошлого опыта (четырёхкортежностей) и манипулирование им, а также включение и использование текущего опыта клиента, с тем чтобы создать референтную структуру, которая поможет клиенту в освоении новых возможностей.

Предупреждение читателю

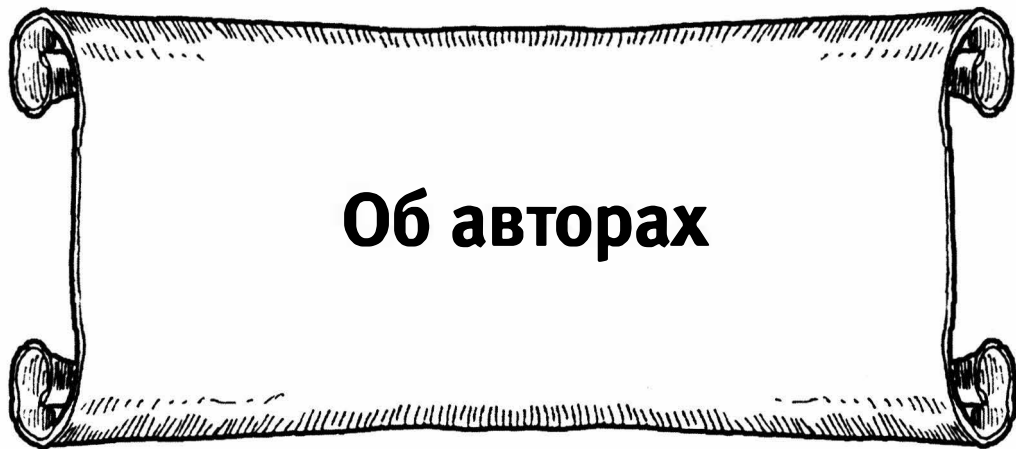
Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) является значимым шагом в развитии человеческого потенциала. Оно предоставляет в распоряжение квалифицированного и уравновешенного практика возможности повышать качество жизни, которые прежде приписывались судьбе, вероятности, генетике, случайности и божественному влиянию. Важно объяснить хотя бы частично, что я понимаю под фразой — *квалифицированный и уравновешенный*.

Вопрос *квалификации* связан с требованием, соблюдаемым при овладении любым вызывающим интерес набором человеческих навыков, предназначенным для практического использования, — с личной дисциплинированностью будущего практика НЛП при упорядочении собственного контекста в целях исследования и изучения совокупности паттернов, называемых НЛП, и, в конечном счете, овладения ею. Успех в выполнении этой задачи выдает способного ученика, а результат — специалиста.

Вопрос *уравновешенности* связан с двумя требованиями. Во-первых, со способностью ученика интегрировать набор навыков (которым владеет специалист) во все области своей жизни, как личной, так и профессиональной. Во-вторых, как только эта интеграция специального набора навыков произошла, индивид сталкивается с огромной ответственностью, выражающейся в проявлении определенной мудрости при реализации этих возможностей. В этот самый момент бабочка прорывает оболочку кокона, и специалист превращается в мастера.

Все вышесказанное является скорее окольным способом предостережения будущего практика НЛП. Создается впечатление, что в настоящее время мир переполнен людьми, предлагающими обучение НЛП. Именно с выбора наставника вы, читатель, и можете начать реализацию одной из важнейших способностей, связанных с мастерской практикой НЛП, а именно способности оценить адекватность учителя. Если ваша интуиция предостерегает вас против кого-то, если вы видите несоответствие между словами этого человека и его реальным поведением и результатами, продолжайте поиск подходящего примера для подражания.

Джон Гриндер

Об авторах

Джон Гриндер — американский автор, лингвист, соавтор нейролингвистического программирования (НЛП).

Ричард Бэндлер — американский автор, психолог-консультант, соавтор нейролингвистического программирования (НЛП).

Джудит Делозье — американский психолог, консультант, популяризатор науки, одна из создателей нейролингвистического программирования (НЛП).

Эриксон Милтон Хиланд (1901–1980) — один из самых популярных американских психотерапевтов XX века, основатель и президент Американского общества клинического гипноза (American society of clinical hypnosis), основатель и редактор журнала American Journal of Clinical Hypnosis.

12+

Издание для дополнительного образования

**Джон Гриндер, Ричард Бэндлер,
Джудит Делозье, Милтон Эриксон**

ПОЛНЫЙ КУРС ГИПНОЗА
Паттерны гипнотических техник Милтона Эриксона

ПОЛНЫЙ КУРС ГИПНОЗА

ПСИХОЛОГИЯ.
ВЫСШИЙ КУРС

Паттерны гипнотических техник
МИЛТОНА ЭРИКСОНА

ЛУЧШЕЕ В МИРЕ РУКОВОДСТВО ПО ГИПНОЗУ

Данная книга представляет собой неповторимый продукт сотрудничества настоящих магов психотерапии и гипноза, основоположников нейролингвистического программирования — Джона Гриндера, Ричарда Бэндлера и Джудит Делозье.

Книга Ричарда Бэндлера и Джона Гриндера является гораздо лучшим объяснением того, как я работаю, чем я сам мог бы дать.

Милтон Х. Эриксон

Авторы книги – это коллективный Леонардо нашего тысячелетия!

Они создали технологию и методы, которые помогают людям обрести совершенство.

**Терри Суонсон,
продюсер, Калифорния**

Эта книга больше, чем любая другая, помогла мне понять, как работает наш мозг и наше мышление для совершения изменений.

**Дэвид Уоллес Флеминг,
преподаватель, Мичиган**